Изборник Святослава

1073 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Изборник Святослава 1073 г.

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

Ответственный редактор

Б. А. РЫБАКОВ

И $\frac{70101-360}{042(02)-76}$ БЗ-79-75

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Изборник Святослава 1073 г. — это вторая по древности датированная славянская (и древнерусская) рукописная книга (после Остромирова евангелия, написанного для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 гг.).

Изборник 1073 г. — высокохудожественный памятник книжного искусства Древней Руси, созданный в киевской книжной мастерской для князя Святослава Ярославича Черниговского, бывшего в 1073—1076 гг. великим князем Киевским.

Оригиналом для Изборника 1073 г. явился близкий по составу сборник, переведенный с греческого для болгарского царя Симеона примерно 150-ю годами ранее.

Сборник Симеона до нас не дошел. Не сохранились и его славянские списки, написанные ранее 1073 г. Принадлежность славянского протографа Болгарии времени Симеона выявляется на основании похвалы Симеону в русском списке, переписанном на северо-востоке Руси — в Кирилло-Белозерском монастыре — в 1445 г. Тем большее значение для истории этого памятника имеют сохранившиеся восточнославянские и южнославянские его списки и, прежде всего, список Изборника 1073 г.

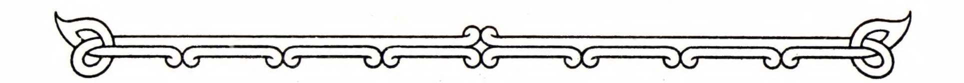
Изборник Святослава 1073 г. и близкие к нему по времени списки послужили протографами или источниками для многих позднейших списков памятника и сходных с ним по тематике сборников, появившихся в разных частях Руси.

Популярность памятника объясняется его энциклопедическим характером. Тематика статей Изборника охватывает широкий круг вопросов. В нем есть статьи по астрономии и философии природы, математике и физике, зоологии и ботанике, грамматике и поэтике, истории, этике и христианскому богословию; в нем даны разъяснения относительно отдельных положений Ветхого и Нового заветов, приводятся характерные для раннего средневековья богословские толкования к разным случаям из повседневной жизни и т. п.

900-летний юбилей Изборника 1073 г. был отмечен научной общественностью Москвы и Ленинграда. В декабре 1973 г. Секция культуры Древней Руси Научного совета по истории мировой культуры АН СССР под председательством акад. Б. А. Рыбакова посвятила Изборнику 1073 г. специальное заседание с докладом Л. П. Жуковской.

31 октября—1 ноября 1974 г. Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, Институт литературы Болгарской АН и Научный совет по истории мировой культуры АН СССР провели под председательством акад. Д. С. Лихачева в Ленинграде конференцию, посвященную Изборнику 1073 г. В ней приняли участие советские и болгарские исследователи. Многие участники конференции являются авторами статей настоящего сборника, посвященного важнейшим проблемам изучения Изборника 1073 г. и других списков этого памятника. В их статьях рассматриваются общие вопросы, связанные с исследованием и подготовкой издания (Л. П. Жуковская, О. И. Подобедова, Н. Н. Розов), изучаются списки Изборника (К. М. Куев, Л. П. Грязина и Н. А. Щербачева), язык перевода и самой рукописи 1073 г. (Н. А. Мещерский, Е. Э. Гранстрем и Л. С. Ковтун, В. В. Колесов, Е. М. Верещагин, Л. П. Жуковская), числовые обозначения в Изборнике 1073 г. (Р. А. Симонов), миниатюры и архитектурные фронтисписы рукописи 1073 г. (В. Б. Гиршберг, В. Д. Лихачева). В нескольких статьях рассматриваются условия появления Изборника на Руси (Б. А. Рыбаков, М. В. Щепкина, Б. В. Сапунов) и в Болгарии (Б. С. Ангелов, акад. Д. С. Ангелов, Э. И. Георгиев, акад. П. Н. Динеков). Часть статей посвящена истории отдельных глав Изборника — произведениям византийской литературы в славянских переводах (Ю. Д. Аксентон, В. Г. Брюсова, Г. К. Вагнер, М. Ф. Мурьянов, Е. К. Пиотровская, Я. Н. Щапов).

Статьи сборника тем не менее не охватывают все возможные аспекты исследований, включающие проблемы истории древнерусской и древнеславянской культуры и истории болгарско-древнерусских связей на основе изучения одного памятника в плане палеографическом, историческом, литературоведческом, лингвистическом, искусствоведческом и историко-культурном.



ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКА

Л. П. Жуковская

ИЗБОРНИК 1073 Г.

СУДЬБА КНИГИ, СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ

Изборник 1073 г. — вторая по древности точно датированная книга из числа сохранившихся до нашего времени. Его значение велико для понимания не только многих вопросов древнерусской, но также, по-видимому, и болгарской письменной культуры и искусства. Как справедливо отмечает Н. Н. Розов, Изборник 1073 г. можно считать «первой русской энциклопедией, охватывающей широчайший круг вопросов, причем не только богословских и церковно-канонических: в нем есть статьи по ботанике, зоологии, медицине, астрономии, грамматике и поэтике» [1].

В пределах Древней Руси и Московского государства Изборник неоднократно переписывался, благодаря чему исследование истории бытования списков этого памятника в нашей стране важно для изучения разных аспектов истории русской культуры, литературы и языка вплоть до XVIII в. Так, именно один из поздних списков позволил считать Изборник 1073 г. списком с перевода, сделанного для болгарского царя Симеона в начале X в.

Само открытие Изборника 1073 г. связано с очень важным периодом становления гуманитарных наук в первой четверти XIX в., оно было подготовлено развитием исследования русской истории, языка, древней письменной культуры. Огромный скачок вперед в этой области научных знаний именно в 10-е, 20-е годы XIX в. был связан с возрастанием патриотических настроений во время Отечественной войны 1812 г., а также с развитием интереса к культуре прошлого и успехами сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков во всех странах Европы в первой трети XIX в.

---

[1] *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его рукописная традиция. — Известия АН СССР, СЛЯ, т. XXVIII, 1969, вып. 1, стр. 78.

Византийский протограф. Относительно времени происхождения византийского протооригинала нашего Изборника определенные мнения высказывались еще в середине прошлого века.

Так, аналогичный греческий сборник, обнаруженный на Афоне, был известен А. Х. Востокову, который писал: «Греческий сборник Б-ки Коаленовой писан, по мнению Монфокона, около 912 года, в патриаршество Николая, до коего доведен список патриархов константинопольских, здесь, однако, непомещенный» [2]. Вместе с тем Востоков уточнял, что «словенский перевод сделан не с того списка X века, который из Афонской лавры св. Афанасия перешел в Коаленеву Б-ку» [3].

А. В. Горский и К. И. Невоструев высказались уже в положительном плане о греческом протографе, но характеризовали лишь время, раньше которого он не мог возникнуть на греческой почве: «По составу своему греческий подлинник должен принадлежать к IX столетию, потому что в него вошли Исповедание веры Михаила, синкелла Иерусалимского, л. 20 об., и Исповедание св. Никифора, патриарха Константинопольского, л. 35 об. Сочинение Георгия Хуровского, или Хировоска, л. 168, О образѣхъ также не может быть отнесено ранее IX столетия» [4].

Основной автор, представленный в Изборнике, — Анастасий Синаит (Б. Монфокон неверно назвал его Афанасием, что отметил Востоков — «Описание. . .», стр. 501). Анастасий Синаит, или Киновит, был антиохийским патриархом в 561—563 гг., затем был сослан в заточение императором Юстинианом. Там в течение 23-х лет Анастасий и писал свои сочинения.

О времени перевода Изборника на славянский язык позволяет судить лѣтописьць въкратъцѣ. отъ авъгоуста даже и до кωнстантина. и зωа. ц(с)* рь грьчьскыихъ. Этот заголовок помещен на л. 264а, а со стлб. 264б читаем первую статью (обозначена буквой а): а. авъгоустъ. иже и осмородьныи [так переведено слово Октавиан, или Октавий, лат. octo — восемь; отсюда осмородьныи]. лѣ(т). ns (=56). мѣ(с). д [=4] днь. а [=1] въ мг [=43] лѣ(т) его родисѧ хс бъ нашь въ лѣ(т) вьсего мира. ҂ефа. (т. е. указан 5501, а не 5508 год). Следующая статья с номером в [=2] сообщает сведения о преемнике Октавиана Августа его старшем брате Тиверии: в. Тивериосъ. лѣ(т). кв. [=22] м(с)ць. ѕ. [=6] днии. ѳі [=19] и так дальше с указанием числа лет, месяцев и дней правления римских и византийских императоров, их прозвищ (например, іоустинианосъ. великыи — ст. 55; іоустинианосъ. старыи —

---

[2] *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 505.

[3] Там же, стр. 500.

[4] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, [ч.] 2. М., 1869, стр. 368.

* В словах, написанных кириллицей, выносные буквы здесь и далее передаются в круглых скобках.

ст. 56; **леонъ. оуброусьнинъ** — ст. 65; **леонъ. моучитель** — ст. 71; о Константине Иконоборце читаем: **кѡнстантиносъ. х͡ооборьць. и образоломитель** — ст. 72; **леонъ арменинъ** — ст. 80, но номер ее не сохранился) и иногда обстоятельств смерти (например, ст. 58. **маврикиосъ... оубиенъ бы(с) ѿ фокы. и съ женоѭ. и съ чады своими**; ст. 59. **фока зълочьстивыи... съжьженъ бы(с) на хълмѣ**; ст. 62 **кѡнстантинъ прадѣдъ его ... оубиенъ бы(с) въ домоу въ бани**) и т. д. В некоторых статьях указаны важнейшие события, происходившие во время правления какого-либо императора, например, в ст. 21 читаем: **севиросъ... иподроумие византиа съвьрши.** 264в, т. е. что при римском императоре Александре Севере (222—235) в Византии был построен ипподром; интересно здесь и само наименование Византия.

Но для нас сейчас важнее византийские императоры, указанные в Изборнике последними, так как это может пролить некоторый свет на происхождение самой рукописи — Изборника 1073 г.

Последняя статья за номером **п͞и** (88) гласит: **кѡнстантинъ. и зѡи. лѣ(т)** — далее сведения обрываются. Следовательно, Изборник восходит к архетипу славянскому или греческому, который был написан в царствование Константина и Зои. Кто же они?

Исследователи Изборника в прошлом веке определяли их по-разному. Наиболее важными деятелями были те, о которых А. Х. Востоков писал: «Годы царствования Константина и Зои не выставлены, следовательно, краткий летописец сей составлен при жизни их, между 1042 и 1050 годом. Императрица Зоя скончалась в 1050-м году, начав царствовать с 1042-го, Константин Мономах пережил ее только тремя годами» [5]. Таким образом, под Константином и Зоей Изборника Востоков подразумевал дочь Константина VIII Македонского и ее третьего мужа — Константина IX Мономаха, за которого она вышла замуж в возрасте 64-х лет. Эта императрица в истории Византии известна больше других, носивших имя Зоя. Но если Востоков прав, то время окончания протографа нашего Изборника следовало бы относить уже к периоду Ярослава Мудрого. Видимо, это побудило А. В. Горского и К. И. Невоструева пересмотреть вопрос о Зое и Константине: «Под именем Зои здесь разумеется мать Константина Порфирородного, которой правление продолжалось до 920 г.» [6]. Эта Зоя — Зоя Карбонопсида, вдова Льва VI, была регентшей при своем малолетнем сыне (Константин VII Багрянородный родился в 905 г.) с 914 по 920 г., т. е. до времени, когда на политическую арену вышел тесть Константина VII и заключил Зою в монастырь.

Принадлежность имен Константин и Зоя Константину Багрянородному и его матери проверяется и сведениями об императорах,

---

[5] *А. Х. Востоков.* Указ. соч., стр. 505.

[6] [*А. В. Горский, К. И. Невоструев.*] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. М., 1859, стр. 391.

чьи имена стоят в статьях Изборника 1073 г. непосредственно перед Зоей и Константином.

В предыдущей 87-й статье указан алеѯандръ единъ. лѣ(т) а. днии. ке. (т. е. 1 год и 25 дней). Выше, в 86-й статье порча текста. Видимо, пропущены буквы ѡ и н в слове леѡнъ: л- -нъ. алеѯандросъ. снъ василиевъ. лѣ(т) кѕ. м[с]ць. и. днии. гі. Здесь назван Лев VI, отец Константина Багрянородного и сын Василия I Македонского, о котором позднее его внук будет писать, что тот не жалел усилий, золота, серебра и шелковых одежд для привлечения Руси к христианству и миру с Византией. Лев VI (Мудрый) действительно правил 26 лет. Является ли простой опиской писца (перенесением имени из следующей строки) употребление рядом с именем Леонъ второго имени — Алеѯсандросъ, или же 26 лет он правил вместе со своим братом Александром, а после его смерти один год правил Алеѯандръ единъ, — неясно. Здесь свое слово скажут византинисты.

В статье 85 названы Василий и его сын Константин и указано число лет — 19 и дней — 26. Василий I Македонский действительно правил 19 лет: с 867 по 886 гг.

В статье 84 названы Михаил III, с чьим именем связана славянская миссия Константина и Мефодия, а также Варда. Михаил и Варда правили с 856 по 867 г., т. е. примерно 12 лет, что и указано в Изборнике 1073 г.: міхаилъ единъ коупьно с вардоѫ кесарьмь. лѣ(т). ів. (=12) и оубиена быста оба, 266а.

Таким образом, проверка статей Краткого летописца, помещенного в конце Изборника 1073 г., показывает, что Константин и Зоя, при которых он был составлен и время правления которых в нем не указано, это — Константин Багрянородный и его мать и регентша Зоя Карбонопсида.

Почерк Краткого летописца и неупорядоченное по сравнению с текстом Похвалы расположение его свидетельствует о том, что Летописец был вписан в Изборник 1073 г. уже после того, как он был завершен Похвалой киевскому князю Святославу или его предшественнику на киевском престоле — Изяславу. Это ставит под сомнение в настоящее время общепризнанную гипотезу С. П. Шевырева о принадлежности славянского протографа Изборника 1073 г. Симеону Болгарскому и дату перевода — 914—920 гг.

К вопросу о Симеоне. Согласно общепринятой точке зрения, Симеонов Сборник (не Изборник Святослава 1073 г.!) послужил оригиналом для другого сборника, о существовании которого мы узнаем по Кирилло-Белозерскому списку 1445 г. (К—1), найденному С. П. Шевыревым в 1847 г.[7] Эта рукопись в послесловии содержит имя Симеона: «великыи въ црьхъ сүмеѡнъ» в соответ-

---

[7] *С. П. Шевырев.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. . . в 1847 г. М., 1850, II, стр. 30—32.

ствии словам Изборника 1073 г.: великыи въ кнꙗзихъ кнꙗзь сто-славъ.

Из известных ныне списков ни один, кроме 1073 г. и 1445 г., не имеет Похвалы. Если бы имя Симеона было указано в единственном известном южнославянском списке (Хиландарском XIII в., см. Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина. — ЖМНП, 1896, апрель, стр. 47—63) или если бы были известны еще какие-нибудь русские списки с именем Симеона или Святослава, можно было бы с большей уверенностью говорить о том, какой именно Симеон указан в русском Кирилло-Белозерском списке 1445 г. В настоящее время список с именем Симеона уникален, а перекрытый именем Святослава затертый текст в Изборнике 1073 г. не читается (см. ниже).

С неменьшим основанием можно думать, что Симеон, указанный в списке Похвалы в Кирилло-Белозерском сборнике 1445 г. (см. ниже), это сын Ивана Калиты — великий князь Московский Симеон Гордый (1340—1353).

В поисках истины и только как гипотезу, нуждающуюся в проверке, укажем некоторые соображения в пользу имени Симеона Гордого. В самом деле: трудно допустить, чтобы на Руси в течение 500 лет помнили имя Симеона Болгарского. Титул «царь», которым сопровождается имя Симеон, в равной степени мог быть употреблен подобострастным писцом по отношению к тому и другому. На печати Симеона Гордого значилось: «Печать князя великого Семенова всея Руси» [8]. Таким образом, нет прямых данных о том, что он называл себя царем (считается, что этот титул применил к себе только Иван Грозный). Симеон Гордый был крупнейшим славянским государем в середине XIV в. Еще юношей он был женат на Августе—Анастасии (род. в 1318 г., женился в 1333), дочери великого князя литовского Гедимина. Это на длительное время обеспечило безопасность западных границ Московской Руси и владение Смоленским княжеством по договору с Гедимином. После смерти своего отца — Ивана Калиты — в 1341 г. Симеон получил в Орде ярлык, по которому «вси князи русскии под руце его даны». И он действительно был главой над русскими князьями и над новгородцами. Так, смоленский князь Федор Святославич терпеливо снес оскорбление, когда Симеон в 1346 г. отправил к нему его дочь Евпраксию, свою вторую жену, а сам в 1347 г. женился на Марии, дочери князя тверского Александра Михайловича. Как свидетельствуют летописи, новгородцам Симеон приказал: «аще хощут милости и мира от меня, да придуть пред мя посадники и тысяцкий боси, просят при всех князех на коленях» [9]. В своем завещании Симеон Гордый распоряжался: «Если кто-нибудь из бояр моих станет служить моей княгине и будет ведать волости,

---

[8] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен, кн. II. М., 1960, стр. 487.

[9] Там же, стр. 343, прим. 433.

то обязан отдавать княгине моей половину дохода» (там же, стр. 506). Велик был авторитет Симеона Гордого и на мировой арене: ему адресовал свои письма константинопольский император, когда речь шла о восточноевропейских делах [10].

Авторитет Симеона Гордого был велик и после смерти. Слова его завещания братьям: «Слушали бы вы во всем отца нашего владыки Алексея да старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам», — потом будут перефразироваться последующими князьями. (*В. О. Ключевский*. Сочинения, т. II. Курс русской истории, ч. 2. М., 1957, стр. 157—158). Высоко оценивается государственная деятельность и личные качества Симеона Гордого и современными учеными (см. примечания В. А. Александрова и А. А. Зимина к книге: *В. О. Ключевский*. Указ. соч., стр. 400).

Единомышленником Симеона Гордого был, видимо, и митрополит Алексий, который начал большую работу по исправлению церковных книг еще до митрополита Киприана, с именем которого обычно связывают эту деятельность. Подробно на этом мы не останавливаемся, так как это тема особой работы. Здесь важно лишь указать на эти факты.

Симеон Гордый сам ценил хорошую книгу. Так, до нашего времени дошла написанная по его заказу, драгоценная по письму и языку, по художественным украшениям и миниатюрам книга — Апостол и Евангелие редкого среди славянских рукописей состава: это полный апракос, в котором на каждый день года чтения апостола и евангелия следуют друг за другом (тем самым апостол и евангелие чередуются). На серебряном переплете этой книги, выполненном в разной манере искусными мастерами, Симеон Гордый увековечил свое имя [11].

Изборник в Болгарии. Если в соответствии с гипотезой Шевырева считать, что Изборник был переведен для Симеона Болгарского, то можно думать, что византийский Изборник попал в Болгарию в 913 г., когда страной управлял дядя Константина Багрянородного Александр и Симеон Болгарский пошел войной на Византию. После смерти Александра за Симеоном признали титул василевса, а его дочь объявили невестой восьмилетнего Константина VII Багрянородного [12]. Но Зоя, став регентшей, отказалась от всех соглашений. Тогда Симеон перешел в решительное наступление и захватил огромные территории, вплоть до предместий Константинополя. В 917 г. на реке Ахелой Симеон наголову разбил византийское войско, хотя так и не сумел взять Константинополь. Имя Константина VII и Зои Карбонопсиды было хорошо известно в литературном кругу Симеона Болгарского.

Во время военных действий Симеон легко мог захватить греческую богатую пергаменную книгу и организовать перевод ее

---

[10] *С. М. Соловьев*. Указ. соч., стр. 566.

[11] Рукопись хранится в ГБЛ, ранее находилась в ризнице Троицко-Сергиева монастыря; ГБЛ, ф. 304, III, № 1 (М. 8653).

[12] История Византии, т. 2. М., 1967, стр. 199.

на славянский язык. Дорогóй византийский сборник мог попасть в руки Симеона как в 913 г., когда тот надеялся стать тестем византийского императора, так и в период вынужденного для греков сватовства, когда греческий оригинал для будущего Симеонова Изборника мог быть добровольно передан византийцами Симеону или будущей невесте Константина. Эти соображения позволяют с большой долей уверенности датировать перевод Изборника Симеона с греческого на болгарский 913—919 гг. Летописец вкратце, помещенный в конце книги, написан не ранее 914 г., когда Зоя стала регентшей.

Изборник Симеона, находясь в Болгарии, видимо, не был переписан для кого-либо другого. Ни в Болгарии, ни в других странах, кроме Руси, не найдено списков Изборника. Вся дальнейшая судьба книги связана с Русью.

Изборник на Руси. Когда сборник Симеона попал на Русь и при каких обстоятельствах? Этот вопрос также может обсуждаться только гипотетически.

Изборник Симеона мог попасть на Русь, видимо, одним из трех путей: 1) Изборник был захвачен или куплен древнерусами во времена завоевательных походов в Болгарию, сменявшихся иногда годами сотрудничества с Болгарией в периоды объединения славянских сил против Византии; 2) он мог быть получен через византийцев, захвативших ценную болгарскую книгу (пергаменная книга представляла большую ценность в те времена не только своим текстом, но и материалом, так как текст можно было смыть, а пергамен использовать повторно), а затем подаривших или продавших ее на Русь во времена мирных торговых контактов и династических связей между византийскими императорами и древнерусскими князьями; 3) передан (подарен, продан) самими болгарами, бежавшими на Русь от захвативших их страну византийцев. Рассмотрим эти предположения подробнее.

Так, это могло быть в период инспирированного византийским императором Никифором II Фокой (963—969) похода киевского князя Святослава на Болгарию в 968 г. Святослав к тому времени победил вятичей, разгромил волжских болгар и хазар, взял крепость Саркел, подчинил ясов и касогов и окружил византийские колонии в Крыму с севера и востока. В страхе перед Русью Никифор сумел столкнуть Болгарию и Русь. Воспользовавшись этим, он отказался платить дань Болгарии и начал византино-болгарскую войну (965—967). Святослав за этот поход занял 80 городов и намеревался даже перенести свою столицу в Переяславец на Дунае.

Святослав мог получить сборник Симеона во время второго похода, когда он воевал не столько с Болгарией, сколько с Византией и, заняв в 969 г. Восточную Болгарию, направился к столице Византии и дошел до Аркадиополя [13].

---

[13] Там же, стр. 232—234.

Опираясь на факты и соображения, приведенные в работах П. Мутафчиева, М. Н. Тихомирова, П. О. Карышевского и других болгарских и советских историков, М. В. Левченко заключил, что «отношения между русскими и болгарами далеко не походили на отношения между кровожадными завоевателями и стонущими под их игом рабами. . . В войне Святослава против Византии болгары были не врагами, а союзниками Святослава, боровшимися вместе с ним против византийцев. Чтобы добиться союза с болгарами, русский князь должен был пойти им на уступки, имевшие для него значение» [14]. Несмотря на то, что Святослав в 971 г. скрепил мирный договор с византийцами клятвой Перуну и Велесу, а не христианскому богу, т. е. был язычником, он или его воины, среди которых были и христиане, могли привезти с собой на Русь в качестве трофеев или подарков славянские богослужебные книги и, тем более, сборник энциклопедического характера, каким был сборник Симеона.

Если представить, что сборник Симеона попал к нам через византийцев, то это могло быть во время успешных походов Игоря на Византию (941—944 гг., мирный договор в 944 г.), во время путешествия княгини Ольги в Константинополь в 957 г., когда она вернулась с разнообразными дарами. Но более вероятно при этой гипотезе, что Симеонов сборник попал на Русь не без помощи Василия II Болгаробойцы, когда на Руси было официально принято христианство и состоялся брак киевского князя Владимира I Святославича с Анной, сестрой Василия II и Константина VIII. Династические связи византийских императоров с древнерусскими князьями осуществлялись и позднее. Так, к 1046—1052 гг. относится брак Всеволода Ярославича и византийской царевны, которая тоже могла принести Изборник в качестве своего приданого.

В самой же Византии сборник Симеона мог очутиться как в 971 г. при вторжении Иоанна Цимисхия в Болгарию и падении Восточно-Болгарского царства в 972 г., так и позднее, примерно в 1018 г., когда под ударами византийцев пало и Западное болгарское царство (в Западную Болгарию книга могла попасть тогда, когда пало Восточно-Болгарское царство и болгарская интеллигенция и материально обеспеченные люди бежали или на Русь или в Западную Болгарию.)

Но наиболее вероятным нам представляется предположение, согласно которому сборник Симеона пришел на Русь вместе с теми болгарами, которые в 1001—1014 гг. бежали из Болгарии на Русь от завоевывавшего в эти годы их страну Василия II, прозванного за свою жестокость Болгаробойцей.

---

[14] *М. В. Левченко.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, стр. 27.

Попав на Русь, Изборник Симеона был вскоре переписан два или более раз. Самая древняя сохранившаяся копия его — Изборник 1073 г.

Если признать, что список 1445 г. (ГПБ, Кир.-Бел. 5/1082) воспроизводит Похвалу в более древнем виде, чем Изборник 1073 г., то в последнем нельзя видеть древнерусский протограф для Кирилло-Белозерского 1445 г.: оба сборника могли развиваться лишь из параллельных списков X—XI вв., восходивших к Симеонову сборнику или сами восходили к нему непосредственно. Если же протограф Кирилло-Белозерского списка 1445 г. был написан в середине XIV в. для Симеона Гордого, то последний мог восходить к Изборнику Святослава 1073 г. Изборник 1073 г. неоднократно переписывался и перерабатывался на Руси. Об этом свидетельствуют сохранившиеся списки его, написанные на бумаге в XV и XVI вв.

Наиболее древний из них — Синодальный (ГИМ, Син. № 275), написанный в 1403 г. в Спасо-Андрониевском монастыре. Вместе со списком 1519 г. из собрания Барсова (ГИМ, Барс. № 380) он, как определил еще в 1884 г. Леонард Мазинг, наиболее близок Изборнику 1073 г. по составу статей. Современный исследователь Изборника со стороны его состава — Н. Н. Розов — выявил еще одну рукопись, особо близкую по составу Изборнику 1073 г. Это рукопись ГПБ, Кир.-Бел. № 75/1152, начала XVI в. Розов отмечает: «. . . один из самых полных и исправных списков Изборника, и в изучении рукописной традиции последнего ему принадлежит немаловажная роль»[15]. Это — второй Кирилло-Белозерский список (К—2), о первом Кирилло-Белозерском скажем несколько ниже. По мнению Н. Н. Розова, К—2 переписывали не в Кирилло-Белозерском монастыре, а в другом месте: на рукописи есть вкладная в Кириллов монастырь «Ефрема иконника».

Н. Н. Розов сообщает еще о Толстовском списке второй половины XV в. (ГПБ, Q I № 208). По его мнению, «это — очень хороший и полный список, но с утратой многих листов преимущественно в начале и конце первых тетрадей. Оглавление его — общее для обеих частей со сплошной нумерацией глав, что отличает его от списков, изученных Масингом, в которых индексы состоят из двух частей с различной нумерацией глав»[16].

На основании предварительных данных, почерпнутых нами в названной статье Н. Н. Розова, можно, видимо, выделять особую северо-западную или западную традицию Изборника. Таков Виленский список XVI в., описанный в 1882 г. Ф. Добрянским, и рукопись того же времени из Библиотеки Перемышльской епископии, находящаяся ныне в Национальной библиотеке

---

[15] *Н. Н. Розов.* Указ. соч., стр. 77.
[16] Там же, стр. 76.

в Варшаве (микрофильм ее в ГПБ: Мф — $\frac{Р}{1389}$)[17]. Как сообщает Розов, состав обоих списков совпадает с Изборником 1073 г. до 18-й главы, «но после этого резко отличается: в дальнейшем переписаны лишь статьи, оформленные как вопросы с ответами» [18], и их вчетверо меньше, чем в Изборнике и других списках.

Трансформацию Изборника 1073 г. представляет Сборник конца XV в. Новгородской Софийской библиотеки (ГПБ, Соф. № 1285). Н. Н. Розов находит в нем ряд статей из Изборника 1073 г., в их числе статью о седьмом Вселенском соборе, отсутствующую в других списках и отмеченную лишь в оглавлении первого Кирилло-Белозерского списка 1445 г. (К—1). Связи Новгородского сборника XV в. с Изборником 1073 г. не заметил А. И. Клибанов, что отметил полемизирующий с ним Н. Н. Розов[19].

В связи с юбилеем Изборника 1073 г. были выявлены еще многие списки памятника [20].

Однако и уже известные списки ясно показывают, что в средневековье этот памятник был распространен по всей территории Руси. Так, хотя выявленные списки еще не изучены со стороны языка (диалекта) их последнего писца, уже и названные главные списки свидетельствуют, что списки Изборника, древнейший сохранившийся из которых принадлежал Киевскому великому князю Святославу, в последующие века были известны в Новгороде, Москве (Андрониковский список 1403 г.), на северо-востоке Руси (Кирилло-Белозерский 1445 г.), в Твери (список ГБЛ, ф. 113, собр. Иосифо-Волоколамское, № 138/496), в западных областях Руси.

В 1817 г. Изборник 1073 г. оказался в Ново-Иерусалимском монастыре, основанном патриархом Никоном в 1655 г. Как известно, Никон очень заботился о том, чтобы в основанных им монастырях были хорошие библиотеки. С 1654 по 1662 г. из разных монастырей Восточного Средиземноморья по его инициативе было получено 498 рукописей. Среди них были произведения античных авторов (Гомер, Гесиод, Эсхил, Плутарх, Фукидид, Демосфен), византийские хроники, грамматики и другие сочинения. До этого он вывез из Новгорода, где он был митрополитом с 1648 по 1652 г. (т. е. до избрания в патриархи), множество древнерусских книг. Еще в Новгородском Хутынском монастыре Никон организовал типографию. В годы патриаршества (1652—1658) Никон перевел типографию из Оршанского Кутеинского

---

17 *Ф. Добрянский.* Описание рукописей Виленской Публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, № 20.

18 *Н. Н. Розов.* Указ. соч., стр. 77.

19 Там же, стр. 76, 77.

20 См. публикуемые в настоящей книге статьи К. Куева, Л. П. Грязиной и Н. А. Щербачевой.

монастыря в Иверский (близ Валдая). В Москве он собирал самые разнообразные по содержанию, а не только богослужебные, книги из разных монастырей. Все эти обстоятельства не дают возможности решить, где именно находился Изборник 1073 г. до того как попал в Ново-Иерусалимский монастырь. Возможно, что в эту библиотеку Никон привез Изборник 1073 г. в июле 1658 г., когда он так непредусмотрительно сам сложил с себя патриаршую власть. Таким образом, история Изборника после почти 600-летнего периода неизвестности несколько проясняется: последние 160 лет до открытия его учеными Изборник 1073 г. был в Ново-Иерусалимской библиотеке.

Открытие Изборника 1073 г. и дальнейшая судьба его. В первой четверти XIX в. в России развернулась деятельность лиц, группировавшихся вокруг мецената, знатока и ценителя древностей — графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826; впоследствии именно его богатейшее собрание рукописей составило основу Румянцевского музея — ныне Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина).

Румянцев материально поддерживал крупнейших русских ученых своего времени, занимавшихся изучением русской истории, истории языка, палеографии и другими областями знаний, связанными с сферой историко-филологических разысканий. Это были люди старшего поколения — историк, палеограф, писатель Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) и Евфимий Алексеевич (с принятия монашества в 1799 г. — Евгений) Болховитинов (1767—1837), более известный как митрополит Евгений. Опубликовав древнейшую из числа сохранившихся пергаменную грамоту сына Владимира Мономаха Мстислава новгородскому Юрьеву монастырю, 1130 г. (между 1128 г. — смерть игумена Кириака и 1132 г. — смерть Мстислава), и свои ценнейшие примечания к ней, Евгений Болховитинов тем самым создал первый в России свод палеографических наблюдений, позволявший датировать древнерусские рукописи. Здесь же необходимо вспомнить Александра Ивановича Ермолаева (1780—1828), который всегда много и бескорыстно помогал Карамзину, митрополиту Евгению, А. Н. Оленину и многим ученым и любителям старины и который, по мнению А. Х. Востокова, «всех способнее был бы издать Палеографию русскую», если бы не необходимость служить в разных учреждениях и при А. Н. Оленине, ставшем с 1817 г. президентом Академии художеств.

К числу ученых-патриотов, получавших материальную поддержку Н. П. Румянцева для своих исследований и публикаций, принадлежала и талантливая молодежь. Это прежде всего рано умерший Константин Федорович Калайдович (1792—1832) — выдающийся палеограф-языковед своего времени, историк древней славянской письменности, начавший сначала работать в Московском университете, но затем перешедшей в Московский архив Коллегии иностранных дел.

Именно он нашел Изборник 1073 г. Его брат Иван (1796—1853) был лингвистом-грамматистом, Константин же был человеком очень широкого круга интересов. Его исследование «Иоанн, экзарх Болгарский» (1824) является одним из краеугольных камней в истории литературного языка и истории древнейшей славянской письменности; ему принадлежат ценные соображения относительно древности «Слова о полку Игореве», сделанные на основании изучения его языка; он издавал памятники XII в., памятники Ивана III и Ивана Грозного; ему принадлежит повторное и вполне удовлетворительное издание «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (1818), и ряд других исторических, этнографических и фольклорных материалов.

Ровесником Калайдовича, но намного пережившим его, был в румянцевском кружке будущий академик, этнограф, статистик, географ Петр Иванович Кеппен (1793—1864). В 20-е годы он занимался приведением в известность славянорусских памятников письменности, находившихся в России и за ее рубежами. Особо назовем «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии» (М., 1822). Кеппен явился инициатором создания первого специального шрифта для славистических изданий. В 1827 г. он напечатал им отрывки из Остромирова евангелия 1056—1057 гг. Этот шрифт воспроизводил основные черты почерка XI в. — устава — и не напоминал принятый в церковных изданиях церковнославянский шрифт. Впоследствии шрифт Кеппена был использован А. Х. Востоковым при создании шрифта для печатания Остромирова евангелия в 1843 г., а затем в несколько переработанном виде послужил для кириллического шрифта, применяемого и в наше время в научных изданиях древнерусских и южнославянских памятников и цитат из них.

К кружку Румянцева принадлежал также Александр Христофорович Востоков (1781—1864), в молодости поэт, переводчик и стиховед, а затем — историк языка, основоположник сравнительно-исторического изучения славянских языков, создатель первой грамматики старославянского языка (1820), автор «Описания русских и словенских рукописей Румянцовского музеума» (1842), ставшего классическим образцом для определения и археографического описания древних рукописей.

Для нашей темы важно назвать также Павла Михайловича Строева (1796—1876). Уже в 1817 г. по поручению Румянцева он вместе с Калайдовичем обследовал и описывал рукописи некоторых старинных монастырей Московской губернии. Именно во время этой поездки Калайдович в Воскресенске под Москвой (нынешняя Истра) в Ново-Иерусалимском монастыре нашел Изборник 1073 г. После смерти Румянцева Строев с 1828 г. надолго станет начальником специальной Археографической экспедиции Академии наук, организованной по его инициативе для выявления,

разбора и описания всех монастырских, церковных и прочих собраний древних рукописей. Археографическая экспедиция за 1829—1834 гг. обследовала свыше двухсот библиотек и архивов в 14 губерниях к северу от Москвы, описала многие собрания, собрала до 3000 разнообразных исторических и юридических актов. Для издания их в 1834 г. при участии Строева была создана Археографическая комиссия.

Об обстоятельствах открытия Изборника 1073 г. Е. В. Барсов писал: «Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев в 1817 году снарядил за свой счет археографическую экспедицию, в лице тогдашних молодых ученых Строева и Калайдовича, для приведения в известность и описания всех рукописных памятников, еще не успевших исчезнуть, в окрестные московские монастыри: в Ново-Иерусалимский, Волоколамский и Саввин-Сторожевский» [21]. «Из Москвы отправились 9 числа сего июня и рано утром следующего дня прибыли в Воскресенский монастырь» [22]. О важнейшей найденной рукописи К. Ф. Калайдович писал 25 июня 1817 г. Н. П. Румянцеву следующее: «На дороге мы посетили Новый Иерусалим, знаменитый по славе своего основателя и великолепному зданию, но ничего нам не обещавший касательно древних открытий, ибо рукописи оного, собранные патриархом Никоном, уже давно перенесены были в Синодальную и Типографскую библиотеки. При разборе небольшого числа оставшихся рукописей, в коих нашлось еще несколько достойных уважения, обретен мною Сборник, извлеченный из разных духовных книг и написанный в 1073 году, повелением великого князя Святослава Ярославича, дьяконом Иоанном. Язык сего сочинения, достопамятные рисунки, несколько слов о библиотеке княжеской и почерк рукописи должны привлечь внимание любителя отечественных древностей; посему я решился написать вашему сиятельству письмо сие с приложением описания драгоценной находки» [23].

Значение этого открытия понимали и Калайдович, и Строев, и Румянцев, и другие деятели его кружка: ведь до того были известны лишь две древнейшие датированные рукописные книги, написанные на Руси, — Остромирово евангелие 1056 г. и Изборник 1076 г. Еще больше должны понимать это мы, так как следующее большое открытие состоялось только через 60 лет (это было привезенное из Архангельска С. Т. Большаковым Архангельское евангелие 1092 г.), а затем до 1951 г. — до открытия экспедицией А. В. Арциховского новгородских берестяных грамот — равнозначных открытий в области нашей древнейшей письменности не будет.

---

[21] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С греческим и латинским текстами. С предисловием Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. — ЧОИДР, 1882, октябрь—декабрь, кн. 4. М., 1883, стр. II.

[22] Там же, кн. 1, отд. I, стр. 42.

[23] Там же, стр. 45, 46.

Казалось бы, что дальше в истории этой книги все должно быть ясным. Но ей и тут не повезло: вскоре после открытия памятника из книги пропала ценнейшая древнерусская миниатюра — групповой портрет княжеской семьи, на котором изображены сам Святослав Ярославич, в прошлом князь черниговский (+1076), княгиня — оба крупным планом, взрослые дети: Глеб, князь Новгородский и Тмутараканский (+1078), Олег (Олег Гориславич «Слова о полку Игореве»), князь Черниговский (+1115), Давыд, князь Черниговский (+1123), Роман, князь Тмутараканский (+1079) и Ярослав, князь Муромский и Черниговский (+1129). Из них самый младший (Ярослав — ?) — еще ребенок, он стоит перед матерью, не доставая ей до пояса, но пропорции фигурки более соответствуют взрослому человеку, чем его крупноголовые родители и старшие братья. Из старших братьев третий (Давыд — ?) стоит непосредственно за княгиней, и мы его лица не видим, видим только шапку.

До 1834 г. Изборник 1073 г. оставался в Ново-Иерусалимском монастыре. Но похищение миниатюры, изображавшей семейство Святослава, дало повод президенту Академии художеств Алексею Николаевичу Оленину (1763—1843) через митрополита Филарета (Дроздова) потребовать от Синода, чтобы эта ценнейшая рукопись была доставлена в ризницу Московской Синодальной библиотеки, что и было сделано.

После Великой Октябрьской революции Изборник 1073 г. в составе рукописей Московской Синодальной библиотеки поступил в Государственный Исторический музей в Москве, где и хранится до сих пор.

История же миниатюры — первого русского группового портрета реально существовавших лиц — в общих чертах была такой. В конце 1834 г. лицо, оставшееся неизвестным, возвратило ее министру просвещения графу Уварову, тот передал миниатюру в Оружейную палату, в рукописи же ее заменила копия, созданная известным художником-древником Ф. Солнцевым по заказу А. Н. Оленина примерно в 1817 г. (в последнем описании рукописей ГИМа ошибочно сказано, что это произошло за 20 лет до 1834 г.). В настоящее время миниатюра хранится в ГИМе отдельно от рукописи, в рамке за стеклом. Копия Солнцева находится там же.

Несколько соображений к описанию Изборника 1073 г. Рукопись нуждается в полном археографическом и палеографическом описании. Так, до сих пор не обращалось должного внимания на нумерацию тетрадей и состав листов в них. Между тем, не только для установления содержания утраченных частей Изборника 1073 г., но и для понимания некоторых обстоятельств его написания важно установить изначальный состав его и особенно состав первой тетради.

Уже в 1819—1820 гг. художник Ратшин, которому Н. П. Румянцев и А. Ф. Малиновский поручили скопировать Изборник 1073 г. для последующего его издания, писал: «В I-й части не

достает, судя по смыслу материи и по величине тетрадей, в одном месте $1^1/_2$, а в другом 1-го листа; да во II-й части после оглавления не достает полулиста. . . В начале ж II-й части потеряна целая тетрадь, т. е. 4 листа или 8 полулистов» [24].

В последнем описании рукописи читаем: «Син. 31—д. Изборник Святослава 1073 г., лицевой, в 1° (33,5 × 25,5), русский устав в два столбца, лл. 266 (После л. 4 недостает лл., после л. 7 недостает двух лл., после л. 130 утрачена тетрадь, на л. 127 об. текст написан уставом XIII в., на лл. 4 и 129 текст прописан золотом по красной краске)» [25].

В рукописи сохранились следы двух приемов обозначения нумерации тетрадей. Писец первой нумерации букву-номер заключает сверху под титло, а под ней ставит особый значок, напоминающий букву «кси». Сохранились номера: л. 7 об. — а҃, 52 и 59 об. — и҃, 60 и 67 об. — ѳ҃, 68 и 75 об. — і҃, 76 и 83 об. — іа҃ (именно в такой последовательности десятков и единиц!), 84 — ів҃. На всех последующих листах буквы-номера заключены только под титлами и не имеют специфического подписного знака в форме «кси». Иногда — на лл. 100—108 — буквы-номера окружены крестообразным четырехточием; на лл. 92 и 99 об. четырехточие стоит под буквами; в некоторых случаях буквы-номера отграничены точками, стоящими по одной справа и слева. Эти номера таковы: л. 91 об. — ів҃, лл. 92 и 99 об. — гі҃ (так!), л. 100 — ід҃, л. 107 об. — ді҃, л. 108 — єі҃ (на лл. 115 об. и 116 в фототипическом воспроизведении рукописи ожидаемая здесь нумерация отсутствует), л. 123 об. ѕ҃, лл. 124—130 об. — із҃, л. 131 и 138 об. — ѳі҃, лл. 139 и 146 об. — к҃, л. 147 — ка҃ (лл. 155 об. и 156 номеров не имеют), л. 162 об. — кв҃, лл. 163 и 170 об. — кг҃, л. 171 — кд҃, л. 178 об. дк҃ (так!), лл. 179 и 186 об. — кє҃, лл. 187 и 194 об. — кѕ҃, лл. 195 и 202 об. — кз҃, лл. 203 и 210 об. — ки҃, лл. 211 и 218 об. — кѳ҃, л. 219 и л. 226 об. — л҃, лл. 227 и 234 об. — ла҃, лл. 235 и 242 об. — лв҃, л. 243 — лг҃ (на развороте лл. 250 об. — 251 на полях изображены знаки зодиака; буквы-номера тетрадей в копии не показаны), л. 258 об. — лд҃, л. 259 — лє҃ (на последнем листе — 266 — воспроизведены только три поздние записи, номер тетради в копии отсутствует).

Таким образом, рукопись первоначально имела 35 тетрадей по 8 листов, как это было принято в древности, и содержала, следовательно, 280 листов. В таком случае из нее утрачено 14 листов, место утраты которых и требуется определить.

Прежде всего, в цитировавшемся выше описании правильно определена утрата тетради между л. 130 об. (№ із҃, т. е. 17) и л. 131

[24] ЧОИДР, 1882, кн. 4, стр. V—VI.
[25] См. Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, стр. 138.

(№ ѳі, т. е. 19): 18-я тетрадь утрачена. Остается найти место утраты еще шести листов.

Одно из них должно находиться в первой тетради, так как ее конец обозначен буквой-цифрой а на л. 7 об. Это может быть в таком случае только между 4 и 5 лл. по современной нумерации, где имеется утрата текста (о составе 1-й тетради подробнее см. ниже).

Не хватает одного листа и в 17-й тетради, что не отмечено в последнем описании. Вероятно, это был лист между современным л. 127, на обороте которого вписан поздний текст (XIII в.) и миниатюрой на л. 128 или — вторая возможность — после миниатюры на л. 128 об. и второй частью сборника, начинающейся после большой заставки на л. 129. Вероятность этих предположений можно определить способом складывания листов тетрадей в рукописи. Писец, по-видимому, последовательно складывал «мясную» — белую — сторону пергамена с «мясной», а «шерстистую» с «шерстистой». Нарушение этой последовательности укажет место утраченного листа. Поскольку белыми являются лл. 128 об. и 129 об., можно думать, что утрачен лист после л. 128. В таком случае он должен был быть парным с л. 126. Окончательно решить это можно будет только после рассмотрения тетрадей самой рукописи, которая хранится в ГИМ как особая государственная ценность и недоступна для обозрения.

Следовательно, остается неясным место лишь одного утраченного листа.

Наибольший интерес в археографическом исследовании представляет выявление первоначального состава первой тетради. Сделать это по копии, которой мы располагаем, очень трудно, почти невозможно. Но все же попытаемся.

Твердо опираться можно только на помету номера первой тетради буквой а на обороте л. 7. Под этим а начертана кси-образная помета, как на лл. 52, 59 об., 60, 67 об., 68, 75 об., 76, 83 об., 84 и расположена эта буква так же, как другие буквы, обозначающие номера тетрадей с 8-й по 12-ю.

Итак, в своих размышлениях будем отталкиваться от л. 7 по нынешней нумерации. Он должен быть изначально л. 8, как это было нормальным в древности для тетрадей кватернионов, из которых составлен весь Изборник 1073 г. Следовательно, современные лл. 5 и 6 были сначала соответственно лл. 6 и 7. Далее обнаруживаем пропуск текста между современными лл. 4 и 5. В цитированном последнем описании говорится только, что после л. 4 «недостает листов». Число их не указывается. Но их позволяет определить, хотя и не без труда, издание, подготовленное О. М. Бодянским [26].

---

[26] ЧОИДР, 1882 г., кн. 4.

Бодянский восполнял места, отсутствующие в Изборнике 1073 г., по другим древнерусским спискам и даже иногда по греческому. Текст поделен на слова. Листы и столбцы рукописи, тем более строки, не размечены. Утраченный между лл. 4 и 5 текст восполнен по упомянутой выше рукописи 1403 г., написанной писцом Онфимом в Москве, в Спасо-Андрониковском монастыре при великом князе Василии Дмитриевиче и митрополите Киприане, и названной «Око церковное».

Обороту л. 4 Изборника 1073 г. соответствует 30 строк издания Бодянского, л. 5 — 60 строк издания, л. 6 — 65 строк издания. Таким образом, на лист Изборника приходится в среднем по 62 строки издания. В издании восполняющий пропуск между лл. 4 и 5 текст рукописи 1403 г. занимает 124 строки. Это позволяет утверждать, что между лл. 4 и 5 утрачены два листа, составлявшие ранее средний двойной лист первой тетради Изборника.

Утрата двух листов (а не трех и не одного) подтверждается и чередованием белых «мясных» сторон пергаменных листов 1-й тетради с «шерстистыми» сторонами тех же листов. Вероятнее всего, тетрадь была составлена таким образом, что при раскрытии ее в любом месте развороты составляли либо белые, либо шерстистые стороны листов пергамена. Этот порядок нам хорошо известен по древнерусским пергаменным рукописям последующих веков.

Следовательно, тетрадь должна была бы быть сложена так: шерстистая сторона л. 1, мясные — лл. 1 об. и 2, шерстистые — лл. 2 об. и 3, мясные — лл. 3 об. и 4, шерстистые — лл. 4 об. и 5 (это должна быть середина тетради; здесь могли бы быть видны нитки, сшивающие тетрадь, но листы 1-й тетради Изборника 1073 г. так крепко склеены при последующем хранении, что это проследить не удается), мясные — лл. 5 об. и 6, шерстистые — лл. 6 об. и 7, мясные — лл. 7 об. и 8, шерстистая — л. 8 об., после чего порядок сложения листов в новой тетради обычно повторяется. В рукописи имеем: л. 2 с изображением Спаса и окончанием Похвалы — желтый, шерстистый; л. 2 об. с текстом Похвалы — белый, л. 3 с изображением в арке трехапсидного храма с тремя куполами трех святителей и других святых и над миниатюрой павлинами с загнутыми вверх небольшими хвостами — видимо, белый; л. 3 об. — сходная по содержанию миниатюра, но с однонефным храмом и с павлинами над миниатюрой, имеющими очень большие спускающиеся вниз хвосты — видимо, желтый (полной уверенности в этом нет, так как указанные миниатюры написаны на очень сильно и с обеих сторон пробеленном листе); л. 4 — желтый; лл. 4 об. и 5 — белые; л. 5 об. — слишком грязный и, видимо, желтый; л. 6 — желтый; лл. 6 об. и 7 — белые, л. 7 об. с пометой а҃ — желтый. Исходя из того, что л. 7 об. — последний в тетради, изготовляем копию тетради с ука-

занным чередованием белых (мясных) и желтых (шерстистых) сторон пергамена и убеждаемся, что между лл. 4 об. и 5, где есть утрата текста, мог быть утрачен только один двойной лист, а не $1^1/_2$ двойных, как предполагал Ратшин.

Следовательно, современный л. 4, с которого собственно и начинается текст Изборника 1073 г., в действительности был л. 3 тетради. Ему должны были предшествовать два листа, а не три, как это считается (1-й лист с изображением семейства Святослава хранится, как мы указывали, отдельно в застекленной рамке).

Только после того, как когда-нибудь будет расшита 1-я тетрадь, удастся установить, какой из первых трех листов не составляет пары с современными лл. 6 и 7 и тем самым является лишним, вставленным позднее в готовую тетрадь по каким-то политическим или, что менее вероятно, художественным соображениям. Возможно, эту задачу удастся решить, установив однородность или, наоборот, неоднородность каких-либо из современных лл. 1, 2 и 3 с лл. 6 и 7. Пока же подумаем, какие бы здесь могли быть возможности.

На первый взгляд может показаться, что лишний лист — это лист с изображением семейства Святослава. Об этом, казалось бы, свидетельствуют следующие обстоятельства: 1) он давно уже существует отдельно, что могло быть связано с его чужеродностью среди двойных листов первой тетради, 2) он не заполнен полностью; другая сторона его не записана, 3) по мнению Шевырева, Святослав не был первоначальным заказчиком рукописи и, следовательно, на первом листе не мог быть изображен состав его семьи, к тому же еще и с правильно подписанными именами.

Но древнерусские пергаменные рукописи начинались с оборота первого листа: это мог быть текст и могла быть миниатюра. Так было в Остромировом евангелии, в котором оборот л. 1 занят миниатюрой с Иоанном, а лицевая сторона его оставлена незаполненной, текст же начинается с л. 2, на котором размещена и заставка. Примеры легко могут быть умножены.

На основании того, что семейство Святослава изображено на листе, оборотная сторона которого не заполнена, можно думать, что этот лист существовал в рукописи изначально или заменил собой нарочито изъятый, но с таким же способом его заполнения. На нем могло быть изображено, например, семейство Изяслава и даже Симеона. Из сказанного вытекает и частное определение: в фотолитографированном издании лист с миниатюрой изображен неверно: он должен быть перевернут так, чтобы написанный на нем арабской цифрой номер 1 обозначал л. 1 об.

Вставным может оказаться и л. 2. Святослав мог потребовать поместить Похвалу впереди рукописи, но поскольку места для Похвалы не было предусмотрено, пришлось вставить отдельный лист с Похвалой. Другая сторона его занята миниатюрой Вседержитель. Это соображение мотивируется тем, что имя Свято-

слава в тексте Похвалы на л. 2 написано не по соскобленному, как в конце рукописи (см. ниже).

Надо проверить, не перевернут ли этот лист поздними хранителями. Если есть следы того, что он был перевернут, то станет понятным размещение окончания Похвалы вверху над миниатюрой; сейчас же порядок расположения текста уникален: начало на оборотной стороне листа, а окончание его на лицевой. Да и расположение портрета семьи напротив текста Похвалы на развернутом листе представляется естественным.

Третье предположение: вставлен современный л. 3, на обеих сторонах которого находим миниатюры сходного содержания, которые повторяют аналогичные две миниатюры на лл. 128 и 128 об. Это предположение наименее вероятно, но оно тоже должно быть проверено.

Очень важно также иметь новое палеографическое описание Изборника, задача которого прежде всего установить число писцов рукописи и границы их работы. Здесь же отметим, что Изборник 1073 г. являет собой прекрасное мастерство его писца (или писцов?), свидетельствующее о высоком состоянии книгописного искусства и отработанной технологии изготовления книги на Руси уже во второй половине XI в.

Можно думать, что рукопись написана, по крайней мере, двумя писцами, граница работы которых проходит посередине первого столбца на л. 186: один написал первые 12 строк, другой — последующие 17 строк и, видимо, всю рукопись до конца, с небольшими исключениями (л. 127 об. и небольшие записи). Это мнение может быть уточнено в сторону выявления новых писцов. По фотолитографии они выявлены быть не могут, так как при литографировании детали начертания отдельных букв неизбежно огрублялись и сам литограф неизбежно вводил приобретенные им при копировании навыки в передаче букв одного писца на буквы другого писца. Следовательно, почерки могут быть различены лишь по оригиналу 1073 г. Обращает на себя внимание передача надстрочных и разделительных знаков обоими писцами.

Первый писец употребляет два варианта надстрочных знаков: типа псилы (тонкое придыхание, или наша запятая) и типа дасии (густое придыхание, или наша перевернутая запятая); второй писец знает только односторонний надстрочный знак — псилу, которую он пишет иногда в форме уголка.

У обоих писцов своеобразен знак, употребляемый в конце каждой статьи или заголовка. Первый писец дает сложную концовку: двоеточие, тильда, две (иногда одна) запятые и снова тильда, иногда растянутая. Второй писец употребляет четырехточие в форме креста.

Обе эти особенности почерков литограф передает относительно точно, так как начертания их отсутствуют в его собственной

письменной практике. Совпадают с этими особенностями и буквы-числа.

С этими особенностями почерка, не связанными с начертаниями букв (мы их называем экслиттеральными) [27], сочетаются отмеченные выше диакритические знаки под буквами-цифрами в форме несколько растянутого «кси».

С границей этих особенностей совпадают и некоторые границы графических, орфографических и языковых особенностей.

Из внешних особенностей книги обращает на себя внимание наличие двух одинаковых записей — Похвал Святославу.

На л. 2 об. текст в рамке написан тесно, не очень умелым почерком (впрочем, о последнем с основанием можно судить только по оригиналу, так как можно допустить, что литограф здесь, видимо, еще только начинал «набивать руку» в передаче уставного письма Изборника 1073 г.). На л. 263 об. Похвала занимает 4-й столбец и почти полностью 1-й столбец на л. 264. Здесь она написана свободно, каждая мысль отделена от другой тремя четырехточиями, каждая новая начинается с небольшого золотого инициала и новой строки.

Первая Похвала, написанная в рамке на л. 2 об. и из-за недостатка места перенесенная на лицевую сторону этого листа, является по времени написания второй, так как в ней имя Святослава написано не по стертому, тогда как на л. 263г оно написано по смытому. По мнению Шевырева, основанием для изменения княжеского имени было то, что в марте 1073 г. Изяслав бежал из Киева и 22 марта его место занял его брат Святослав, бывший в союзе с третьим братом — Всеволодом Ярославичем, князем Переяславским. Следовательно, запись на л. 2 была сделана после 22 марта. Возможно, что в связи с этим были заменены два первые полулиста рукописи; один из них при этом мог быть добавлен в тетрадь — первый с изображением семьи Святослава (если Шевырев был прав в определении адресатов Похвалы, то надо было бы ожидать изображение на первом листе семьи Изяслава, а не Святослава) или второй лист — с изображением Вседержителя и помещенной на его обороте в специальной рамке Похвалой. Выяснить, как соединен л. 2 с его второй половиной и есть ли она к этому листу, можно только при внимательном рассмотрении расшитой первой тетради самой рукописи.

Задачи изучения Изборника 1073 г. Совершенно необходимо изучение Изборника 1073 г. по всем направлениям, по которым изучается древняя рукопись. Несмотря на то, что рукопись известна ученым свыше 150 лет (напомню, что цитировавшаяся выше статья Н. Н. Розова была написана к 150-летию открытия памятника), она до сих пор не имеет удовлетворительного археографи-

---

[27] *Л. П. Жуковская.* Экслиттеральные способы определения разных почерков. — Древнерусское искусство. Рукописная книга, сб. 2. М., 1974, стр. 58—69.

ческого описания; полного палеографического исследования, имеющего одной из целей выявление частей работы разных писцов и особенностей их почерков и художественных приемов оформления книги. До сих пор нет глубокого текстологического исследования памятника со всеми относящимися к нему списками, как связанными с Изборником 1073 г., так и восходящими к его протографу, подобно Кирилло-Белозерскому списку 1445 г., и даже представляющими собой новую сокращенно-дополненную редакцию текста, подобно рукописи ГПБ, Соф. № 1285.

Рукопись требует внимания к ней искусствоведов. Искусствоведческое исследование всех ее «мелочей», а не только 10 художественно выполненных миниатюр, копии которых хранятся в ГБЛ при полной копии Изборника 1073 г., выполненной Ратшиным (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 356). Исследование искусствоведов важно не только для изучения древнерусской художественной культуры, но и для истории самой рукописной книги.

Для славистов важно квалифицированное мнение византинистов, прежде всего, это относится к внимательному прочтению помещенного в Изборнике Лѣтописца въкратцѣ, смогут ли при этом византинисты получить какую-либо пользу и для своей науки, судить не решаемся.

Наиболее важным, с моей точки зрения — лингвиста, — является изучение языка рукописи. Оно должно быть проведено как с позиций формирования древнерусского литературного языка, так и с позиций исторической грамматики и лексикологии. Несмотря на то, что над рукописью успешно работал А. А. Шахматов (правда, еще будучи гимназистом), несмотря на то, что о языке рукописи говорится чуть ли не в каждом пособии по древнерусскому языку, специалисты до сих пор не располагают ее удовлетворительным описанием.

В работе А. Розенфельда, опубликованной в 1899 г., можно найти какое-либо число примеров, но нельзя на основании его данных говорить о рукописи в целом и языке каждого из ее писцов. Розенфельд нигде не указывает, на каком материале проведено исследование: по подлинной рукописи или по литографированному изданию. Ясно лишь, что он работал не по изданию Бодянского или, во всяком случае, не только по нему, так как у Бодянского редко отмечены надстрочные знаки, у Розенфельда их явно больше и, главное, он располагает материалом, отсутствующим у Бодянского. У Розенфельда найдем достаточно смелые высказывания, не основанные на материале. Процитируем одно лишь: «Что касается надстрочных знаков, то здесь прежде всего обращают на себя внимание придыхания густое ʽ и легкое ʼ. Первое обыкновенно стоит над гласными и, о, оу, второе — над остальными гласными. Кроме того, второе преимущественно стоит над согласными, при пропусках глухих, чистых гласных и согласных. В начале слова, иногда в середине слова, над буквой р стоитʽ, по примеру греческого правописания. Но нередко

эти знаки смешиваются. Вообще об употреблении надстрочных знаков следует заметить, что они с большею последовательностью ставятся в начале рукописи; чем ближе к концу, тем они больше смешиваются (' '), или даже совсем пропускаются» [28].

Между тем оказывается даже при рассмотрении по литографии, что писцы употребляют надстрочные знаки по-разному. Об этом говорит бывший аспирант П. С. Кузнецова, ныне болгарский ученый И. И. Еленский: «Графика и орфография каждого писца отличается и своими индивидуальными чертами; первый писец различает spiritus lenis, которым обозначает мягкость согласных и пропуск ъ, ь, а также в начале слова и после гласных над буквами а и е, и spiritus asper, который он ставит над и, о, оу, ѫ, в начале слова, а второй употребляет только spiritus lenis» [29].

Во многих случаях у читателя статьи Розенфельда нет уверенности, что им изучены все части рукописи. Это особенно досадно, когда по приведенным примерам складывается впечатление, что такое-то явление свойственно только первому писцу (например, стяженные формы прилагательных), а такое-то только второму (например, старославянские написания редуцированных с плавными между согласными только у второго, русские — только у первого писца).

В ряде случаев ясно, что приводится не весь полностью очень важный материал. Например, оба писца употребляют букву ꙓ («ять йотированное»); Розенфельд оговаривает, что их 45, но приводит только 8 для первого писца и 34 для второго. Примеры легко можно умножить.

Таким образом, отсутствие исчерпывающих примеров или авторской однозначной характеристики однородного материала в ряде случаев препятствует квалификации того или иного явления как особенности оригинала, особенности того или иного писца или как-либо иначе.

Особый интерес для лингвистов представляет лексика Изборника. Пока лучший лексический материал находим в «Описании. . .» А. В. Горского и К. И. Невоструева [30]. Наличие двух одинаковых Похвал Симеону—Святославу на лл. 263—264 и на лл. 2 об.—2 позволяет утверждать, что писцы довольно свободно передавали лексику оригинала, а не только фонетические и грамматические особенности.

В настоящем сборнике публикуется специальное исследование Б. С. Ангелова о Похвале, ее списках, цитатах и реминисценциях из нее в более поздних произведениях [31].

---

[28] *А. Розенфельд.* Язык Святославова сборника 1073 г. — Русский филологический вестник, т. XLI, 1. Варшава, 1899, стр. 157—158.

[29] *И. И. Еленски.* Редуцированные гласные в Святославовом Изборнике 1073 года. АКД. М., МГУ, 1955, стр. 7.

[30] См. в наст. изд. *Л. П. Жуковская.* Лексика Изборника 1073 г. в «Описании рукописей Синодальной библиотеки», стр. 152—169.

[31] См. в наст. изд. Похвала царю Симеону, стр. 247—256.

Для истории русского языка и письменности интересны оба списка Похвалы в самом Изборнике и текст ее в Кирилло-Белозерском списке. Но поскольку предметом нашего рассмотрения является рукопись 1073 г. (хотя, как мы уже отмечали, собственно рукопись изучена нами явно недостаточно, и потому многие заключения в настоящей статье основаны на материале литографированного издания), сопоставим лишь первый по времени написания текст на лл. 263г—264а и второй — на лл. 2 об.—2 (в названной статье Б. С. Ангелова они приведены не в хронологической последовательности, а в соответствии с расположением их в самом Изборнике 1073 г.). Первым примером у нас дается написание с лл. 263г—264а, рядом указываем номер стихов в соответствии с указанием их в статье Б. С. Ангелова (см. ниже, стр. 247—256).

Прежде всего отклоняем явные описки, которые есть и в том и в другом варианте Похвалы. Главная из них, исправленная, но не так, как следовало бы: **на връзоумии(ни)ѥ** 16 — **на вързоумѣние**. В результате этой описки может сложиться неверное, с нашей точки зрения, представление о якобы имеющейся мене **ѣ — и**. Описка появилась в результате пропуска слога, а может быть как свидетельство существования в сознании писца слова **вързоумиѥ**. Менее интересен пропуск конечного слога на л. 2: **желаниѥ|мь** 18 — желание и не совсем ясное написание **непрѣбр?-домыи** 27 — **непрѣбрьдомыи**.

Сопоставление текстов обнаруживает явное желание писца на л. 2 вместить весь текст в заранее приготовленную рамку. С этой целью он выбирал из двух графических вариантов букв тот, который занимает меньше места («узкий»). Так, он предпочитает нейотированные буквы. Вместо **ѥ** пишет **е**: **въжделаниѥмь** 2 — **въжделаниемь**, **въ ѥдинъ** 12 — **въ единъ**, **вельмысльноѥ** 13 — **вельмысльное**, **своѥ** 13 — **свое**, **проливаѥть** 14 — **проливаеть**, **на вързоумии(ни)ѥ** 16 — **на вързоумѣние**, **желаниѥмь** 18 — **желание**. Вместо **ѩ** употребляется **ѧ**: **въсприѩти** 23 — **въсприѧти**, хотя есть один обратный случай: **ѩвлѧѩсѧ** 17 — **ѩвлѩѩсѧ**.

Для сокращения места употребляется **і**, а не **и**: **обавити** 3 — **обаві|ти**, **христолюбивѣи** 24 — **хрістолюбивѣи**. Вместо **оу** пишется **ѫ**: **въ глоубинѣ** 4 — **въ г|лѫбинѣ**, **въ разоумѣхъ** 6 — **въ разѫмѣхъ**, **разоумъ** 9 — **разѫмъ**. Писец предпочитает одну букву **ѱ** («пси») сочетанию **пьс-** или **п'с-**: **п'сани|оу** 11 — **ѱ|анию**. Вместо **ъ** писец употребляет паерок (и это уже в XI в.; может быть, даже лучше для этого времени употреблять термин апостроф, поскольку обычно употребление паерка палеографы относят к полууставу и скорописи): **въ вельмысльноѥ** 13 — **в' вельмысльное**. Этот же значок писец ставит при переносе в южнославянском по происхождению сочетании *жд* из этимологического сочетания *dj* (хотя один случай не свойственного древнерусским рукописям переноса на согласный у писца все же есть: **г|лѫбинѣ** 4): **въжделавъ** 2 — **въж'|делавъ**. Характерно, что в позиции на конце строки, когда

и на л. 264а тоже оказывается необходимым экономить место, чтобы не выйти из мысленной рамки столбца, тот же значок стоит вместо ь: вѣн'|цемъ 25 — вѣньцемъ. Здесь же в той же позиции находим і вместо более широкого и: сътворитi | 8 — сътвори(т)и.

Поскольку на л. 263г—264а пишется парадный текст, в нем нет слов, сокращенных под титлами, нет выносных букв. Каждая мысль здесь начинается золотым средним по величине инициалом, под первой более длинной строкой располагается меньшая, которая из тех же эстетических соображений заканчивается несколькими золотыми четырехточиями в форме креста (кстати, именно поэтому мы не можем проанализировать разницу в употреблении разделительных знаков в первом и втором вариантах Похвалы). В соответствии с этими полными написаниями на л. 2 об три раза встречаются сокращения под титлом: владыка 3 — вдка, срь|дьце 13 — срце, божьствьныихъ 20 — бжствьныхъ.

Писец даже позволяет себе пропустить слабый ь, что дает ему некоторую экономию места на строке: вьсѣхъ 20 — всѣхъ. Возможно, так надо квалифицировать и ничем не отмеченный пропуск слабого ъ в корне *мъног-*: м'ночьсть|ныихъ 19 — многочьстьныихъ.

На л. 2 об. писец употребляет много лигатур. Они не отмечены по техническим причинам в тексте памятника. Лигатуры таковы: ти — сътворити 8, колѣти 21, памяти 22, въсприяти 23; тв — тожьство 9; ть — сеть 12.

На последней строке л. 2 об. писец дважды употребляет начертание ρ, почти не занимающее места в строке, так как головка буквы размещается в верхнем межстрочном поле, а на строке стоит только мачта (ножка буквы): сътвори 22, въсприяти 23.

В примере нем(ѵ) | дроѵвѣдию 7 выносное ѵ имеет своеобразную форму скобки, какую в аналогичной позиции наблюдаем в Остромировом евангелии 1056—1057 г. (22 случая).

Здесь же встречаем выносные буквы (при воспроизведении текста они заключены в круглые скобки), которые станут входить в норму древнерусского письма только через несколько сот лет: вся ко(го) цвѣта 11. Здесь вынесен над строкой целый слог (позднее писцы здесь станут выносить только букву согласного, а одинаковую букву гласного опускать).

Для истории культуры письма на Руси очень важны указанные особенности написаний, которые разовьются только через сотни лет в полууставном и скорописном письме: вынос над строкой в любых словах, а не только в сокращаемых под титлом номина сакра; употребление даже в письме уставом узких вариантов букв: ѵ при оѵ только в начале слова и после о, і вместо и, є (якорное в конце XIV в.) вместо ѥ; лигатуры, из которых в XV в. разовьется вязь (обычно в заголовках).

Есть основания думать, что Похвала на л. 2 об.—2 не списана непосредственно с лл. 263г—264а, так как в конце ее устойчивое словосочетание кончается словом аминъ, отсутствующим на л. 264а,

но, видимо, имевшимся в болгарском оригинале (об этом свидетельствует Кирилло-Белозерский список, в котором читаем: вѣкы вѣко(м), амінъ). Поэтому явное отсутствие на лл. 2 об.— 2 некоторых болгаризмов в языке и письме, представленных на лл. 263г—264а, можно объяснить не столько желанием русифицировать текст, сколько необходимостью вместить его в заранее заготовленную рамку [32]. Сюда относятся следующие болгаризмы и соответствующие им древнерусизмы. Употребление буквы редуцированного (т. е. ъ или ь) после плавного (т. е. р или л) на месте этимологических сочетаний tъrt, tьrt: дрьждаливыи 3 — дьр'жаливыи, срь|дьце 13 — срце (впрочем, последнее сопоставление не совсем безупречно: в первом случае ь стоит на переносе, а во втором слово сокращено под титлом).

Контаминацию болгарского и древнерусского написаний в первом случае (если оно — не отражение слоговости *л* в сочетании tъlt или начала процесса второго полногласия) видим в примере: испълънь 21 — испълнь (вторая форма исконно восточнославянская).

Может быть, не без влияния слов с восточнославянским сочетанием -оло- (при старославянском ла, лѣ, ср.: блато, млѣко) оказалось имя Птоломея (через -оле- оно должно было бы писаться вслед за греч. πτολεμαῖος): птолемеи 17 — птоломеи.

Болгаризмом является употребление букв ѫ, ѭ, от которых древнерусские писцы откажутся уже на рубеже XI—XII вв. В Изборнике писец более компактного варианта написания Похвалы разумно употребляет букву ѫ в качестве замены более широкого двубуквенного оу.

Естественно, что древнерусские писцы не могли употреблять буквы ѫ, ѭ, ѧ (буква ѩ не встретилась) в полном соответствии с общеславянскими носовыми ǫ, ę, утраченными у восточных славян еще в дописьменный период их истории. Но все же нельзя не заметить, что в некоторых словах и формах, в которых эти носовые были в общеславянском языке, в Похвале на лл. 263г — 264а буквы ѫ, ѭ стоят этимологически правильно (по-болгарски), тогда как на л. 2 об.—2 вместо них написано оу или ю: не вѣроѭ, 18 — не вѣрою, вѣчьноуѭ 22 — вѣчьноую, винѫ 23 — виноу, т. е. в творительном и винительном падежах единственного числа существительных на *-а* и соответствующих прилагательных. Но на л. 2 встречаем и обратные написания. Буква оу или ꙗ на месте этимологического носового звука: въ глоубинѣ 4 — глѫбинѣ, въсприꙗти 23 — въсприѧти. Буква ѫ вместо этимологического *и* въ разѫмѣхъ 6 — въ разоумѣхъ, разѫмъ 9 — разоумъ. Буква ѭ употреблена вместо этимологически правильного ю в дательном па-

[32] Не исключено, что текст на лл. 2 об.—2 и 263г—264а написан разными писцами. В таком случае некоторые особенности графики и орфографии могут быть объяснены разными навыками писцов. Но этот вопрос можно решить только при неоднократном и длительном анализе начертаний по самому оригиналу.

деже единственного числа существительного мужского рода: **немоуд[ру]вѣдиѭ** 7 — **нем(у)дроувѣдию.**

Болгаризм — сочетание **жд** (на месте этимологического сочетания *dj*), хотя в этом случае буква **д** вынесена над строкой: **тож(д)ьство** 9 — **тожьство.** Написание этого слова через **ж** на л. 2 об. — явный восточнославянизм.

К болгаризмам относится сочетание **шт**, соответствующее в старославянских памятниках произношению *шт* у южных славян: **набъдѧште** 9 — **набъдѧща.** Буква **щ** во втором случае, видимо, отражает древнерусское квазилитературное произношение на южнославянский образец (звук *ш'ч'*) вместо подлинного древнерусизма, которым явилось бы *ч* (ср. в современных диалектах деепричастия на *-чи*: *глядючи* и т. п.).

Болгаризмы (конечно, это южнославянизмы вообще, но поскольку восточноболгарское происхождение памятника — не рукописи — под сомнение не ставится, мы употребляем слово болгаризм) есть и в морфологии. Такова, видимо, нестяженная форма прилагательного: **прѣмѫдраадго** 6 — **прѣмѫдраго.** Как болгаризм квалифицируем написание **мыслемъ** (через **е**) 16, вместо более правильного для XI в. древнерусского **мысльмъ.**

Вероятно, под зрительным впечатлением формы **въ цѣсарьхъ** (или **въ цьсарьхъ**), бывшего в болгарском оригинале (Кирилло-Белозерский список), написано окончание **-ьхъ** в слове **кнѧзьхъ** 1 (т. е. по склонению i- основ), вместо правильного **въ кнѧзихъ** (по склонению jo- основ). Окончание **-ихъ** в слове **кнѧзь** закономерно и в старославянской и в древнерусской письменности. Следовательно, речь может идти только о заимствовании окончания из слова (**цѣсарь**), употребленного в болгарском варианте Похвалы.

Есть основание считать, что окончание **-ѣи** в слове Птоломѣи 17 скорее восточнославянизм, чем болгаризм: в старославянских памятниках хотя и сосуществуют окончания **-ѣи** и **-еи** в именах собственных с греческими дифтонгами *oi* и *ai*, все же преобладают имена на **-еи** (ср., например, в словоуказателе И. В. Ягича к Мариинскому евангелию предусмотрено заглавное слово **июдѣи**, но среди 28 случаев употребления его и прилагательного **июдеискъ** нет ни одного примера с буквой **ѣ**).

Разное окончание (**е** — **а**) отмечено в обоих случаях у несогласованного причастия: **набъдѧште** 9 — **набъдѧща.**

Написание буквы **ъ** на конце предлога **изъ**, возможно, отражает языковое явление, хотя этимологического **ъ** здесь не было. Уверенности в причинах появления этого **ъ** нет: отражение ли это языкового явления или просто выражение представлений писца об орфографической норме в написании предлогов — неясно: **из оустъ** 15 — **изъ оустъ.**

Для истории лексики древнерусского литературного языка большой интерес представляет употребление слова **клѣть** в значении внутреннее помещение дворца: **полаты** 21 — **клѣти.** О том, что **клѣть** здесь — восточнославянизм, свидетельствует употреб-

ление в этом же контексте слова полаты в Кирилло-Белозерском списке. Здесь интересен не столько факт употребления древнерусского слова, сколько само свидетельство активного отношения древнерусского писца к переписываемому тексту: писцы воспринимали как написанный на своем языке, но с отдельными неудачными словами и ошибочной орфографией текст, который, как мы знаем, восходил к болгарскому оригиналу.

Таким образом, сопоставление двух списков одной и той же Похвалы в одной и той же рукописи — Изборнике 1073 г. — показывает, что древнерусские писцы относились к переписываемому ими тексту как к собственному достоянию. Они считали возможным, ориентируясь на собственное произношение, опускать отдельные буквы (жд — ж, шт — щ; для древнеруса шт уже не лигатура, а буква, передающая сложный звук *ш'ч'*), могли заменять буквы (буквы носовых), в некоторых случаях менять последовательность букв в соответствии с собственным произношением (в сочетаниях «редуцированный перед плавным» вроде дрьжаливыи 3 — дьржаливыи, т. е. 'державный'), писцы могли писать морфологические формы, ориентируясь на собственное произношение, и, как в примере со словом клѣть, они могли даже заменять отдельные слова.

Все эти данные, имеющиеся в совсем небольшом тексте Похвалы, свидетельствуют не о подражательном характере, а о самостоятельности письменной и языковой культуры на Руси уже во второй половине XI в.

О. И. Подобедова

ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 Г. КАК ТИП КНИГИ

Едва ли не каждый раз, когда исследователь обращается к изучению русской рукописной иллюминированной книги, он начинает свою работу жалобами по поводу того, что история русской средневековой книги все еще не написана. Одним из необходимых подступов к созданию истории русской рукописной средневековой иллюминированной книги, видимо, должна стать ее классификация как по типам (жанрам) книг, так и системам, «редакциям», оформления и иллюстрирования. Для многих исследователей, главным образом зарубежных [1], основным признаком для типо-

---

[1] См. *K. Weitzmann.* Illustrations in Roll and Codex. Princeton, 1947. Те же наблюдения изложены им в кн. Illumination Ancient Book. Cambridge, 1959. Аналогичные принципы типологической классификации с успехом

логической классификации рукописной книги, как правило, является местоположение иллюстраций в пределах кодекса, книжного разворота или страницы. Так вычленяются типы рукописей, имеющих страничные иллюстрации, иллюстрации, расположенные вверху или внутри колонок текста и, наконец, занимающие нижнее и внешнее (редко внутреннее) поле страницы — т. е. маргинальные иллюстрации. Самое общее деление книг на культовые и четьи является исходным, но далеко не единственным признаком классификации. Дальнейшая дифференциация материала представляется достаточно сложной, ибо деление идет в двух направлениях: само содержание книги и ее функциональное назначение не ограничивает типических признаков книги. Композиция, образный строй, особенности самой языковой ткани произведения в равной степени отражаются и в системе ее орнаментального убранства, и определяют особенности их интерпретации непосредственно в системе иллюстрирования. Так, характер иллюстраций книги исторической качественно будет отличен от иллюстраций поэтических текстов. Сам характер литературного строя книги невольно определит повествовательный или метафорический язык мастера. Несмотря на то, что характер образного строя иллюстрационного цикла влечет за собой определенные закономерности расположения миниатюр в самом кодексе, занимая то площадь книжной страницы, то обрамляя разворот листов венком маргинальных иллюстраций, то, наконец, перерезая или опоясывая книжную страницу вереницей изображений, — иллюстрированная рукописная книга разделяется также и по признаку расположения миниатюр и элементов оформления в зависимости от прямого назначения данного кодекса. На самом деле при конкретном обращении к материалу рукописной книги исследователи давно уже вычленяют определенные группы рукописей, естественно не ограничивая принцип отбора одним лишь внешним признаком места и расположения иллюстраций в пределах кодекса. Нагляднее всего такое изучение особенностей типа — редакции давно уже применяется при изучении иллюстрированных псалтирей. Таково сравнение системы иллюстрирования двух редакций Псалтири: прообразовательной (так называемой «монастырской») и исторической (т. е. так называемой «аристократической») редакций [2]. Если в первом случае традиционным

применены в недавно вышедшей работе: *Г. Алибегашвили.* Художественный принцип иллюстрирования грузинской рукописной книги XI—начала XIII веков. Тбилиси, 1973.

[2] См. *I. Tikkanen.* Die Psalterillustration in Mittelalter. Helsingfors, 1895; *J. Stzygonski.* Die Miniaturen des Serbischen Psalters der Königlichen Hof- und-Stadtsbibliothek in München. Wien, 1906. Ср. с более современной методикой в работах: *S. Dufrenne.* Deux chefs-d'oeuvre de la miniature du XI-e siècle. — «Cahiers archéologiques», XXVII, 1967; *S. der Nersessian.* L'illustration des psautiers grees du Moyen age. Paris, 1970 (в обоих исследованиях обширная литература вопроса). Что касается других типов книг, то давно уже исследователями выделены группы иллюстрированных рукописей

будет применение расположения изображений на полях, а сами иллюстрации будут носить метафорический характер, то во втором характер миниатюр сохранит повествовательность и прямую интерпретацию образа, тогда как и расположение изображений приобретет более монументальный вид. Как правило, это будут страничные или внутритекстовые иллюстрации. Особенности редакции получают непосредственное отражение и в системе оформления: наличии больших и малых заставок, больших и малых инициалов и особенности их соподчинения. Наилучшим примером в этом случае будет сравнение книжного убранства Евангелий [3] (в частности Евангелий-апракос разных редакций) [4].

Даже самое поверхностное знакомство с книгами четьими позволит установить наличие строго выработанных систем иллюстрирования и орнаментального убранства в зависимости от содержания и жанра литературного произведения.

В пределах краткой статьи нет возможности перечислить разнообразные аспекты типологического изучения книги. Исходя из общего разделения рукописной книги на культовую и четью, укажем общность тех элементов орнаментального убранства и иллюстрирования, которые сохраняют свое назначение для той и другой группы рукописей. Так, основные массы текста членятся при помощи больших орнаментированных заставок. Внутреннее членение в пределах текста данной части определяется малыми заставками, а также инициалами, меньшими по величине (или цветовой насыщенности и конфигурации), подчиненными большому инициалу. В конце помещается орнаментальная концовка. Всей книге предпосылается чаще всего так называемая «выходная миниатюра» (фронтиспис), которая содержит изображение автора текста, иногда заказчика [5]; наконец, фронтиспис может быть сюжетным, определяя этим основным изображением содер-

---

«Апокалипсисов», «Александрий», «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, разных редакций романа о Варлааеме и Иоасафе, «Лествицы» Иоанна Лествичника и др.

[3] *H. Omont.* Evangiles avec peintures byzantines du XI-e siècle. Paris; *K. Weitzmann.* Studies in classical and byzantine manuscript illumination. London, 1971, p. 260.

[4] *Л. П. Жуковская.* Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника. — «Древнерусское искусство. Рукописная книга», вып. II. М.—Л., 1974, стр. 56—69.

[5] «Выходные листы рукописных книг представляли собою два рода рисунков: 1) изображение авторов и 2) изображение лиц, которым посвящена книга». — *Д. В. Айналов.* К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 15. Однако этими двумя видами фронтисписов не исчерпывается содержание «выходных миниатюр» рукописной книги. Обзор византийских и славянских рукописей показывает, что содержанием «выходных миниатюр» может быть и главное событие, о котором речь идет в тексте, и обобщенный образ, выражающий идейный или поэтический строй произведения.

жание или главенствующую идею книги [6]. В более сложных случаях, когда текст делится на достаточно крупные части или же состоит из произведений, принадлежащих разным авторам, он может отделяться или портретами автора, или же сюжетными изображениями, раскрывающими для читателя содержание последующей части. Таким образом, структура книги или композиция литературного произведения получает прямое отражение — иными словами, непосредственно читается — в самой системе соподчиненных заставок и инициалов, а также получает свое смысловое выражение (или указание на принадлежность текста данному автору) в одном или нескольких фронтисписах. Этот краткий перечень основных элементов, из которых слагается структура и образ рукописной книги, необходим для того, чтобы перейти к определению особенностей одной из древнейших иллюминированных рукописных книг — Изборнику Святослава 1073 г.

Прежде всего следует напомнить, что Изборник отнюдь не отражает состояния византийской литературы IX—XII вв. До известной степени может показаться странным, что заказчик Изборника, болгарский царь Симеон, — воспитанник одной из лучших византийских школ, получивший блистательное образование, не чуждый литературных склонностей, — неожиданно пренебрег современными ему блестящими произведениями византийских авторов. Его не привлекли писатели, обращавшиеся к античным авторам, комментировавшие Гомера и Гессиода, Пиндара, Аристофана и Менандра, изучавшие Аристотеля и Платона или, наконец, создавшие исторические или богословские произведения, в которых отразился общий уровень византийской литературы. К. Крумбахер характеризовал период XI—XII вв. едва ли не как эпоху византийского ренессанса, а IX—X столетия как время бурного, все нарастающего расцвета, подводящего к этой эпохе [7]. Между тем, Изборник 1073 г. по своему составу и типу восходит к антологиям ранних памятников патристики, популярных в VII—VIII столетиях. Своеобразная подборка имела совершенно определенную цель: дать разъяснение широкому читателю, читателю, не искушенному в тонкостях догматики и богословия, основных истинах христианского вероучения, предварить основные недоумения, которые могли возникнуть при чтении книг Нового и Ветхого завета, изложить основы понимания некоторых закономерностей мироздания. Иными словами, ввести новопросвещенных христиан в круг идей и представлений, связанных с принятой ими верой, а главное — в достаточно краткой и легкой форме помочь им овладеть некоторым уровнем просвещения, который приблизил бы их к византийской образованности [8]. Именно по-

---

[6] «Выходная миниатюра, — писал Д. В. Айналов, — яснее раскрывает свойства кодекса». *Д. В. Айналов.* Указ. соч., стр. 15.

[7] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897.

[8] *И. Г. Еремин.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.—Л., 1960, стр. 9—17.

этому Симеон и работавшие по его заказу книжники оставляют в стороне все то, чем интересуются их ближайшие современники, и обращаются к наиболее ранним памятникам патристики, прежде всего IV—VI вв. Таким образом, в состав Изборника попадает не Симеон Новый Богослов или Филипп Монотроп, а Василий Великий, Афанасий Александрийский, Иустин Философ, Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин, Иоанн Дамаскин и, главное, Анастасий Синаит, столь популярный своими вопросами и ответами.

Но если славянские просветители постепенно приобщают своих соотечественников к классике христианской патристики или же «народным» историческим и естественно-научным книгам [9], то в области книжного оформления и иллюстрирования дело обстоит совсем иначе. Даже поверхностное знакомство с принципами книжного оформления и иллюстрирования на Руси XI—начала XII в. говорит о мастерском владении самыми высокими навыками книжного письма и иллюминирования. Примером того служат два самых ранних памятника: Остромирово Евангелие и Изборник 1073 г. Уже сам выбор формата, качество пергамена, тщательность письма и его изысканная графика свидетельствуют о большой книжной культуре. В еще большей степени об этом говорит организация текста, его членение внутри книги при помощи элементов оформления и подчинение всей системы иллюминирования функциональному назначению книги. Очевидно, болгарские, а за ними, безусловно, и русские книгописцы усвоили все достижения книжного искусства Византии IX—XI вв. К этому времени искусство книжного иллюстрирования, точнее — создания целостного образа книги, достигло своего расцвета [10].

Как известно, искусство книжной иллюстрации получило особые творческие импульсы в период борьбы с иконоборцами. Взаимоотношение слова и изображения именно тогда было осмыслено во всей своей глубине. Почтительное отношение к книге как таковой распространилось с книги культовой на всякое «учительное» слово. Тщательной разработке принципов книжного оформления и иллюстрирования способствовало узаконенное постановление пято-шестого и седьмого соборов о равнозначности слова и изображения: «как слово в слогах, так и изображение в чертах и красках свидетельствуют об одной и той же истине» [11]. Именно это стимулировало создание и разработку систем иллюстрирова-

---

[9] *K. Krumbacher*. Op. cit., S. 14; *И. П. Еремин*. Указ. соч., стр. 13, 14.

[10] Это позволило В. Н. Лазареву утверждать, что в названную эпоху (и особенно в XI в.) миниатюра главенствовала среди других видов искусства Византии. *В. Н. Лазарев*. История византийской живописи, т. 1. М., 1947, стр. 106.

[11] *A. Grabar*. L'iconoclasme byzantin. Paris, 1975; *Ch. I. Hefele*. Histoire des Conciles, IV 1. Paris, 1911, p. 869; *O. Demus*. L'art byzantin dans le cadre européen. — L'Art byzantin. Athèes, 1964, p. 93—94; *Л. Успенский*. Богословие иконопочитания в послеиконоборческий период. — Вестник Западноевропейского патриаршего Экзархата, № 57. Париж—Брюссель, 1967, стр. 47.

ния, способствовавших поэтической выразительности образа книги как целого или уяснению ее «учительного» содержания. Те системы интерпретации текста, которые неизбежно определяли тип книги как таковой, получили свое развитие именно в период IX—XI столетий. Недаром к этому времени восходят насыщенные распространенными сравнениями, эпитетами, метафорами и аллегориями, претворенными в маргинальных иллюстрациях, лучшие псалтири «монастырской» редакции.

В эту же пору получил наибольшую законченность тот «универсальный» тип книжного оформления, который имел своей целью сделать наиболее доступными читателю основные сведения об авторе (а порой и заказчике) книги путем создания фронтисписа, а также облегчить пользование текстом при помощи строгого его членения заставками и инициалами, нередко несущими в себе сюжетную нагрузку. «Универсальный» тип оформления не исключает наличия внутритекстовых иллюстраций. Главные же формы или присущие ему элементы — это уже названные выше фронтисписы, которые порой используются как опорные вехи для разделения частей текста, принадлежащих разным авторам, а также строго соподчиненные в своих размерах заставки и инициалы, отражающие субординацию членимых отрывков. Эти элементы традиционны, они восходят к началу книгоделательного искусства. Недаром еще Д. В. Айналов [12], а за ним К. Вейтцман [13] указывают на наличие фронтисписов с изображением авторов и заказчиков книги в древнейших кодексах, рассматривая их как античную книжную традицию.

В интерпретации мастера XI столетия традиционные элементы используются с равным искусством как для раскрытия образного строя, так и для решения функциональных задач, которые учитываются с большой последовательностью мастером, создающим книгу. Действительно, книжник, изготовивший рукопись, послужившую протографом для Изборника 1073 г., использовал классическую форму кодекса, содержащего два вида фронтисписов, два вида заставок и четыре вида инициалов, при помощи которых организуется и расчленяется текст книги для наиболее легкого усвоения его читателем.

Рукопись открывается сложным разворотом, левая сторона которого — классический фронтиспис — содержит изображение заказчика книги с его семьей, исполненное по типу изображения донаторов, столь распространенного в монументальной живописи того же времени. Святослав в сопровождении жены и сыновей подносит книгу Спасу. На правой стороне разворота, выполняющей роль в прямом смысле «выходной миниатюры», изображен

---

[12] *Д. В. Айналов.* Эллинистические основы византийской живописи. — Зап. имп. Русского археологического общества. Труды отделения археологии, XII, 1901, стр. 36—38; *его же.* К истории древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 15.

[13] *K. Weitzmann.* Illustrations in Roll and Codex. Princeton, 1947.

восседающий на престоле Спас. Правая благословляющая рука его высоко поднята, в левой он держит закрытое Евангелие. Изображение Спаса прямолично. Его взгляд обращен на зрителя (читателя), а не на княжескую семью. Композиционная связь между этими двумя миниатюрами достигается расположением левой группы. Фигура Святослава почти вплотную придвинута к корешку книги, жесты рук князя (особенно левой, которой он поддерживает книгу) обращены к Спасу, ему подносит князь Изборник и к нему обращены слова, написанные вверху над групповым портретом великокняжеской семьи: «желания сердца моего, Господи, не презри нь, приими ны вься и помилуй ны». На обороте изображения Спаса в орнаментальной раме написана Похвала князю Святославу. Две строки из этой Похвалы в раме не уместились и писец надписал их над изображением Спаса. Они как бы являются ответом на княжескую молитву: «буди христолюбивѣи дши твоеи в отъмьштение венцемъ въ непрѣбрьдомыи вѣк веком. Аминь».

На л. 3 на лицевой и оборотной сторонах изображены орнаментированные трехглавые храмы (некоторые исследователи считают их изображением иконостаса, другие — портала). Под аркой в первом ряду на л. 3 стоят три святителя в омофорах и с Евангелием в руках, а четыре — в коротких иноческих одеждах, при этом три из них держат в руках крест. По-видимому, кресты можно рассматривать и как атрибут «преподобномучеников» и как символ «волею подъемших крест» в монашеском подвиге. Это явствует из характеристики преподобных в следующем фронтисписе. На об. 3 л. изображены под аркой такие же святители с Евангелиями в руках, а преподобные все держат кресты. Л. 4 увенчан большой заставкой классического византийского орнамента, внутри которого помещен пространный общий заголовок книги и заголовок текущей статьи. Заголовок книги: «Собор от мног отец, толкование о неразумных словесах в Евангелии, апостоле и инех книгах. Вкратце сложено на память и на готов ответ». Название первой статьи: «Святаго Василия от того еже на Евномия о святем Дусе, Господи, благослови отче». На лл. 128 и 128 об. повторяются изображения храмов, только несколько иной конфигурации (в данном случае — однокупольных), а под аркой также изображается «собор» авторов. Фронтисписам соответствует и здесь большая заставка, а в ней название текущей статьи «Феодоритово от неразумных, Господи, благослови, отче. . .» Таким образом, имеется четыре фронтисписа, расположенных на двух листах и членящих книгу на две большие части, согласно смыслу и характеру текста. Начало каждой части отмечается большой орнаментальной заставкой, обрамляющей заголовок. Кроме того, начало текста отмечено большим орнаментированным многоцветным инициалом [14]. Дальнейшее членение текста осуществляется при по-

[14] Большие заставки, как и большие инициалы Изборника, обычно приводятся как пример классического византийского орнамента. См. *Т. Н. Про-*

мощи следующих трех степеней инициалов: малый инициал, исполненный двойной линией и кое-где подцвеченный, отмечает строку с обозначением вопроса; крупный инициал, выполненный двойной линией и тоже в некоторых местах подцвеченный, отмечает начало ответа. Оба инициала выдвинуты за пределы столбца текста, но расположены строго на одной вертикали. Третий инициал выдвинут еще больше в поле или в пространство между столбцами. По величине он меньше двух названных, он целиком золотой, чем отличается от всех прочих. Его назначение весьма своеобразно — он представляет собой порядковый номер статьи (или вопроса и ответа). Руководствуясь им, можно найти статьи, перечисленные в перечне ко второй части, где каждая статья обозначена порядковыми буквами (цифрами) того же размера, что и золотой инициал в тексте. Оглавление ко второй части помещено между двумя частями книги. Можно предполагать, что подобное оглавление существовало и для первой части, а вынесенные в поле золотые буквы-цифры позволяли читателю и там легко находить нужный текст, обозначенный в оглавлении [15]. Такая высокая культура организации текста отнюдь не умаляется тем, что писец несколько раз сбился в счете [16], кое-где поменял порядок текста, из-за чего цифры-буквы в перечне и тексте не всегда совпадают. Схема организации и оформления текста представляется исключительно четкой. Фронтиспис с изображением авторов разделяет сборник на части. Большие заставки венчают начало каждой из частей. Их орнаментика по стилю и колориту согласована с фронтисписами, типичными для архитектурных фронтисписов византийского классического стиля. Начало текста каждой из частей выделено большим орнаментированным инициалом, того же стиля. Чтение от чтения отделено золотой строкой с обозначением порядкового номера отрывка (и его «источник»). Каждый отрывок начинается малым инициалом. Итак, начало части отмечено большим инициалом, начало отрывка — меньшим, а указание на порядковый номер и источник чтения отмечено наименьшим, но выдвинутым в поле инициалом.

Из этого следует, что заказчик и исполнители книжного оформления (в данном случае следует думать, что они были выбраны

тасова. Византийский орнамент. — Древнерусское искусство. Рукописная книга, вып. II. М., 1974, стр. 207; *В. Стасов.* Словенский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884, табл. XIII, XIV.

[15] В Кирилловской копии Изборника имеется оглавление к первой и второй части, но оно вынесено в конец рукописи. Отсутствие оглавления к первой части в рукописи XI в. еще раз свидетельствует о том, что книга (особенно ее начальная часть) подвергалась некоторым изменениям уже после написания всей рукописи.

[16] Так, на л. 104 об. произошла ошибка переписчика в счете. Вместо С (206), принявшего ОГ (76), и далее начиная с л. 207, обозначившего нумерацию (03 вместо С3), и так до конца первой части. Во второй части, как известно, имеется ряд вставок и т. д.

в кругу книжников царя Симеона) следовали строгой логике усвоенного ими типа книги. Это тип роскошного кодекса, сложившийся на протяжении VIII—IX столетий, разрабатывавшийся не только для книг чисто культового назначения, но и для книг четьих. Аналогии следует искать среди патристических сочинений этого времени. Тогда ближайшим по характеру основных элементов книжного оформления и иллюстрирования нужно будет назвать прославленный кодекс Слов Григория Назианзина (Париж, Национальная библиотека, gr. 510), исполненный около 880 г. Примечательно, что начальные листы этой рукописи организованы подобно рукописи Святославова Изборника. Выходная миниатюра содержит страничное изображение Спаса, восседающего на престоле. Его крупная монументальная фигура во многом напоминает Спаса выходной миниатюры Изборника.

Это такое же прямоличное изображение: взор Спаса обращен на зрителя. Отличия изображения крайне невелики: Евангелие в руках Спаса раскрыто (а в Изборнике оно закрыто), правая благословляющая рука поднята не столь высоко, как в Изборнике, а расположена ниже перед грудью и, наконец, престол, на котором восседает Спас, имеет спинку, которая отсутствует в миниатюре Изборника. Все остальное — характер лика, крещатый нимб, расположение драпировок одежд, расположение ступней ног на подножии престола одинаковы в обеих миниатюрах. Даже форма подушки, лежащей на престоле, совпадает. В кодексе Слов Григория Назианзина имеются изображения заказчиков, более сложные и развитые, нежели в Изборнике, но вполне традиционные: вслед за миниатюрой Спаса на отдельном листе изображена императрица Евдокия с двумя сыновьями — Львом и Александром (л. Br). На следующем листе (л. Cv) изображен Василий Македонянин, по бокам которого стоят пророк Илья и архангел Гавриил. Внутреннее членение текста определяется также введением фронтисписов: каждому Слову предшествует отдельная страничная миниатюра. Однако типологически фронтисписы отличаются от Изборника. В кодексе Григория Назианзина фронтисписы тематические; они содержат изображение основных тем последующих за ними Слов Григория Назианзина. Это логично, поскольку книга принадлежит одному автору [17]. Нельзя предположить, что книжники, работавшие по заказу царя Симеона, подражали именно кодексу Слов Григория Назианзина. Особенности этого кодекса, столь близкие и по характеру миниатюр (оговоримся — куда более высокого художественного качества), и по общей логике решения структуры книги, по-видимому, указывают на то, что

[17] *H. Omont*. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI-e au XVI-e siècle. Paris, 1929, p. 10, pl. I, III.

Следует уточнить порядок листов, содержащих фронтисписы: л. Br — изображение имп. Евдокии с сыновьями; л. Bv — содержит изображение процветшего креста, л. Cr — такой же процветший крест, л. Cv — Василий Македонянин с предстоящими.

кодексы подобного рода, широко распространенные в книжной культуре VIII—X вв., послужили образцом для мастера Изборника. Поскольку мастер Изборника достаточно свободно оперирует всеми элементами оформления и иллюстрирования, приспособляя их к задачам организации данного текста, можно предположить, что он причастен к достаточно высокой культуре книгоделания, больше того — он воспитан на лучших византийских образцах. На то, что выбор типа книги был сделан сознательно, а образец был найден в кругу иллюминированных произведений патристики IX—X вв., указывает сравнение особенностей кодекса gr. 510 как с ближайшими по времени рукописями, содержащими те же произведения Григория Назианзина, так и с другими наиболее популярными святоотеческими произведениями. В частности, мастер отказался следовать иной системе иллюминированных книг Григория Назианзина того же IX в. Для сравнения назовем рукопись IX в. из Амброзианской библиотеки (Ambr., 4950), украшенную маргинальными иллюстрациями. Напомним, что маргинальными иллюстрациями украшена и рукопись Григория Назианзина XI в. (Париж, Национальная библиотека, gr. 533) [18].

Ближайшей по времени и системе оформления является также рукопись, содержащая Слова Иоанна Златоуста (около 1078 г., Coaslin, 79) [19], мало отличающаяся по размеру и имеющая три

---

[18] *H. Omont.* Op. cit., pl. X—XII; следует перечислить наиболее известные рукописи Слов Григория Назианзина, имеющие отличную от gr. 510 систему иллюминирования: Григорий Назианзин, gr. 533, XI в., имеет маргинальные иллюстрации; то же gr. 543 имеет фронтисписы к каждому слову в богатом орнаментальном обрамлении. Фронтисписы построены в два яруса — вверху событие из жития Григория, внизу — сцена, являющаяся предметом данного Слова; рукопись XII в. gr. 550 украшена тематическими заставками и инициалами; рукопись XII в. Coislin 239 имеет малые тематические заставки в ширину одного столбца текста. Подробнее см. *G. Galacaris.* The Illustration of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzus. Studies in Manuscript illumination, N 6. Princeton University Press, 1969. Рукопись Слов Григория Назианзина, хранящаяся в ГИМ (гр. 61, Син. 146), отличается по размеру от названных выше монументальных кодексов (353×245 мм). Она украшена заставками, венчающими начало каждого слова, богато орнаментированными инициалами и иллюстрациями на тему Слов как внутри столбцов текста, так и на полях. См. *В. Д. Лихачева.* Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976, стр. 22.

О сознательном выборе системы убранства Изборника и знании его исполнителями различных образцов украшения рукописной книги свидетельствует, в частности, наличие маргинальных иллюстраций, которые обрамляют текст Иоанна Дамаскина «О месяцех» (лл. 250 об., 251). Не отрицая интересных наблюдений В. Б. Гиршберга («Козьльрогъ в Изборнике Святослава 1073 года». — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М.—Л., 1972, стр. 81—89), хотелось бы отметить, что отдельные изображения знаков зодиака, видимо, восходят не столько к кругу астрономических трактатов (восточных и византийских), сколько к античным естественнонаучным рукописям (ср., например, изображение рака). *K. Weitzmann.* Op. cit., p. 119.

[19] Рукопись, очевидно, была изготовлена для имп. Михаила VII Дуки (1071—1078); листы, содержащие изображения Никифора Вотаниата, вклеены вместо четырех вырезанных листов. Напомним, что императрица Мария

фронтисписа с изображением заказчика: на л. 1r изображен Никита Вотаниат на престоле; л. 1v — Никифор Вотаниат и императрица Мария; на л. 2r — Никифор Вотаниат в окружении свиты; на л. 2v — размещен фронтиспис особой редакции, где объединено изображение автора текста — Иоанна Златоуста, заказчика Никиты Вотаниата и Архангела Михаила, видимо, обозначающего здесь покровителя воинских подвигов заказчика. Этот акцент придает особое содержание и всем предшествующим изображениям императора, ибо его можно рассматривать как введение особой оценочной характеристики заказчика — избранного и прославленного воина. Все это еще раз указывает на типичность кодексов, из круга которых был заимствован образец Изборника царя Симеона.

Книжная культура времен создания Изборника 1073 г. обладает вполне развитыми средствами художественного оформления как организации кодекса как целого, так и выражения его внутреннего содержания. В частности, с точки зрения функциональной, он употребляет все разновидности фронтисписов. Так, не только в Изборнике 1073 г., но и в более раннем Остромировом Евангелии фронтисписы с портретами авторов несут две функциональные нагрузки: разделительную (они отделяют тексты разных авторов один от другого) и репрезентативную — содержат характеристики этих авторов. Но Изборник имеет не просто фронтисписы. Изображения заказчиков, как видим, перерастают в образы высоких исторических характеристик, порой несут в себе некое полемическое начало.

Если обратиться к памятникам русской иллюминированной книги, связанным с великокняжеским кругом, то ближайшую аналогию мы найдем в Трирской псалтири (1078—1087). Помимо всего того, что роднит Трирскую псалтирь со средневековой западноевропейской рукописной традицией, в ней есть элементы, близкие Изборнику. Это вшитые листы со славянским текстом, несущие функции фронтисписов исторического характера. Прежде всего, это портрет Ярополка и Ирины, которые изображены у престола Спаса, и изображение семьи Изяслава, молящейся ап. Петру. Близка, с точки зрения стилистической, и страничная миниатюра с изображением орнаментированного многокупольного храма, представленного в аксонометрии, под аркой которого помещено изображение рождества Христова. Как известно, подобное обрамление встречается крайне редко (ближайшая по времени рукопись XI—XII вв. — Синайская, имеет такое обрамление вокруг фронтисписа с изображением пишущего Григория Богослова [20].

первоначально была женой Михаила VII Дуки. См. *H. Omont*. Op. cit., p. 33, pl. LXII; *A. Grabar*. L'impereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, p. 117, 119.

[20] *В. Н. Лазарев*. Живопись и скульптура Киевской Руси. — ИРИ, т. I. М., 1953, стр. 230—231; *Н. П. Кондаков*. Изображения русской великокняжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906, стр. 18; *Д. В. Айналов*.

Особенности исполнения Изборника указывают, как уже говорилось выше, не только на его глубочайшую связь с высокой византийской книжной культурой, но и позволяют судить о достаточной свободе обращения с традиционными элементами книжного убранства, умении насытить их своего рода «злободневным содержанием». Речь идет о начальных листах рукописи, содержащих изображение семьи Святослава Ярославича, изображение Спаса на престоле и Похвалу князю, размещенную на обороте листа с миниатюрой Спаса на престоле. Существует ряд гипотез о переделке начальных листов рукописи, вызванной необходимостью приурочить изображение к определенным событиям в великокняжеской семье. Исследователи не единодушны. Некоторые из них полагают, что первая выходная миниатюра содержала портрет болгарского царя Симеона (к которому относилась и Похвала, написанная на обороте изображения Спаса). Есть мнение, что первые листы подверглись переделке в связи с изгнанием с киевского престола князя Изяслава, бывшего первоначальным заказчиком рукописи [21], вследствие чего его изображение и Похвала ему были заменены изображением Святослава с семьей и Похвалой этому князю. При этом некоторые ссылаются на наличие второй Похвалы в конце книги, а также на странную ее концовку.

Действительно, можно представить себе, что организация начального листа является свидетельством своеобразной судьбы данного кодекса. Ипатьевская летопись сохраняет известие о том, что изгнанный братом своим в 1073 г. «Изяслав . . . иде в Ляхы с имением многим и с женою, уповая богатством многим, глаголя, яко сам налезу вои» (т. е. получит военную помощь для возвращения себе и роду своему Киевского стола). Борьба за Киевское княжение между братьями приобретает широкую огласку, ибо Изяслав обращается за помощью и к Генриху IV, а также посылает сына своего Ярополка в Рим за помощью к Папе Григорию [22]. Одним из памятников миниатюры, отражающей некоторые особенности названных событий, является уже упоминавшаяся выше Трирская псалтирь, а также паллиум, присланный, как полагают исследователи, папой Григорием Изяславу. Текст на паллиуме близок к великокняжеской молитве, надписанной над портретом Святослава с семьей. Он гласит: «Молитвами св. Дмитрия [крестильное имя Изяслава] подаждь Боже всемогущий, многая лета рабу твоему Изяславу, князю русскому, в оставление грехов и

Из истории древнерусской литературы. Эпизод из сношений Киева с Западной Европой. — ТОДРЛ, т. III. М.—Л., 1936, стр. 5—12.

[21] В. Н. Лазарев считает, что Святослав «приказал пришить к рукописи согнутый пополам лист пергамена с изображением Христа и семейства великого князя» (*В. Н. Лазарев.* Указ. соч., стр. 228).

[22] Подробнее см. *Н. П. Кондаков.* Указ. соч.; а главное — *Д. В. Айналов.* Из истории древнерусской литературы, стр. 6—9.

в жизнь вечную. Аминь. Господи, да будет во имя твое» [23]. Ближайшее сопоставление текстов фронтисписа Изборника 1073 г. и текста на паллиуме свидетельствует о том, что оба соискателя Киевского престола ищут оправдания своим действиям здесь и в вечности. Но Изяслав получает апробацию своей политики (в виде обещания прощения грехов и оправдания в вечности), исходящую от главы Римской церкви, куда «к порогам апостольским» посылает изгнанный князь ходатаем своего сына Ярополка, по-видимому, обещая покорность Риму от лица всей Киевской земли.

В свою очередь Святослав, поднося Спасу кодекс, содержащий (в числе других текстов) и исповедание православной веры, обращается с молитвой от своего лица и от всего своего рода (с ним предстоят Спасу княгиня и сыновья): «желания сердца моего, Господи, не презри нь, приими ны вься и помилуй ны». В таком контексте последние сроки не уместившейся Похвалы, вынесенные писцом на «выходную миниатюру» над головой Спаса, приобретают не только значение ответа, но и несут в себе элемент оценки: «буди христолюбивѣи дши твоѣ и въ отъмьштение венцем въ непрѣбрьдомыи вѣк веком. Аминь». Подлинный смысл этого диалога раскрывается в сопоставлении с припиской писца ко второму тексту Похвалы, расположенному в конце кодекса: «оже ти собе не любо, то и другому не твори».

Именно эта часть оформления сборника — ее две выходные миниатюры — говорят о привычности и традиционности не только включения этих элементов в состав кодекса, но и использования их для отражения весьма существенных династических и дипломатических коллизий, столь характерных для Руси последней трети XI в. И опять сопоставление выходных миниатюр Изборника с фронтисписами Трирской псалтири, изображающими Ярополка и Ирину, венчаемых Спасом, а в особенности Ярополка и Гертруду в молении св. Петру, позволяет заключить, сколь большое значение в идейной и политической борьбе претендентов на Киевский стол играла украшенная миниатюрами рукописная книга.

Историческое значение фронтисписов с изображением заказчиков книги сохраняется и в последующих памятниках рукописной книги. Достаточно назвать выходную миниатюру Хроники Георгия Амартола конца XIII—начала XIV в. с изображением Михаила Тверского и его матери Оксинии, стоящих по бокам престола Спаса под сводами только что построенного ими Спасского собора в Твери [24].

---

[23] *Д. В. Айналов.* Указ. соч., стр. 6.

[24] Как известно, миниатюра прославляет факт завершения строительства кафедрального собора и, по-видимому, близка по времени к получению Михаилом Ярославичем ярлыка на великое княжение Владимирское. Подробнее см. *О. И. Подобедова.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, стр. 20—22; *ее же.* Отражение византийских иллю-

Таким образом, из числа выходных миниатюр, содержащих портреты заказчиков, следует вычленить группу (тип) миниатюр, имеющих собственно «историческое» значение. К ним и нужно причислить выходные миниатюры Изборника 1073 г.

В рукописной традиции Византии, славянских (и не славянских) стран, находящихся в сфере воздействия византийской культуры, подобный тип выходных миниатюр составляет достаточно значительную группу. В качестве ближайшего (по хронологии) примера можно упомянуть уже называвшееся выше изображение Никифора Вотаниата, содержащееся в рукописи Слов Иоанна Златоуста (ок. 1078 г., Париж, Национальная библиотека, Coislin, 79), заменившее собой первоначальные изображения Михаила VII Дуки.

Классификация выходных миниатюр по типу и жанру — тема специальной работы. Здесь же следует еще раз подчеркнуть достаточно высокое развитие книжной культуры на Руси XI в. Однако необходимо отметить и тот факт, что само стремление к оценке исторического явления (его моральном оправдании или порицании) свойственно не только изобразительным элементам рукописной книги, но и русской литературе той же эпохи. Достаточно вспомнить настойчивость, с которой автор (авторы) Повести временных лет оценивают деяния своих героев и исторические судьбы отдельных княжеств и всей земли русской. Пусть мораль летописца несколько «утилитарна»: «добро для него — только то, что несет в его понимании благо Русской земле; зло — все, что угрожает ее благополучию и процветанию» [25], однако оценки его всегда остры и конкретны.

Хотелось бы осмыслить, для кого ввел элемент «оценки» миниатюрист, исполнивший выходные миниатюры Изборника 1073 г. Рукописная книга уникальна. Она, очевидно, рассчитана на крайне узкий круг «потребителей», и тем не менее создатель выходных миниатюр Изборника — рукописи явно придворной — внес в них острый элемент оценки деяний Святослава и косвенное объяснение усвоения им данного кодекса в качестве «утверждения» своего «исповедания веры». Однако оценочные мотивы свойственны многим (и не только русским) миниатюрам. В данном случае (как, по-видимому, и во всех остальных) книга рассматривалась как нечто незыблемое, существующее во времени и способное донести идею «оправдания» не только для потомства, но и послужить «рукописанием» деяний для вечности. Подобное отношение к слову и изображению может объяснить многое, особенно в дальнейших судьбах исторической иллюстрации. Оно как нельзя более

стрированных хроник в Тверском (Троицком) списке Хроники Георгия Амартола. — Aktes du XIVe (congrès international des etudes Byzantines. Bucarest, 9—12 septembre, 1971), 1974, p. 372.

[25] *И. П. Еремин.* Литература Древней Руси, стр. 53.

подтверждается отношением к книге, выраженным в близких по времени памятниках, в частности, в Похвале книге, содержащейся в Повести временных лет [26], в составе одного из списков I Новгородской летописи [27] и в Слове некоего калугера о почитании книжном [28].

Н. Н. Розов

ЛЕНИНГРАДСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИЗБОРНИКУ 1073 Г., И ЗАДАЧИ ИЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА

Конференция 1974 г. убедительно показала возможности изучения Изборника Симеона-Святослава в многочисленных аспектах в качестве памятника древнеславянской письменности, литературы и искусства [1].

Изборник 1073 г. — единственный памятник письменности «золотого века царя Симеона», сохранившийся полностью в близком ко времени создания оригинала списке и в художественном облике XI в., когда складывались основные элементы оформления русской книги, развившиеся в последующие столетия. Тип книги, который представляет собою Изборник Святослава, является результатом творческого усвоения русскими книжниками традиций формирования репертуара и художественного оформления византийской, а также староболгарской книги [2].

Можно не сомневаться, что данная конференция станет началом нового этапа изучения Изборника 1073 г. во всем разнообразии аспектов его содержания и художественного оформления.

Что же нужно сделать для обеспечения дальнейшего широкого разнообразного и повсеместного изучения этого выдающегося памятника старославянской культуры, и при этом без ущерба сохранности его уникального списка 1073 г.? Ответ напрашивается сам собой: необходимо подготовить его современное научное изда-

---

[26] Повесть временных лет. М.—Л., 1950, стр. 102—103.

[27] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 561.

[28] Изборник 1076 г. М., 1965, стр. 153, 154.

[1] Кроме публикуемых в настоящем издании докладов искусствоведов, был заслушан доклад болгарского филолога И. Добрева «Символические и аллегорические мотивы орнамента Изборника 1073 г.»

[2] См. в настоящем издании: *О. И. Подобедова.* Изборник 1073 г. как тип книги (стр. 31—45).

ние и, прежде всего, сделать новое факсимильное воспроизведение рукописи 1073 г., используя для этого достижения современной полиграфической техники. Существующее ее единственное факсимильное издание 1880 г. было для своего времени, несомненно, выдающимся явлением. Оно гораздо лучше аналогичных изданий Остромирова евангелия (ни в одном из них не воспроизведена расцветка его замечательных инициалов и многочисленных заставок) и монохромных репродукций старейших списков русских летописей, вышедших в 1870-х годах. Однако оно имело общий для таких изданий недостаток — малотиражность, что сделало его сразу же библиографической редкостью. Кроме того — и это главное, — литографированное издание не может быть признано документальным: оно «рисованное», и мы вынуждены верить тому, кто скопировал оригинал — его чутью, пониманию композиции художественного оформления текста, точности воспроизведения красок и их тончайших оттенков. Новое, полиграфически совершенное современное фототипическое издание сделает доступным изучение Изборника Святослава теоретикам и историкам искусства. Широта же возможностей искусствоведческого изучения этого памятника была на конференции 1974 г. блестяще продемонстрирована в докладе Г. К. Вагнера [3]. При этом следует иметь в виду и то, что рукопись Изборника Святослава сохранилась несравнимо лучше, чем, например, оригинал Изборника 1076 г., и ее факсимильное воспроизведение будет в значительной мере удовлетворять потребностям палеографического и лингвистического изучения.

Что же касается вопроса о восстановлении первоначального порядка следования листов Изборника, нарушенного при его последующем переплетении [4], то он не является бесспорным. В кодикологическом аспекте современный вид Изборника Святослава представляет собой книгу того времени, когда был сделан ее ныне существующий старинный переплет. И нарушение первоначального порядка следования листов рукописи, быть может, не было следствием лишь ошибки переплетчика. В XV в. в русской рукописной книжности появляются многочисленные списки Изборника и групп его статей при значительной подчас перекомпоновке последних [5], что могло отразиться в переброшюровке листов рукописи при ее переплетении. И как ни убедительно было, например, доказано О. И. Подобедовой в ее докладе единство изображений княжеской семьи и Христа, добавленных при изготовлении Изборника Святослава, для книжников времени изготовления существующего переплета это единство может быть уже не существо-

---

[3] См. в наст. изд. статью *Г. К. Вагнера* (стр. 139—152).
[4] Подробнее об этом см. в наст. изд. статью *Л. П. Жуковской* (стр. 5—31).
[5] На это обратил внимание еще Л. Мазинг (Archiv für slavische Philologie, Bd. VIII, IX, 1885—1886). Подробнее см. в наст. изд. статью *Л. П. Грязиной* и *Н. А. Щербачевой* (стр. 56—89).

вало. Проблема восстановления первоначального порядка следования листов Изборника Святослава при его новом издании представляется гораздо более сложной, чем та же проблема в отношении к упомянутому Изборнику 1076 г. Последний не переписывался, не получил распространения в рукописной книжности — ни в целом своем составе, ни значительными группами статей, а главное — лишен художественного оформления, столь тесно связанного с композицией текста в Изборнике Святослава. Поэтому в новейшем наборном издании Изборника 1076 г. первоначальный порядок следования листов рукописи, нарушенный также при переплетении в XV в., был восстановлен [6]. Решение этой проблемы при издании Изборника Святослава должно начаться с кодикологического анализа этой книги — изучения сшивки листов и компоновки тетрадей, для чего ее необходимо будет хотя бы на время расплести. Без этого невозможно и хорошее факсимильное воспроизведение рукописи, так как фотографирование листов разогнутой книги всегда дает искажение текста. Наконец, и для дальнейшего изучения Изборника (ни одно, даже самое совершенное, воспроизведение не может полностью исключить необходимость обращения к оригиналу) удобнее его хранить в расплетенном виде, как это сделано уже в Публичной библиотеке с Остромировым евангелием и Изборником 1076 г. Однако вопрос о форме дальнейшего хранения рукописи Изборника Святослава должен быть решен особо, учитывая, в первую очередь, мнение его современных ученых хранителей.

Факсимильное издание Изборника Святослава не сможет, однако, полностью обеспечить исследование происхождения и сравнительно-лингвистическое изучение его текста. Поэтому оно должно быть сопровождено наборным изданием того типа, который был создан А. X. Востоковым для публикации Остромирова евангелия и в наши дни возобновлен Институтом русского языка Академии наук СССР при издании Изборника 1076 г. И здесь Изборник Святослава находится в гораздо лучшем, чем оба названные его современника, положении. Если к изданию Остромирова евангелия был привлечен сводный искусственный греческий текст, а современные издатели Изборника 1076 г. привели параллели из различных памятников византийской патристики и агиографии, то к публикации Изборника Святослава может быть привлечен текст греческого сборника, один из списков которого был указан еще А. X. Востоковым [7]. И будущим издателям Изборника Симеона-Святослава надо будет лишь решить, какой именно из известных списков его греческого протографа следует

---

[6] Изборник 1076 года. М., 1965. Вопрос о том, надо ли восстанавливать первоначальный порядок листов рукописи в натуре в случае восстановления переплета, относительно данного памятника остается открытым.

[7] *А. X. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 500.

привлечь в качестве параллельного [8]. По этому списку можно будет и восполнить лакуны текста рукописи 1073 г. в ее наборном издании, а также сверить реконструкцию первоначальной последовательности ее листов, которая должна быть осуществлена в данном издании, как это было сделано при публикации Изборника 1076 г.

Таковым представляется первый этап работы по подготовке научного издания Изборника Святослава, который может быть осуществлен совместными усилиями советских и болгарских ученых. Эти усилия должны обеспечить и второй, более длительный и сложный этап работы, который завершит научное издание Изборника Симеона-Святослава.

Следует провести тщательное обследование хранилищ славянских и русских рукописных книг для розыска новых списков Изборника. До конференции 1974 г. было известно около 20 списков этой книги и ее отдельных частей [9]. В своих выступлениях на конференции проф. К. Куев [10], а также сотрудники Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина [11] пополнили это число вновь обнаруженными списками в этой библиотеке и в зарубежных хранилищах. Можно не сомневаться в том, что широкое, фронтальное обследование древлехранилищ болгарскими и советскими исследователями — а только так и возможно проделать эту чрезвычайно трудоемкую работу — во много раз увеличит число списков Изборника и его отдельных статей, что может дать обильный материал для изучения происхождения и распространения этого выдающегося памятника древнеславянской культуры в различных территориальных регионах и читательских кругах. Напомню, как в свое время находка С. П. Шевыревым в Кирилло-Белозерском монастыре второго списка Изборника, датированного 1445 г., внесла существенную поправку в сведения о нем: во вновь найденном списке сохранилось имя царя Симеона. И возможность обнаружения новых списков Изборника, восходящих не к рукописи 1073 г., а к ее оригиналу, представляется вполне реальной.

После выявления по возможности всего сохранившегося рукописного наследия Изборника Симеона надлежит провести тщательную и кропотливую работу по сравнительному изучению состава

---

[8] При предыдущей незавершенной попытке научного издания Изборника Святослава, предпринятой О. М. Бодянским, в этом качестве был привлечен не только греческий текст IX в., но и его перевод на латинский язык (подробнее об этом — ЧОИДР, 1882 г., кн. 4); однако были опубликованы лишь 74 листа рукописи.

[9] *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский Изборник и его русская рукописная традиция. — ИОЛЯ, XXVIII, 1969, стр. 76—78.

[10] *К. Куев.* Археографические наблюдения над сборником Симеона в старославянских литературах (в наст. изд., стр. 50—56).

[11] *Л. П. Грязина* и *Н. А. Щербачева.* Указ. ст. в наст. изд., стр. 56—89.

и компоновки его списков [12]. В результате ее должны будут определиться группы последних, восходящие к общим прототипам, обрисуется их генеалогия. Далее надо будет произвести тщательное сравнительно-текстологическое изучение списков каждой группы, чтобы выяснить, какие из них и как следует публиковать. При решении этого вопроса возможно использование опыта издания древних текстов болгарскими и советскими исследователями. Первые публикуют чаще всего по отдельности, один за другим и полностью все или большинство списков [13]; вторые полностью публикуют лишь основные списки групп, подводя к ним в сносках важнейшие смысловые разночтения [14].

В качестве ближайшей задачи следует поставить сейчас издание рукописи 1073 г. — факсимильное и наборное; последнее — с привлечением текста греческого протооригинала, восстановлением первоначального порядка следования частей текста, с подробным лингвистическим комментарием и словоуказателем.

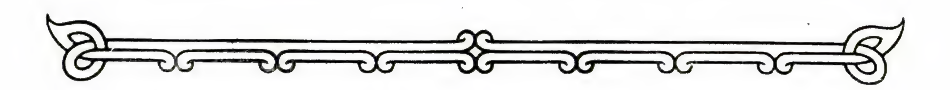
Таковы планы и предложения, логически и неотвратимо вытекающие из итогов Ленинградской конференции 1974 г., — первого в истории многовековых культурных связей между болгарским и русским народами совместного форума советских и болгарских ученых, посвященного знаменитому памятнику старославянской письменности.

---

12 Некоторые приемы такой работы — над небольшой группой списков — продемонстрированы в статье Л. П. Грязиной и Н. А. Щербачевой, стр. 56—89 наст. изд.

13 Так, были опубликованы, например, К. Куевым сочинения черноризца Храбра (1967 г.) и Азбучная молитва (1974 г.).

14 Правила таких изданий опубликованы в статье *Р. П. Дмитриева.* Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, XI, 1955, стр. 491—499. Можно указать на случай соединения практики советских и болгарских публикаций — в издании сочинений Климента Охридского (София, 1970—1973).



РУКОПИСИ ИЗБОРНИКА 1073 Г.

К. М. Куев

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СБОРНИКОМ СИМЕОНА В СТАРОСЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ *

Появление и развитие письменности в Болгарии, как и у других народов (готов, коптов, эфиопов, армян, русских, грузин, поляков, мораван и др.), было связано с принятием христианства. Первые болгарские книжники должны были прежде всего удовлетворять потребности богослужения. Однако позднее, когда эти потребности были в основном удовлетворены, перед книжниками встали новые задачи. Этот период истории Болгарии начался с прибытия учеников Кирилла и Мефодия в 886 г. и особенно после 893 г., когда Симеон на территории своего государства заменил греческий язык в качестве официального староболгарским. Осмысливание ряда основных нравственных, философских, догматических и канонических положений христианства, с учетом которых строилась политика государства и церкви, вызвало необходимость в усилении просвещения.

Конец IX—начало X в. в Болгарии — время расцвета литературы, разнообразия ее жанров: создаются нравоучительные проповеди, похвальные слова, экзегетические труды, догматические сочинения, канонические сборники, философские трактаты, стихотворения, службы летописи и др. Это оживление является результатом развития общественно-политической мысли, роста национального самосознания, находившего свое выражение в стремлении создать самостоятельную болгарскую культуру, которая объединяла бы болгарскую народность и позволила ей соперничать с соседней Византией.

В этом подъеме творческих сил немаловажную роль сыграла политика царя Симеона (893—927 гг.), известного в истории Болгарии и как литературного деятеля, покровителя культуры. За свою ученость и отличное знание греческого языка он был про-

* Перевод с болгарского И. И. Калиганова.

зван византийцами «полугреком». С его именем связано появление в болгарской литературе ряда трудов. Так, по распоряжению Симеона пресвитер Григорий перевел «Восьмикнижие» (Пятикнижие Моисея, книгу Иисуса Навина, книгу Судей, книгу Руфь), а Константин Преславски — «Четыре слова против ариан» и др. С именем Симеона связан и так называемый сборник Симеона-Святослава, дошедший до нашего времени в списке 1073 г.

Этот сборник, созданный в столице Болгарии Преславе, хранился там около полувека. Затем его постигла судьба, аналогичная судьбам других многочисленных памятников древнеболгарской литературы, которые были или вывезены за границу и послужили основой для новых списков, или бесследно исчезли. Большинство ученых считают, что сборник Симеона был вывезен из Преслава на Русь во время второго болгарского похода Святослава (969—971 гг.). На Руси впоследствии появились новые списки этого памятника.

В настоящее время мне известны 19 списков. Остановимся на них подробнее.

1. Воскресенский список 1073 г. Рукопись в лист, на 266 лл. пергамена, писана в два столбца уставом, редакция русская, со следами болгаризмов. Включает 383 статьи ряда видных и некоторых второстепенных церковных деятелей и писателей патристической эпохи христианской литературы. Была написана в 1073 г. дьяком Иоанном для киевского князя Святослава Ярославича (1027—1076 гг.), сына Ярослава Мудрого; открыта в июне 1817 г. в Воскресенском монастыре К. Калайдовичем и П. Строевым. Позднее рукопись стала собственностью Московской Синодальной библиотеки, где ее подробно описали А. Горский и К. Невоструев [1].

В 1920 г. вместе с другими рукописями Синодальной библиотеки сборник был передан в Государственный Исторический музей (ГИМ) в Москве (Син. 31 Д.).

В 1880 г. сборник был издан в Петербурге фотолитографическим способом тиражом 260 экземпляров [2]. В 1884 г. часть сборника была издана Обществом истории и древностей Российских [3]. Издание ценно сопровождающими его статьями Е. Барсова и А. Дювернуа, а также наличием греческих и латинских параллелей.

Когда в науке речь идет о сборнике Симеона-Святослава, обыкновенно подразумевается именно этот список. Считается, что он наиболее полно отражает содержание и особенности несохранившегося оригинала.

2. Хилендарский список XIII в. Рукопись в лист, на 257 лл., писана в два столбца крупным уставом, редакция сербская.

---

[1] *А. Горский* и *К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. II, ч. 2. М., 1859, стр. 365—405, № 161/31.

[2] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880.

[3] См. сн. 53 на стр. 89 наст. изд.

Начало и конец утрачены. Хранится в Хилендарском монастыре под № 24 [4]. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах части этой рукописи были вывезены из Хилендарского монастыря. В настоящее время они находятся в Ленинграде (БАН 13.7.1, собр. Дмитриевского, № 3) и в Москве (ГБЛ, Григор. 19; Муз. 1702) [5]. По мнению В. Истрина, сборник является не переводом, а самостоятельным славянским произведением, очень разнообразным по содержанию. Рукопись обнаруживает сходство с Изборником 1073 г. Из приведенных В. Истриным параллелей, например, видно, что «Вопросы и ответы» Анастасия полностью совпадают с соответствующей статьей списка 1073 г.

3. Бухарестский список XIII—XIV вв. Рукопись без начала и конца, на 245 лл. пергамена, писана полууставом, редакция сербская. До конца XIX в. была собственностью Г. Н. Ману, который 31 января 1896 г. подарил ее Румынской Академии наук в Бухаресте, где она хранится под шифром: № 72 mss. slav [6]. По своему составу рукопись очень близка Воскресенскому списку, но ее статьи расположены в другом порядке.

4. Онфимов список 1403 г. Рукопись в лист, на 164 лл. пергамена, писана в два столбца полууставом, редакция сербская, со следами болгаризмов. Из приписки на л. 160 б следует, что рукопись была создана в 1403 г. монахом московского Андронникова монастыря Онфимом. Позднее рукопись попала в Московскую Синодальную библиотеку [7]. Подробно рукопись описана А. Горским и К. Невоструевым [8]. С 1920 г. рукопись хранится в Государственном Историческом музее (Син. 275). Содержание ее первых 77 листов полностью совпадает с содержанием Воскресенского списка [9].

5. Кирилло-Белозерский список 1445 г. Рукопись в 8°, на 419 лл., на бумаге, писана полууставом, редакция русская. Список был обнаружен в Кирилло-Белозерском монастыре С. Шевыревым в 1847 г.[10] В конце XIX в. рукопись вместе с другими памятниками письменности Кирилло-Белозерского монастыря была

---

[4] *В. М. Истрин.* Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета В. Истрина за вторую половину 1894 г. — ЖМНП, 1896, апрель, ч. II, стр. 48—63; *П. А. Лавров.* Апокрифические тексты. Сб. ОРЯС, т. 67. СПб., 1899, стр. I—XIV; Sava Chilanarec. Rukopisy a starotisky Chilandarska. — Vestnik kralovske česke společnosti nauk, roč. 1896. Praha, S. 20—21, N 24.

[5] Изложбе српске писане речи. Београд, 1973, стр. 35.

[6] *А. И. Яцимирский.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. Сб. ОРЯС, т. 79. СПб., 1905, стр. 198—204, № 73; *P. Panaitescu.* Manuscrisele slave din biblioteca Academiei RPR, I. București, 1959, стр. 87—88.

[7] *Савва.* Указатель для обозрения Московской патриаршей ныне Синодальной библиотеки. М., 1858, стр. 227—228, № 275.

[8] *А. Горский* и *К. Невоструев.* Указ. соч., стр. 406—409; № 162.

[9] *L. Masing.* Studien zur Kenntniss des Izbornik Sviatoslava, vom J, 1073. ASLPH, B. X. (1886), S. 78.

[10] *С. Шевырев.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в вакационные дни 1847 г., ч. II. М., 1850, стр. 30—32.

передана библиотеке Петербургской Духовной академии. В 1919 г. рукописи Духовной академии были переданы Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, где и находится сейчас список 1445 г. под шифром: Кир.-Бел. 5/1082. Список является почти точной копией Воскресенского списка 1073 г. Различия между ними небольшие. Список ценен прежде всего тем, что в нем есть Похвала Симеону.

6. Бухарестский список XV в. Рукопись в лист, на 350 лл., писана полууставом, редакция сербская. Ранее рукопись принадлежала Национальному музею древностей в Бухаресте [11]. В настоящее время хранится в рукописном отделе Румынской Академии наук в Бухаресте под шифром: mss. slav., № 310. Сравнение этого списка со списком 1073 г. показывает, что автор первого являлся не просто переписчиком, но и редактором: помимо материала из Изборника, он использовал и другие источники. Этот список гораздо дальше отстоит от Изборника, чем Бухарестский список № 72.

7. Толстовский список XV в. Рукопись в 4°, на 224 лл., писана полууставом, редакция русская, из собрания Ф. А. Толстого [12]. Позднее сборник стал собственностью ГПБ, где сейчас хранится под шифром: Q.I 208.

8. Румянцевский список XV в. Рукопись в 4°, на 306 лл., писана полууставом, редакция русская, со следами болгаризмов. Ранее рукопись принадлежала графу Н. П. Румянцеву [13]. В настоящее время хранится в Румянцевском собрании в ГБЛ под шифром ф. 256, № 6. Список ценен тем, что в нем имеется ряд мест, отсутствующих в Изборнике 1073 г.

9. Новгородский (Софийский) список XV—XVI вв. Рукопись в лист, на 170 лл., писана в два столбца полууставом, редакция русская. До середины XIX в. принадлежала новгородскому Софийскому кафедральному собору. В 1859 г. перешла в библиотеку Петербургской Духовной академии, где оставалась до 1919 г. Затем рукопись стала собственностью ГПБ, где хранится в настоящее время под шифром: Соф. № 1285. Составитель рукописи позаимствовал материал из Изборника, но существенно переработал его [14].

10. Барсовский список 1519 г. Рукопись в 4°, на 269 лл., писана полууставом, редакция русская. До Октябрьской революции рукопись принадлежала Е. В. Барсову (1836—1917 гг.),

---

11 *А. И. Яцимирский.* Указ. соч., стр. 485—488, № 156.

12 *К. Калайдович* и *П. Строев.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей графа Ф. А. Толстого. М., 1825, стр. 276, № 100, отд. II.

13 *А. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 9—10, № 6.

14 *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его рукописная традиция. — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. XXVIII. М., 1969, стр. 77—78.

а затем перешла в ГИМ, где хранится под шифром: Барс. № 309. Этот список очень близок Изборнику 1073 г. [15]

11. Второй Кирилло-Белозерский список XVI в. Сборник в лист, на 344 лл., писан полууставом, редакция русская. Рукопись принадлежала Кирилло-Белозерскому монастырю, в конце XIX в. была передана Петербургской духовной академии, а затем в 1919 г. перешла в ГПБ, где и хранится под шифром: Кир.-Бел. 75/1157. Сборник озаглавлен «Книга о латинех», так как в нем много говорится о «латинской ереси», т. е. об отделении Западной церкви от Восточной и о различиях между ними. Изборник начинается в этом списке с л. 61 и имеет то же заглавие, что и Воскресенский список.

12. Волоколамский список XVI в. Рукопись в 4°, на 195 лл., писана полууставом, редакция русская. До 1859 г. принадлежала Волоколамскому монастырю, затем — Московской духовной академии. В 1928—1929 гг. рукописи Московской духовной академии были переданы в ГБЛ. Указанный список хранится здесь под шифром: ф. 113, № 496 [16].

13. Синодальный список XVI в. Рукопись в 4°, на 469 лл., писана полууставом, редакция русская, но с частым употреблением ѫ. Рукопись принадлежала Московской Синодальной библиотеке. С 1920 г. хранится в ГИМ, шифр: Син. № 561. В ней помещено более 40 статей Изборника, расположенных в другом порядке [17].

14. Виленский список XVI в. Рукопись в лист, на 292 лл., писана полууставом, редакция русская. В 1758 г. принадлежала Жировицкому монастырю, затем попала в библиотеку Литовской духовной семинарии в Вильно, а оттуда в Виленскую публичную библиотеку [18]. После второй мировой войны рукописи публичной библиотеки были переданы в библиотеку Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе, где и находится сейчас упомянутый список под шифром: slav. 260. Сравнение содержания и ряда статей Виленского списка с Воскресенским показывает, что первый является копией второго.

15. Петрозаводский список XVI в. Сборник в лист, на 264 лл., писана полууставом, редакция русская, происходит из Южной Руси. Согласно Е. Барсову, сборник является сочинением Анастасия Синаита (VII в.), включает первую половину Изборника 1073 г. (в этом отношении Петрозаводский список совпадает с Румянцевским № 6). Рукопись была описана Е. Барсовым и А. Вик-

---

[15] Краткие сведения о Барсовском списке см. L. Masing. Op. cit.

[16] Рукопись описана: *Иосиф.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 121—123, № 138/496.

[17] *А. Горский* и *К. Невоструев.* Указ. соч., т. II, ч. 3. М., 1862, стр. 643—667, № 323.

[18] *Ф. Добрянский.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, стр. 432—439, № 260/172.

торовым [19]. Современное местонахождение Петрозаводского списка неизвестно.

16. Перемышльский список XVI в. Рукопись в лист, на 258 лл., писана полууставом, редакция русская, со следами болгаризмов (ѫ — нередко употребляется правильно). По мнению Е. Калужняцкого, данный список является копией Воскресенского [20]. Позднее Н. Н. Розов отметил, что данный список совпадает с Воскресенским только до 18 главы [21]. В настоящее время рукопись хранится в Национальной библиотеке в Варшаве под шифром: Акцессии № 2699.

17. Второй Синодальный список XVI—XVII вв. Рукопись в 4°, на 238 лл., писана полууставом разных почерков, редакция русская. Рукопись принадлежала Московской Синодальной библиотеке (№ 558) [22]. В настоящее время хранится в ГИМе под шифром: Син. 558. На лл. 9—39 помещены статьи из Изборника (лл. 4—20). Последняя статья — Символ веры Михаила Синкелла — не окончена.

18. Ленинградский список XVII в. Рукопись в лист, на 265 лл., писана полууставом, редакция русская. Хранится в библиотеке БАН в Ленинграде под шифром: 33.8.15. Список начинается Вопросами и ответами Анастасия — той же статьей, что и в Воскресенском списке (лл. 27—33). Из Изборника были заимствованы и другие статьи. По своему составу данный список очень близок Петрозаводскому, Румянцевскому № 6 и др.

19. Уваровский список XVII в. Помещен в сборнике, состоящем из двух рукописей, объединенных при переплете. Во второй его части помещены слова, которые не имеют ничего общего с Изборником. Рукопись в 4°, писана полууставом молдавского письма, ранее принадлежала И. Царскому [23]. Позднее рукопись была куплена А. Уваровым [24]. В 1917 г. собрание А. С. Уварова поступило в ГИМ, где оно сейчас и находится. Упомянутая нами рукопись имеет шифр: Увар. 4°, 757. При составлении этого сборника автор руководствовался Изборником, но подвергал материал обработке.

Приведенные выше списки свидетельствуют не только о популярности Изборника в древнеславянских литературах, особенно

---

[19] *Е. В. Барсов.* Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. — Летопись занятий Археографической комиссии, I. СПб., 1877, стр. 1—85, № 168; *А. Е. Викторов.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 298—299, № 62/163.

[20] *Е. Калужняцкий.* Обзор славяно-русских памятников языка и письма, хранящихся в библиотеках и архивах львовских. — «Труды третьего археологического съезда в России». Киев, 1878, стр. 283.

[21] *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник», стр. 77.

[22] *А. Горский, К. Невоструев.* Указ. соч., т. II, ч. 3, стр. 761—771, № 331/558.

[23] *П. Строев.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848, стр. 774—775, № 721.

[24] *Леонид.* Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. IV. М., 1894, стр. 168—170, № 1843/757, 721.

в России, но и о его влиянии на древнерусскую литературу. Научное издание памятника с подведением разночтений по всем его известным спискам более ясно и убедительно раскроет эту роль Изборника. Следует также отметить, что многие произведения византийской литературы стали известны древнеславянским книжникам именно благодаря переводу этих произведений на древнеболгарский язык в Изборнике. Таким сочинением, например, является литературоведческая статья Георгия Хировоска «Об образех», которая завоевала широкую популярность в древнеславянских литературах благодаря Изборнику.

Л. П. Грязина, Н. А. Щербачева

К ТЕКСТОЛОГИИ ИЗБОРНИКА 1073 Г.[1]

(По рукописям Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина)

Списков Изборника пока в науке известно не так много. Н. К. Никольским в 1906 г. их было названо 16 [2]. К. М. Куев пополнил этот перечень еще пятью списками [3]. Среди известных ранее списков и копий Изборника 1073 г. в ОР ГБЛ хранятся следующие: I. Григоровича (ф. 87) № 19; 2. Румянцева (ф. 256) № 6; 3. Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) № 496; 4. Копия А. Ратшина (ф. 256) № 356; 5. ОР (ф. 218) № 924.5; 6. Различные копии, находящиеся в архиве С. Бодянского (ф. 36) к. 1 № 40, к. 3 № 39, к. 6 № 5. В настоящее время работа по описанию рукописных книг, проводимая в Отделе рукописей ГБЛ при подготовке справочника «Собрания рукописных книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», позволила найти несколько не известных ранее списков этого памятника [4]: I. Рукопись 1619 г.

---

[1] Авторами этой статьи различаются: а) Изборник — первоначальный болгарский протограф; б) Изборник Святослава 1073 г. — как один из списков Изборника, ставший в свою очередь протографом целого ряда русских списков.

[2] *Н. Никольский.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906, стр. 19—21. К сожалению, нет данных о современном местонахождении собрания Петрозаводского архиерейского дома, в котором была одна из рукописей, названных Н. К. Никольским.

[3] См. статью К. М. Куева в наст. изд., стр. 50—56.

[4] Поскольку работа над Справочником не окончена и описи составлены не на все собрания ГБЛ, перечень списков Изборника, представленный здесь, возможно, не является исчерпывающим.

из собрания Овчинникова (ф. 209) № 108 (далее будем обозначать ее Ов.); 2. Рукопись I четверти XVII в. из собрания Егорова (ф. 98) № 745 (далее — Ег.); 3. Рукопись III четверти XVI в. из собр. Строева (ф. 292) № 66 (далее — С.); 4. Рукопись 1891 г. из собр. Прянишникова (ф. 242) № 193, являющаяся списком с Ов.; 5. Рукопись второй половины XIX в. из собр. Никифоровых (ф. 199) № 637, являющаяся списком с части Ов.; 6. Рукопись 1857 г. из собр. Рогожского кладбища (ф. 247) № 16, являющаяся списком с части Ег. Все они подробно описаны ниже в приложении к настоящей статье.

Сопоставление всех известных списков Изборника дает возможность выявить их взаимосвязь, составить представление об истории текста. Нам известны лишь две работы, посвященные данной проблеме. В 1885 г. была издана статья Л. Мазинга [5], в которой автор привлек для сравнения пять списков [6]. Он подробно описал каждую из рассматриваемых рукописей и привел таблицы, в которых сопоставил номера статей в текстах сборников с их номерами в «индексах» (оглавлениях). Было проведено также сравнение «перечней вопросов», находящихся в Барсовской и Синодальной 1403 г. рукописях, с их источниками — по Патрологии Миня. Таблицы дали возможность наглядно представить некоторые характерные особенности рассматриваемых списков, позволяющие как-то классифицировать их. В результате оказалась очевидной близость Синодальной (1403 г.) и Барсовской рукописей к Изборнику 1073 г., в то время как Румянцевская (XV в.) и Кирилло-Белозерская (1445 г.) стоят особняком, отличаясь от Изборника 1073 г. и друг от друга.

Н. Н. Розов, продолжая работу, проделанную Л. Мазингом, расширил круг сопоставляемых рукописей [7]. Им привлечено еще 6 списков [8], из которых он выделяет Толстовский и Иосифо-Волоколамский как списки собственно Изборника, а остальные — как те, в которых статьи Изборника оказались включенными в рукописные книги иного состава. Н. Н. Розов рассмотрел некоторые

---

[5] *L. Masing*. Studien zur Kenntniss des Izbornik Sviatoslava, vom J. 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. — Archiv für slavische Philologie, Bd. VIII. Berlin, 1885, p. 357—395; v. IX. Berlin, 1886, p. 77—112.

[6] Синодальный 1403 г. (новый шифр — ГИМ, Синод. № 162); Барсовский 1519 г. (ГИМ, собр. Барсова, № 309); Кирилло-Белозерский 1445 г. (ГПБ, Кир.-Бел. № 5/1082); Румянцевский XV в. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 6); Копию А. Ратшина с Изборника 1073 г. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 356).

[7] *Н. Н. Розов*. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXVIII, вып. I. М., 1969, стр. 75—78.

[8] Толстовский втор. пол. XV в. (ГПБ, Q I, № 208); Иосифо-Волоколамский XVI в. (ГБЛ, собр. И.-Вол. № 496); Кирилло-Белозерский нач. XVI в. (ГПБ, Кир.-Бел. № 75/1152); Перемышльский XVI в. (хранится в Польской национальной библиотеке. В ГПБ есть микрофильм этой рукописи, его шифр — мф Р/1389); список XVI в. Библиотеки Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (№ 260) и Сборник кон. XV в. Новгородской Софийской библиотеки (ГПБ, Соф. № 1285).

особенности нумерации глав в оглавлениях и в текстах данных списков; обратил внимание на интересные особенности в структуре рассмотренных сборников по сравнению с Изборником 1073 г. и друг с другом: в оглавлении Кир.-Бел. списка № 75/1152 упомянута статья о 7-м соборе (№ 17), хотя в тексте ее нет. Она отсутствует и во всех списках, привлеченных Л. Мазингом, но есть, как отмечает Н. Н. Розов, в списке Новгородской Софийской библиотеки (л. 11). Два сборника — Перемышльский и Виленский — оказались очень схожими. В обоих до 18-й главы состав совпадает с Изборником 1073 г. и его рассмотренными списками, но после этого резко отличается: в дальнейшем переписаны лишь статьи, оформленные как вопросы с ответами [9].

Для того чтобы с большим основанием говорить о наличии разных редакций Изборника или хотя бы разных групп его списков, необходимо выявить как можно большее число этих списков, сопоставить их между собой и со всеми ранее известными.

Задачей данной статьи является сопоставление списков Изборника, хранящихся в ГБЛ. Сопоставление ведется в нескольких аспектах: сравнение по нумерации глав в текстах и в оглавлениях; сличение состава сборников и текстуальное сравнение заголовков. Для сопоставления привлекаются 5 рукописей, в том числе и известные ранее Румянцевская XV в. (Р.) и Иосифо-Волоколамская конца XV (?)—начала XVI в. (И.-В.). Списки же XIX в. из собраний Прянишникова и Никифоровых, сделанные с Ег. и Ов., не сравниваются с другими, так как отличия их от оригиналов не существенны. Фрагменты Изборника, хранящиеся в ГБЛ в собрании В. И. Григоровича (ф. 87) № 19, также не сопоставляются с другими списками, поскольку объем текста, содержащегося в них, слишком мал. Копии с некоторых глав Изборника 1073 г., находящиеся в архиве О. М. Бодянского (ф. 36 1.40; 3.39) и в Собрании Отдела рукописей (ф. 218) № 924.5, а также копия А. Ратшина с Изборника 1073 г. точно следуют своему протографу, поэтому не привлекаются нами для сопоставления. Но все упомянутые рукописи описаны в приложении к настоящей статье. Не привлекаются нами для сопоставления и известные рукописи, находящиеся в других хранилищах, так как объем и тема данной статьи ограничены.

Авторы приносят глубокую благодарность Н. Б. Тихомирову, которому принадлежит сама идея подобной работы, Л. В. Тигановой, а также другим товарищам по работе за оказанную ими помощь.

Остановимся на нумерации глав в оглавлениях и текстах интересующих нас сборников.

Иосифо-Волоколамская рукопись (И.-В.), являющаяся списком второй части Изборника, имеет в начале оглавление, состоя-

---

[9] *Н. Н. Розов.* Указ. соч., стр. 77.

щее из 191 главы. Нумерация глав в оглавлении почти полностью совпадает с нумерацией глав в тексте. Есть лишь несколько расхождений: 1) глава, названная в оглавлении 60-й, в тексте — 61-я. Но следующая глава и в тексте, и в оглавлении — 61-я, и далее вновь восстановлено соответствие; 2) начиная с главы 183 и до конца рукописи в тексте нет нумерации статей, в оглавлении же соответствующие статьи идут под №№ 183—191.

Сравнивая оглавление И.-В. и оглавление второй части Изборника 1073 г., можно убедиться в их полном постатейном совпадении. Но в оглавлении Изборника 1073 г. — 189 глав, а в И.-В., как уже говорилось, 191. Несоответствие возникло из-за того, что в оглавлении Изборника 1073 г. статьи «**Отъ апльскыихъ заповѣді**» (в И.-В. № 101) и «**Отъ Исхода**» (в И.-В. № 107) не пронумерованы, хотя и названы. Важно при этом отметить, что в тексте Изборника 1073 г. указанные статьи имеют номера, и эти номера совпадают с номерами в оглавлении и в тексте И.-В.

Егоровский список (Ег.) не имеет оглавления в начале. Оно находится непосредственно перед «Анастасиевыми ответами», таким образом, часть рукописи до «Анастасиевых ответов» в оглавлении не отражена. Кроме того, в оглавлении обозначены только главы, оформленные как вопросы, а все прилагаемые к ответам выписки из св. писания и сочинений отцов церкви, составляющие в Изборнике 1073 г. отдельно пронумерованные главы, в оглавлении Ег. не отражены. Всего в оглавлении этой рукописи 90 пронумерованных глав, после чего следует заголовок: «**(Н)оевых снωв д по потопѣ. Роди сѣменъто Адамля дщи, по лхъ лѣтехъ Кал'мана, по Каинѣ роди о дроугих лтех лѣтех родися Авель и сестра его Девора въ рлетое лѣто, а е же есть пръвый члкъ родися Сифъ, члкъ исполинъ по подобію Адамлю**». Этот заголовок не имеет номера в оглавлении. А в тексте рукописи нет соответствующей статьи.

Часть рукописи, предшествующая «Анастасиевым ответам», хотя и не учтена в оглавлении, имеет частичную нумерацию в тексте. Особенность этой нумерации в том, что после 4-й главы идет 6-я, после 6-й — несколько глав без номеров, а статьи о соборах имеют собственную нумерацию (2—6). Нумерация в оглавлении соответствует нумерации в тексте за некоторыми исключениями: 1) в тексте нет заголовка статьи «**Бгослов'ца ωт словес**», которая в оглавлении обозначена № 90; 2) кроме того, как было отмечено выше, в тексте отсутствует глава «**Ноевых нснωв д...**». Эта глава названа в оглавлении без номера.

Рукопись Ов. имеет оглавление в самом начале. Особенностью этого оглавления является то, что оно состоит из двух частей: первая содержит оглавление статей, предшествующих «Анастасиевым ответам» (главы 1—14), а вторая — «Анастасиевы ответы» и все статьи до конца (главы 1—90). Нумерация в оглавлении

соответствует нумерации глав в тексте, за исключением: 1) главы о соборах в оглавлении обозначены №№ 9—14, а в тексте 1—6; 2) статья «**Въпросы і ѡтвѣти Григоріа Бгослов'ца и Басіліа**» не имеет номера в оглавлении, в тексте же она обозначена очередным № 86. Соответственно все последующие номера статей в тексте на единицу больше, чем номера статей в оглавлении; 3) в тексте нет заголовка статьи «**Бгословца ѡт словесь**», которая числится в оглавлении под № 89, а в тексте должна бы была быть 90-й; 4) наконец, в оглавлении есть заголовок № 90: «**Ноевъ снъ д по потопѣ роди Сѣмонтъ Ядамлѧ дъщи...**» (дальше — так же, как в Ег.), а соответствующего текста в рукописи нет.

Таким образом, сходство между Ег. и Ов. состоит в следующем: 1) нумерация глав в тексте, предшествующем «Анастасиевым ответам» Ег. не полностью, а только с 1-й по 4-ю главу, совпала с нумерацией в оглавлении и в соответствующем месте текста Ов. (также с 1-й по 4-ю главу); 2) главы о соборах как в той, так и в другой рукописи имеют самостоятельные, а не порядковые номера; 3) статья Ов. «**Въпросы і ѡтвѣти Григоріа Бгослов'ца и Басіліа**», не имеющая номера в оглавлении данной рукописи, но обозначенная № 86 в тексте, в Ег. стоит под этим номером (86-м) и в оглавлении, и в тексте. Кроме того, нужно учесть, что если в тексте Ов. номера́ статей 86—90 на единицу больше, чем их номера́ в оглавлении, то номера́ статей в тексте Ов. совпадают с номерами статей в тексте и в оглавлении Ег.; 4) в текстах обеих рукописей нет заголовка статьи «**Бгословца ѡт словесъ**», хотя она и обозначена в оглавлениях. Причина такой лакуны одна и для Ег., и для Ов.: протограф, к которому они, вероятнее всего, обе восходят, был дефектным; 5) наконец, последняя из обозначенных в оглавлениях статей: «**Ноевъ снъ д...**» отсутствует в текстах сопоставляемых рукописей. Она носит характер скорее не заголовка, а приписки, которая, возможно, шла после оглавления в протографе и была внесена в оглавление переписчиком как статья.

В Строевской рукописи (С.) вообще нет оглавления, но есть нумерация глав в тексте. Причем, у ряда статей она двойная: один номер проставлен чернилами, а другой — киноварью. С главы 1-й по 23-ю включительно нумерация чернилами в данной рукописи совпадает с нумерацией статей в оглавлении Ег. и второй части оглавления Ов. Но начиная с 24-й главы не находит себе аналогий ни в одной из рассматриваемых рукописей, в том числе и в Изборнике 1073 г. Всего в С. пронумерована 101 глава (по нумерации чернилами, проставленной тем же почерком, которым написана и вся рукопись).

Румянцевская рукопись (Р.) также не имеет оглавления. Нет у нее и нумерации большинства глав в тексте. Однако рядом с заголовками некоторых статей проставлены киноварью и номера. Так, статья под № 35 — «**Како есть разоумѣти, еже азъ**

ожещоу срдце фараѡновѡ» — во второй части списка 1073 г. тоже № 35; следующий пронумерованный заголовок «Како ста дiаволъ пред бм҃ъ съ аг҃глы» — № 39, как и в списке 1073 г. Совпадают главы обеих рукописей под номерами 40, а также под номерами 43. Но с главы «Того еще на Оулiана, твое ли еже еллiньскы вѣщати что ли не соут ли финичьскаа писмена», рядом с заглавием которой проставлен № 130, нумерация Р. соответствует киноварной нумерации С. В обеих рукописях один номер следует за другим не подряд. Так, после № 130 в обеих рукописях одна и та же статья идет под № 146, а между ними статьи не пронумерованы. Далее, совпадают статьи и номера 151, 157, 159, 161—162, 185. Но в Р. есть пронумерованные статьи, рядом с заголовками которых в С. нет киноварных номеров. Эги статьи: 158, 160, 163 (ошибочно второй раз написано 162), 181, 186, 187. Однако необходимо отметить, что те соответствия в нумерации, которые есть у С. и Р., не находят аналогий в других рукописях.

Рассмотрев соотношение нумерации глав и оглавлений интересующих нас сборников, остановимся теперь подробнее на их составе.

Сравнение каждого из списков И.-В., Ов., Ег., Р. и С. с Изборником 1073 г. и всех пяти между собой (см. Сравнительную таблицу состава рукописей. . .) позволило обнаружить, что наиболее близкий к Изборнику 1073 г. список И.-В., содержащий его вторую часть, имеет все же некоторые характерные отличия от него. В И.-В. нет лакун списка 1073 г., появившихся в связи с частичной утратой листов. Предварительное текстологическое сличение заголовков статей И.-В. и второй части Изборника 1073 г. показывает почти дословное их совпадение. Однако в И.-В. отсутствует заключающая список 1073 г., не упомянутая в оглавлении и помещенная после записи писца статья «Лѣтописьць въкратъцѣ. . .». Помимо этого в И.-В. еще в двух случаях имеются отличия по составу от списка 1073 г. (об этом см. ниже). Заголовки некоторых статей И.-В., в отличие от «Изборника» 1073 г., не выделены киноварью.

Сборники Ов. и Ег. при ближайшем рассмотрении оказались очень близкими между собой по составу. В основном они следуют за списком 1073 г., но имеют некоторые общие характерные отличия от него и от всех других рассматриваемых нами рукописей. Оба сборника имеют одинаковые лакуны в тексте. В рукописи Ег. на л. 151 и в Ов. на л. 148 об. текст статьи «Ип'политово еже ѡ Данилѣ» обрывается на словах: «. . . и преставитсѧ црства ѡного» и непосредственно за этими словами, после большого пропуска статей, соответствующих главам 70 и 71 списка 1073 г. — «Оригеново» и «Василево отъ Исаиѧ», — следует без заголовка и начала статья, соответствующая главе 72 Изборника 1073 г., — «Златооустаго отъ того юже о Саоулѣ» (со слов «Павел соущее оустави. . .»), причем последние слова предыдущей статьи

(«Ип'политово...») сливаются с начальными словами следующей («Златоустаго...») в одну фразу. На л. 232 Ег. и л. 217 Ов. имеется второй пропуск: статья «Тогожде Иwан'на wво нарочитах книгах» прерывается на словах: «...иже патери wт них соугоублаются». Далее после пропуска большой части этой главы, в одну строку со словами, на которых она обрывается, следует статья без начала и заголовка, соответствующая главе 192 Изборника 1073 г. — «Богословьца wт словесъ», со слов: «Иwв потом же Дв҃дъ паки тро Соломона...». В Ег. (в отличие от Ов.) на л. 83 об. имеется еще один пропуск текста. Статья «Бг҃ослов'ца w том' еже на Оулиана» (л. 83 об.) содержит лишь около двух строк текста и обрывается на словах: «...радуетса подобнѣ при...»; затем, после большого пропуска, идет без начала и заголовка следующая статья, соответствующая главе 164 Изборника 1073 г. — «Ст҃лаго Василиа отъ пространыихъ поспѣшьныихъ» со слов «милуй его же...» Причем половина последнего слова предыдущей статьи соединена в одно с первым словом следующей статьи и читается как: «...радуетса подобнѣ примилоуй его же...»

Подобные пропуски текста свидетельствуют о том, что рукописи Ов. и Ег., весьма сходные по составу, безусловно восходят к общему дефектному протографу. Особенно интересно, что эти рукописи были написаны в пределах одного десятилетия: Ов. — 1619 г., Ег. — первая четверть XVII в. Наличие подобных лакун дает возможность предположить, что существовала целая группа списков, сходных с Ов., Ег. и их дефектным протографом.

Характерной особенностью этой группы является, во-первых, наличие всех статей списка 1073 г., кроме статьи «Лѣтописьць въкратцѣ»; во-вторых, совершенно отличная от Изборника 1073 г. система внешнего оформления рукописей: деление сборника на две части отсутствует, нумерация глав едина для всей рукописи, причем пронумерованы только главы, оформленные в виде вопросов и ответов (90 глав), и каждый заголовок такой статьи начинается со слова «Вопрос» и заканчивается словом «Ответ» с указанием номера ответа, т. е. главы [10].

Но при всем сходстве сборников Ов. и Ег. последний имеет ряд отличий от первого, из которых самым существенным является присутствие в нем двух принципиально новых статей, не нашедших аналогий ни в списке 1073 г., ни в Ов., ни в других трех рассматриваемых нами рукописях.

Это, во-первых, помещенная после статьи о 6-м соборе статья о 7-м соборе (Ег., лл. 29 об. — 30), имеющаяся только в одной из известных нам рукописей — в Софийском сборнике, близком по составу Изборнику 1073 г. (ГПБ, Соф. № 1285). Но текстуаль-

[10] Некоторые статьи Изборника 1073 г., напр., главы 72, 91, 95, 98, 127, 188, 200 и др., оформлены так же, но последовательности в таком оформлении заголовков, в отличие от Ов. и Ег., нет.

ное сличение статей о 7-м соборе в Ег. и Софийском сборнике показывает, что между ними очень мало общего и, по-видимому, они переписывались из разных источников. Это можно видеть из текстуального сопоставления статей о 7-м соборе в рукописи Ег. и Софийском сборнике № 1285.

Ег. (лл. 29 об.—30)	*Софийский сборник № 1285 (лл. 11—11 об.)*
Ѿт шестаго собора до седмаго лѣт ркв. Ѩ лѣто ҂sф҃s, а ѿт въплоти на нбса въсхода га нашего Іс Ха лѣт ѵч. Седмый въ Никейстѣмъ градѣ быст тні стых ѿцъ въ царство Конъстантина и Ирины. Ему же пръвый бахоу, Андрѣан папа римский. Тарасіе Конъстантина града, Иполутіанъ Алеѯандрїискїй и Петръ игѹменъ обители стго Савы и прочїих мних чтных, Иѡаннъ, Геѡргіе, Ѳома на еретики нехотѧщих кланѧтисѧ чтнꙑм иконам и на ѡтмѣтающихсѧ их и хѹлѧщих.	Стын седьмыі и всеѧ вселеныа съборъ. Бысть въ Никеи въторое при Костѧнтинѣ цри и Иринѣ мтри его и при Андрианѣ папежи римьстем. Тарасиѧ Костѧнтинѧ града. Политиана въ Александріі Антиѡхиискаго Иллѣѧ Ерслмьского бѧхоу же стий ѿци числомъ т и ѯ и ѕ сънидоша же сѧ на иконоборцѧ и прокльщѧ написанием всѧкоу ересоу по семь иконоборьцѧ всѧ написанием заповѣдашѧ и въѡбражьше ꙗко же стыимь иконамъ не поклонѧютсѧ.

Вторая статья из обнаруженных нами только в Ег. (лл. 48 об. — 49), помещена между главами, аналогичными главам 71 и 72 списка 1073 г. (л. 43 об.), и называется — «**Вел Василиѧ ѿт еже на просвѣщеніе**».

Для того чтобы точнее определить взаимоотношения списков данной группы и их отношение к Изборнику 1073 г., необходимо провести текстологическое сопоставление этих и других списков, близких к группе Ов. и Ег. Даже предварительное текстуальное сопоставление заголовков статей дает интересные результаты. Отметим лишь самые характерные и существенные разночтения:

	Изборник 1073 г.	*Ов. и Ег.*[11]
13.	Отъ третиꙗго до четврътааго лѣтъ л д (л. 24 об.)	Ѿт третїаго събора до четвер̾таого лѣт лд д (лл. 2, 7, 30)
106.	Маѯимово отъ того юже къ Пѵроу (л. 62)	Маѯимовѡ (лл. 65, 64)
125.	Тогожде отъ пространыихъ послѣꙗний. (л. 67)	Тогожде о пространных посмѣѧний. (лл. 69об., 68)
168.	Тогожде отъ того юже къ юфесиѡмъ. (л. 86)	Тогожде еже къ евреѡм. (лл. 85, 84)

[11] Цит. по Ег.; орфографические разночтения с Ов. не учитываются. Листы указываются сначала из Ег., потом из Ов.

195. Олѵмпиодорово ѡт Иѡва. (л. 97)	Ѿт апслъскиⷯ. (лл. 94 об., 93)
31. (П ч). Почто трѣбоу положити повелѣ б҃ъ Явра(а)мȣ юницеѭ трии лѣтъ и козоѭ тризоѭ (л. 135 об.)	Въпрос, почто требȣ положити повелѣ б҃ъ Явраамȣ юницоу тріл҄ѣтноу (исправлено на треⷯ лѣт)и козȣ тризȣ. Отвѣт к҃и (лл. 128 об., 126 об.)
53. С҃таго Юпифанию о в҃і камыкоу иже бѣахоу на логии (логии?) свѧтителевѣ насаждані. (л. 121 об.)	С҃т҃го Єпифанїа ѡ в҃і камыкоу иже бѧⷯȣ на главѣ[12] с҃тлевѣ насаждени. (лл. 143, 140)
55. Како ю разумети юже г҃ла Соломонъ о дрѣвесѣхъ отъ върѹ до усопа иже въ стѣнѣ. (л. 154)	Въпрос. Како есть разȣмѣти еже рече Соломонъ о древесеⷯъ ѡт броусова (sic!) еже въ стенѣ. Ѿтвѣт м҃. (лл. 144б, 141 об.)
62. С҃т҃го Юпифанию отъ того юже къ Диодороу. (л. 158 об.)	С҃т҃го Єпифанїа еж къ Диѡроу. (лл. 147 об., л. 145 — потом сделана вставка отсутствующего слога)
66. Каю іли колика соуть божьствьнааго Илию и Иелисѣю юже въ доусѣ дѣиства. (л. 162)	Въпрос. Каа ли и колика соут бжествен҄наго Илїи и Иелисеа еже въ д҃сѣ ст҃ѣм. Ѿтвѣт м҃з (лл. 150 об., 148)
115. Заповѣдь Петрова и Павьлова. (л. 197)	Заповѣдь с҃тыⷯ апслъ Петра и Павла. (лл. 181 об., 176)
140. Еусевиюво къ Марин(о)у. (л. 216 об.)	Євсевїево ѡт Понарїи. (лл. 199 об., 191)
154. Ѳеодора презвутера ранѳуйскааго о тѣхъ жде. (л. 223 об).	Ѳеѡдора прозвитера Инфоуйскаго ѡ теⷯ҄же. (лл. 205 об., 196)
169. О съименьнѣюмь и юдиноименьнѣюмь о глаголании. (л. 234).	Ѿ сънимѣннемъ і единонимѣн҄немъ. (лл. 215 об., 204)

Формулировки названий некоторых статей в списках Ег. и Ов. сходны между собой и имеют существенные текстуальные разночтения с заголовками соответствующих статей Изборника 1073 г. Таким образом, даже предварительные сопоставления заголовков лишний раз показывают, что рукописи Ов. и Ег. (а следовательно, и их протограф) объединяются в своеобразную группу. Но необходимо отметить также и некоторые разночтения в заголовках статей сборников Ег. и Ов.:

---

[12] В сборнике Кирилло-Белозерского монастыря 1445 г. (ГПБ, Кир.-Бел. № 5/1082) это слово написано как «на гило святителеве», т. е. «ло» был, по-видимому, пропущен писцом, а потом дописан над строкой, и получилось «ги» (над строкой: ло). Может быть, это написание впоследствии и было неправильно прочитано и переписано писцом протографа Ов. и Ег., как «голови», следовательно, можно предположить связь между Ов. и Ег. и сборником 1445 г.

	Изборник 1073 г.	*Ов.*	*Ег.*
1.	Стааго Васнлна отъ того еже на Еу... о...на о стѣмь доусѣ. (л. 4)	Стго Васіліа ѡт того еже на Оуноміѧ ѡстом дсѣ. (л. 5).	Слово велкаго Васнлїа ѡ бжествѣ ѡ стѣм дсѣ. Глава а. (л. I).
9.	Мнханла Сунькела Иероусалнмьскааго напнсание о правѣн вѣрѣ. (л. 20 об.)	Мнханла Сннкела Иерслнмскаг напісаніе ѡ правѣй вѣрѣ. (л. 26 об.).	Мнханла Снигела Иерсмъскаго напис ѡ вѣрѣ (л. 23)
10.	О стынхъ н мирьскынхъ шести съборѣхъ. (л. 23)	Ѿстых мир'скых шести съборѣхъ. Ѳі (л. 29).	Ѿт възнесенїа нон(с) (е) съ плотїю на нбса га ншего Іс Ха в лѣто тні быст собор пръвый на бгѡм проклатаго Арїа. (л. 26)
11.	Отъ Хрістоса даже н до пьрвааго събора тін лѣтъ бы Е. (л. 23 об.).	Ѿт Ха даж до прваг(о) събора тні лет быст. Е. (л. 29)	До втораго събора ѡт пръваго лѣт ѯ Е. (л. 26).
12.	Отъ пьрвааго до въторааго лѣтъ НЅ Г. (23 об.).	Ѿт в-го до г-го лѣт НЅ Г (л. 29 об.).	Ѿт втораго до третїаго лѣт Нѕ г (л. 26 об.).
16.	Анастаснієви отъвѣти противоу нанесенымъ ѥмоу отъвѣтомъ нѣ отъ какынхъ правовѣрьнынхъ о различьнынхъ главизнах. (л. 27).	Анастаснѡвні ѡтвѣти противȣ нанесенным емоу отвѣтом не ѡт какых правовѣрных ѡ различных главізнах. (л. 33)	Анастасїевы Снайскаго ѡтвѣты противоу нанесен'ным емоу вопросам ѡт нѣких правовѣрных ѡ различных главизнах. (л. 34).
33.	Маръка чьрньца (л. 33); здесь и далее употребляется слово — чьрньц).	Марка чернъца (л. 38; здесь и далее — чернъц).	Мар'ка мниха (л. 39; здесь и далее — мних).
72.	Въпрос. Добро ли ѥсть прѧмь н(с)оповѣдовати грѣхы нашѧ духовьнынмъ мѫжемъ отвѣ(т). (л. 43 об.).	Въпрос. Добро ли есть правдіве исповѣдовати грѣхы наша духовнымъ моужемъ. ѡтвѣтъ. Ѕ. (л. 48).	Въпрос. Добро ли есть истин'нѣ исповѣдовати грѣхи наша духовным моужемъ. Ѿтвѣтъ ѕ. (л. 49).
134.	Диадохово отъ поспѣшьнынхъ. (л. 72).	Дїадохово ѡт потѣшныхъ. (л. 72).	Диадохово ѡт поспѣшных. (л. 73 об.)
92.	Кто бѣша нхъ же кръвь съ жрьтвами съмѣси Пилатъ. (л. 178).	59. Въпрос. Кто бѣжа их же кровъ смѣси Пилат с жрьтвами. (л. 160).	Въпрос. Кто бѣша их же кр(о)въ Пилат смеси съ жертвами. Ответ. НѲ. (л. 164 об),
153.	Маѯимово о различии соуштия и ѥстьства по вънѣшьнимъ. (л. 222 об.).	Маѯимово ѡ различныхъ соущїи естествѣ. (л. 195 об.).	Въпрос. Маѯимово ѡ различїи и сущїи по естеству по вомѣншим. Отвѣт пд. (л. 205).

Указания на источники, частые на полях Ов., в Ег. не отразились.

Как видно, некоторые из указанных разночтений попеременно — то чтения Ов., то Ег. — совпадают с чтениями Изборника 1073 г. Это дает возможность предположить, что между дефектным протографом сборников Ов. и Ег. и самими этими сборниками существовало еще несколько рукописей.

Списки Р. и С., так же как и два предыдущих, сходны между собой, но более других отличаются от Изборника 1073 г. Они носят название «Анастасиевых ответов», в основном содержат текст «Анастасиевых ответов» и начинаются именно с них. В сравнении с «Изборником» 1073 г. тексты «Анастасиевых ответов» в Р. и С. имеют значительные пропуски. Выпущены главы, соответствующие главам «Изборника» 1073 г.: 27. — «Того же ѥже о алъчбѣ»; 96 — «Єусевиꙗ еже отъ Марин»; 97 — «Кто ѥсть суди неправьдѣ»; 98 — «Како ѥ разоумѣти, иже имать ризоу да ѭ продаи да к8пі ножь»; 99 — «Како иже любить душѫ своѭ пог8бить ю». Помимо собственно «Анастасиевых ответов» в эти сборники включено несколько статей, имеющих аналогии в Изборнике 1073 г. и во всех других рассматриваемых нами сборниках — это статьи, соответствующие главам Изборника «О естестве», «О собстве». Затем после большого пропуска глав, соответствующих главам списка 1073 г. с 157 («О лици») по 176 («Єпифаниѥво о(т) Понари»), следуют четыре главы, соответствующие главам Изборника 1073 г. со 177 («Вспроси и отвѣти Григора Богословьца и Василиꙗ») по 180 («Оугоустина отъ оуставьныих»), после чего опять идет пропуск статей со 181 Изборника 1073 г. до конца. Вместо этих глав сборники Р. и С. заключают шесть глав иного содержания, не найденные нами ни в одной другой из рассматриваемых рукописей (См. Сравнительную таблицу состава рукописей...).

В сборниках Р. и С. есть пропуск и иного характера. Статья «Въспрос. Аще кто жену имы и чада и богатство и о житїискых вещехъ пекыися, како может оугодити бгу и съхранити заповѣди» (Р. — л. 86, С. — л. 103) не докончена и обрывается на словах — «... богатѣти в дѣлехъ добрыхѣ». Следующая статья, соответствующая главе 185 Изборника 1073 г. (л. 92) — «Єтааго Василиꙗ отъ поспѣшьныхъ» в Р. и С. не имеет заголовка и начала и следует со слов «оубо Авраамъ иже паче ба почитал...», причем слова, на которых обрывается предыдущая статья, объединены в одну фразу со словами, начинающими следующую (см. Р. л. 186 об., С. — л. 103 об.). Наличие подобной лакуны может объясняться дефектностью общего протографа Р. и С., но может быть и сознательной компоновкой статей, выполненной писцом этого протографа.

Помимо пропусков и добавлений для Р. и С. характерны перестановки некоторых глав, а именно: статьи, соответствующие главам 107 и 108 Изборника 1073 г. — «Златооустааго ѡ(т)

того еже отъ Матѳеа» и «**Тогожде о(т) того еже о Иродиадѣ»** (л. 89 об.) помещены перед статьей, соответствующей главе 105 Изборника 1073 г. «**Камо ꙗсть польза приносити имѣниꙗ въ црковь ли или нищим»** (л. 89). Статьи же, аналогичные главам 92 и 93 второй части Изборника 1073 г. — «**Кто бѣша ихъ же кръвь смѣси съ жрьтвами Пилатъ»** (лл. 178—178 об.) и «**Златооустаго ꙗско вола хоула оставитьсѧ на доухъ же не оставитьсѧ»** (лл. 178 об.—179 об.), в списках Р. и С. переставлены местами.

Сличение сборника С. с Р. и другими показало, что своеобразный состав рукописи Р. не случаен, все его лакуны нельзя объяснять утратой листов самой рукописи или ее протографа. Рукописи Р. и С. составляют еще одну группу рукописей, близких по составу к Изборнику 1073 г., но в то же время имеющих весьма существенные и характерные отличия и от списка 1073 и от других близких к нему списков. Особенности этой группы списков: 1) отсутствие начальных статей Изборника до «Анастасиевых ответов» и большинства заключительных статей после них — с одной стороны, и подборка целой группы новых статей, которыми оканчиваются сборники, — с другой; 2) отсутствие деления текста на две части (так же как в Ег. и Ов.); 3) текстуальные совпадения в формулировках названий глав в Р. и С. и отличия от формулировок заголовков в Изборнике 1073 г., подтверждающие обособленность данной группы списков:

Изборник 1073 г.	*Р. и С.*[13]
72. **Въпросъ. Добро ли ꙗсть прѧмь и(с)повѣдовати грѣхы нашѧ доховьнымъ мѫжемъ. Отъвѣ(т).** (л. 43 об.).	**Въпрос. Добро ли есть васнь исповѣдати грѣхы наша доуховнымъ мѫжемь. Отвѣт.** (лл. 23—23 об., 26).
80. **Ѳеологово.** (л. 48).	**Ѳеѡлога Iѡанна слово.** (лл. 29 об., 32 об.).
125. **Тогожде отъ пространыихъ поспѣꙗний.** (л. 67).	**Того же ѡт проостранъ посланiа.** (лл. 54 об., 61).
135. **Еусевиа Памфила отъ того ꙗже къ Мариноу.** (л. 72 об.).	**Евсевiа. Паньѳила.** (лл. 61, 70).
181. **Климента Стрматьскааго.** (л. 90 об.).	**Клима Строма.** (лл. 85, 101).
199. **Того же отъ цѣльбьныихъ.** (л. 98)	Заголовок статьи отсутствует, статья никак не выделена). (лл. 94 об., 114 об.).
62. **Стго Ꙗпифаниꙗ отъ того ꙗже къ Диодороу** (к. 158 об.).	**Стго Епифанiа ѡт того еж (е) къ Дiоду**[14] (лл. 171, 206 об.).
66. **Каꙗ iли колика соуть божьствьнаго**	**Каа и колика соуть бжствьнаго Илiа и**

---

[13] Цит. по списку Р.; орфографические разночтения с С. не приводятся; листы указываются сначала по Р., затем по С.

[14] Ср. с Ег. (л. 148), и Ов. (л. 148). — «Диору».

	Илиꙗ и Иелисѣꙗ ꙗже въ доусѣ дѣвства. (л. 162)	Елисеа ꙗже въ дсѣ стѣмъ[15] (лл. 175, 211 об.).
95.	Како рекъ гь аште не идоу то оутѣшитель не придеть оуже дѹхъ даꙗ иеже апостоломъ въдъхновеннем. (л. 179).	Како рече аще не идоу параклить (sic!) не прїидеть апсломь въдохновенїем. (лл. 195 об., 234 об.)
108.	Гоу пакы глюштѫ аште комоу оставите грѣхы оставатъсѧ имъ да аште съгрѣшить члкъ къ члкоу и потомь покаꙗвъсѧ къ немоу приметь проштенне отъ него боуде ли прштенъ и отъ ба. (л. 190).	(Заголовок отсутствует, начало статьи выделено лишь инициалом). (лл. 203 об., 243 об.).
124.	Еусевиево отъ прьвословесьныꙗ повѣстї (л. 204).	Евсеевїево ѡт пръвоповѣстныꙗ повѣсти. (лл. 222 об., 265).
140.	Стго Иефрема отъ того иеже о соудѣ како ие роѕѹмѣти иеже боудета дъва на селѣ. (л. 211об.)	Стго Ефрѣма ѡт того еже о соудѣ како есть разоумѣти еже два боуде на селѣ, едина поемлетсѧ. (лл. 233, 277).
148.	Еусевиево къ Марин(о)у. (л. 216 об.).	Епифаново ѡт панарїи (лл. 239, 284)

При большом сходстве сборников Р. и С. имеются, тем не менее, некоторые текстуальные разночтения, которые лишний раз показывают независимость рукописей Р. и С. друг от друга и невозможность, например, списывания С. с более ранней рукописи Р.:

	Изборник 1073 г.	*Р.*	*С.*
34	...Сынове Симовы ...Е. Сынове Хамови ...Сынове Ꙗфефови (заголовки не выделены — лл. 137 об. — 138 об.).	Сне Сифѡви Сне Ламехови Сне Ꙗфеѳови (заголовки выделены киноварью — лл. 143 об. — 145).	Снвѣ Симови лв. Снвѣ Хамови лг. Снвѣ Ꙗфефові лд. (заголовки выделены киноварью и пронумерованы — лл. 176 об. — 178).
106.	Ꙗѳанасиево гоу глюштѫ къ стыим своимъ иелико же аште съвѧжете бѹдеть съвѧзано аще кто ро(з)гнѣваеть мѹжа ста ти посьлеть ꙗзѫ или бѣсъ или съмрьть или ино како томление в домъ иего може ли си члкъ	Ꙗѳанасово. Въпрос (далее чернилами) Гоу глющоу къ стымъ своимъ елико аще свѧжете, боудеть свѧзано, аще кто разгнѣваеть мужа ста ти послеть оузоу или бѣсъ или смрть или ино каково томленіе въ домъ его може ли си члкъ молити иного стго оубѣжати ѡтвѣта	75. Ꙗфонасово въпрос (далее чернилами) Гоу глщоу къ стымъ своим елико аще свѧжете бѫдет свѧзано, аще кто разгнѣваеть моужа ста ти послеть оуѕѫ или бѣсъ или смрть или ино каково томленїе в дом его может ли члкъ оумолити иного стго и ѕѣк-

[15] См. Ег. (л. 150) и Ов. (л. 148) — читается так же, как в Р. и С.

	тъ молити иного стго (и) оубѣжати отъвѣта стго того моужа. Отъвѣтъ. (л. 187).	стго того моужа (киноварью) Ѿвѣт. (л. 199 об.).	жати ѡтвѣта стго того моужа (киноварью) Ѿвѣт. (л. 239 об.).
179.	Иринеа Лоугдоуньскааго отъ того юже отъ родьства. (л. 246 об.).	Прин Єлѹгдѹйскаго ѡт того еже ѡт ржства. рпѕ. (л. 259).	Прїн на Лѹгдѹнскаго ѡт того еже ѡт ржства. (лл. 307—307 об.).

Таким образом, два вполне самостоятельных списка Р. и С. безусловно имели общий протограф и, вероятно, существовал целый ряд рукописей, сходных с ними по составу и образующих своеобразную группу рукописей, близких к Изборнику 1073 г.

Теперь весьма важно проследить, как во всех рассматриваемых нами рукописях и в некоторых других сборниках отразились два неясных места Изборника 1073 г., отмеченных еще А. Горским и К. Невоструевым [16]. Имеется в виду конец первой и начало второй части, а также главы 143—145 второй части Изборника 1073 г., где есть повторения некоторых текстов. Глава 99 в Изборнике 1073 г. — «Феодоритово от неразумных» повторяется в 1-й главе второй части. Глава 100, представляющая собой начало статьи «Кириллово о духовней службе», повторяется во 2-й главе второй части уже целиком от начала до конца. Между этими повторами, после прерванной главы «Кириллово о духовней службе», вклиниваются четыре статьи (со 101 по 104 списка 1073 г.), представляющие собой слова Григория Богослова. А. Горский и К. Невоструев отмечали, что эти четыре главы являются вставкой, так как в греческом оригинале их нет. Поэтому особенно интересно отметить, что в Р. и С. эта вставка, а с ней и повторы глав отсутствуют (см. Сравнительную таблицу состава рукописей. . .). Рукописи Ов. и Ег. следуют Изборнику 1073 г. вплоть до последней из статей Григория Богослова, но следующая глава — «Феодоритово от неразумных» — не повторяется. Глава «Кирилово о духовней службе» частично повторяется — так же, как в Изборнике 1073 г.

В списке И.-В. глава, соответствующая главе 104 Изборника 1073 г. — последнее из слов Григория Богослова, — не пронумерована и помещена между оглавлением и главой 1 второй части («Ѳеодоритово ѡт неразумных»), причем в оглавлении И.-В. (т. е. второй части Изборника) эта статья не значится. Во второй части Кирилло-Белозерского списка 1445 г. читаем так же, как в И.-В. В первой его части (а возможно, и в первой книге Иосифо-Волоколамского списка?) главы 99 и 100 Изборника 1073 г. опущены, сразу следуют главы «Григория Богословца слово», «Тогожде» — без конца. Нет главы, аналогичной главе 103 списка 1073 г., а глава, соответствующая главе 104 Изборника 1073 г., как уже

16 См. *А. Горский* и *К. Невоструев*. Указ. соч., стр. 374—375, 383—384.

говорилось, перенесена во вторую часть. Но важно отметить, что эта глава значится в оглавлении первой части сборника 1445 г. под номером 229, т. е. так, как если бы она следовала после главы 228, — так же, как и в Изборнике 1073 г.

Второе неясное место — повторение в Изборнике 1073 г. главы 142 — «Θеологово отъ того юже надъ кесариемъ» (л. 213 об. — см. Сравнительную таблицу), в главе 144 под заголовком «Богословьца отъ того юже о кесарии», но, как указывают А. Горский и К. Невоструев, в другом переводе. Ни в одном из рассмотренных сборников этого повторения нет. Глава 143 Изборника 1073 г. «Ꙗко на три чины устроꙗ» представляет собой повторение конца главы 141... Повторение есть во всех сборниках, только в И.-В. при том же содержании эта глава имеет другой заголовок — «Богословьца от того еже кесариѧ» (л. 127 об.). Глава 145 Изборника 1073 г. — «Ꙗко в трии чины оустроюниꙗ разделиться спасаюмии съказано юсть въ томь еже на ереси», в И.-В. повторяется так же, в Ов. и Ег. — под заголовком «Богословьца еже кесаріи ꙗко в три чины оустроеніа раздѣлѧетсѧ списаеми и сказаемї еже на иереси», а в Р. и С. — под заголовком «Богословца ѿ того еже о кесаріи ꙗко въ три чины оустроеніа раздѣлѧютсѧ списаемы сказано еж на ереси» (Р., л. 235 об., С., л. 280).

Как видим, в разных группах рукописей эти места читаются по-разному. Что это — тенденция к исправлению неясных мест Изборника 1073 г. или следование более исправному тексту общего протографа? Этот вопрос можно решить, лишь проведя тщательное текстологическое исследование по возможности большего количества списков Изборника.

Исходя из всего сказанного, можно сделать следующие выводы:

Рассмотренные нами списки делятся на три группы:

а) Список И.-В., который имеет множество аналогий с известным сборником Кирилло-Белозерского монастыря 1445 г. (ГПБ, Кир.-Бел., № 5/1082), очень близок к списку 1073 г. по тексту заголовков, но имеет и несколько отличий в составе;

б) Списки Ег. и Ов., для которых характерно включение всех статей списка 1073 г., кроме последней — «Лѣтописьць въкратьцѣ»;

в) Списки Р. и С., более других отличающиеся по составу от Изборника 1073 г. Для них характерны пропуски большого количества статей Изборника — с одной стороны, и включение новых статей — с другой.

Как бы ни отличались разные группы списков друг от друга и от Изборника 1073 г., в основном их состав совпадает, а текстологическое изучение заголовков, несмотря на массу разночтений, показывает единую основу всех рассмотренных списков Изборника.

В результате проделанной работы можно сделать вывод, что, скорее всего, Изборник 1073 г. не является протографом большинства рассмотренных нами рукописей. Во-первых, все рассмот-

ренные группы списков по-разному передают неясные места Изборника 1073 г., и ни одна из них не следует ему точно, что характерно, например, для Синодального списка[17] (ГИМ, Син. № 162). Во-вторых, текстуальное сопоставление заголовков статей показывает, что в группе Р.-С., например, иногда встречаются греческие и болгарские слова, которые в списке 1073 г. переведены: «параклитъ» (Р., л. 195 об., С., л. 234 об.) — «утѣшитель» (Изборник 1073 г., л. 179); «васнь» (Р., л. 23, С. — л. 26) — «прамь» (Изборник 1073 г., л. 43) и др. В-третьих, ни в одной группе, ни в одном из рассмотренных списков не обнаружена статья, непронумерованная в Изборнике 1073 г. и помещенная после заключительной записи писца —«Лѣтописьць въкъратьцѣ». Это свидетельствует о том, что данная статья была приписана только в списке 1073 г., а в протографе отсутствовала.

Как бы ни были близки или далеки рассмотренные списки от Изборника 1073 г., точно определить их отношение непосредственно к нему, т. е. является он их протографом или нет, можно лишь сопоставив по возможности большее количество списков Изборника. Безусловно, дальнейшие исследования дадут новые результаты, необходимые для решения некоторых проблем, возникших в процессе работы над списками Изборника.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА СОСТАВА РУКОПИСЕЙ И.-В., ОВ., ЕГ., Р. И С. В ИХ СООТНОШЕНИИ СО СПИСКОМ 1073 Г.

(стр. 72—81)

Примечания к таблице

1. Пустые клетки таблицы означают отсутствие соответствующего текста в рукописи. Отсутствие части текста по причине утраты листов самой рукописи или ее протографа, а также отсутствие заголовка статьи при наличии текста в таблице не учитывалось.
2. Если статья, пропущенная в одном из сборников, есть в других соответственно статье Изборника 1073 г., то ее наличие указывается обозначением листов, на которых она располагается в рукописи.
3. Разночтения заголовков статей в разных сборниках в данной таблице не представлены.
4. Последовательность некоторых листов списка 1073 г., отличающаяся от других списков, в таблице не учитывалась.
5. Орфография заголовков статей приводится в условной форме

---

[17] См. *А. Горский* и *К. Невоструев*. Указ. соч., стр. 407.

Список 107 3г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
		(Оглавление) лл. 1—4			
Гл. 1—15 (лл. 4—27)		лл. 4—33	лл. 1—29 об.		
			Статья о 7-ом соборе (лл. 29 об.—30)		
			Оглавление: «Сказание главизнам иже по вопросам препдбнаго оца нашего Анастасиа против нанесеныимъ ему ответемъ». (лл. 30—33 об.)		
Гл. 16—26 (лл. 27—30 об.)		лл. 33—36	лл. 34—37	лл. 1—5 об.	лл. 1—6
Гл. 27. «Того же еже о алъчьбъ» (лл. 30 об.)		л. 36	лл. 37		
Гл. 8—71 (лл. 30 об.—43 об.)		лл. 36—48	лл. 37—48	лл. 5 об.—23	лл. 6—26
			«Вел. Василиа от еже на просвъщение» (лл. 48 об.—49)		

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 72—104 (лл. 43 об.—89)		лл. 48—86	лл. 49—87	лл. 23—83	лл. 26—29
Гл. 10—106 «Вопрос. Камо польза приносити имъние въ пркъвь ли или ништимъ» Ответъ» (лл. 89)		л. 86	лл. 87 об.—88	«Златооустаго лл. 83 «Того же еже лл. 83 об.	Матфеа» л. 99 о Иродиадъ» л. 99
Гл. 107. «Златооустааго (т) того еже (т) Матеа» (л. 89 об.)		лл. 86—86 об.	л. 88	«Камо есть польза приносити имъние въ црквь ли или нищимъ»	
Гл. 108 «Тогож де отъ того еже о Иродиадъ» (л. 89 об.)		л. 86 об.	л. 88	л. 84	л. 100
Гл. 109—98 (2-го счета — лл. 89 об.—151)		лл. 86—113	лл. 88—115	лл. 84—122	лл. 100–150 об.
Гл. 99 «Феодоритово отъ неразоумныихъ» (л. 151)		лл. 113—114	лл. 115—115 об.	лл. 122	л. 150 об.
Гл. 100. «Кирилово отъ того же о д у(хо)вьнъй службе» (начало статьи) л. 151 об.)		л. 114	л. 115 об.		
Гл. 101. «Григор(и)а Б(ог)ословьца слово» (лл. 151 об.—152 об.)		лл. 114—114 об.	лл. 115 об.—116		

Продолжение

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 102. «Того же» (л. 152 об.)		лл. 114 об.	л. 116		
Гл. 103. «Того же» (л. 152 об.)		л. 114 об.	л. 116		
Гл. 104. «Григорию Б(ог)о-словьца слово» (лл. 152 об.) 122—122 об.	Оглавление лл. 1—8	лл. 114 об.—	лл. 116—117		
[Оглавление второй части] лл. 123—127	«Ис Хника Григори Бого-словьца» (лл. 8—10)				
Гл. 1. «Феодоритово отъ неразоумьныхъ (повтор гл. 99 — см. выше) (лл. 129—129 об.)	лл. 11—11 об.				
Гл. 2. «Курилово отъ того же о доуховьный слоужьбе» (начало этой же статьи см. выше — гл. 100) (лл. 129 об.)	лл. 11 об.—12 об.	лл. 115 об.—116	лл. 117—118	лл. 123—124	лл. 151—153
Гл. 2—91. (лл. 129 об. — 178)	лл. 12 об.—81	лл. 116—160	лл. 118—164 об.	лл. 124—194	лл. 153—233 об.
Гл. 92. «Кто бъша ихъ же кръвь съ жрьтвами съмъси Пилатъ» (лл. 178—178 об.)	лл. 81—81 об.	лл. 160—160 об.	лл. 164 об.—165	«Како всяка хоула оставиться а еже на дхь не оставитс» лл. 194—194 об.	лл. 233 об.—234

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 93. «Златооустааго како всяка хоула оставиться на доухъ же же не оставитьс (лл. 178 об.—179)	лл. 81 об.—82	лл. 160 об.—161	лл. 165	«Кто бъша ихь же кровь съ жрьтвами смъси Пилать» лл. 194 об.—195	лл. 234—234 об.
Гл. 94—95 (лл. 179)	лл. 82—82 об.	л. 161	л. 165—165 об.	лл. 195—196	234 об.—236
Гл. Еусеви еже отъ Маринъ (лл. 179—179 об.)	лл. 82 об.—83	лл. 161—161 об.	лл. 165 об.		
Гл. 97. «Кто есть суди неправьдъ» (лл. 179 об.—180)	лл. 83—84	лл. 161 об.—162	лл. 166—166 об.		
Гл. 98. «Како разоумъти иже имать ризоу да продаи да к купи ножь» (лл. 180—180 об.)	лл. 84—84 об.	лл. 162—162 об.	лл. 166 об.—167		
Гл. 99. «Како иже любить доушу свóю погубить ю» (л. 180 об.)	л. 84 об.	лл. 162 об.	л. 167		
Гл. (без номера, киноварью не выделена) «Чьто есть же рече аште око десно или роука блазнить тя отъсеци отъ себе» (лл. 181—184)	(гл. без номера, киноварью не выделена) лл. 84 об.—88 об.	(Гл. пронумерована и выделена киноварью) лл. 162 об.—165	лл. 167—170		
Гл. 100. «Отъ Лимонарию» (л. 184)	лл. 88 об.—89	л. 165	л. 170		

Продолжение

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 101—14 (1) (лл. 184—213 об.)	лл. 89—127 об.	лл. 165—189	лл. 170—196 об.	лл. 195—235	лл. 234 об.— 279 об.
Гл. 14 (2) «Феологово отъ того же надъ кесариемъ» (л. 213 об.)	л. 127 об.	л. 189	лл. 196 об.—197	лл. 235—235 об.	лл. 279 об.—280
Гл. 14 (3). «Яко на три чины устрою» (повтор конца гл. 14(2) (л. 213 об.)	То же под заголовком: «Богословца отъ того еже кесари» (л. 127 об.)	л. 189	л. 197	л. 235 об.	л. 280
Гл. 14(4) «Богословьца отъ того же о кесарии» (повтор гл. 14(2) полностью) л. 213 об.					
Гл. 14(5). «Яко въ трии чиныи оустроению разделтьс спаса мии съказано вь томь е еже на реси» (лл. 214—214 об.)	Гл. 145. «Яко въ три чины оустроени раздѣл ются списаеми сказано е въ том еже на ереси» (л. 128)	«Богословьца еже о кесарии Яко въ 3 чины оустроениа ра(з)дел тс списаеми и сказаами еже на ереси» л. 189—189 об.	лл. 197—197 об.	«Бгословца от того еже о кесарІи Яко въ три чины оустроениа раздьл ютс списаемы сказано еже на ереси». лл. 235 об.— 236 об.	лл. 280—281 об.
Гл. 14(6)—15(8) (лл. 215 об.— 226 об.)	лл. 128—144 об.	лл. 189 об.—198 об.	лл. 191 об.—208 об.	лл. 237—252	лл. 281—299
Гл. 15(9) «О лици» (лл. 226 об.—229 об.)	лл. 144 об.—148 об.	лл. 198 об.—200 об.	лл. 208 об.—211 об.		

Продолжение

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 1(60) «О различии» (лл. 229 об.—230)	лл. 148 об.—149	лл. 200 об.—201	лл. 211 об.—212		
Гл. 161. «О с лоучании» (лл. 230 об.)	лл. 149—150	лл. 201—201 об.	лл. 212—212 об.		
Гл. 162. «О своитьнемъ» (лл. 230 об.—231)	лл. 150—150 об.	лл. 201 об.—202	лл. 212 об.—213		
Гл. 163. «О имънии и нестатьц(и)» (лл. 231—231 об.)	лл. 150 об.—151	л. 202	л. 213		
Гл. 164 «О количьстве и о мьрьниыихъ» (лл. 233 об.—232)	лл. 151—151 об.	лл. 202—202 об.	лл. 213—213 об.		
Гл. 165 «О качьствь и о творитвьнемъ» (лл. 232—232 об.)	лл. 152—152 об.	лл. 202 об.—203	лл. 213—214 об.		
Гл. 166 «О томь же къ комоу» (лл. 232 об.—233)	лл. 152 об.—153	лл. 203	л. 214 об.		
Гл. 167. «О супротивьныихъ» (лл. 233—233 об.)	лл. 154—155	лл. 203 об.—204	лл. 215—215 об.		
Гл. 168. «О глаголемыихъ» (лл. 233 об.—234)	лл. 154—155	лл. 203 об.—204	лл. 215—215 об.		

Продолжение

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 169. «О съименьнемь и единоименьнъ мъ о глаголании» (лл. 234—234 об.)	л. 155	лл. 204—204 об.	лл. 215—216		
Гл. 170. «О единородьныихъ и единовидьныихъ и инородьныихъ» (лл. 234 об.—235 об.)	лл. 155 об.—156 об.	лл. 204 об.—205	лл. 216—216 об.		
Гл. 171. «О въсобленемь» (лл. 235—236)	лл. 156 об.—157	лл. 205—205 об.	лл. 216 об.—217		
Гл. 172. «О несобьнемь» (л. 236)	л. 157	л. 205 об.	л. 217		
Гл. 173. «Максимово о въс уштнемь и о въсобнъем» (лл. 236—237)	лл. 157—159	лл. 205 об.—206	лл. 217—218		
Гл. 174. «Того же о единении яко по десяти бываеть образ съединение» (лл. 237—237 об.)	лл. 159—159 об.	лл. 206—206 об.	лл. 218—218 об.		
Гл. 175. «Георгьги Хоуровьска о образехъ. . .» (лл. 237 об.—240 об.)	лл. 159 об.—164	лл. 206 об.—209	лл. 218 об.—221 об.		
Гл. 176. «Епифаниево о(т) Понари» (лл. 240 об.—241 об.)	лл. 164—164 об.	лл. 209—209 об.	лл. 221 об.—222		

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 177—180. (лл. 241 об.—247)	лл. 164 об.—173	лл. 209 об.—213 об.	лл. 222—227 об.	лл. 252—260 об.	лл. 299—308
Гл. 181. «О обавлении господьни отъ апльскыхъ заповьдии» (л. 247 об.)	лл. 173—173 об.	лл. 213 об.—214	лл. 227 об.—228		
Гл. 182. «Еусевиево отъ летниихъ» (лл. 247 об.—248)	лл. 173 об.—174	л. 214	л. 228		
Гл. 183. «Тогожде» (лл. 248—250)	лл. 174—176 об.	лл. 214—215	лл. 228 об.—229 об.		
Гл. 184. «Исухиево отъ того же о Хсове рождении» (лл. 250—250 об.)	лл. 176 об.—177	лл. 215—215 об.	лл. 230—230 об.		
Гл. 184. (так!) И Дамаскина о македоньскыихъ м(с)цихъ отъ прквьнаго преданию» (лл. 250 об.—251)	лл. 177—178	лл. 215 об.—216	230 об.—231		
Гл. 185—189. «Мсци по римл немъ о различныхъ мес цихъ» (по иудеемьъ», македоном, «по еллином», «по египтяном») (лл. 251—251 об.)	лл. 178—178 об.	лл. 216—216 об.	лл. 231		
Гл. 190. «О божьствьнньем десятословци» (лл. 251 об.—252)	лл. 179—179 об.	л. 216 об.	лл. 231—231 об.		

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
Гл. 191. «Тогожде Іоанна о въ(на)рочитыихъ кънигахъ» (лл. 252—253)	лл. 179 об.—180 об.	лл. 216 об.—217	лл. 231 об.—232.		
Гл. 192. Богословьца о(т) словесъ» (лл. 253—254)	лл. 180 об.—182 об.	лл. 217—217 об.	лл. 232—233		
Гл. (без номера) «Епифаниево о пророцьхъ и пророчицахъ» (лл. 254—254 об.)	лл. 182 об.—183 об.	лл. 217 об.—218	лл. 233—233 об.		
Гл. 193. «Тогожде о 16 пророкоу» отъкоудоу бы или къде измереша (лл. 254 об.—261)	лл. 183 об.—192	лл. 218—222 об.	лл. 233 об.—239		
Гл. 194. Иполутово о ап(с)лоу къду кыижьдо ихъ проповъда или къде сумрьша» (лл. 261—262)	лл. 192—195 об.	лл. 222 об.—224 об.	л. 239 об.—241 об.		
(без номера) «Льтъписьць въкъратьць» (лл. 254—266)					
				«Въпрашаніа и отвѣти евльскых словесъ сказана. ВасилІем и Феологомъ Григоріемъ» лл. 260 об.–268	лл. 309—318 об.

Продолжение

Список 1073 г.	И.—В.	Ов.	Ег.	Р.	С.
				«Оустроеніе словесъ Василіа и Григоріа Феолога Иоанна» лл. 268—273 об.	лл. 318 об.—324 об.
				«Слово отвѣтно терпении жизьни дховныа и о словеси бжіи» лл. 274—285	лл. 325—337
				«О покааніе оубогых члцѣхъ на покааніе слышащихь» лл. 285—293 об.	лл. 337 об.—348
				«Слово о покаании» лл. 293 об.—298 об.	лл. 348—354
				«Іоанна Златустаго о горлици» лл. 298 об.—306	лл. 354—363

II. ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ, СОДЕРЖАЩИХ ИЗБОРНИК И ХРАНЯЩИХСЯ В ГБЛ

Приведем описание всех списков Изборника, которые удалось выявить в ГБЛ: как известных ранее, так и вновь найденных.

I. Собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (ф. 113) № 496 [18] И.-В.

«Съборникъ ѡт многъ ѡць толкованіе. ѡ неразоумных словесех. въ еvглїи. и въ апостолѣ. и въ иных книгах. въкратцѣ сложено. на памѧт. и на готовъ ѡтвѣтъ. и на причастие бѹдоущаго вѣка. послѹшающих книгъ сих и творѧщим повелѣваемаѧ ими».

Нач.: оглавление, состоящее из 191 главы.

Кон. XV (?)—нач. XVI в. (б. зн.: «голова быка с крестом и змеей, обвившейся вокруг него» — типа Piccard [19], abt. XVI, № 209 — 1494, 1495 гг. и типа Лихачев [20] № 2674 — из недатированной рукописи Пятикнижия Моисеева в Архиве Министерства иностр. дел № 354 (803). Полуустав двух почерков. 197 лл. (195 листов+лл. I и 196 — чистые). 4°. 21,0×16,0. Переплет — доски в коже с тиснением и «спнями» для застежек (сами застежки отсутствуют). На л. I записано: «203 листа. № 325 (зачеркнуто). 404». Ниже карандашом почерком XIX в. в скобках: «(Вторая половина Изборника Святославова)». Карандашные пометы этой же рукой на полях лл. 23, 182 об. и подчеркивания в тексте. На л. 1 сверху и на обрывке листа между лл. 195 и 196 запись: «Тверьской». На л. 1 — экслибрис библиотеки Московской духовной академии. По низу лл. 1, 10, 20 запись: «Принадлежит Иосифову монастырю 1854 г.». И еще ниже (на л. 1) другим почерком: «Иосифова монастыря».

Тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками. Вязь киноварная в заголовках.

Данная рукопись содержит текст только второй части Изборника. В собрании Горского (ГБЛ, ф. 79) под № 37 хранится рукописная опись собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, составленная в 1573 г. В ней на л. 97 внизу находится следующий текст: «Соборники два, тверские словут, з главами в начале ѹ ѡдного: «Бгу попѹщающѹ дѣиствуют бѣси», оу дрѹгого в начале первое слово: «Я яко ж дшевныи недѹг ес еж злѣ и ѡблишнем пытати ѡ бзѣ», т. е. речь идет о двух рукописях, содержащих первую и вторую части Изборника [21]. И.-В. — одна из них. Вторую же, в которой находится первая часть Изборника, пока так и не удалось найти.

2. Собрание П. А. Овчинникова (ф. 209) № 108 [22] — Ов.

«Съборъ ѡт многъ ѡтцъ тлъкованиа ѡ неразѹмных словесѣх в' еvглии, и в' апслѣ, и в' иных книгах, вкратцѣ сложено, на памѧт и на готов ѡтвѣтъ».

Нач.: оглавление, состоящее из 104 глав (1—14 и 1—90).

---

[18] См. описание этой рукописи также в кн.: *Иосиф, иером.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, стр. 121 и в дополнительной машинописной описи к печатному описанию, составленной Л. В. Тигановой и (художественное оформление) Ю. А. Неволиным и находящейся в Отделе рукописей ГБЛ, стр. 83.

[19] *G. Piccard.* Die Ochsenkopf Wasserzeichen, Bd. 1—3. Stuttgart, 1966.

[20] *Н. П. Лихачев.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков, в 3-х тт. СПб., 1899.

[21] На этот факт нам указала Л. В. Тиганова.

[22] См. описание этой рукописи также в машинописном Описании собрания рукописных книг П. А. Овчинникова, составленном Л. В. Тигановой. 1963 г., стр. 23.

1619 г. (см. запись писца. б. зн.: «ключи в круге» типа Каманин [23] № 858—1612 г.; «рожок на щите»: Каманин № 767 — 1618 г. и др.). Полуустав. 224 лл. I°. 29,7×19,1. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, две застежки. На л. 224 об. — запись писца: «Бга блдтію и чклолюбїем, въ блдти га ншго Іс Ха по дѣйству стго дха. Начата и съвршенна быст сіа кніга Анастасїа І апокалипсис бл҃женнаго Іоанна Өеwлога съ толкованїем. Въ лѣто wт създаніа мірꙋ ҂зркз. А wт въплощеніа га нашего Іс Ха ҂ахѳі мсца маѧ 10 днѧ. А пілным промышленїем и власным накладом, спісана быст ерεем Козмы Левьковъского. Начасѧ и съвршісѧ в мѣстѣ Алеѯандровн; написал ее рабъ бжїи недостоиныи Петръ Левонович з Ровного дѧк». На об. верхней крышки переплета запись карандашом: «. . . Даткову же сыну Николай Максимович на пасику Михову». Также карандашом: «№ 199». Рукой П. А. Прянишникова, чернилами: «У Ив. Лукича Силина 15.XII.1894» и «№ 191. П. А. О.». На обороте обеих крышек переплета — экслибрисы: «Петр Алексеевич Овчинников в селе Городце».

Тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками. В заголовках — вязь. На полях — рисунки указующих перстов.

Характерной особенностью данной рукописи является наличие «ссылок на источники» на полях.

См. ниже описание списка с этой рукописи (ГБЛ, собрание Прянишникова (ф. 242), № 193).

3. Собрание Е. Е. Егорова (ф. 98) № 745 [24] — Ег.

«Ѿт главизнъ wт еже на Евномїа».

Нач.: «Слово велкаго Василїа, w бжства, стѣм дсѣ. глава I».

Перв. четв. XVII в. (б. зн.: «гербовой щит» типа Laucevičius [25] № 1345 — 1617 г.; «двуглавый орел» типа Каманин [26] №№ 851, 855 — 1612, 1613 гг.). Полуустав. I°. 30,4×18,8. 245 лл. (IV лл. чист.+241 лл.). Переплет — доски, обтянутые кожей, две застежки. На обороте верхней крышки переплета: «№ 125» и другим почерком: «Апреля 14 (?) дня Анастасиа Синаиты». На обороте нижней крышки переплета карандашом: «№ 260».

Тонкие киноварные инициалы с орнаментальными отростками.

См. ниже описание списка с этой рукописи (ГБЛ, собрание Рогожского кладбища (ф. 247) № 16).

4. Собрание Н. П. Румянцева (ф. 256), № 6 [27] — Р.

«Анастасїа wтвѣти противоу нанесеным емꙋ wтвѣтом нѣ wт кыих правовѣрных о различных главизнах».

Нач.: «Вспрос. Чтw нстье знаменїе съвршена хрстіаніна».

Сер. XV в. (б. зн.: «полуподкова» Лихачев № 2959 — 1447 г.; этот же знак, но другого рисунка: Тромонин [28] № 368 — 1450 г.;

---

[23] *І. Каманин, О. Вітвіцька.* Водяні знаки на папері українських документі в XVI і XVII вв. (1566—1651). Київ, 1923.

[24] Эта рукопись была определена как близкая по составу к Изборнику 1073 г. Н. Б. Тихомировым и указана нам Ю. Д. Рыковым.

[25] *E. Laucevičius.* Popierius Lietuvoje XV—XVIII a. Vilnius, 1967.

[26] См. *І. Каманин, О. Вітвіцька.* Указ. соч.

[27] См. ее описание также в кн.: *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, стр. 9—10. Описание художественного оформления рукописи сделано О. С. Поповой (не напечатано).

[28] Tromonin's watermark album. A facsimile of the Moscow 1844 edition. Hilversum, 1965.

Briquet [29] № 16060 — 1449 г. Бумагу с таким знаком изготовляла базельская фабрика Halbsens'ов, существовавшая в 1433—1448 гг.[30] Раньше этого времени данный знак по справочникам не отмечен. И только Лихачев (Бумага [31] № 705) датирует знак концом XIV в., мотивируя это тем, что он извлечен «из бумаги Триоди Постной, писанной по палеографическим признакам в конце XIV столетия и находящейся в императорской Публичной библиотеке F. I, № 132» [32]. Однако такая датировка вызывает сомнения в связи со всем вышеизложенным. Полуустав. 306 лл. 4°. 21,3×14,7. Переплет — доски в коже с тиснением. На верхней крышке переплета — 5 жуковин, на нижней — 4 (одна утрачена), «спни» для застежек. Из двух застежек сохранилась одна. Заставка (на л. 1) балканского орнамента. Инициалы малые киноварные, орнаментированные отростками, точками и перемычками (везде происхожд. от южнославянского типа).

5. Собрание С. П. Строева (ф. 292) № 66 [33] — С.

«Анастасіа Синаискаг противꙋ нанесеннымъ емоу ѡтвѣтом нѣ ѡт кыҳ правовѣрныҳ о разлнчныҳ главизнаҳ».

Нач.: «Въпрос. Что ес истовое знаменіе съвршеннаго ҳрстіанїна. Ѿтвѣт. Глава I».

Третья четверть (?) XVI в. (б. зн.: кораблик с флагами на башне и на корме — типа Briquet № 11974 — 1556-1566 гг. и близок к Лихачев, № 3455 — 1564 г.; сфера с буквами I и В по сторонам — типа Briquet № 14056 — 1548-52 гг. и типа Лихачев № 1288 — с переплетного листа Геннадиевой библиотеки, это, по мнению Н. П. Лихачева, «показывает, что рукопись была переплетена во второй половине XVI столетия»; сфера в руке — Лихачев № 1668 — ок. 1553 г. и типа Лихачев № 1763 — 1555 г. или типа Briquet № 13994 — 1550 г. и др. филиграни). Полуустав. 363 листа (в машинописном описании ошибочно 373 лл., т. к. после л. 329 проставлено 340). 4°. 19,8 (до 20,0)×14,5. Переплет (первоначальный?) — доски в коже с тиснением; на нижней крышке 5 жуковин; кожа потерта, на корешке — слегка лопнула. Судя по частичной нумерации конца XVIII в. (1796 г.?) [34], в начале утрачены 8 лл. (с оглавлением ?). На лл. 1—3 очищенная вкладная (?) запись (сохранившаяся частично?): «/. . .? Арсения Боброва дание». На бумаге, которой оклеена изнутри верхняя доска, — на стороне, обращенной к доске (сейчас бумага сильно надорвана, так что можно прочитать находящиеся там записи: 1) владельческая: «Книга Арсеня Боброва»; 2) заглавие книги (другим почерком): «Анастасий Синайский». На внутренней стороне верхней крышки (тем же почерком, что и первоначальная нумерация?): «1796 (под цифрой 6 подписана 2) года».

6. В собрании В. И. Григоровича (ф. 87) № 19 (М. № 1702) [35] хранятся самые ранние из имеющихся в ГБЛ фрагменты Изборника — 2 листа перга-

---

[29] *C. M. Briquet.* Les filigranes (в 4-х тт.). Amsterdam, 1968.

[30] *W. Fr. Tschudin.* The ancient paper-mills of Basle and their marks. Hilversum, 1958, s. 104—105.

[31] *Н. П. Лихачев.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. — «Записки императ. русского археографического общества», т. V, в. 3 и 4. СПб., 1891.

[32] Там же, стр. 342.

[33] Была определена как рукопись, близкая по составу к Изборнику 1073 г., и описана Н. Б. Тихомировым. См. его машинописное «Описание собрания С. П. Строева», 1971, стр. 45—50. Находится в Отделе рукописей ГБЛ. Здесь приводится часть этого описания с некоторыми уточнениями.

[34] В машинописной описи — XIX в.

[35] Подробное описание см. в кн.: *А. Викторов.* Собрание рукописей В. И. Григоровича. М., 1879, стр. 13—14; Дополнительное описание собрания Григоровича, составленное Н. Б. Тихомировым (не напечатано, находится в отделе рукописей ГБЛ). См. также Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в собраниях СССР (для «Свод-

мена 32,2×24,1, один из которых содержит отрывок из XVII вопроса Анастасия Синаита. Отрывок начинается словами: «Соупостатын и постав'лю лице своѥ над вами и падете прѣд врагы вашими. . .» и оканчивается «. . .и тѣм же реч слышещоу м'нѣ идѣте въслѣдь мене вь град и сѣ. . .». Этот текст помещен в «Изборнике» 1073 г. на лл. 102 об.—104 об.

Л. 2 содержит окончание 59 вопроса Анастасия Синаита, вопрос 142 и вопрос (без ответа) 143. Отрывок начинается словами: «вьзгла каꙗ ли змиꙗ своѥго соупроуга погоубити хощеть тако. . .» и оканчивается «. . .и ѡщѣстивь свои грѣхъ не подамыи своѥе нечстоты и». Этот текст помещен в Изборнике 1073 г. на лл. 173 об.—175 об. Рукопись писана уставом с элементами полуустава в два столбца в XIV в. По мнению В. А. Мошина, рукопись датируется второй четв. XIV в.[36] Н. Б. Тихомиров считает, что рукопись была создана ближе к началу XIV в.[37] На л. 2 рукой В. И. Григоровича запись: «Ἰωάννου τοῦ πεδιασίμου τοῦ Βουλγαρίας χαρτοφύλακος Πόθος. Περί γυναικάς καλῆς. Γυνὴ Πονηρὰ ναυάγιον ἄρρενων. Catal de m. gr. de l'Escurial par Miller. 1848, p. 76». (Иоанна Педиасима болгарского хартофилакса Обличение — о добрых женах. Жена коварная губит мужа). Левее этой записи также рукой Григоровича написано: «Стихи короче». В. И. Григорович сличил текст, находящийся на данном листе, с текстом, приведенным Е. Миллером [38], и пришел к выводу, что в греческом тексте «стихи короче». На л. 2 об. карандашом также рукой Григоровича (?) указано место приобретения (?) листов — «Ивер». Судя по исследованию П. А. Лаврова [39], который сличил фотографический снимок с одного из листов Григоровича с рукописью, хранящейся в Афонском Хиландарском монастыре (№ 24), данные листки являются составной частью именно этой рукописи. Поэтому остается неясным, почему местом приобретения назван Ивер. Другие фрагменты из того же Хиландарского сборника хранятся, по свидетельству В. А. Мошина, в Ленинграде [40]. П. А. Лавров не имел в Хиландаре под рукой описания рукописей Синодальной библиотеки, которое могло бы облегчить труд сопоставления хиландарского сборника со списком 1073 г. Судя по всему, он производил сличение уже по своим записям и установил, что постатейно эти рукописи не совпадают, но отметил, «что перевод общих в том и другом сборнике статей один и тот же: различие в некоторых вариантах зависит, с одной стороны, от того, что один из сборников дошел до нас в труде русского переписчика, другой в сербской рецензии; с другой стороны, от неодинаковой древности списков. . .» [41]. Среди общих для Хиландарского сборника и Изборника 1073 г. названы следующие статьи: «Что ѥс ѥфоудь им' же вьпрошаше стл' ба» (нач.: «Име оубо ѥго тлъкоуѥмо ꙗвлѥниѥ или избавлїе. . .»); «Златооустаго ѡт того ѥже ѡ ризѣ стльсцѣ» (нач.: «Облачшесе стль вь ветьсѣмъ зано вь стаꙗ стынмь въ подирь. . .»); «Стго Ѥпифаниꙗ ѡ двоюнадесете камикоу иже бѣхоу на логы стителѥвѣ насажденыи» (нач.: «Сарьдниѡнь вавулоньскыи нарицаѥми ȣчрьмень ѥс акы крьвь. . .»); «Ѳеѡдритово

ного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV века включительно). — «Археографический ежегодник за 1965 год». М., 1966, стр. 253, № 1198.

36 «Изложба српске писане речи». Београд, 1973, стр. 35, № 87.

37 См. вышеуказанное «Дополнительное описание собрания Григоровича».

38 *E. Miller.* Catalogue des manuscrits grecs de la bibliothèque de L'Escurial. Paris, 1848, p. 76.

39 *П. А. Лавров.* Апокрифические тексты. — Сборник ОРЯС, т. 67, № 3. СПб., 1899, стр. I—XIII.

40 «БАН 13.7.1, Сирку 57 и Дмитриjевско собранье бр. 3» — «Изложба српске. . .», стр. 35, № 87.

41 *П. А. Лавров.* Апокрифические тексты, стр. III.

ѡт сказанна юже ѿт исхода име мню гь нь не іавих се юмоу» (нач. не приведено); «Іѡана Дамаскїна ѡ македонъскынхъ мєцнхь. 162» (нач.: «Глють юлнись соуще 12 животын звѣздами противною. . .»); «Мєци по римланом о различных мєцнхь. 163». (Нач.: «Я мар'та 31 сладко іажъ и пи 2 априла. . .». Кроме того, Лавров вспоминает, что в Хиландарском сборнике есть «статьи о книгах Ветхого и Нового завета, имеющиеся в Изборнике на л. 252 и 253 и, если не обманывает память, в нем есть статья Георгия Хоуровьска о образѣх и др.»[42] В. М. Истрин в отчете о своей командировке за границу во 2-ой пол. 1894 г.[43] также рассматривает содержание Хиландарского сборника № 24 и отмечает следующие статьи, встречающиеся и в Изборнике 1073 г.[44]: «Поч'то не възбрани бъ Ювфаиеви положити трѣбою дщере акы и Авраамоу» (в Изборнике 1073 г. — л. 118)[45]; «Чесо ради ѡбрѣзатисе юмоу повѣле» (в «Изб.» — л. 136 об.); «Почто трѣбою положити веліа бъ Авраамоу юницею трѣлѣт и козою тризою» (в Изборнике 1073 г. — л. 135 об.). Кроме того, он называет статью «От анькоуротаа», помещенную в Хиландарском сборнике на лл. 137ᵇ—139ᵃ и также встречающуюся в Изборнике 1073 года.

7. Собрание Г. М. Прянишникова (ф. 242) № 193.

«Съборъ ѿт многъ ѿтцъ тлъкованіа ѡ неразȣмных словесѣх въ еуглїи и въ апслѣ, и в' иных книгах, вкратцѣ словес сложено, на памать и на готовъ ѿтвѣтъ».

Нач.: оглавление, состоящее из 105 глав (1—14 и 1—91).

Часть данной рукописи (лл. 1—227 об.) является списком, сделанным для Г. М. Прянишникова с рукописи Ов.

1891 г. (см. запись переписчика). Полуустав старообрядческого типа. 244 лл. 37,2×22,5. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, две застежки. Обрез окрашен красной краской. На корешке вытеснено: «Анастасия Синайского».

В рукописи приведена дословно запись писца протографа (см. описание ркп. Ов. № 108), а вслед за этой записью идет приписка (на л. 227 об.): «Я начата сїа стаа книга Анастасїа преписоватиса въ ҂зу е лѣто мєца сентабра І-го днѧ на памать стыхъ мчнцъ Миноды и Митродоры. И съврьшена тогож лѣта в ҂зу е лѣто мєца ноябра ві дна на памать иже во стых оца нашегѡ Іѡанна милостиваго архїепскпа Алеѯандрїйскаг(о) и прпдбнаг(о) оца нашег(о) Нила. Тщанїем жителѧ села Городца Григорїем Матвѣевичем Пранишниковъ. Книга чтена и исправлена».

Другая часть содержит (на лл. 228 об.—224 об.) «Главы добродѣтелныи припдбнаго ѡца нашего Феѡдора иже в лаврѣ стго Савы безмлъствовавшаго. . .»[46]

Вся рукопись украшена оригинальными миниатюрами (4), заставками (4) и цветами на полях (4) в красках с золотом. Заставки и цветы на полях выполнены в стиле старопечатного орнамента. Исполнение миниатюр, по указанию О. С. Поповой, близко к искусству Палеха.

Данный список полностью соответствует оригиналу (рукописи Ов.), за исключением нумерации глав в индексе: если в Ов. глава «Въпросы

---

42 *П. А. Лавров.* Апокрифические тексты, стр. XIII.

43 «Отчет командированного за границу приват-доцента Московского университета Василия Истрина за вторую половину 1894 года». — ЖМНП, ч. 304, апрель, 1896, стр. 48—63.

44 П. А. Лавров, который написал свою работу позже В. М. Истрина, не приводит эти статьи.

45 У В. М. Истрина (Указ. соч., стр. 49) ошибочно указан л. 148.

46 С какой рукописи сделан этот список, не установлено.

і отвѣти Григорїа Бгослов'ца и Васил҃ їа» не пронумерована, то здесь она идет под порядковым № 86. Следовательно, всего в этой части индекса Прян. — 91 глава, а в индексе Ов. — 90.

Список был сделан Максимом Осиповичем Прянишниковым, жителем деревни Мостов Больших Ковернинской волости Макарьевского уезда Костромской губернии. В этом можно убедиться, сличая рассматриваемую рукопись с рукописями №№ 184, 187, 194 из собрания Г. М. Прянишникова, которые имеют записи с именем переписчика.

8. Собрание Никифоровых (ф. 199) № 637 [47].

«Съборь ѿ многъ ѿць тлъкованїа ѡ неразоумныхъ словесехъ в' еуглїи и в' апслѣ і въ иныхъ книгахъ в'кратцѣ сложено на памат і на готовъ ѿвѣтъ».

Нач.: «Стго Василїа ѿ того еже на Оуномїа о стомъ дсѣ».

Список с части рукописи Ов. (с лл. 5—9 об.).

Втор. пол. XIX в. (б. шт.: Клепиков [48] № 19А — 1856 г.). Полуустав, имитирующий почерк XVI в. 8 лл. 1°. 35,8×21,7. Переплет отсутствует. Данный список, содержащий лишь отрывок Изборника (главу 1 и часть главы 2), оканчивается словами: «. . . ıако же ѿцъ жизнь имать в' собѣ також и снви далъ есть».

Отличие рассматриваемой рукописи от ее протографа в том, что ссылка на цитируемый источник — «Моуд. а; к рим. д, зач. пе. а; Мои. еі. глав. г зач. сд; Іıаков зач. нг», — помещенная в Ов. на полях (л. 5), внесена переписчиком в текст (л. 1 об.).

Список сделан И. Г. Блиновым. В этом можно убедиться, сопоставив его с рукописью из собр. Никифоровых (ф. 199) № 240, которая несомненно была написана рукой И. Г. Блинова (см. запись в ней на л. 1).

9. Собрание Рогожского кладбища (ф. 247) № 16.

«Анастасїевы Синаїскаго ѿвѣты противꙋ нанесенным емоу вопросом. Ѿ нѣких правовѣрныхъ ѡ различныхъ главизнах».

Нач.: «Сказанїе главизнам иже по вопросѡм по вопросомъ (!) прпдбнаго ѿца нашего Анастасїа противꙋ нанесеннымъ емоу ѿвѣтомъ».

Список, сделанный с той части Ег., где помещаются ответы Анастасия Синайского (с лл. 30 об.—241 об.).

1857 г. (см. запись писца; б. шт.: Клепиков [49] № 29 — 1852 г.). Полуустав. 1°. 35,0×21,7. 189 лл. (лл. I—III; 185—186 чист.). Переплет — доски, обтянутые тисненой золотом кожей, одна из двух застежек утеряна; обрез окрашен желтой краской. На л. 184 об. запись писца: «Сия книга, нарицаемая ответы Анастасия Синайского почал писать И. А. в лето 7364 — (1856 г.) июня 15 д. в пяток. Написах же 7365-е лето (1857 г.) генваря 24 дня». На л. 1 записи: «Анастасия Синайского ответы. Список с древлеписменной в лист. 180 л. Нап. в лето 7365-е» и запись о покупке рукописи: «1879 года августа 2 дня в Нижегородской ярмонке куплена книга Ивана Иваныча Настасия Синайскаго за 25 руб. Ежели не покажетца то ему обратить за 25 руб. сер.». На об. верхней крышки переплета наклейка: «№ 69 по катал. Ар. Ан. № 13» и стерта запись синим карандашом: «1913 — 213».

Текст правлен карандашом и чернилами: древняя орфография, а иногда и лексика, переделывалась на новую, в ряде случаев текст правился, возможно, по печатному изданию Изборника 1073 г. (?).

---

[47] См. также ее описание в машинописной описи, находящейся в отделе рукописей ГБЛ, «Собрание Никифоровых», стр. 217, составленной Л. В. Тигановой.

[48] *С. А. Клепиков.* Штемпели на бумаге русского и иностранного производства XIX—XX вв. — АЕ за 1966 год. М., 1968, стр. 122.

[49] Там же, стр. 123.

Заголовки и инициалы — тонкие, с орнаментальными отростками, выполнены красными чернилами под киноварь.

Данный список полностью повторяет свой оригинал: большая часть ошибок и описок Ег. рукописи, 4 исправления, сделанные самим писцом, все пропуски в тексте повторены и здесь. Нами замечено лишь одно расхождение: в Ег. последняя глава в индексе — «Ноевых снѡв д. . .» — идет без номера, а в данном списке — № 91.

10. Собрание Н. П. Румянцева (ф. 256) № 356[50].

«Съборъ отъ многъ оць тълкованиꙗ о неразоумьныихъ словесьхъ въ еуаггелии и въ аплѣ и въ инѣхъ книгахъ въкратьцѣ съложено на памѧть на готовъ отъвѣтъ».

Копия, сделанная А. Ратшиным с Изборника 1073 г.

1819 г. Полуустав в 2 столбца. 202 листа. (Каждая из двух частей копии имеет свою нумерацию. 1-я нумерация: лл. I, II+86 листов, из которых лл. 5, 6, 7, 13 — чистые, +5 листов снимков. 2-я нумерация: 101 лл.+лл. 5а, 5б — чистые+4 листа снимков+лл. 102, 103). Максимальный размер листов с текстом: 35,1×21,9. Размер листов со снимками: 34,7×25,7: Переплет отсутствует. Рукопись вложена в 3 папки.

На л. II написано: «Сборник для великаго князя Святослава Ярославича писанный Иоанном Дьяком, в двух отделениях, 1073-го года. Списан и срисован с хранящегося в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре пергаминнаго подлинника для Государственнаго канцлера графа Румянцова в 1819-м году, Александром Ратшиным».

На лл. 102, 103 находится «Объяснение списателя». В нем А. Ратшин излагает принципы, которыми он руководствовался при снятии копии.

11. Архив О. М. Бодянского (ф. 36), карт. 1, № 40[51].

Письмо А. Х. Востокова О. М. Бодянскому от 23 января 1846 г. К письму приложена копия двух первых листов «Изборника Святославова», переписанная Востоковым со списка Ратшина для того, чтобы показать Бодянскому, «что и г. Ратшин не мог прочесть нескольких строк, которые и означил точками».

Копия занимает 3 листа. Писана полууставом в 2 столбца. 26,9×21,0. Точно снята с ратшинского списка.

12. Архив О. М. Бодянского (ф. 36), карт. 3, № 39.

«Лѣтописьць въкратьцѣ отъ Авъгоуста даже и до Кѡнстантина и Зима цсрч грьчьскыихъ».

Нач.: «І. Авъгоустъ иже и осмородьныи. . .»

Копия л. 264—266 списка 1073 г.

Без даты (штемпель на бумаге плохо виден). Автограф О. М. Бодянского. 4 лл. (л. 4 чист.). 22,0×18,1.

На лл. 1, 2, 3 — штамп Библиотеки императорского Общества истории и древностей российских. На л. 1 сверху рукой О. М. Бодянского: «Из Сборника царя Симеона и в. к. Святослава 1073 г.».

13. Архив О. М. Бодянского (ф. 36), карт. 6, № 5.

Копия с рукописи на греческом языке «Codex coislinianus № 120, хранящейся в Парижской национальной библиотеке и содержащей греческий текст Изборника.

14. Собрание отдела рукописей (ф. 218), № 924[52].

---

[50] Подробное описание см. в кн.: *А. Х. Востоков.* Указ. соч., стр. 499—506.

[51] Подробное описание всех материалов по изданию Изборника Святослава 1073 г. из архива О. М. Бодянского сделано Е. И. Соколовым в кн.: «Библиотека императорского Общества истории и древностей российских», вып. 2. М., 1905, стр. 618—623.

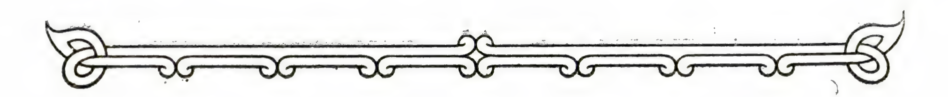
[52] См. описание этого документа, сделанное К. И. Бутиной в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», вып. 23. М., 1960, стр. 105.

Копия с лл. 84—88 об., 90—93 об., 95—98 об., 100—100 об., 103—109 об. списка 1073 г.

Нач. «доуѥтьсѧ подобьнѣ принесеныимъ. . .» Оканчивается: «. . .и въ недоугы оне плътьныꙗ иностаньныꙗ вънѧ же грѣ».

Без даты (не позже 1886 г. — года смерти А. Л. Дювернуа). Слав. и греч. языки. Автограф А. Л. Дювернуа. 42 лл. 35,4×22,3. Это наборная рукопись, предназначавшаяся, вероятно, для продолжения издания Изборника 1073 г. В данной рукописи кроме текста Изборника 1073 г. приводится параллельный греческий текст по Коаленеву кодексу (Codex Coislinianus № 120), причем текст Изборника, помещенный в этом списке, на всем своем протяжении имеет правку рукой Дювернуа. Скорее всего таким образом ликвидируются пропуски слогов, искажения, изменения и описки древнего подлинника рукописи 1073 г., исправляемые другими списками (т. е. списками Румянцевским XVI в., «Онфимовым» — Синод. 1403 г. и Кирилло-Белозерским 1445 г.), о которых говорится в предисловии к изданию 1883 г.[53]

[53] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С греческим и латинским текстами. С предисловием Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. — «Чтения в ИОИДР», 1882, октябрь—декабрь, кн. 4. М., 1883.



ЯЗЫК ПЕРЕВОДА И РУКОПИСИ. ЦИФРОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Н. А. Мещерский

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИЗБОРНИКА 1073 Г. С ИЗБОРНИКОМ 1076 Г.

Два известнейших Изборника древней славяно-русской письменности естественно напрашиваются на сопоставление, что недавно было осуществлено Н. Н. Розовым в его докторской диссертации «Русская книга XI—XIV вв.». Исследователь пришел к выводу о том, что эти Изборники представляют собою два различных по своему функциональному назначению типа книги [1].

Действительно, оба Изборника могут быть сопоставлены и сближены между собою как письменные памятники одной и той же исторической эпохи (интервал между ними составляет всего 3 года), как древние рукописи, восходящие к одной и той же территории (к Киеву) и потому способные отразить речевые черты одного и того же извода (варианта) общего литературно-письменного языка тогдашнего славянского мира. Появились оба списка в одной и той же общественной среде — при дворе киевского князя, они несомненно близки по содержанию, так как оба представляют читателю выборки из «мног книг» традиционной идеологической направленности: оба Изборника служили своеобразными справочниками энциклопедического характера, отвечая запросам тогдашних читателей в областях богословия, истории, экзегетики, юриспруденции и морали. Оба памятника не относились к числу книг собственно церковных (богослужебных), использовались они, как полагают, для домашнего чтения.

Однако между обоими Изборниками есть и различия. Во-первых, их внешнее оформление. Изборник 1073 г. — это «роскошное» издание своего времени, украшенное многокрасочными миниатюрами-иллюстрациями, включая семейный портрет князя Святослава. Внешнее убранство Изборника 1076 г. предельно скромно. По формату первый Изборник — торжественный фолиант, вто-

---

[1] *Н. Н. Розов.* Русская книга XI—XIV вв. Автореферат докторской диссертации. Л., 1973, стр. 10.

рой — «карманная» восьмушка. Письмо первой книги — крупный устав, второй — более мелкий почерк, приближающийся к полууставу.

По составу Изборник 1073 г. может быть целиком (или почти весь) возведен к византийско-греческому архетипу, сборнику выдержек из различных, преимущественно патристических, произведений. На это было обращено внимание еще в 1842 г. А. Х. Востоковым, указавшим, что «между рукописями Коаленевой библиотеки, описанной Монфоконом, находился точно такой же (сборник. — *Н. М.*) на греческом языке» [2]. Изборник 1076 г., по-видимому, в своем дошедшем до нас содержании составлен уже на славянской почве; до сих пор с полной достоверностью могут быть возведены к греческим оригиналам лишь около половины входящих в него статей, и при этом, как будет показано далее, многие использованные в нем источники существовали уже не на греческом, а на славянском языке.

Изборник 1073 г. сохранился до наших дней не в единственном экземпляре, как его младший собрат. Число выявленных списков Изборника 1073 г., как это показано в статьях К. Куева и других, приближается к двадцати.

Отдельные из списков по их составу были сопоставлены еще в 1884 г. немецким славистом Л. Мазингом [3], а в 1969 г. ряд замечаний по поводу соотношения списков Изборника 1073 г. был сделан Н. Н. Розовым [4]. Более подробного сличения списков по их тексту и языку до сих пор не производилось, и можно выразить надежду, что это будет выполнено при подготовке критического издания памятника.

В противоположность этому, список Изборника 1076 г. уникален, текстологические параллели в более поздних русских рукописях могут быть найдены лишь для немногих составляющих его статей.

Изборник 1073 г., как это было доказано еще С. П. Шевыревым в 1847 г.[5], был переписан с болгарского оригинала, при этом Похвала болгарскому царю Симеону (919—927), первоначально читавшаяся в оригинале, была перепосвящена киевскому князю (вероятно, сначала Изяславу, а затем Святославу, сменившему своего брата на Киевском «столе» в том же 1073 г., и его имя было написано в тексте Похвалы по подскобленному месту). Самый же текст Похвалы, видимо, не претерпел существенных переделок. Этот факт устанавливается на основании Кирилло-Белозерского

---

[2] *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 502.

[3] *L. Masing.* Studien zum Kentniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1973 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. — «Archiv für Slavische Philologie», Bd. 8. Berlin, 1885, S. 375—394; Bd. 9, 1886, S. 77—112.

[4] *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — Известия ОЛЯ АН СССР, т. XXVIII, 1969, в. 1, стр. 75—78.

[5] *С. П. Шевырев.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. . . в 1847 г. М., 1850, стр. 31—32.

списка № 5/1082, условно датируемого 1445 г. Список этот, сохраняя имя царя Симеона, восходит тем самым не к Изборнику Святослава 1073 г., а к его болгарскому архетипу (может быть, через его другой древнерусский список).

Зависимость текстов Изборника 1076 г. от их болгарских оригиналов лишь косвенная, что и послужило основанием для таких исследователей, как Н. П. Попов (1934) и И. У. Будовниц (1954), высказать предположение о русском, оригинальном характере всего памятника [6]. Хотя это мнение в целом и не было поддержано рядом последующих авторов, особенно после выхода в свет академического издания памятника [7], однако и до сего времени отдельные ученые продолжают придерживаться его [8].

Мы же в данной статье попытаемся подойти к сопоставлению обоих памятников славяно-русской письменности XI в. с точки зрения рассмотрения социальных функций общего для всех славянских народов того времени литературно-письменного языка и межславянского литературного общения и обмена.

Необходимо учитывать при этом, что памятники, созданные на общем литературно-письменном языке славян той эпохи, при переходе из одной славянской речевой среды в другую, например, из Болгарии в Киевскую Русь, из Чехо-Моравской области в Болгарию или на Русь, или из Руси к болгарам или чехам, не нуждались в переводе и не переводились с одного славянского языка на другой, но подвергались лишь относительно поверхностной языковой адаптации, что приводило к развитию и обособлению отдельных изводов древнеславянского литературного языка. Однако в случаях, когда происходил обмен памятниками, под слоем того или иного позднейшего славянского языкового извода может быть обнаружен первоначальный инославянский речевой архетип.

Поэтому Изборник 1076 г. мы рассматриваем как письменный памятник русского (восточнославянского) извода древнеславянского литературно-письменного языка и обнаруживаем в этом списке характерный комплекс речевых примет данного извода.

Русизмы в языке Изборника 1073 г. изучены уже давно, они приводятся в большинстве курсов и пособий по истории русского языка [9]. Русизмы эти ограничиваются, по-видимому, в основ-

---

[6] *И. У. Будовниц.* «Изборник Святослава 1076 года» и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 44—75, там же ссылки на работы Н. П. Попова.

[7] «Изборник 1076 г.». М., 1965.

[8] *D. Freydank.* Interpretation einer griechischkirchenslawischen Übersetzung im Izbornik von 1076. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. II, h. 1, S. 38—48; *W. Boeck, Ch. Fleckenstein, D. Freydank.* Geschichte der russischen Literatursprache. Leipzig, 1974, S. 30.

[9] *Н. Н. Дурново.* Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка, I—III. — «Южнословенски филолог», кн. 4. Београд,

ном сферой фонетики и орфографии, частично морфологии. Систематически проводится написание ь, а не ъ в конце флексий глагольных форм 3-го л. ед. и множ. числа после т, формы ед. ч. при этом нередки и без личного окончания: подобае (л. 82в), пламение (л. 153г) и мн. др. (ср. с этим написание напише в послесловии Остромирова евангелия).

Значительной последовательностью в списке Изборника 1073 г. отличается восточнославянский рефлекс общеславянских слоговых плавных согласных типа: търпѣти, съмьрть и мн. др. Примеров таких написаний можно привести множество из обоих почерков рукописи. Относительно редко встречаем в Изборнике 1073 г. восточнославянское полногласие. Это явление ограничивается лишь словом полонъ и производными полон (л. 63в), полоньникъ (л. 67г.), полоньникы (л. 83в). Приведем контекст последнего употребления: избавлꙗжште рабы и полоньникы оузьникы и напастьныꙗ. В этом речении, при наличии столь характерных черт болгарского оригинала (избавляжште), отметим восточнославянское написание оузьникы с начальным оу, а не ю. Могут быть отмечены еще характерные восточнославянские написания человѣкомъ (л. 153б) и даже чоловѣка (л. 178г), а не чловѣка. Из числа морфологических явлений следует обратить внимание на показательную для восточнославянского языкового извода флексию ѣ в род. пад. ед. ч. женского мягкого склонения: отъ троицѣ (л. 8г), наряду с написанием от троица (там же). Укажем еще на восточнославянское оформление действ. причастия наст. времени от глагола первого класса текаи (л. 247а) и отсутствие второго смягчения согласного к перед ѣ в написании: въ чл҃чскѣи д҃жши (л. 132б).

Отмеченные языковые особенности присущи лишь Изборнику 1073 г. как списку, но не памятнику как таковому. Это может быть подтверждено, например, сравнением текста Изборника 1073 г. со списком Кир.-Бел. № 5/1082, в котором обнаруживаем в соответствующих местах отсутствие восточнославянских написаний. Так, мы находим там: прѣдани быша и пр҃орци въ плѣнъ на образъ и на оутѣхъ людьмъ (л. 118об.); ц҃рь а стражда акы плѣникъ (л. 123); избавлꙗюще рабы и плѣникы, оузникы и напастныꙗ (л. 147об.). Равным образом не представлена в данном списке и флексия — ѣ род. пад. ед. числа женского склонения после ц в тексте: ꙗко единъ от тр҃ца пострада, да единыи от тр҃ца то же ли акы троица или ни. Да всꙗко ркоутъ жде да аще бесмртна есть тр҃ца. то бесмртьнъ (л. 42).

Лексика списка Изборника 1073 г. еще мало исследована. Но, по предварительным наблюдениям, она свободна от показательных русизмов и, наоборот, в ней заметны типичные болга-

1924, стр. 72—94; кн. 5. Београд, 1925—1926, стр. 93—113; кн. 6. Београд, 1926—1927, стр. 11—64.

ризмы, как показывает в своей статье в настоящем издании В. В. Колесов. Нельзя не сказать об отдельных, как нам кажется, весьма примечательных, маргинальных глоссах, обнаруживаемых в ряде мест текста, на которые еще не было обращено внимания. Так, на л. 30б слова основного текста: **работатии мамонѣ** — поясняются на полях: **несытьствоу**; на л. 36 в — текст: **кое ли съглашение христосоу къ велиароу** — поясняется маргиналией: **къ бѣсоу** (отметим, что в основном тексте предлог **къ** внесен над строкой); на л. 56 б слова **акы ремьныимь терѣсхомь юница** на полях истолкованы: **ременьмь дакъмъ**; на л. 66в читаем основной текст: **или акы чоуже єпіскоупъ**, что поясняется словом **съблюстель**. Особенно заслуживают внимания, с нашей точки зрения, глоссы, находящиеся на л. 77б: **ако събирая богатьство свое съ растьмь и съ насилиемь**, где к слову **растъ** читается на полях: **съ лихвож**, и на л. 82г: **чл҃ка оусобичьна и нечиста дѣлателя, пияница, хоульника, растоимьца и много вьсего зъла** — где слову **растоимьца** соответствует маргиналия **пририѣзоимьца**. Последние из приведенных глосс характерны для Руси XI в. То, что эти глоссы принадлежат лишь Изборнику 1073 г., а не протографу, доказывается тем, что в остальных списках они отсутствуют.

В указанных маргинальных глоссах мы можем усмотреть зачаточную стадию той лексической обработки текста, которой мог бы подвергнуться данный языковой памятник при дальнейшем его редактировании и переписке в восточнославянской речевой среде. Глоссами подобного же состава изобилует, например, текст перевода Хроники Георгия Амартола по древнейшему Тверскому (Троицкому) ее списку XIV в. Там мы находим, например: **Адонаи рекше сыи** — 187, 8; 275, 22; **Аколоуфь рекше послѣдоуди** — 567, 16; **Аргоурь рекше сребреникъ** — 514,5; **Диоспол рекше Диевъ градъ** — 206,4 и мн. др.[10].

В противоположность этой относительно неглубокой языковой правке Изборника 1073 г., в Изборнике 1076 г. обнаруживаются следы основательной и коренной адаптации к восточнославянскому быту, культуре и речевой практике. И эта языковая адаптация, что представляется наиболее существенным, идет в названном памятнике параллельно с весьма характерной идеологической правкой. Сравнение текстов, включенных в Изборник 1076 г., с их оригиналами неизменно показывает приспособление первых к потребностям и запросам читателей из числа светских, «мирских» жителей Киевской Руси.

Так, оригиналом статьи Изборника 1076 г. **С҃го Василия како подобаеть чл҃коу быти** (л. 101 об. — 108 об.) является произведение Василия Кесарийского (Великого) Слово о подвижничестве,

[10] *В. М. Истрин.* Книги временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II. Пгр., 1922, стр. 203—211.

как подобаеть украшать себя монаху. Отметив это, издатели академического издания Изборника продолжают: «Эта замена последовательно выдерживается в статье, которая охватывает все Слово с начала до конца, допуская лишь отдельные пропуски»[11].

Подобным же образом мораль, выводимая в том отрывке греческого и славянского текста «Жития Нифонта Констанцского», которое послужило источником для статьи **о милостивѣмь Созоменѣ** (л. 269—275 об.), содержавшая в оригинале призыв к покаянию и к уходу от мира, заменяется в Изборнике 1076 г. советом, легко выполнимым любым мирским человеком, обладающим достатком: **иже всхочеть самовольствъмь и льготою бес троуда спсти дшѫ свою. млстынею можеть спсти ѭ** (л. 275). В соответствии с приведенным совершается и вся остальная идеологическая правка статьи.

Наряду с идеологической адаптацией текста, составитель Изборника 1076 г. неустанно проводит стилистическую и языковую переделку текста. Упрощаются, по сравнению с источником, сложные и громоздкие синтаксические построения, пропускаются трудные для понимания места, тексты сжимаются, а язык памятника насыщается восточнославянскими элементами речи в фонетике, морфологии и, что очень важно, лексике: вводятся слова, типичные для быта жителей Киевской Руси того времени.

Как выяснилось в ходе подробного изучения Изборника 1076 г., источниками для отдельных его компонентов послужили не только греческие оригиналы произведений, но и их южнославянские переводы. Так, для статьи «О милостивѣмь Созоменѣ» несомненным источником явилось именно славянское «Житие Нифонта», известное по спискам XII—XIII вв., например, Ростовскому 1219 г. Сопоставление этих двух текстов позволяет ясно выявить характер переработки, произведенной редактором Изборника 1076 г. На это было обращено внимание в работах Жака Леписье, американского слависта Игоря Шевченко и в нашей статье[12]. Здесь же мы остановимся лишь на немногих, как нам кажется, наиболее характерных моментах лексической правки, произведенной в Изборнике 1076 г., по сравнению с оригиналами.

«Житие Нифонта Констанцского», как это доказано в работах К. И. Ходовой[13], переведено в Восточной Болгарии в X в. Таким

---

[11] Изборник 1076 г., стр. 719.

[12] *Н. А. Мещерский.* К вопросу об источниках «Изборника 1076 г.» — ТОДРЛ, т. XXVII, 1972, стр. 321—328. Здесь же библиографические данные о работах Ж. Леписье и И. Шевченко.

[13] *К. И. Ходова.* Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника (Житие Нифонта в русском списке 1219 г.). Автореферат канд. дис. М., 1952; *ее же.* Из наблюдений над лексикой древнерусского списка Жития 1219 г. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, т. IX, 1954, стр. 182—204.

образом, на данном примере весьма показательно проявляются процессы, связанные с переходом произведения из одной славянской речевой среды в другую. Остановимся на отдельных лексических заменах. Если в славянском тексте «Жития Нифонта» шесть раз употреблено слово **ковчежьць** в соответствии с греческим χαμφάκιον, то в статье **О милостивѣмь Созоменѣ** это существительное последовательно заменяется восточнославянским «ларь», словом, заимствованным из древнескандинавского, характерным именно для древнерусского языка и незнакомым для южнославянской речи. Примечательно, что слово это постоянно употребляется в не менее характерном восточнославянском морфологическом облике: четыре раза оно представлено в вин. пад. мн. числа с флексией — *ѣ* и один раз в род. пад. мн. числа с флексией — *евъ*. Во время нашей работы над вышеназванной статьей недостаточно ясно осознавалась причина, по которой составитель Изборника 1076 г. мог заменить такое, казалось бы, стилистически не показательное слово, как **ковчежьць**, характерным русизмом. Теперь, вчитываясь в древнеславянские переводы евангельских текстов, мы смогли убедиться, что это слово употреблено в первоначальном славянском переводе евангелия (Ио, 13, 29) в рассказе о предательстве Иуды (**понеже ковчежьць имѣаше Июда**). Возможно, именно поэтому слово **ковчежьць** могло показаться русскому редактору вызывающим нежелательные идеологические ассоциации. Впрочем, это не более, чем предположение.

Другой случай столь же показательной лексической замены наблюдается при изучении включенных в Изборник 1076 г. текстов «Премудрости Исуса сына Сирахова». Уже А. Х. Востоков отметил в своем «Словаре церковнославянского языка» (1858), что в этом тексте слово «*вино*» регулярно заменяется на существительное «*медъ*», которым обозначается напиток, излюбленный жителями Киевской Руси. В 1973 г. в статье Ж. Леписье, опубликованной посмертно [14], в качестве источника для изречения, помещенного в Изборнике 1076 г. на л. 268 об., указывается параллельное место в латинском переводе Исуса сына Сирахова, гласящее: Vinum in jucunditate(m) creatum est. . . et non in ebrietatem.

В славянском мы находим: **медъдь въ веселие дано бысть бгъмь. а не на пианьство сътворено быстъ.** Леписье, правильно определив источник славянского изречения, не обратил внимания на его синтаксическую структуру. Правда, мы оговариваемся, что, очевидно, источником мог быть не сам латинский текст Сираха, а его первоначальный греческий архетип. Обратимся к синтаксису вышеприведенной фразы. Отсутствие согласования в роде между

---

[14] *J. Lepissier*. Quelques passages de l'Izbornik de 1076 avec leur source greque. Byzantinoslavica, t. XXXIV, S. 1. Praha, 1973, S. 28—32.

подлежащим муж. рода «медъ» и сказуемыми (краткими страдательными причастиями) в средн. роде, как нам кажется, позволяет установить, что слово «медъ» в данном контексте вторично и внесено редактором на место первоначально стоявшего там существительного средн. рода «вино», на структуру же предложения редактор при перестройке текста не обратил внимания, благодаря чему и возникла эта несогласованность в роде.

Таким образом, это наблюдение может подкрепить наше предположение о том, что источниками для составителя Изборника 1076 г. служили именно древнеславянские переводные тексты, а не их греческие архетипы.

К числу таких древнеславянских источников Изборника 1076 г. могут быть отнесены и отдельные статьи Изборника 1073 г. Впервые было обращено внимание на этот весьма существенный факт в истории взаимоотношений между обоими памятниками в работе Д. И. Абрамовича в 1929 г.[15] Ученый указал тогда как на прямые источники второго Изборника на следующие места из Изборника 1073 г.: **Вопросы Анастасиꙗ Синаита**, в составе памятника озаглавленные как **«Аѳанасиеви отвѣти»** (вопрос I на лл. 27б—28а Изборника 1073 г., чему соответствуют лл. 114 об.—116 об. во втором Изборнике; вопрос II на лл. 33б—34б (соответственно лл. 116 об.—121), вопрос V на лл. 40а—41г (соответственно лл. 202 об.—205 во втором памятнике), вопрос XVIII на лл. 108—109 Изборника 1073 г. и на лл. 127 об.—131 второго Изборника. Отметив почти полное совпадение сравниваемых славянских текстов по их составу и общему объему, Д. И. Абрамович вместе с тем доказал, что они являются одним и тем же переводом греческого оригинала, что подтверждают одни и те же ошибки переводчика и некоторые своеобразные отклонения от оригинала[16].

Установив несомненную текстовую зависимость Изборника 1076 г. от его старшего собрата, Д. И. Абрамович, к сожалению, никак не охарактеризовал отношения второго текста к первому. Между тем, на наш взгляд, эти отклонения, как и в случаях с переработкой «Жития Нифонта» в статье «О милостивъмь Созоменѣ» и с изречениями Исуса Сирахова, можно было бы рассматривать как переработку текста — идеологическую, стилистическую и языковую. Идеологическая переработка направлена в сторону «обмирщения», например в вопросе V, где опущены слова «или чьрньчьскыхъ творити» после слов **не можеть чьрньць быти** (Изборник 1073 г., л. 40; Изборник 1076 г., л. 202); укажем еще на характерное место вопроса XIII, где в рассказе о похоронах грешника заменено **нѣ въ кыи градъ зла и безбожна кнꙗза**

---

[15] *Д. І. Абрамовіч.* До питания про джерела Ізборника Святослава 1076 року. — «Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови», в. II. Київ, 1929, стр. 64—74.

[16] Там же.

имоуща — на: въ единъ градъ... въ немь же баше соудиа зълыи и бга не имыи (л. 129—129 об.). Здесь, по нашему мнению, видна переработка стилистическая и языковая, направленная в сторону упрощения текста. Вместе с тем, замена злого князя на судию могла быть вызвана тем, что Изборник 1076 г. изготовлялся для чтения князю. Сравним еще л. 40 первого Изборника с л. 205, 8 второго: «ıармъ мои благъ и брѣма мое льгъко есть» (цитата из ев. от Матфея, гл. II, 30) и «и берема мое льгъко есть». Здесь видны не только сокращения текста, но и характерная смена неполногласного сочетания на восточнославянское полногласие. Таким образом, мы можем обозначить эту правку как восточнославянскую правку языка в Изборнике 1076 г.

Кроме «Вопросов» Анастасия Синаита, в той же работе Д. И. Абрамовича отмечен в качестве источника для статьи «Нила чьрноризьца» на 249 л. в Изборнике 1076 г. статья Нила чьрньца отъ того еже къ агаѳиоу чьрньцю в Изборнике 1073 г.; на л. 35 заимствована из того же источника и статья «О хананыни» («Изборник 1076 г.», л. 234). Извлечением из Изборника 1073 г. Абрамович признал также статью в Изборнике 1076 г. на л. 249—250, ошибочно озаглавленную «Златоуст». В действительности же это место в Изборнике 1073 г., л. 93, содержит правильную атрибуцию: Iѡанна от лѣствица. И в этих частях текста Изборника 1076 г. можно видеть стилистические и языковые замены, аналогичные разобранным выше.

Д. И. Абрамович не отметил в качестве источника для соответствующих многих разделов Изборника 1076 г. неоднократно встречающиеся на страницах первого Изборника выдержки из апокрифической книги «Премудрость Исуса сына Сирахова» (на лл. 28в, 36г, 37а, 65а—б, 103б—в). И он был прав в этом, так как никаких текстовых контактов с тем составом изречений, которыми пронизаны страницы Изборника 1076 г., эти выдержки из «девтероканонической» ветхозаветной книги не обнаруживают. По-видимому, это совершенно различные по происхождению тексты. Если в составе Изборника 1073 г. выдержки из «Исуса Сирахова» могут быть возведены к соответствующей греко-византийской выборке, имеющейся уже в составе первоначального архетипа, то в другом нашем памятнике эти изречения, по предположению М. Н. Сперанского, могут восходить к ранее существовавшему древнеславянскому переводу этой библейской книги, выполненному, по-видимому, тоже в Болгарии, не позднее X в., а затем в Киевской Руси, при подготовке Изборника 1076 г., подвергшегося редакционной переработке [17].

Таким образом, Изборник 1073 г. и Изборник 1076 г., по нашему мнению, могут рассматриваться как два различных этапа

---

[17] *М. Н. Сперанский.* Переводные сборники изречений в славянорусской письменности. М., 1904, стр. 1—67.

в процессе языковой адаптации памятников древнеславянского литературного языка на восточнославянском речевом ареале. И если Изборник 1073 г. может быть отнесен к памятникам древнеславянского языка русского извода, то Изборник 1076 г. может быть поставлен в один ряд с такими оригинальными памятниками древнерусской литературы XI в., как Слово о Законе и Благодати Илариона, Житие Феодосия Печерского Нестора, Сказание о Борисе и Глебе, Повесть временных лет и другие произведения той эпохи, и может рассматриваться в качестве памятника древнерусского литературного языка книжно-славянского типа старшего периода.

Е. Э. Гранстрем, Л. С. Ковтун

ПОЭТИЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г. И РАЗВИТИЕ ИХ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ
(анализ трактата Георгия Хировоска)

В статье идет речь не о приложимости поэтической теории Георгия Хировоска к древнерусским художественным текстам, к наблюдаемым в них типам образности [1], а о выделенном в этом сочинении ряде понятий, обобщающих эстетические явления. Следовательно, речь пойдет о греческих словах и о словах славянского перевода, представленного в Изборнике 1073 г., в значениях которых эти понятия объективированы. Сказано будет также и о некоторых фактах усвоения упомянутых Хировоском терминов в русской традиции.

И для южнославянской и для русской книжности слово «О образѣхъ» — текст, без которого нельзя охарактеризовать начальный этап сложения системы специальных слов, специфичных для области, которая именуется поэтикой. Что касается византийской науки, то для нее трактат Хировоска — одно из сочинений в ряду других, отражающих результаты длительного развития ποιητική (τέχνη), обобщившей опыт античной и византийской литератур, а через произведения раннехристианских и византийских писателей также и практику художественного применения слова в Писании.

---

[1] Ср. *Justinia Besharov*. Imagery of the Igor' tale in the light of byzantino — slavic poetic theory. Leiden, 1956. Рецензия на эту книгу: *Д. С. Лихачев*. Известия ОЛЯ, т. XV, в. 6, стр. 549—552.

Несмотря на то, что трактат Георгия Хировоска «О поэтических образах» был широко распространен в средневековой письменности, исследований о нем почти не существует. Сведений о самом Хировоске мало [2] — даже время его жизни не определено: считается, что он жил между VI и IX в., скорее всего — на рубеже VI и VII вв. Хировоск (в переводе — свинопас) был профессором (вселенским учителем — οἰκουμενικὸς διδάσκαλος) высшей школы в Константинополе; некоторые его сочинения имеют заголовок — ἀπὸ φωνῆς — с голоса — Георгия Хировоска, откуда следует, что сочинения эти были записаны его учениками как лекции. Известны следующие сочинения Хировоска:

1) Трактат о просодии.

2) Комментарий на сочинение грамматика II в. Дионисия Фракийского «Грамматическое искусство».

3) Комментарии на сочинение грамматика IV в. Феодосия Александрийского относительно именных и глагольных правил.

4) Чтения об орфографии, в которых Хировоск часто опирается на вышеуказанного Феодосия Александрийского.

5) Комментарии на сочинение Гефестиона (II в.) о метрике — ἐγχειρίδιον περὶ μέτρων.

6) Комментарии на грамматические трактаты II в., принадлежащие Аполлонию Дисколосу и Элию Геродиану.

7) Грамматический комментарий на псалмы — ἐπιμερισμοὶ τοῦ ψαλτηρίου.

8) Трактат о поэтических образах, который и составляет предмет нашего сообщения.

Кроме перечисленных выше сочинений, прокомментированных Хировоском, им были также использованы некоторые предшествовавшие ему грамматики I—VI вв.: Орион, Иоанн Хваракс, Иоанн Филопон, автор комментария к Аристотелю, Сергий Анагност.

Составленные в общем русле византийской филологической науки, труды Хировоска во многом зависят и от более древних представителей античной и эллинистической образованности — начиная от Аристотеля, в «Риторике» и в «Поэтике» которого употребляются сходные термины (например, метафора, парадигма, парабола), отдельные положения иллюстрируются примерами, а главное — соблюдается логическое распределение материала, он тщательно систематизируется. Понятно, что о влиянии Аристотеля тут надо говорить лишь в общем смысле его воздействия на древнюю и средневековую науку в целом.

Трактат о тропах состоит из 27 параграфов, каждый из которых содержит определение термина и ряда примеров, разъясняющих это определение. Бо́льшая часть примеров извлечена из наиболее распространенных текстов — Библии и поэм Гомера —

---

[2] О нем см. *K. Krumbacher*. Geschichte der Byzantinischen Literatur, 2. Aufl. München, 1897, S. 583—585; «Античные теории языка и стиля». Под ред. О. М. Фрейденберг. М.—Л., 1936, стр. 124—126, 129—131.

9 цитат из Библии, 7 — из «Одиссеи», 26 — из «Илиады». В нескольких случаях использованы как бы литературные штампы; таково определение царя как пастыря народа, которое постоянно употребляется у Гомера применительно к Агамемнону, или же определение искры как семени огня, впервые встречающееся у Пиндара.

Очень интересны фольклорные примеры, которых больше всего находится в параграфе 20 — загадка αἴνιγμα (подробнее об этих примерах см. ниже).

В дальнейшем сочинения Хировоска переписывались или использовались наряду с прочими грамматическими сочинениями византийцев. Рукописная традиция этих сочинений на греческой почве мало исследована. «Трактат о тропах» встречается только в сборниках смешанного состава, содержащих тексты, использовавшиеся для обучения. Состав этих сборников близок к составу Изборника 1073 г. Два были указаны Н. К. Никольским — X в. в Ватикане и XI в. в Парижской Национальной библиотеке. Третий не упоминается до сих пор — он хранится на Афоне в Дионисиевом монастыре и датируется XVII в. Всего удалось выявить 18 списков «Трактата о тропах», но только три указанных выше сборника с этим текстом по своему содержанию почти полностью совпадают с Изборником 1073 г.[3]

О том, что грамматические сочинения Хировоска были широко распространены на всем протяжении византийской эпохи, свидетельствует тот факт, что они были привлечены Константином Ласкарисом при составлении им первой печатной грамматики греческого языка, изданной в Милане в 1476 г. Другой факт связан со славяно-русской письменностью.

В древних славяно-русских переводах и извлечениях известно три сочинения Хировоска: «Комментарии на Дионисия Фракийского», «Комментарий на Феодосия Александрийского», «Трактат о тропах».

Соотношение первых двух комментариев с их славяно-русскими переводами рассмотрено Ягичем [4]. Что же касается «Трактата о тропах», то, подобно другим сочинениям такого рода, он не был переведен полностью, а только в извлечении [5]. Опущены все цитаты из поэм Гомера и других античных авторов. Перебит порядок в нескольких параграфах. Число примеров и значительная доля теоретических положений опущена.

---

[3] О греческих и славяно-русских списках трактата Хировоска см. Chr. Walz, ed. Rhetores Graeci, vol. VIII. Stuttgartiae et Tubingae, 1835, p. 799—820; *Н. К. Никольский.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906, стр. 19—21.

[4] *И. В. Ягич.* Рассуждения старины о церковно-славянском языке. СПб., 1895, стр. 344—362 (Исследования по русскому языку, т. 1, раздел III).

[5] Допустимо, что в Византии существовала и краткая редакция трактата «О тропах». Установить это можно лишь после тщательного исследования его списков.

Но интересно отметить, что некоторые фольклорные мотивы встречаются в древних славяно-русских памятниках. Так, в «Молении Даниила Заточника» говорится: «Не в птицах птица нетопырь» [6]. Другие два примера — о евнухе и о дне и ночи имеются в «Беседе трех святителей» [7].

Примечательно применение формы вопросо—ответов, весьма распространенной в средневековой литературе. Таким образом построена «Беседа трех святителей», т. е. «народная библия», употреблявшаяся для целей обучения.

Трактат Хировоска о тропах не следует рассматривать как исключительное явление в древней письменности. Это всего лишь одно из грамматических сочинений, служившее, наряду со многими другими, для обучения. Напомним, что труды Хировоска, через грамматику Константина Ласкариса, были использованы братьями Лихудами при составлении ими первой грамматики греческого языка для русских в конце XVII в.

Перейдем к славянскому переводу терминов. Несколько текстологических замечаний, прежде всего, по поводу их числа. Перечень тропов в Изборнике 1073 г. встречается трижды: в оглавлении, данном перед вторым разделом книги [8], в начале трактата [9] и, наконец, каждый из них назван перед статьей, посвященной объяснению его содержания [10].

Текст трактата начинается с фразы: **творьчьстии образи сѫть кз҃** (27) (ποιητικοὶ τρόποι εἰσὶν κζ′ [11]), но в упомянутых перечнях их всего 25 [12]. (Расхождение вызвано пропуском перевода слов πλεονασμός и ἐπανάληψις.) В основном тексте каждый из «образов», как и в оригинале, помечен цифрой. На этот раз их 27, однако сличение показывает, что соотношение тропов, данное в трактате Хировоска, местами видоизменилось. Перевод терминов πλεονασμός и ἐπανάληψις здесь присутствует («изобилие» и «поречение»), но оба слова даны в одной статье — ıѕ҃ (16), второй из терминов, таким образом, показан как разновидность, подвид первого. Заметный отход от текста оригинала — в статье, относящейся к тропу

---

[6] Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932 (Памятники древнерусской литературы, вып. 3. АН СССР).

[7] *В. Мочульский.* Следы народной библии. Одесса, 1893.

[8] Изборник 1073 г., лл. 123—127, статья рог҃ (173). Заметим, что даже в оглавлении дано не только наименование трактата Георгия Хировоска, но названы и объясняемые в нем тропы. В то время как все другие статьи представлены лишь в виде заголовков.

[9] Там же, л. 237 об., здесь слово «О образѣхъ» помечено уже как статья рое҃ (175), а не рог҃ (173).

[10] Там же, лл. 237 об.—240.

[11] *Chr. Walz.* Op. cit., p. 802.

[12] Во втором перечне, в отличие от оригинала, под каждым из тропов стоит цифра: а҃, в҃, г҃, д҃ и т. д. Последней из них оказывается кѕ҃ (26), но при нумерации цифра кв҃ (22) пропущена (над термином лицетворье — ка҃, над следующим за ним термином сълогъ — кг҃).

εἰρωνεία — «поругание»[13]. По трактату Хировоска есть четыре вида иронии, все они названы[14] и объяснены, но лишь термин εἰρωνεία, родовой по отношению к ним, выделен особым номером — 25. В переводе иначе, словом «поругание» переведен не только термин εἰρωνεία, но и термин χλευασμός. Вслед за этим идут три, а не четыре славянских обозначения: «похухнание», «поиграние» и «посмѣяние»[15], причем два последних выделены в качестве особых статей (25 и 26). У «иронии» (поругание) в силу этого оказалась всего одна разновидность (похухнание — μυκτηρισμός). Наконец, к последнему в этом ряду термину (посмѣяние — ἀστεϊσμός) приписано, неясно почему, толкование следующего за ним тропа (образъ — σχῆμα). И уже после этого дан перевод и объяснение заключающего слово **О образѣхъ** термина (послѣдословіе[16] — ὑστερολογία).

Таким образом, хотя и число, и набор терминов оригинала и перевода совпадают, но соотношение их, соподчиненность кое-где смещены. Несоответствия подобного рода есть и в самом тексте объяснений поэтических терминов. Так, в толковании слова «прѣводъ» (μεταφορά) из четырех разновидностей тропа названы лишь две последних («или бо отъ съдшьныихъ на несъдушьная прѣводиться», «или отъ несъдшьныихъ на съдшьная»), примеры же даны на все четыре, причем начиная как раз с тех, которые отсутствуют в перечислении («отъ съдушьныихъ убо на съдушьная», «отъ бездушьныихъ же на бездушьная. . .»)[17]. Ср. и объяснение термина «образъ» (σχῆμα), о котором уже говорилось в другой связи. Пример, иллюстрирующий применение названного тропа (ὁ κύριος Ἰωάννης, ὅν ὁ θεὸς ἐλεήσει, καλὸς ἄνθρωπός ἐστιν)[18], переведен: «гь Иоаннъ его же помилуи добръ члкъ есть»[19]. Из двух слов, упомянутых в греческой фразе — ὁ κύριος и ὁ θεός, — передано лишь первое — словом гь, из-за чего оно оказалось соотнесенным со словами «его же помилуи», а имя Иоаннъ утратило относившуюся к нему форму вежливости «господинъ». Порядок слов во фразе — самый неестественный, но строй ее, возможно, и должен был продемонстрировать солецизм, присущий этому тропу[20].

Вместе с тем, есть, однако, намеки и на затруднения, которые испытывал переводчик. Слово σολοικισμός, единственное во всем

---

[13] В греческом тексте — троп 25, в переводе «образ» — 24.
[14] τῆς δὲ εἰρωνείας εἴδη δ' χλευασμὸς, μύκτηρισμὸς, σαρκασμὸς, ἀστεϊσμός (*Chr. Walz*. Op. cit., p. 817).
[15] В оригинале им соответствуют слова: μύκτηρισμός, σαρκασμός и ἀστεϊσμός.
[16] В перечнях: посладословие (Изборник 1073 г., лл. 127, 237 об.).
[17] Изборник 1073 г., л. 238.
[18] *Chr. Walz*. Op. cit., p. 818.
[19] Изборник 1073 г., л. 240.
[20] Греч. σολοικισμός, ὁ — оборот, в котором нарушены синтаксические правила, солецизм.

трактате, передано по буквам (селикъзмии), а не переведено [21]. Всем остальным терминам были найдены славянские соответствия, в чем проявилась характерная черта анализируемого перевода.

Данная в слове О образѣхъ система обозначений на первый взгляд кажется весьма архаичной и не оставившей следов в русском языке при его позднейшем развитии: из обширного перечня терминов в нем закрепились лишь слова «притъча» и «лицетворение» (олицетворение) да ближайшие варианты терминов «прѣводъ» и «инословие» — «перенос» (переносное значение) и «иносказание» [22]. Однако, если учесть более далекие, но не менее существенные связи, оценка текста трактата как источника по изучению русской традиции поэтических терминов окажется иной.

В русском языке, как известно, термины поэтики, риторики, как и грамматики, в значительной части заимствованы из греческого. В разное время и разными путями были усвоены и слова, объясненные в сочинении Георгия Хировоска: аллегория, метафора, метонимия, гипербола, ирония, плеоназм, парафраза и т. д. Их историю обычно ведут с XVII или даже с XVIII в. Между тем для вхождения термина в язык и тем более для сложения системы (и систем) терминов, применяемых в той или иной области знаний, искусства и т. д., совсем небезразлично, были ли до этого в языке слова для выражения тех же или сходных (пусть и отдаленно) понятий. Вряд ли безразлично и то, в каких языковых формах протекал процесс усвоения понятия, как преобразовывались языковые средства по мере его усвоения и развития. Иными словами, вхождение термина в язык не может произойти без усвоения смысла, им выражаемого, а такое усвоение обычно результат процесса длительного, нередко прерывистого и разнонаправленного.

В переводе трактата Хировоска впервые для южных и восточных славян было раскрыто содержание ряда греческих терминов, которые впоследствии закрепились у нас в их греческом обличии, разъяснение поэтических терминов в слове О образѣхъ сделано двумя путями: в виде описательного толкования и в виде калькирования греческих слов. Славянские соответствия в большинстве своем передают строение греческих образцов: ἀλληγορία — «инословие»; ἀλληγορέω — «говорю другое»; μεταφορά — «прѣводъ» (перенесение); μεταφέρω — «переношу, перевожу, употребляю слово в переносном значении»; ὀνοματοποιΐα — «именотворие»; ὀνοματοποιέω — «делаю, образую, составляю имена»; πεποιημένον — «сътворе-

[21] В греческом тексте сказано: Σχῆμά ἐστιν ἀπολογίαν ἔχων σολοκισμός (*Chr. Walz.* Op. cit., p. 817). В переводе: образъ же есть селикъзмии отъ имы. . . (Изборник 1073 г., л. 240).

[22] Слова «сълогъ» и «образъ» при соответствии греческим παράδειγμα и σχῆμα лишь по звуковому обличию совпадают с широко известными теперь терминами (ср. иные варианты передачи тех же греческих слов в самом переводе трактата: прилогъ и видъ).

ние», ποιέω — «творю»; ἀντονομασία — «въименомѣстьство», ἀντονομάζω — «даю другое имя»; μετωνυμία — «отъимение» (переименование); ἀντίφρασις — «въспятословие» (слово с противоположным значением)[23]; περίφρασις — «съвратословие» (изложение другими словами).

И тот и другой способ (описание значения слова и калькирование) содействовал усвоению смыслового содержания терминов. Приходится иметь в виду, что кальки возникали не только из-за отсутствия в языке нужной для перевода лексемы, но и как прием раскрытия значения переводимого слова. Можно привести в параллель подобное калькирование одного из терминов метрики — акростих — Максимом Греком. «Сицево замышление, — пишет он, — наричется у насъ акростихъ, а по вашему началострочие или началограние или краеграние»[24].

Теперь о составе, или номенклатуре, поэтических терминов, объясняемых или просто упоминаемых в слове О образѣхъ. Славянских названий, как оказалось, намного больше, чем греческих. Сличение двух перечней (в оглавлении и перед основным текстом) уже дает одно разночтение в переводе термина πεποιημένον: сътвореное — сътворение; наблюдается также и различная нумерация терминов. При сопоставлении же перечней с основным текстом число вариантов перевода возрастет. Наблюдаются расхождения в суффиксах, в приставках и даже в корнях:

δʹ μετάληψις :	д	приятие — приятъ[25],
θʹ ὀνοματοποιΐα :	ѳ	именотворие — имятворение,
ιʹ πεποιημένον :	і	сътворение — сътвореное,
κγʹ προσωποποιΐα :	ка — кв	лицетворье — лицетворение,
ιδʹ περίφρασις :	ід	округословие — съвратословие,
κβʹ ἀνταπόδοσις :	к — ка	отъдание — въздание,
κδʹ παράδειγμα :	кг	сълогъ — прилогъ,
εʹ ὑπερβατόν :	є	прѣходьное — прѣступное,
ιθʹ ὑπερβολή :	із — ін	ихорѣчье — лиховьное,
κςʹ σχῆμα :	кє — кѕ	вид — образъ[26].

Таким образом, в 10 случаях из 27 каждое из понятий имеет в славянском тексте два обозначения. Возможно, какие-то из

---

[23] Слово антоним заимствовано из французского: antonyme, но также имеет греческий состав (ἀντί — против и ὄνομα — имя).

[24] *Максим Грек.* Сочинения, ч. III. Казань, 1862, стр. 253.

[25] Допустимо другое чтение: приятъе.

[26] В греческих списках трактата Хировоска (ср. разночтения, приведенные в кн. *Chr. Walz.* Op. cit., p. 802—820) подобного варьирования терминов не наблюдается. Следует отметить, что в переводе есть и иные несовпадения с оригиналом. Напр., перестановка терминов при их перечислении. В перечнях: «притъча», «прикладъ», в греческом αἴνιγμα, παραβολή. В основном тексте, как в оригинале.

вариантов внесены копиистом, тем не менее очевидно, что переводчику приходилось искать слова для передачи греческого термина и для лучшего раскрытия его содержания, он не свободно пользовался уже освоенными в языке ресурсами.

Помимо терминов, объясненных Георгием Хировоском [27], есть и другие, смысл которых проясняется из контекста трактата. Наиболее существенные из них — в самом заглавии и в первой строке сочинения: «Георгия Хировоска О образѣхъ, творьчьстии образи суть кз҃» (ποιητικοί τρόποι εἰσὶν κζ). Слова «творческий» и «образ» — важнейшие термины литературоведения. Оба слова являются общеславянскими, т. е. относятся к древнейшему фонду славянской лексики.

Слово «образъ» употреблено в переводе трактата в двух значениях (соответствует в оригинале словам τρόπος и σχῆμα). Второе из них получило в оригинале описательное толкование, а также иной вариант перевода — «видъ»[28], но и первое нашло в нем свое раскрытие, так как служит родовым обозначением по отношению к тем 27 терминам, которые даны после заголовка: все они названы «образи». Связь слова «образъ» с греческим τρόπος специфична и важна, так как означает вовлечение его в сферу лексики, из которой начала складываться в древности поэтическая терминология.

Для истории слова «творческий» факт его употребления в Изборнике 1073 г. в значении «поэтический» трудно переоценить. Это значение было ему присуще в древнерусском и среднерусском языке [29]. Слово «творьцъ» среди других имело и значение «сочинитель, поэт» [30]. Слово «творьба» означало «произведение»[31]. След

---

[27] Если учесть четыре подвида иронии, то таких толкуемых терминов в трактате не 27, а 31. В переводе же при учете десяти вариантных обозначений — их 41.

[28] В Супрасльской рукописи слово «образъ» соотносится с греческими εἰκών, τύπος, μορφή. Этимологи производят его от ов — и raзъ, связанного чередованием с rězati (*М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, стр. 106). В тексте Изборника 1073 г. то же слово отмечено и в качестве перевода греческого εἶδος: «Видъ же дъвое назнаменуемое имать, наричать бо ся видъ и очрьтение и образъ» (л. 227). Слово «творити» в той же Супрасльской рукописи соотносимо в своих значениях с ἐπιτελεῖν, πράττειν, ποιεῖν. Оно имеет тот же корень, что и отмеченные выше значения слова «образъ» (*М. Фасмер.* Указ. соч., т. IV. М., 1973, стр. 31).

[29] У Срезневского — наша цитата из Изборника 1073 г. и пример из Хроники Георгия Амартола (Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. СПб., 1903, стб. 939).

[30] Слово «творьцъ» встречаем и в применении к составителям канонов (Иосифа творьца каномомъ; ποιητοῦ τῶν κανόνων. Мстиславово евангелие до 1117 г. На святаго Климента, творца канономъ. Новгородская 1-ая летопись, 6850 г.) и в применении к Гомеру, следовательно, к «внешним», нецерковным поэтам (Сьи црь въпроси Ксенафонта о твор'ци Омирѣ. Пчела имп. Публичной Библиотеки. Бѣаху философи и творци; Хроника Иоанна Малалы). *И. Срезневский.* Материалы. . ., т. III, стб. 939.

[31] Ср. пример из Хроники Георгия Амартола: Твоа сут творбы, σὰ τὰ ποιήματα (*И. Срезневский.* Материалы. ., т. III, стб. 938).

от былого присутствия значения «поэтический» в смысловой структуре слова «творческий» несомненно остался. Ср. наличие и в современном языке таких слов, как стихотворец, стихотворение, стихотворство. Этот след вполне ощутим и после того, как в ходе развития слово «творческий», передав значение «поэтический» другому слову [32], закрепилось в языке в том весьма емком значении, которым обладает и греческое ποιητικός, а именно: «относящийся к деятельности человека, направленной на создание духовных и материальных ценностей» [33]. Слово ποιέω в применении к поэтическому творчеству, по свидетельству греческих словарей, встречается после Гомера [34], а в более широком смысле, по отношению к искусству в целом, с I в. до н. э.[35]

В переводе трактата Георгия Хировоска встречаются и другие словоупотребления, в которых можно наблюдать терминологическую спецификацию значения. Таковы «инорѣчьнѣ» (ἀλληγορικῶς), «по подобию» (ὁμοιότητα), «по подражанию и по подобию» (κατὰ μίμησιν καὶ ὁμοιότητα), «притъчьное подобие» (τῆς παραβολῆς τὴν ὁμοίωσιν), «рѣчь с прилогы или съ знамении» (λέξις δὶ ἐπιθέτων ἤ συσσήμων), «слово съ объштиимь назнаменаниемь» (ἐξοχή ἐστιν ἡ μετὰ τὴν κοινὴν σημασίαν ἰδικῶς), «слово тьмно съкровьнъ имы въ себе розумъ» (σκοτεινὸν καὶ κεκαλυμμένον ἔχων ἐν ἑαυτῷ τὸ νοούμενον) и т. д.

Многие из них, как видим, должны быть названы уже не поэтическими терминами, а терминами семантики, т. е. науки о языковом значении слов, которую нередко считают весьма молодой. На самом же деле истоки ее столь же архаичны, как и истоки грамматики, если не более древние, чем у последней.

---

[32] Слово «поэтический» впервые описано в Лексиконе Вейсмана 1731 г. Оно еще более непосредственно, чем слово «творческий», связано с греческим ποιέω не только значением, но и буквенным составом корня. Другие слова с тем же корнем вошли в русский язык также в XVIII в.: слово «поэзия» датируется 1724 г., от греч. ποίησις, «творчество», лат. poesis, непосредственно и через франц. poésie, нем. Poesie; «поэтика» из лат. (ars) poetica, первоисточник — греч. ποιητική (τέχνη) «искусство творения, поэтическое искусство», «поэт» через франц. poёt или нем. Poet, а также «поэта» и «пиита» из польск. и через польский язык (ср. лат. poeta) от греч. ποιητής, откуда непосредственно «пиит»; «поэма» 1731 г., греч. ποίημα «поэтическое» (творение) (ср. франц. poême), также «пиима» непосредственно из греческого (*М. Фасмер*. Этимологический словарь, т. III, стр. 350; *Е. Э. Биржакова*, *Л. Л. Войнова*, *Л. Л. Кутина*. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. (Языковые контакты и заимствования). Л., «Наука», 1972, стр. 235, 350).

[33] В современном русском языке слово «творческий» получило значение «относящийся к творчеству, свойственный ему», имеет еще и следующие значения: «способный творить», «творящий, созидающий» и «относящийся к творцу, свойственный ему» (Словарь современного русского языка, т. 15. М.—Л., изд. АН СССР. 1963, стб. 177, 178).

[34] *H. G. Liddell and R. Scott*. A Greek-English Lexicon. Ninth ed. Oxford, 1940 (repr. 1961) s. v.

[35] Ср. у Страбона: τὸ τοῦ Διὸς ξόανον ὁ ἐποίει Φειδίας (изображение Зевса, которое сотворил Фидий). *E. A. Sophocles*. Greek lexicon of Roman and Byzantine periods. N. Y., 1900, s. v.

Славянский перевод трактата Георгия Хировоска по праву может считаться у нас не только самым ранним трудом по поэтике, но для южнославянской и восточнославянской книжности с него, видимо, должна начинаться и история семантики, обладающей своей специфической терминологией. Существен в этом смысле соотносительный анализ таких терминов, как «слово», «рѣчь» и «глаголъ», а также терминов, называющих словесное значение: «разумъ», «назнаменование» и т. д., глаголов, передающих понятие «означать» или близкие к нему: «назнаменати» — «назнаменовати» (σημαίνειν), «указати», «розумъ» и т. д., слов, выражающих понятие восприятия значения: «разумѣвати» и пр.

Внимание к словесному значению, проявленное в трактате Георгия Хировоска, было полезным во многих отношениях, но более всего в нем нуждались переводчики. Ведь нельзя переводить текст, не поняв того, что произошло со словом, всей сложности семантических преобразований, которое оно претерпевает, особенно в художественных контекстах. Недаром инок Сильван, характеризуя Максима Грека как переводчика Псалтири, говорит о нем не только как о муже, сведущем в трех языках — греческом, латинском и русском, — но и как о знатоке грамматики и риторики [36].

В. В. Колесов

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г. И ДРЕВНЕРУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Невозможно преувеличить значение Изборника 1073 г. в истории культуры и языка древнерусской эпохи. Древнерусский читатель, редактор и автор в памятниках, подобных ему, получил образец литературного языка с разработанной терминологией естественно-философского характера; он столкнулся с проблемой стилистического варьирования в тексте, которая по самому характеру текста была неизвестна составителям деловых и бытовых памятников Древней Руси; он осознал разницу между простым, констатирующим сочетанием слов и изощренной синтаксической конструкцией, которая позволяет передать тончайшие оттенки мысли и ход рассуждения автора. Теперь можно определенно

---

[36] Мысли Сильвана высказаны в Предисловии к его переводу толкований Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. См. *И. В. Ягич*. Рассуждения..., стр. 626.

говорить, что восточноболгарское влияние на древнерусскую книжную культуру привело и к созданию нового литературно-художественного стиля, который постепенно вытеснил распространенное до того весьма деловитое и стилистически одноплановое повествование. Как типичный образец восточноболгарского (симеоновского) варианта славянского литературного языка, Изборник 1073 г. оказывается удачным источником в изучении процесса взаимодействия старославянского литературного и русского разговорного языков, процесса, который много позже привел к возникновению современного русского литературного языка.

Уже при переписывании текстов Изборника 1073 г. в списках его появлялись отличия, указывающие на отношение древнерусского читателя к литературному языку того времени, неприятие им некоторых особенностей этого нового литературного языка. Сравнивая, например, текст «Анастасиевых ответов» в составе Изборника 1073 г. и Изборника 1076 г., обнаружим, что аористным формам русский переписчик последнего, диакон Иоанн, предпочитает перфектные **оуготовалъ ѥсть** и **обавилъ** (Изборник 1076 г., 120) вместо **оуготова** и **отъкры** (Изборник 1073 г., 80[1]), «высоким» литературным суффиксам — более привычные русские с тем же значением (**съБори и слоуженик** — 1073, 79 — **съБори** и **слоужьбы** — 1076, 118). Иоанн заменяет некоторые слова, непривычные для древнерусского читателя в данном значении или использованные в слишком высоком стилистическом варианте. Так, **вьсѧ бо видомаꙗ малогодьна соут** (1073, 80) оказалось непонятным древнерусскому читателю и переписчику, поскольку **малогодьна** имеет несвойственное данному тексту значение пригодности, а страдательное причастие **видомаꙗ** употреблено в непривычной форме. Поэтому Иоанн видоизменяет текст: **видимаꙗ скороврѣменьно** — все видимое преходяще, придавая ему именно временно́е значение, в том числе и использованием наречия **скоро** вместо неопределенного в своей многозначности **мало**. Аналогичный случай: **Христианъ бо ѥ истовый домъ Христосовъ, дѣлы благыими и оучении добровѣрьныими състоꙗсѧ** (1073, 63, т. е. εὐσεβῶν συνιστάμενος, что соответствовало бы: благочестивыми совместно осознавая); у Иоанна вместо этого находим **доброчьстивыми свьтѧсѧ** (1076, 114 об.). Ясно, что сохранение слова *добро* стилистически диктуется тем, что только что, словом раньше, использован его вариант *благо*, повторение этого слова было бы излишним; вместе с тем и образование с **вѣрьнъ** для древнерусского читателя должно быть однозначно связано с христианскою

---

[1] Примеры из Изборника 1073 г. приводятся по изданию: *О. М. Бодянский.* Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года с греческим и латинским текстами. — Чтения ОИДР, 1882, кн. 4. М., 1883. Издана только первая половина рукописи, поэтому все приведенные в статье статистические подсчеты охватывают данную половину текста; греческие параллели также взяты отсюда. При отсылке в скобках указываются год Изборника — 1073 или 1076, страницы этого издания.

верою, и в сочетании со словом добро оказывается несовместимым по значению; неожиданно точно Иоанн заменяет вторую часть сложного слова более привычным для него в этом сочетании «-чьстивъ». Именно неожиданно, так как данное исправление в общем не связано с греческим оригиналом (которого под рукой редактора, очевидно, и не было), ср. свьтася вместо състоися, что не соответствует ни оригиналу, ни смыслу текста.

Некоторые слова, использованные в текстах Изборника 1073 г., просто непонятны Иоанну, и он не находит им замены. Возникают ошибки, затрудняющие и современного издателя текста: Да тѣмъ подоба вьсеѫ силоѫ без блазна хранитися чистомъ отъ нечистыихъ дѣлъ (1073, 63, ἀσφαλῶς τηρεῖν ἑαυτοὺς «безошибочно беречься»), выделенное слово Иоанн передает как безгазна (1076, 115), и издатели помещают его в словарь в качестве самостоятельного наречия[2], хотя в славянском переводе это фактически именное сочетание: без (съ)блазна.

По-видимому, кроме придания большей точности переписываемому тексту, кроме своеобразного лексического «осознания» действительно сложных по смыслу отрывков перевода, Иоанн добивался еще и определенных стилистических целей. Он, где мог, последовательно заглушал высокий слог перевода, приближая его к обычной деловой манере древнерусского книжника. В конечном счете и смысл текста только выгадал. Покажем это на следующем примере: Таче оуже въ себѣ боу покланяються и слоужить видя свои храмъ тѣлесьныи трѣбьникъ бжии соушть (1073, 81, в оригинале: ὁρῶν αὐτοῦ τὸν ναὸν τὸν τοῦ σώματος θυσιαστήριον θεοῦ ὑπάρχοντα). Переводчик, делая перевод, и не мог иначе перевести ναός — «храм, жилище (богов)»; более того, он перевел буквально, передавая смысл оригинала: «видя в храме своего тела божий алтарь». Иоанн сконцентрировал эту высокопарную фразу в сжатом тексте: Самъ себе чьтеть видя плъть свою жилиште бжиѥ соуште (1076, 120—120 об) — «сам себя почитает, считая свою плоть жилищем бога». Видно, насколько понятнее и точнее эта редакция текста по сравнению с первоначальным громоздким переводом. Кроме того, текст оказывается стилистически немаркированным (не связан с высоким слогом). Лексические замены также любопытны в стилистическом отношении: храмъ > жилиште, тѣло > плъть, покланяються и слоужить > чьтеть.

Кстати говоря, и воздействие восточнославянского переписчика на текст самого Изборника 1073 г. также нельзя устранять полностью. Некоторые очень ходкие вспомогательные слова, характерные для восточноболгарских переводов, как бы в виде редких исключений, вдруг заменяются необычными для стилистической атмосферы Изборника 1073 г., но впоследствии очень важ-

[2] Изборник 1076 года. М., 1965, стр. 842.

ными именно для древнерусского языка лексическими вариантами. Укажем только те, которые в первой половине Изборника 1073 г. отмечены по одному разу: при обычном для перевода греч. τὴν ἀρχὴν — испьрва однажды употреблено изначала (24), при обычном зѣло для перевода греч. μεγάλα однажды использовано вельми (96), при обычном тъчьѭ для греч. μόνον однажды находим тькмо (96), при обычном лѣпо ѥсть для греч. δεῖ использовано также и трѣбѣ (125). Эти редкие прорывы необычных для него вариантов можно было бы считать случайными заменами, принадлежащими древнерусскому переписчику рукописи — настолько они характерны как раз для древнерусских текстов (переводных и оригинальных, ср. в Изборнике 1076 г. вельми, тъкъмо, трѣбѣ) и столь непонятна их редкость среди сотен употреблений слов зѣло, тъчьѭ, испьрва, лѣпо ѥсть в восточноболгарском переводе.

Таким образом, даже беглый обзор проблем, возникающих при изучении языка Изборника 1073 г. (стилистические, грамматические, лексические и другие расхождения в списках, которые все более увеличиваются в списках поздних), показывает, сколь важно всестороннее изучение данного памятника в лингвистическом отношении и каким плодотворным оно может стать. В рамках краткой статьи ограничимся только несколькими примерами употребления дублетных слов, чтобы на возможно более широких и полных сопоставлениях с лексическими данными древнерусских текстов (XI—XII вв.) предварительно уяснить тот существенный вклад, который сразу же при появлении первых текстов восточноболгарского происхождения внесла в формирование древнерусского литературного языка литературная традиция Изборника 1073 г. и связанных с ним памятников. Ниже это показано на лексической разработке дублетов благо — добро, тѣло — плъть, образъ — видъ. Важно было бы также показать широту взаимодействия древнерусской и заимствованной литературной лексики, действительное обилие лексических вариантов, возникших из столкновения двух близких славянских языков — древнерусского и восточноболгарского, однако это невозможно сделать в кратком изложении. Здесь нас интересует принцип работы древнерусских писателей и переводчиков; важно «изнутри» понять направленность их действий, впоследствии столь важных по результатам.

В древнеславянских переводах греч. καλός передается словом добръ, χρηστός — словом благъ, ἀγαθός — то добръ, то благъ; исключения из таких соответствий довольно редки и хорошо описаны в литературе вопроса [3]. В известном смысле такая эквивалентность отражает систему значений указан-

---

[3] См. *И. В. Ягич.* Четыре критико-палеографические статьи. СПб., 1884, стр. 41—42; *И. И. Евсеев.* Книга пророка Исайи в древнеславянском переводе. СПб., 1897, стр. 119; *I. V. Jagić.* Zum Altkirchenslawischen Apostolus, III. Wien, 1920, S. 49—50.

ных греческих слов и, следовательно, на славянской почве сама система может оказаться привитой из греческих источников. Греч. εὖ в составе сложных слов в своем основном значении вообще неопределенно, в славянских переводах оно давало наибольшее число колебаний между **благо** и **добро**. Общее значение εὖ — «хорошо, полностью, справедливо» — допускало подобные колебания и, по-видимому, зависело от второго члена сочетания. Другое дело, что впоследствии представители разных литературных школ стали предпочитать тот или другой вариант (подобно тому, как в ранних переводах Апостола предпочитали сложения с *благо-*, а в поздних его редакциях, с XIII в. — *добро-*), и именно такое предпочтение одного из двух вариантов становится различительной особенностью литературной школы в ее противопоставлении к другим школам. Так, сравнивая древнерусский перевод Пчелы с его среднеболгарской обработкой, в первом случае найдем предпочтение сложениям с *добро-* (также и в сочетаниях типа *добро творити*), а во втором — с *благо-* (и *благодѣꙗти*). Наконец, греч. ἀρετή — «доблесть, великолепие, мощь, величие, добродетель», благодаря своей многозначности на славянской почве оказывается столь же неопределенным при переводе: **благость**, **благодать** или **доброта**, **добродѣтель**.

Что же касается Изборника 1073 г., то в нем ἀγαθός обычно передается словом **благъ** и всегда относится к характеристике бога, ангела, духа; лишь четыре раза этому греческому слову в переводе соответствует славянское слово **добро** (11, 68, 136, 140), и притом всегда применительно к характеристике человека; χρηστός передается словом **благъ**, καλός — **добръ** (и всегда соотносится с представлением мирского, человеческого, противопоставленного небесному); ἀρετή — **доброта** (дважды **доброта** и на месте греч. το κάλλος) в значении «добродетель»; наречие передается только словом **добрѣ** при греч. καλῶς (ср. **недобрѣ** при греч. κακῶς 95). Греч. εὖ в Изборнике 1073 г. дает дополнительное распределение между **добро-** и **благо-**: **благочьстиѥ** и **благовѣстиѥ** (оба по нескольку раз) не только для εὐσέβεια — «благочестие, благоговение» (108, 178 и др.), но и для θεοσέβεια — «богопочитание», «благочестивость» (63), что недвусмысленно указывает на ту же функциональную (а в тексте и на стилистическую) связь блага с богом. Зато все прочие весьма многочисленные сложения с εὖ последовательно и очень часто передаются в сочетании с **добро-**, ср. такие сложные слова, как **доброчадиѥ**, **доброискоусьнъ**, **добролѣпиꙗ**, **доброоуханиѥ**, **доброродьство** и др. (всегда в отношении к мирскому, к человеку). Таким образом, точное соответствие греческому оригиналу, которое мы находим в первоначальных славянских переводах, здесь перекрывается другой, уже собственно славянской системой стилистического (основанного на функциональном) распределения дублетных слов. **Благ-** закрепляется за выражением духовного, небесного, божественного, **добр-** — за выражением земного, вещественного, человеческого

проявления жизни. Столь же четко эта оппозиция представлена, например, в Шестодневе Иоанна экзарха и в других текстах восточноболгарского происхождения. Такова в новых переводах новая литературная традиция, которую получил вместе с восточноболгарскими текстами древнерусский книжник. На какой же языковой субстрат легла эта оппозиция, уже стряхнувшая с себя вериги буквального соответствия греческому? Как соотнеслась она с исходными древнерусскими отношениями?

В Повести временных лет (далее: ПВЛ) обнаруживаем интересную подробность: за почти последовательным разграничением *благ-* (81 раз) и *добр-* (46 раз) и их производных в указанном выше функционально-стилистическом смысле проглядывает первоначальное, собственно древнерусское распределение, которое было безразличным к стилистической дифференциации этих слов. В самых ранних легендах, попавших в ПВЛ, в рассказах об Ольге и о Святославе мы встречаем оба исключения из ставшего устойчивым противопоставления слов «добръ» — «благъ» как земного небесному. (Ольга искала) «доброѣ м҃дрсти б҃жиꙗ (по Лавр. сп. летописи, л. 18) с «доброѣ» на месте ожидаемого в этом тексте «благыя»; ср. еще прямую речь Святослава, заявившего: «ꙗко то есть середа в земли моеи, ꙗко ту вся б л а г а я сходятся: от грекъ злато, паволоки, вина и овощеве розноличные, ищехъ же из Урогъ сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» (Лавр. сп. летописи, л. 20 об.) — в соответствии со смыслом речи следовало бы употребить слово *добро*, которое уже в то время получило и значение «имущество, богатство». Даже в наречном употреблении, в котором «добрѣ» окончательно вытеснило слово «благо» почти во всех древнерусских текстах, дошедших до нас (так, в переводе Пчелы, где *добро* и *благо* употреблены безразлично, как равноправные, стилистически не дифференцированные варианты, встречается только наречие *добрѣ*), даже в таком случае иногда мы находим форму «болозѣ (ср. XII снов Шахаиши, Поучение некоего Христолюбца и т. д.), «не бологомъ»— «не к добру» (дважды в Слове о полку Игореве), и т. д. Знаменательно во всех таких случаях предпочтение восточнославянской полногласной формы (вместо *блазѣ*, что точно указывало бы на заимствование из церковнославянского языка) — тем самым слово «бологое» самой своей формой, нехарактерной для церковнославянского языка, сохранялось в границах «низкого» слога, оставалось «русизмом», хотя уже и ограничивало свою функцию только наречной, сохраняясь в древнерусском литературном языке как лексиколизованный вариант русского происхождения.

Предпочтение же корня *добр-* характерно для всех светских древнерусских текстов. В Хождении игумена Даниила 21 раз употреблено это слово, и только в начале его повествования, там, где автор намеренно архаизирует и возвышает свой слог, находим сочетания «во всякомъ дѣлѣ блазѣ, о святѣмъ градѣ Иерусалимѣ и земли тои блазѣи». Сто лет спустя в своем Хождении Добрыня

Ядрейкович также использует лишь корень *добр-*, сохраняя *благ-* в некоторых сложных словах. В Поучениях и в Словах русского происхождения также обычны только *добр-*, *добрѣ*: у Серапиона Владимирского, в Вопрошании Кирика, в ранних текстах древнерусских житий (Ольги, Варлаама Хутынского, Леонтия Ростовского). У Владимира Мономаха в его поучении 26 раз использован корень *добр-* и только один раз, в традиционной молитве, *благ-*. Предпочтение варианту *добро-* распространяется и на сложения типа «добродѣтель», «добронравие» (житие Ольги), которые вытесняют слова «благодѣтель», «благонравие», постепенно связывая с ними другое значение (сохранившееся до настоящего времени). Возможные отклонения от употребления одного только слова «добръ» и его производных обязательно связаны с необходимыми для текста противопоставлениями небесного — земному; ср. в житии Мстислава: «блгодаримъ бѣ от бга за добродѣтель жития его» (св. Владимира).

Вариантность *добр-* — *благ-* появляется в тех текстах, авторы которых обращаются не к простой чади, а к искушенному в литературных образцах читателю или слушателю — в Слове некоего Христолюбца, в Уставе Владимира и т. д. Особенно четко такое противопоставление проведено у таких мастеров, как Илларион, Феодосий Печерский, Кирилл Туровский. У Иллариона **благый** — бог, угодник, их дела и помыслы, **добрый** же — муж, князь, их дела; в соответствии с основной идеей Слова о законе и благодати такое противопоставление проведено последовательно, оно определяется не только стилистически, но и сюжетно. В Поучениях Феодосия Печерского распределение то же (17 раз *добр-*, 15 раз *благ-*), у Кирилла Туровского также (36 раз *добр-*, 29 раз *благ-*) хотя у последнего отражается уже и собственно семантическое (не стилистическое только) расхождение в значениях между этими словами. *Добр-* у Кирилла в некоторых контекстах получает значение «крепкий, добротный», истинно земной. На определенную связь с книжной традицией указывают и произведения о Борисе и Глебе. И в Сказании, и в Чтении о Борисе и Глебе *благ-*—*добр-* противопоставлены как вечный — преходящему, и (в соответствии с содержанием этих произведений) первое преобладает: в Сказании корень *благ-* употреблен 50 раз, а *добр-* всего 11 раз (см. в Успенском сб. XII—XIII вв., лл. 8б—26а).

В переводных светских памятниках никакого стилистического разграничения наших слов нет, хотя отношение переводчиков к ним различное. В Александрии и Истории иудейской войны Иосифа Флавия одинаково распространены и *благ-*, и *добр-* (при этом очень устойчиво употребление наречия «добрѣ» и некоторых фразеологизмов типа *добро* и *зло*) с безразличным смешением их буквально в одном и том же сочетании или контексте, ср. «добровазньство» и «благовазненъ», «добровонными» и «благовонье». Такой же материал представляют переводы Хроники Георгия Амартола, Разуми краткосрочни Менандра Мудрого, Жития

Василия Нового и другие большие по объему переводные тексты, в работе над которыми, есть основания полагать, принимали участие и южнославянские, и древнерусские книжники. В переводах же собственно древнерусских, и притом не самых ранних, таких, как XII снов Шахаиши, Сказание об Индейском царстве, Повесть об Акире Премудром, Девгениево деяние, даже Физиолог и книга Эсфирь, использованы только «добръ», «добро», «добрѣ» (хотя в сложных словах и сохраняются еще сочетания с *благо-*: в Повести об Акире 9 раз, в книге Эсфирь — ни разу, в остальных — по одному разу, что может быть связано с последующими переписками текста). В таком расхождении между двумя типами переводов кроется разница между двумя вариантами древнерусского литературного языка, хотя по существу оба варианта в конечном счете и основаны на разговорном древнерусском языке.

Сопоставления показывают, что древнерусский язык с неизвестным нам первоначальным распределением корней *добр-*—*благ-* в высоком литературном варианте воспринял восточноболгарское стилистическое разграничение этих слов, отражающее разные аспекты жизни, основанное на дуализме христианских представлений о добре и зле (Илларион, Феодосий, Кирилл, некоторые официальные церковные тексты того же времени). В другом, также литературном варианте, указанное противопоставление в целом сохранялось, хотя в некоторых ходовых сочетаниях оно могло и нейтрализоваться (сюда относятся некоторые переводные тексты, в которых смещение данной стилистической градации могло определяться самим оригиналом). В большинстве же русских оригинальных и переводных текстов намечается безусловное преобладание *добр-* за счет *благ-*, унификация *добр-* для большинства значений и тем самым все большее отстранение от *благ-*; в частности, *добр-* все шире впитывало в себя значения слова *благо* (*бологo*), которое в церковнославянской огласовке стало приметой высокого слога и тем самым вышло за пределы среднего стиля речи.

Рассмотренный пример показывает, что, независимо от конечного результата, влияние восточноболгарской редакции оказалось весьма существенным на всех уровнях древнерусского языка. Это влияние заключалось в том, что первоначальная дублетность *добр-*—*благ-*, возникшая в результате столкновения двух типов литературного языка, была разложена — сначала на вариантность в пределах конкретного текста (с известными функциональными и стилистическими градациями), а затем переросла в синонимию, навсегда сохраненную русским литературным языком. Восточноболгарские тексты системой своих отношений сыграли роль катализатора, приведшего к расслоению, а впоследствии, под влиянием восточнославянского субстрата, и к изменению значений этих слов.

Иная судьба оказалась у вариантов **тѣло — плъть**. В Изборнике 1073 г. они часто употребляются в значении: **плъть** — σάρξ,

тѣло — σῶμα. Исключения единичны, см. въ дши оубо прѣзорьство... по плъти же всеѣдьство (и то, и другое — грех, 151), τὸ σῶμα, хотя тут же в аналогичном сочетании, в противопоставлении к душе, τοῦ σώματος правильно переводится как тѣлеси (1073, 152). Плоть и душа — материал тела, но поскольку плоть, в отличие от души, также материальна, то отсюда происходит частое смешение — не тела и плоти, но их качеств, переданных не существительным, а прилагательным: тѣлесьнаго и плътьскааго, ср. плътьно, плътьныи для передачи греч. σωμάτων, σώματος (8, 30, 33, 182, 152), т. е. «телесный», а в одном случае также кстьствомь тѣлесьныимь — τῇ φύσει τῆς σαρκός (26). Таким образом, данные исключения принадлежат собственно славянскому переводу (или переписчикам), в греческом оригинале σώματος — σαρκός противопоставлены и как качества.

Общее представление о взаимоотношении тела и плоти оказывается по текстам Изборника 1073 г. следующим: душа у тела, но не у плоти (59), душа последней — кровь (127); душа солнечного тела — свет (36), потому что как человек, так и солнце имеют тела (33); Адам создан в плоти (60), но душа ему внушена словом—разумом (λόγος), в результате чего и после чего возникло тело (36); тело — это одушевленная плоть, тело противопоставлено духу (18), а плоть — действию (30); душа — составная часть тела, дух, противопоставленный плоти, душа воплощена в теле (31), ибо душа стремится к телу в том случае, если обладает плотскими желаниями (33). То же реальное взаимоотношение между плотью и телом представлено в Шестодневе Иоанна экзарха. Он говорит о плътьнѣи немощи (а не о телесной), и всегда подчеркивает, что каждое существо и предмет имеют материальное тело (луна и солнце — тоже тела), однако слово плъть употреблено только в отношении к человеку. Это характерно вообще для всех древнейших славянских переводов: σάρξ — плъть, σῶμα — тѣло (только в виде редчайших исключений также и плъть), но для слова тѣло находится масса других греческих эквивалентов (ἡλικία, εἰκών, εἴδωλον, στήλη и др., что вызывает естественное дублирование и в славянском переводе: икона — образъ — тѣло — стълпъ — троупъ[4]), а плъть — всегда только σάρξ. Тѣло как вместилище может получить и более широкое значение, как это сделано, например, в переводе Вопросов и ответов Сильвестра и Антония, в котором тѣло эквивалентно слову капище в передаче греч. ἀνδρίας[5]. Смешения слов тѣло и плъть в этих ранних текстах вообще не заметно; только поздние хорватские миссалы, написанные глаголицей, дают смешения слов тѣло (*cavo*) и плъть

[4] Некоторые из указанных смешений не восходят к первоначальному переводу, напр., стълпъ и тѣло соответственно относятся к греч. στῦλος и στήλη (*В. Погорелов.* Толкования Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. Варшава, 1910, стр. 215).

[5] *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, т. II, в. 2. М., 1859, стр. 149.

(σάρξ)[6], имея в виду, конечно, не тело, а плоть, ср. **тѣло пертолене** (*carnem praeputii* = **плъть конечьноую** τὴν σάρκα τῆς ἀκροβυστίας). Две редакции Откровения Мефодия Патарского различаются, между прочим, тем, что в одной из них σαρξ переведено обоими словами (и **тѣло**, и **плъть**), а в другой — только словом **плъть**, что безусловно первично; говорим об этом потому, что одна из редакций является явно русской.

Что же касается определенно древнерусских памятников, то в них мы находим следующее распределение интересующих нас слов. У Феодосия Печерского **плъть** противопоставлена духу (так, **чистый дух** — это **аггелы бесплотныя**), **тѣло** же может быть и без души, но тогда оно мертво (**зане же мертвымь тѣломъ слоужите, акы мертва га мнящe**), и потому противопоставлено духу (**да просвѣтится Хи въ дши нашеи и въ тѣлѣ нашемь**). В других древнерусских поучениях отражается столь же двойственное понимание тела: «Бгъ вложилъ есть всякое похотѣние члвку дхвнымъ и тѣлеснымъ дѣломъ» (например, есть, пить, спать), — говорит проповедник Моисей, и из этого древнерусского отрывка ясно, что дух и тело не конкурируют в отправлении физических надобностей. Неизвестный по имени другой древнерусский проповедник в поучении на пост специально оговаривает, что «воюеть бо, рече, присно плоть на дшю,» — и это прямым образом соответствует христианской идее антагонизма между душой и плотью, но — не телом. В поучении XII в., приписываемом белгородскому епископу, особо отмечается сопоставимость плоти с духом, а тела — с кровью: «яко не пребудеть дхъ мои въ члвцѣхъ сихъ, зане плоть суть гдѣ бо суть дхъ во пьяницахъ, пьяница (же) всь плоть есть» (и потому никакого духа в нем не пребудет), но: «въ праздники бжии наслажатися тѣла и крови Хвы» (надлежит). У Иллариона дух, душа противопоставлены телу, а плоть неоднократно описана как вместилище, жилище, одежда духа; все пороки связаны не с телом, а с плотью, именно она становится в центр христианской антитезы и в литературном языке оказывается маркированным членом противопоставления двух слов — **тѣло** и **плъть**.

Игумен Даниил слово «тѣло» (очень часто) использует для обозначения мощей (только однажды, по-видимому, под рукой позднего переписчика, появляется и само слово «мощи») — это мертвые тела Христа, Богородицы, святых, внешнее их подобие, форма без души. То же значение слова и в древнейших русских житиях, которые совершенно избегают употребления слова «плъть». В ПВЛ 44 раза встречается слово «тѣло» и только 10 раз —

---

6 *А. В. Михайлов.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе, I. Варшава, 1912, стр. 132.

«плоть», «плотской» (всегда в характерных церковных контекстах). В Поучении Владимира Мономаха 4 раза встречается слово «тѣло» и только однажды (в форме прилагательного: «плотьскыя» и «дшевныя») — «плоть». У Добрыни Ядрейковича столь же обычно (20 раз), как и у игумена Даниила, тот или иной святой «въ тѣлѣ лежить», причем относительно апостола Иакова сказано, что «глава его в ракѣ сребрянѣ, а тѣло его лежить внѣ града» — важное указание на то, что слово «тѣло» в начале XIII в. уже имело современное значение. «В тѣлѣ лежить» не обязательно какой-то один святой, «святые Флоръ и Лавръ въ тѣлѣ лежать» — единственное исключение для двойственного числа, тогда как во множественном Добрыня использует уже слово «мощи» (три раза в сочетании: «и иныхъ святыхъ мощи лежать»). Дважды Добрыня употребил и слово «плоть», чтобы сказать, что «былъ Христосъ возвышенъ плотию на земли» — это несомненно важное отличие плоти от тела, фиксирующее плоть не как оболочку души, а как субстанцию тела.

Древнерусские переводы дают более сложное представление о соотношении наших слов. «Дша бес плоти не зоветься члвкомъ», — заявляет Пчела одним из своих афоризмов; в греческом оригинале на этом месте стоит ἄνεω σώματος, и поэтому болгарский справщик текста заменяет: **кромѣ тѣла,** — что точнее соответствует оригиналу. Действительно, в другом месте той же Пчелы: **не тако огнь жьжеть тѣло** (σῶμα), **тако же дшу разлоученье** (в болгарской редакции: **тѣлеси естьство**). Не плоть, а тело является внешним образом человека, и формирует представление о человеке. В текстах Пчелы также отражается свойственное древнему мировоззрению внутренне скрытое противопоставление: **плъть — доуша = тѣло — доухъ.** Плоть и душа комплектуют тело, тогда как дух представляет по отношению к телу автономное явление. Это ясно и из следующего афоризма, приведенного в древнерусском переводе Пчелы: **моудрости не тѣлесна есть видѣньи, но веществьна** (οὐ σωμάτων ἀλλὰ πραγμάτων), т. е. мудрость определяется не формой, а результатом какого-то действия. Для древнерусского переводчика Пандект Никона Черногорца все мирское, физическое, телесное объемлет в себе слово **плъть** (весьма обычное в его словоупотреблении); очень часто болгарский редактор этого перевода (в XIII в.) заменяет слово **плътныи, плотскии** словами **тѣлесныи, вещныи**, тем самым расширяя его значение и, может, быть, более точно передавая греческий оригинал. Для самого же древнерусского переводчика **плъть** и **тѣло** — не одно и то же, ср.: **аще въ ярость и злопомнѣнье в плъти не хощеши, оугодья отиноудь да не имаши телесѣ** (ГПБ, Погод, 267, л. 262), в болгарской редакции любой список дает чтение: «. . .впасти не хощеши, пристрастие отнюдь не имеи к вещемъ». Ярость и злопамятство — плотские качества, тогда как **тѣло** — это вещь, т. е. осуществленная мысль, форма действия. **Яко наченьши**

дховни нынѣ же телеснѣ сдѣвлете сиа вса (ГПБ, Погод. 267, л. 317) в болгарской редакции: «наченъше дхомъ, ныне плотью свершаете»; по-видимому, выявляется следующее соотношение: духовное противопоставлено телесному, душевное — плотскому. В других древнерусских переводах находим важное уточнение. В переводе Откровения Авраама: «оубо тѣло повиноулъ боудеть своеи дши и дшю дховна дха — безоумью»; ум связан не с душой, а с духом. В Житии Василия Нового часто «оумныи доухъ» противопоставлен «телу», именно духом, а не душою, можно мыслить, «нечто оуразоумѣти»; душа же совместно с плотью формирует тело, в состав которого, вместе с тем, входят кости, жилы, кровь и т. д. Вот почему дух вне тела и вот в чем его отличие от души. Здесь налицо противопоставление ψυχή θυμός'у и νόος'у древних греков[7]. Сложность в истолковании славянских текстов заключается в том, что на языческую «философию духа» наложены уже христианские понятия души, и все тексты, которыми мы вынуждены оперировать, имеют дело уже преимущественно с этой последней.

Итак, показания русских источников неоднородны; в переводах несомненна зависимость от греческих оригиналов, но в целом представления древнерусского книжника вполне согласуются со схемой, отраженной и в Изборнике 1073 г. Эта чисто христианская схема на лексическом уровне является литературной, поскольку в бытовых русских текстах (и даже в тех церковных, которые обращены к простой чади) предпочтительно слово **тѣло**, которое тем самым оказывается синкретичным в своих значениях. По-видимому, дуализм души и плоти в древнерусском языке лексически оставался не выраженным.

Благодаря своей давней многозначности, а также возможности широких эквивалентных связей с греческим языком особенно интересно употребление слова **образъ**. В Изборнике 1073 г. оно соответствует следующим греческим словам —

τόπος: **приведѣмъ послоушьства и образы и оуказы** (45); **прѣдани быша и прроци въ полон' на образы и на оуспѣхъ людьмъ** (157); (бог) **акы чловѣчьскомь образомъ бесѣдова моси...** (4);

εἰκών: **по образоу бжиж... съзьданъ бы чловкъ** (52); **нъ и дхъ бжии са образъ нариче** (3); **да иже до сего причетьное приемлеть, то добрѣ имать образъ** (31); **покланажса и чьтоу и образоу стыа бца** (54) и мн. др.;

μορφή: (совокупностью всех пороков) **образъ сжпротивьнаго образоуеться** (69); **приимъ рабии образъ истиноѫ** (52); **аште доброобразныхъ личесъ не съглддакши** (149);

χαρακτήρ: **хоштеши же ли лжкаваго образа разоумѣти своиства:**

---

[7] *Ф. Зелинский*. Гомеровская психология. — Труды разряда изящной словесности Российской АН. Пб., 1922.

завистъ, ненавистъ... (69), тут же χαρακτηρίζεται переведено как **образоуѥтъсѧ** (69); **акы собѣ свои образъ** (ὡς ὑπόστασις ἴδιον χαρακτῆρα) (3); **оузримъ оубо въ оци сна и въ сноу оца, образъ бо ѥстъ: собьствоу ѥмоу, ѥдиного оубо собьства ѥдиныи дхъ** (о Троице) (16) и др.;

τρόπος: **вьсѧкъ образъ добраго дѣла... истиньнааго добра житиꙗ образи** (83); **отъ оуны вьрсты... до старости же образа** (жизни) **не прѣмѣнꙗюште** (106); **по четырьмъ бо образомъ съгрѣшаетъ чловѣкъ: по незаапоу, по прѣльсти, по неразоумѣниѭ, по любъви** (145); **ѥгда бо бгъ члвка съзьда, образъ ѥмоу и нравъ въсади** (153).

Только к этой последней группе относятся все употребления слова **видъ**, передающего греч. εἶδος, ср. буквальные повторения текстов, приведенных выше для иллюстрации слова τρόπος: **мѫдростьнии же видове соуть четыре — мѫдрость, праудa, цѣломѫдрьѥ, доблѥсть** (151); **се бѫди и нравомь, и видъмь, и помысломь акы осѫжденикъ** (129) , и др. Гораздо ближе общее значение «сорт, тип» связано с этим словом в следующем тексте: **чьто ли страсть и колико страстьмъ видовъ** (151), где оно соответствует греческому ἰδέα. Слово **видъ** заменяет и греч. εἰκών, ср. (о Троице) **акы о б р а з ъ бжии сыи присно, акы в и д ъ бжии сыи ѥстьственъ снъ, нъ и дхъ бжии сѧ о б р а з ъ нариче** (3) (ὡς μορφὴ θεοῦ ὑπάρχων ἀεὶ·ὡς εἰκών θεοῦ φυσικὴ ὁ υἱὸς·ἀλλὰ καὶ τὸ πνεῦμα εἰκών τοῦ υἱοῦ εἴρηται), где **образъ** в первом употреблении — это «вид», **видъ** — «подобие», второй **образъ** — «изображение», и безусловно можно было бы переместить данные акценты с одного слова на другое. Тем не менее вариантность слов **видъ** и **образъ** достаточно заметна; она основана на пересечении значений в греч. εἶδος и εἰκών, и переводчик, кто бы он ни был, вынужден варьировать близкие по значению слова, чтобы рядом не появилось нежелательных повторений типа **образъ бжии — образъ бжии**.

Другим вариантом к **образъ** являлось слово **подобьѥ**, ср.: **створимъ члвка по образоу нашемоу и по подобиѭ** (4, также 19 и др., что соответствует греческому κατ' εἰκόνα ἡμετέραν καὶ καθ' ὁμοίωσιν). Переводчик точно следует оригиналу, передавая текст разными славянскими словами. Впоследствии это сочетание станет штампом (и дойдет до современного литературного языка), но в первых своих проявлениях, когда оно еще зависело от оригинала, оно безусловно было тавтологичным.

В некоторых древнеславянских переводах отношения славянского «образъ» к греческим эквивалентам может быть и гораздо шире. В «Иполита епископа сказании о Христѣ и о Антихристѣ» по русскому списку XII в.: **образомь члвчьскомь ꙗвисѧ гь** (13) (= ἐν σχήματι); **камы поражаꙗи образа и съкроушаꙗ и напълнивыи землю Христосъ** (41) (= λίθος παθάσσων τὴν γῆν); **тацѣмь об-**

разомь и Антихриста подобьноу львоу проповѣдаша стыя къниги (12) (=τῷ αὐτῷ τρόπῳ); для частого в тексте соответствия слову εἰκών находим славянскую глоссу: и сътворить глаголати образъ, рекъше мощи, явѣ же ксть (79) (в греч. только τὴν εἰκόνα τουτέζιν ἴσχυσζ)[8]. В первоначальной, в мораво-паннонской, иногда даже в симеоновской редакциях Книги пророка Даниила εἰκόνα передается словом тѣло (при обозначении истукана, скульптурного изображения языческого бога; следовательно, в значении «изображение»), и только в русских списках XII в. текстов симеоновской редакции на этом месте находим соответствующее ему образъ (ср. Кн. пр. Даниила, II, 35; III, 1, 2, 11, 12, 14, 18 и др.), хотя иногда слово тѣло попадает и в русские списки (ср. Кн. пр. Даниила III, 3, 5); очевидно, и русский переписчик не делал разницы между значениями слов тѣло и образъ, но предпочитал более привычное для него второе слово. Аналогичное положение и в Книге пророка Исайи: тѣло в кирилло-мефодиевских и образъ в симеоновских переводах предпочтительны. Греч. ὁμοίωσις в Кн. пр. Даниила X, 16 разные редакции старославянского языка переводят различным образом: подобиꙗ сна члвча — в первоначальном, образъ — в мефодиевском (мораво-паннонском), и озрьчь — в симеоновском переводе. Вообще же озрьчь симеоновской редакции обычно связано с греч. μορφή, чему в мефодиевской редакции соответствует слово образъ, ср. тъгда цря образъ измѣнися (Кн. пр. Даниила, V, 6, в русском списке симеоновской редакции на этом месте замена — лице); въ то же врѣмя (после краткого беспамятства) смыслъ мои възвратися къ мнѣ (Кн. пр. Даниила, IV, 33, в русских списках симеоновской редакции на этом месте стоит слово лѣпота). В симеоновской редакции слово образъ употребляется и в соответствии греч. εἶδος, ср. Сусана же бѣаше млада зѣло и добра образомъ (τῷ εἴδει) (Кн. пр. Даниила, XIII, 31); кирилло-мефодиевские редакции перевода еще не знают такого соответствия, и потому слово εἶδος переводится там как видѣние (в симеоновской редакции — образъ, ср. Исайя LIII, 2)[9].

В древнейших славянских переводах и редакциях текста возможны и другие соответствия слову образъ. Так, τύπος в симеоновском переводе Слов Афанасия Александрийского против ариан передано словом коурѣлокъ — «подобие», которое использовано и на месте греч. ὑπογράμμος — «образец, пример» (иногда и в сочетании с этим словом: нъ свои образъ именемъ по томоу же коурѣлъкоу по подобию)[10]. В одном из русских списков XVII в. Шестоднева Иоанна экзарха[11] глосса на полях к слову «коурѣ-

[8] Примеры приведены по изд. *К. И. Невоструев*. Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII в. М., 1868.

[9] Сопоставления см. *И. Евсеев*. Указ. соч.; *его же*. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.

[10] *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев*. Указ. соч., т. II, в. 2, стр. 39.

[11] Там же, в. 1, стр. 41.

локъ» — «подобие»; это специфически восточноболгарское слово не стало продуктивным в русском языке, здесь предпочитали сочетание «по образоу и подобию». В переводе (по-видимому, древнерусском XI в.) апокрифа Чудо св. Георгия со змеем на месте греч. τύπος стоит слово «знамение» («и огради себе знамениемъ крестнымъ»), тогда как в более поздней сербской обработке этого перевода этому уже соответствует слово «образъ» [12].

В древнеславянском переводе Апостола на месте εἰκών часто встречается слово **тѣло** (ср. Римл. I, 23; VIII, 29; 1 Кор. XV, 49 и др.), но в русских списках, как и в поздней редакции этого текста на этом месте употреблено слово **образъ** [13]. В древнейших списках пророческих книг **образъ — тѣло** также выступают в качестве вариантов к греч. εἰκών [14], однако в русских списках обычно предпочитается первое.

Все слова греческого языка, в тех или иных славянских переводах соотносимые со словом **образъ**, можно было бы выделить в четыре группы различной семантической значимости.

а) «очертание, вид» в τύπος, εἰκών, μορφή, εἶδος, χαρακτήρ, σχῆμα;

б) «подобие чего-то чему-то; изображение» в εἰκών, ἀνδριάς, χαρακτήρ, ὁμοίωμα;

в) «форма воплощения; способ, образ действия» в μορφή, εἶδος, χαρακτήρ, σχῆμα, τρόπος;

г) «образец, тип; прообраз» в τύπος, χαρακτήρ, εἶδος, ὑπογραμμός.

Действительно, за пределы этих семантических ограничений не выходит ни одно из указанных греческих слов. Более того, и типологические сопоставления с другими развитыми литературными языками показывают, что семантические пределы для данных слов могут быть именно таковыми. Ср. в современном русском литературном языке (по данным Словаря современного русского литературного языка в 17-ти томах) значения слова образ: *а*) вид, облик, *б*) изображение чего-либо в наглядном виде, *в*) порядок, направление чего-либо, способ; для четвертого значения используется слово *образец* — производное от «образъ», а второе значение, кроме того, имеет самостоятельное (архаическое) слово *образ* — «икона». Перед нами, таким образом, предельный результат постепенного развития слова «образъ» в семантическом плане. Среди греческих эквивалентов имеются факультативные и притом однозначные — τρόπος, ἀνδριάς, ὁμοίωμα, ὑπογραμμός, они-то и выступают в качестве варианта к другим, более распространенным греческим словам. Многозначность же слов χαρακτήρ и εἶδος практически утрачивается в конкретном контексте, и общее значение χαρακτήρ совпадает со значением *г*, εἶδος — со значениями *а*,

[12] *А. В. Рыстенко.* Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славянорусской литературах. — Записки Новороссийского ун-та, т. 112. Одесса, 1909.

[13] *Г. А. Воскресенский.* Древнеславянский Апостол, 1—3. Сергиев Посад, 1892—1908.

[14] *А. В. Михайлов.* Указ. соч., стр. 318.

б, в. Попарное «расслоение» всех прочих греческих слов указывает только на филиацию значений, близко связанных, но не тождественных в деталях: εἰκών=*а* и *б*, μορφή=*а* и *в*, τύπος=*а* и *г*, σχῆμα=*а* и *в*. Таким образом, «вид, облик» (т. е. *а*) — общее для всех слов данного перечня значение, и потому мы можем считать это значение основным для слова **ОБРАЗЪ**. На основе этого значения и происходит сближение всех прочих греческих эквивалентов данному славянскому слову. Тем не менее это значение не является исходным для славянского слова. Все современные славянские языки как общее для них всех сохраняют только второе значение («изображение, подобие»). Из этого же второго значения в одних славянских языках выделяется в качестве самостоятельного значение «икона» (русский), а в других — нет (западнославянские языки). Второе значение является и этимологическим: *об-раз-* фактически и есть *из-об-ражение*, чередование корней *раз-* — *рѣз—* передает впечатление «отпечатка, возникшего в результате удара, разреза, зарубки». Остальные указанные выше значения на русской и вообще на славянской почве являются вторичными: *образец* для изображения (*г*), *образ* воплощения (*в*), очертание, окончательный *вид* его (*а*) — последнее значение как самое абстрактное является, по-видимому, и самым поздним. Южнославянские языки еще более конкретизировали первое значение (*а*), ср. в болгарском и македонском «лицо, щека», в сербскохорватском — «щека».

Изборник 1073 г. фактически представляет все значения слова «образъ». В словарях такие значения представлены обычно более дробно, чем это сделано здесь, особенно для значения *а* (специально выделяются оттенки значения «форма (внешняя)», «призрак» «чин, сан» и др.) [15], однако в целом очерчивается именно такая последовательность значений, которая выше представлена как *а* — *б* — *в* — *г*. Она отражает не последовательное развитие значений от одного исходного, а всего лишь семантическую систему слова в старославянском языке (в широком смысле, во всех его редакциях и текстах).

Возвращаясь теперь к примерам Изборника 1073 г., мы видим в выборе значений довольно последовательную зависимость от греческого оригинала: для *а* — εἰκών, μορφή, для *б* — εἰκών, для *в* — τρόπος, для *г* —τύπος, χαρακτήρ. Семантическую филиацию слова **ОБРАЗЪ** можно вскрыть только через греческий текст, потому что в любом славянском контексте это слово многозначно и, следовательно, его конкретное значение древний читатель уточнял самим контекстом. Более того, нам неизвестно, действительно ли это слово было в древнеславянском языке многозначным, и не является ли наше теперешнее толкование его простым приписыванием

---

[15] *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка, II. СПб., 1895, стр. 539—542; Slovník jazyka staroslovenského, II. Praha, 1973, s. 484—486.

определенного значения слову, которое в XI в. могло давать синкретичное значение «внешнее проявление какой-то сущности»?

Затем мы обнаруживаем серию вариантов, пересекающихся с нашим словом (*образъ*) только в некоторых, весьма определенных значениях: для *а* и *в* — *видъ*, для *а* — *подобие*; и в отношении к греческому оригиналу они оказываются связанными с другими словами, использованными в том же значении. Строго говоря, это еще не противоречит выводу о рабской зависимости переводчика от оригинала: переводчик, действительно, для новых греческих слов, встреченных в тексте, каждый раз ищет других, еще не использованных славянских соответствий. Аналогичное положение и в сочинениях Иоанна экзарха болгарского: для значений *а* и *в* он использует слово **видъ**, у него очень часто в значении *а* используется слово **подобие**, тогда как само слово **образъ** употребляется только в первых двух значениях, причем для второго только как «символ», для передачи 'изображение' он предпочитал кальку с греческого — **икона**.

В ранних русских списках древнеславянских переводных текстов писцы по-прежнему предпочитают синкретичное по значению слово **образъ**, хотя уже памятники симеоновской редакции отражают попытки разграничить основные значения этого слова и на лексическом уровне. Сведем относящийся сюда древний восточноболгарский материал:

а) «облик, вид» = **видъ, озрьчь** для μορφή, ὁμοίωσις, εἶδος,

б) «изображение» = **икона, тело** для εἰκών

в) «образец» = **коурѣлькъ** для τύπος,

г) «способ» при многих греч. эквивалентах все чаще передается словом **видъ**.

Тем не менее, как видно, для восточных славян в их литературной практике авторитетной оставалась норма, представленная в Изборнике 1073 г. ,с общим для всех этих значений словом **образъ**.

Следует ближе установить, какие именно значения скрывались за этим словом в древнерусских оригинальных и переводных текстах.

В переводных текстах слово **образъ** обычно употреблялось в значении *а* (см. Сказание о Софии цареградской, Сказание о Макарии Римском, Откровение Авраама); возможно, это ограничение связано с содержанием самих текстов или с характером их бытования (все они преимущественно апокрифы). В Чудесах Николая Мирликийского кроме *а* появляется уже и значение *б*; в обширных по составу текстах, таких, как Житие Василия Нового, Хроника Георгия Амартола, Александрия, История иудейской войны, Пчела, значения *а* и *б* обычны для слова **образъ** (в двух последних переводах изредка выявляется и значение *в*). В памятниках светского характера, переведенных на Руси, это слово употребляется в первом значении, но вообще-то используется очень редко (Повесть об Акире — два раза, Девгениево деяние — один раз). Любопытны некоторые славянские глоссы к пе-

реводу Хроники Георгия Амартола: «историꙗ рекше образница, историꙗ рекше изъобразиꙗ», иногда дан перевод греч. ἱστορικοί через «образници», что совпадает с другой глоссой того же памятника εἰκόνιον = «иконии рекше образникъ», ζωγράφον = «иконьника рекше образника»; ср. еще σχῆμα =«скимоу рекше образъ»[16]. Таким образом, образ — это всякое изображение, овеществленное подобие оригинала, воспроизведенное тем или иным способом. В переводе Пандект Никона Черногорца слово образъ используется в первых трех значениях (если не учитывать традиционных, хорошо известных цитат из священного писания, в которых может встретиться и последнее значение этого слова). Сопоставление русского перевода с последующей болгарской обработкой его показывает, что в болгарской редакции слово образъ встречается чаще, чем в первоначальном древнерусском переводе, причем в последнем этому слову часто соответствуют слова смотрение или вещь, ср. и иже кто смотрѣниꙗ не разоумѣеть, недостоино... (ГПБ, Погод. 267, л. 268, речь идет о написанных на стене изображениях, в болг. на этом месте— образа); вѣдомо ꙗко же смотрѧще бл҃го и зло расмотритсѧ (там же, 249 об., в болг.: подобаеть вѣдати ꙗко по коемуждо образоу злое и бл҃гое судитсѧ); ꙗко потребовахоу сиꙗ книгы послѣдоующю смотрению от божьствьныхъ кановъ (там же, л. 158 об, в болг.: образоу); единою вещью токмо пращаꙗ, отпусти ю, другою жени(сь) (там же, л. 239, в болг.: единѣмь тъчию образомь); нъ будуть ти вси чл҃вѣци на бл҃говѣрие сею бо вещью (там же, л. 292, в болг.: симь оубо образомь) и мн. др. Следовательно, с одной стороны, несомненна связь слова образъ со значением «вид, облик», с другой же в своих значениях это слово пересекается со значениями слова вещь, способ действия. Возможность подобных эквивалентных связей показывает, что в древнерусском языке (все указанные памятники переведены в XI—XII вв.) слово образъ включало в себя только первые три значения (в нашем перечне — *а*, *б*, *в*).

В оригинальных русских текстах XI—XII вв. иногда трудно определить, какое значение слова является для автора основным, а какое попросту заимствовано из источника, которым он пользовался. Поучения Феодосия Печерского, например, представляют собою простой комментарий к тексту священного писания. Поэтому, встречая единственный случай употребления слова «образъ» в значении «образец» («образъ свои в' томъ подавающи намъ»), можно только заключить, что такое значение слова знакомо Феодосию; являлось ли оно также характерным для древнерусского языка, неизвестно. У Иллариона, а также в Хождении Добрыни это слово представлено только в значении *а*, в Хожде-

---

[16] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, II. Пг., 1922, стр. 205, 206, 208, 209.

нии игумена Даниила — в значениях *а* и *б*, у Кирилла Туровского — в значениях *а*, *б*, *в*; значение *б* последовательно дублируется, а впоследствии и вытесняется самостоятельным словом «икона», значение *а* — словом «подобие». В Поучении Владимира Мономаха все три употребления слова «образъ» расположены рядом и в непосредственном соседстве со словом «лицо»: (бог создал) «образи розноличнии въ чл҃вчскыхъ лицихъ, аще и весь миръ совокупить, не все въ единъ образ', но кыи же своимъ лицъ образомъ» (Лавр. сп. лет., 79 об). Таково же соотношение этих слов в переводах Повести об Акире и Девгениева деяния: «вборзѣ приклони лице свое ко оконцу и покажи образа своего велегласного» (Девг. деяние); «моужь. . . образомъ сличенъ мнѣ (‘похож на меня’, Акир). В этом, очевидно, и находится причина взаимодействия слов «видѣнье» «смотрѣнье» со словом «образъ», представленного в переводе Пандект (см. выше). Основное (и единственное?) значение этого слова в древнерусском «вид, облик»; определенно достоверно, что значение «образец» древнерусскому языку не было свойственно. В этом смысле показательны данные ПВЛ. На 20 случаев употребления слова «образъ» (в значениях *а*, *б*, *в*) приходится единственное его использование в значении *г*: «старѣишимъ к меншимъ любовь и наказанье, и образъ бывати собою въздержаньем и бдѣньем» (Лавр. сп. лет., 62) — и как раз связано с текстом Слова на преставление Феодосия Печерского, перенесенного летописцем в ПВЛ. Еще раз в том же значении слово «образъ» зарегистрировано в Чтении о Борисе и Глебе, написанном монахом Киево-Печерского монастыря Нестором около 1115 г. (по списку XIV в.). В самом начале Чтения, там, где ясно видна зависимость от греческих образцов житийного текста, находим следующее: «Господоу же нашемоу Исоусу яко же преже ркохомъ рожешуся отъ святыя дѣвицѣ и хрьщешемоуся отъ Ивана, намъ образъ давъ, да и мы и крестимся во имя его». Во всех случаях значение «образец» для слова «образъ» отражается в книжной традиции Киево-Печерского монастыря в XI в., в котором влияние восточноболгарской традиции было, видимо, сильнее и последовательнее всего. Любопытно также, что у автора Сказания о Борисе и Глебе только однажды отмечено это слово: «образъ бо бяше оунылыи его възоръ». Много лет спустя, в тексте, посвященном тем же святым, Нестор использует это слово один раз и в значении *г* (как цитату), в значении *а* употребляет только слово «подобие», для значения *б* одинаково использует слова «образъ» и «икона», и только в значении *в* семь раз активно и последовательно пользуется словом «образъ» («кымь образомь» и т. д.), поскольку никаких других эквивалентов этому сочетанию в древнерусском языке не оказалось.

Приведенные в статье сопоставления показывают, что семантическая филиация слова «образъ» и его возможное лексическое варьирование в целом соответствовало той традиции, которая сто-

яла и за Изборником 1073 г. Отличие заключалось в том, что значение *г* не привилось в русском языке (хотя и сохранилось в производном *образец*), значение *б* на основе последовательного и широко известного дублирования словом *икона* выделилось в самостоятельную лексическую единицу (обычно во множ. числе: *образа́* — «*иконы*»), а значение *в* сузилось до пределов идиомы (в сочетаниях типа *таким образом*) — и все эти значения слова связаны с последовательным развитием литературного, а не разговорного русского языка. Семантическая филиация привела к лексическому разложению, к отталкиванию основных значений слова друг от друга, к попыткам каждое из этих значений связать с самостоятельной словарной единицей, «создать самостоятельное слово» — но всегда только в литературном контексте. И в данном случае воздействие со стороны восточноболгарских текстов как образцовых несомненно, а особое значение Изборника 1073 г. заключается в том, что этот сборник переводных текстов — первый исторически известный свод литературной нормы.

Е. М. Верещагин

ВЕТХО- И НОВОЗАВЕТНЫЕ ЦИТАТЫ В ИЗБОРНИКЕ СВЯТОСЛАВА 1073 Г.

Характерная черта средневековой теологической литературы (особенно восточного, византийского происхождения) состоит в постоянной оглядке на авторитет канонических книг. Любая мысль в сочинении опирается на прямые цитаты, перифразы, аналогии в Ветхом и Новом завете, так что перекличка авторского текста и выписок из указанных источников — неотъемлемый элемент рассматриваемого вида словесности [1].

И в Изборнике 1073 г. авторский текст регулярно перебивается библейским. Более того, в данном памятнике библейские цитаты просто прибавляются как отдельные статьи к вопросоответам Анастасия Синаита: например, єуаггелиисконє или отъ єуаггелиа и дауиѳшво или дау҇кыѳоко и т. д.

[1] А. С. Архангельский совершенно справедливо отмечает, что в византийской письменности V—XII вв. историку трудно провести грань между автором и переписчиком. Весь авторский труд состоит лишь в выборке, извлечениях, систематизации чужих мыслей, редко в их объяснении, популяризации. Данная эпоха — это эпоха «катен», «эклог», «мелисс». См. *А. С. Архангельский*. Изборники. — «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона», т. 24, стр. 815.

Еще А. В. Горский и К. И. Невоструев обратили внимание на отличия библейских выписок в Изборнике 1073 г. от древних текстов: «Хотя нередко в выписках из св. Писания перевод сходен с другими древними рукописями или с нынешним печатным текстом. . ., однако многие, и даже общеизвестные, места переводятся вновь» [2]. Они указали три цитаты из Псалтири: 33, 8 (л. 167) «наидетъ (вм. παρεμβολεῖ — «ополчитъ сѧ») аͨнгͨлъ гͨнь окроугъ боꙗштиихъ сѧ юго»; 36,7 (л. 74) «не порьваноуи оуправлꙗѭштоуоумоу сѧ (вм. τῷ κατευοδουμένῳ — «спѣѭштемоу») въ пѫти своемь»; 143, 13 (л. 80) «ризьница» (вм. τὰ ταμεῖα — «хранилишта»). Они же далее привели восемь цитат из Евангелия: Мф 7,5 (л. 210 об.) «извьрьзи кладоу» (вм. τὴν δοκόν — «бервно») ... отъ очесе своего»; Мф 9, 15 (л. 195 об) «югда възьметь сѧ отъ нихъ зать» (вм. ὁ νυμφίος — «женихъ»); Лк 18, 3 (л. 180) «издьржи (вм. ἐκδίκησον — «отъмьсти») мѧ отъ соупьрьника моюго»; Лк 23, 43 (л. 213) «дьньсь съ мноѭ юси въ породѣ (вм. ἐν τῷ παραδείσῳ въ раи) [3] и т. д. Других работ, посвященных анализу лексических вариантов в Изборнике 1073 г., нам в научной литературе не встретилось. Поскольку заслуженные авторы лишь обратили внимание на явление, но даже в отдаленном приближении не исчерпали материала и не дали его интерпретации, проблему, конечно, можно считать поставленной, но не решенной.

Попробуем продвинуться на пути к ее решению

Объект нашего анализа — часть Изборника 1073 г., изданная О. М. Бодянским [4]; caetera desiderantur. Мы поступили так вынужденно — для нас было важно воспользоваться напечатанным Бодянским греческим источником Изборника 1073 г., иначе наша работа лишилась бы смысла [5]. Материал приводится с разночтениями по четырем «каноническим» славянским евангелиям и Остромирову, а также по Синайской псалтири в хорошо известных изданиях. Других ветхо- и новозаветных книг не касаемся, потому что они среди древнейших (т. е. XI в.) памятников не представлены. Как и в других наших разысканиях в смежных областях [6], истолкование фактов даем в конце. В разночтения включаются только лексические особенности.

Начинаем с Евангелия. Материал подается в порядке следования евангелистов и возрастания глав и стихов.

---

[2] *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, т. II, ч. 2. М., 1859, стр. 402.

[3] Там же, стр. 403.

[4] ЧОИДР за 1882 г., кн. 4 (окт.—дек.). М., 1883.

[5] Следующим этапом исследования должно стать рассмотрение части текста Изборника 1073 г. в наборной рукописи А. Л. Дювернуа, хранящейся в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, где также дан исходный греческий текст.

[6] *Е. М. Верещагин.* Из истории возникновения первого литературного языка славян, ч. I. М., 1971; ч. II. М., 1972.

Мф 5,18 (12)[7] іѡта єдина или чрьта єдина не **мимо идеть** (οὐ μὴ παρέλθῃ) закона доньдеже вьса бѫдоуть. МЗАО[8] прѣидетъ, С —[9]. Мф 6,6 (81) тъі же єгда молиши сѧ, **вълѣзи** (εἴσελθε) **въ хлѣвиноу** (εἰς τὸ ταμεῖον) своѭ. МЗСАО вьниди, вь клѣть. Мф 6,6 (81) оць твои, вида и въ таинѣ, **отъдасть** (ἀπο δώσει) ти ꙗвѣ. МЗСАО въздастъ. Мф 7,18 (69) не бо можетъ **дѫбъ** добрѣ плода зълаго творити. МЗАО дрѣво, С — . Мф 7,21 (75) не **вьсь** (πᾶς), глѭи ми ги ги вьнидеть вь цѣсарьствиꙗ **нбськоѥ** (τῶν οὐρανῶν). МЗАО вьсѣкъ, С — ; АО нбсное, но в МЗ — как в Изб. 73, С — . Мф 7, 22 (75) мънози бо рекоутъ ми въ **онъ** (ἐκείνῃ) дьнь ги, не въ твоѥ ли имѧ **прорицахомы** (προφητεύσαμεν); и рекоу имъ не **вѣдѣ** (οἶδα) васъ. МЗ тъ, прчствовахомъ, знахъ, САО — . Мф 7,23 (78) николи же не **разоумѣхъ** (ἔγνων) васъ. **идѣте** (πορεύεσθε) отъ мене дѣлаюштеи безаконие. МЗ знахъ, отидѣте, САО — . Мф 11,30 (99) **ꙗрьмъ** (ζυγός) мои блгъ ѥсть и брѣмѧ моѥ льгъко. Этот же стих в той же форме повторяется на стр. 101. МЗСАО иго. Мф. 28,19 (28) шедше **оучите** (μαθητεύσατε) вьсѧ **страны** (τὰ ἔθνη), крстаще ѩ. МЗСО, наоучите, ꙗзкы, А — . Мр 9,46.48 (139) чрьвь ихъ **не прѣстанеть** (οὐ τελευτήσει). МЗ оумираатъ, САО — . Лк 10,16 (113) **обидѧи** (ὁ ἀθετῶν) васъ мене **обидитъ** (ἀθετεῖ). МЗСАО отъмѣтаꙗ ѩ, отъмѣтаатъ. Лк 11,26 (90) **прииметь** (παραλαμβάνει) съ собою седмь инѣхъ дховъ, **зълѣишь** (πονερότερα) себе. МЗ поиметъ, горешь, САО—. Лк 11,26 (90) вьшьдъше **оуселѧть сѧ** (κατοικεῖ) тоу. МЗ живѫтъ, САО — . ЛК 13,7 (106) посѣци ю, **почьто** (ἵνα τι) и землю **кази** (καταργεῖ). МЗО вьскѫѭ, опражнѣатъ, СА — . Лк 13,8 (106) **не дѣи** (ἄφες) ѥѩ и въ се лѣто. МЗО остави, СА — . Лк 13,24 (105) **потъштите сѧ** (σπουδάσατε) вънити тѣснъіими враты. МЗСАО подвизаите сѧ. Лк 21,16 (164) прѣдани бѫ дети и отъ . . . **оужикы** (συγγενῶν) и дроугы и **оуморѧть** (θανατώσουσιν) отъ васъ. МЗСАО родомъ, оумрътвѧтъ. Лк 21,19 (164) въ търпѣнии вашемь **приобрѧштете** (κτήσαστε) дшѧ ваша. МЗСАО сътѧжите. Этот же стих и в такой же форме повторяется на стр. 178. Ио 1,3 (12) имьже вьсѧ быша и **развѣ** (χωρίς) того не бысть ничто же. МЗА бежнего, О без' него, С — . Ио 2,19 (14) разорите **храмъ** (τὸν ναόν) сии и въ трьхъ дьнехъ **въставлю** (ἐγερῶ) и. МЗАО црквь, МЗО въздвигнѫ, А съзиждѫ, С — . Ио 5,14 (174) се **съдравъ** (ὑγιής)

[7] Вслед за А. Л. Дювернуа в скобках указываем не лист памятника, а страницу в издании Бодянского. Сохраняем все особенности этого издания (в том числе и пунктуацию) за исключением безразличного употребления И (на месте И и I).

[8] Сокращения: М — Мариинское; З — Зографское; А — Ассеманиево; О — Остромирово евангелия; С — Саввина книга.

[9] Прочерк указывает на отсутствие стиха в памятнике.

бысть, къ томоу не съгрѣшаи. МЗАО цѣлъ, С — . Ио 10,4 (27) овьца мотѩ гласа моѥго слоушажть и **въсльдоужть** (ἀκολουθοῦσι) мене. МЗАО по нема идѫтъ, С — . Ио 10,35 не можеть са разорити **писание** (ἡ γραφή). МЗАО кънигъі, С — . Ио 10, 36 (13) томоу вы гл҃те, ꙗко **хоулиши** (βλασφημεῖς). МЗАО власфимлѣеши, С — . Ио 14,23 (63) аште ма къто любить, слово моѥ **съхранить** (τηρήσει). МЗСАО съблюдетъ. Ио 15,5 (41) азъ ѥсмь **виноградъ** (ἡ ἄμπελος) вы же **виништиѥ** (τὰ κλήματα). МЗСАО лоза, раждие. Ио 15,26 (17) егда [ж]е приде **оутѣшитель** (παράκλητος). МЗАСАО параклитъ. Ио 15,26 (17) дх҃ъ истинънъи... **послоушьствоуеть** (μαρτυρήσει) ѡ мнѣ. МЗАО съвѣдѣтельствоуоутъ, С повѣдаеть. Ио 16,12 (16) еште много имамъ гл҃ати вамъ, нъ не можете **держати** (βαστάζειν) нъıна. МАЗСАО носити. Ио 16,13 (16) и **прибоудоуштаꙗ** (τὰ ἐρχόμενα) **съкажетъ** (ἀναγγελεῖ) вамъ. МЗАО градѫштаа, възвѣститъ, С — . Ио 17,3 (11) **да вѣдатъ** (γιγνώσκωσι) та истинънааго б҃а. МЗАО знаѭтъ, С съвѣдатъ.

Переходим теперь к материалам из Псалтири. Мы ссылаемся только на Синайскую псалтирь (Слуцкая с ней полностью совпадает) и наименование памятника после каждого примера (как выше) не приводим. Материал Синайской псалтири отделен от материала Изборника 1073 г. точкой.

5,5 (65) не **поживеть** (παροικήσει) прѣдъ тобож лоукавьствоуѩи. приселитъ сѩ. 5,6 (65) ни прѣбѫдоуть же **безаконнии** (παράνομοι) прѣдъ очима твоима. законопрѣстѫпьници. 16,4 (105) словесъ во **ради** (διά) оустьнъ твоихъ... азъ съхраних пѫти жестокъı. за словеса. 36,27 (95) оуклони сѩ отъ зъла и сътвори **бл҃гоѥ** (ἀγαθόν). добро. 77,36.37 (77) възлюбиша и **въ оустѣхъ** (ἐν τῷ στόματι) своихъ, ꙗзыкъмь своимь сългаша ѥмоу, сьр'дьце же ихъ **неправо** (οὐχ εὐθεία) съ нимь. оустъі, не бѣ право. 103,24 (44) **кольма** (ὡς) възвеличиша сѩ дѣла твоꙗ, г҃и. вьсѩ **въ моудрости** (ἐν σοφίᾳ) сътвори. ѣко, прѣмѫдростьѭ. Этот же стих повторяется на стр. 12: вьсѩ мѫдростиѭ своеж сътвори. 117,9 (169) **бл҃го** (ἀγαθόν) оупъвати на г҃а. добро. 118,37 (97) отъврати очи свои **не глѩдати** (μὴ ἰδεῖν) **безоумиꙗ** (ματαιότητα). да не видите соуетъı.

На этом заканчиваем перечисление евангельских и псалтирных цитат Изборника 1073 г., но мы их, конечно, не исчерпали (например, на стр. 15 представлен Ио 1,33, на стр. 18 — Ио 20, 22, на стр. 4—148, 1-2 и 32, 9, на стр. 65 — 96, 10 и т. д. и т. д.). Мы не приводим таких цитат, которые полностью совпадают с текстом наших старославянских источников.

Переходим к интерпретации материала. Прежде всего, подчеркнем, что все рассмотренные цитаты во время работы над славянским протографом Изборника 1073 г., т. е. в эпоху царя Си-

меона, не были механически перенесены из готовых книг, а являются плодом новых переводов.

Во-первых, к X в. Ветхий завет (исключая Псалтирь) еще, вероятнее всего, не сложился, — паримийники его далеко не охватывают, — так что некоторые цитаты просто не с чем было соотнести. Это же соображение, безусловно, относится к цитатам из отцов церкви. Если мы признаем Анастасия на основании его атрибута насельником Екатерининского монастыря на Синае, то его вполне можно представить себе компилятором, делающим выписки из многочисленных подручных книг. Такую картину, несмотря на действительно «золотой» для славянской культуры век Симеона, трудно себе вообразить по отношению к славянскому переводчику.

Во-вторых, греческий текст — основа Изборника 1073 г., часто подается в виде перифраз или даже аллюзий, а переводчик всегда следует греческому тексту. Если бы он справлялся с готовыми переводами, то ему пришлось бы отступать от своего источника. Этого, как говорилось, не бывает. Например, Мф 19, 12 в греческом Евангелии (всех редакций, в том числе и лукиановской) читается: ὁ δυνάμενος χωρεῖν, χωρείτω, и в МЗАО соответственно находим: могꙑ вьмѣштати да въмѣститъ, однако в греческой основе Изборника 1073 г. стоит ὁ χωρῶν χωρείτω, и в славянском тексте (105) читаем въмѣстаи се да въмѣститъ. Ср. также Мр 9, 46, 48 (139), где даются отличные от канонических глагольные формы, или чтение на стр. 113, которое с равным успехом можно отнести и к Мф 10, 40 и к Лк 10, 16, потому что оно является контаминацией, или Ио 10, 3—4, где третье лицо имени и глагола преобразовано в первое (22), и т. д. и т. д.

Наконец, в-третьих, иногда греческий текст настолько пронизан цитатами, и видоизмененными в том числе, что весьма маловероятна возможность не только соотнесения их с готовыми текстами, но и просто выявления самого факта цитирования и принадлежности цитат. Ср., например, краткую выписку со стр. 4: ч҄лчьскомь образомъ бесѣдова моси бесѣдовавъша и г҄лѭшта **створимъ ч҄лвка по образоу нашемоу и подобиѭ** (Быт. 1, 26). комоу бо г҄ле, ꙗко **створимъ** (Быт. 1,26), не словоу ли и единочадомоу с҄ноу, **им же все бꙑсть** (Ио 1,3), и къ д҄хоу, ѡ немъ же е речено **д҄хъ б҄жьскꙑи сътворивꙑи мѧ** (Иов 33,4); В двух фразах четыре скрытых цитаты, выделение и атрибуция которых требует большой начитанности и немалого времени.

Одним словом, цитаты были переведены заново.

Но мы сказали, что греческий текст ветхо- и новозаветных цитат в Изборнике 1073 г. — в том числе и цитат из Псалтири и Евангелия — также обнаруживает отличие от канонического текста, т. е. лукиановской редакции. Может быть поэтому значительное лексическое варьирование в славянском тексте объясняется именно воздействием греческого источника? Это предположе-

ние придется отклонить, потому что греческий источник Изборника варьирует с каноническим (лукиановским) текстом лишь грамматически или перифрастически (т. е. в сторону сокращения или расширения текста канона, перестановки слов), но не лексически. Во всех наших примерах, — мы недаром постоянно указывали греческие соответствия, — как читатель может легко убедиться, греческое слово, к которому относится славянское варьирование, и в источнике Изборника 1073 г. и в лукиановских текстах Псалтири, и в Евангелии — одно и то же. Например, на л. 12 в цитате из Мф 5,18 читаем λέγω γὰρ ὑμῖν, φυσὶν, ὅτι ἰῶτα ἓν ἢ μία καιραία οὐ μὴ παρέλθῃ ἀπὸ τοῦ νόμου, ἕως ἂν πάντα γένηται. Этот греческий текст отличается от канонического: λέγω ὑμῖν, ἕως ἂν παρέλθῃ ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ, ἰῶτα ἓν καὶ μία κεραία οὐ μὴ παρέλθῃ ἀπὸ τοῦ νόμου, ἕως ἂν πάντα γένηται. Отличие действительно перифрастическое: выпущено придаточное временное предложение ἕως ἂν παρέλθῃ ὁ οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ. Различные ортограммы καιραία и κεραία не сказываются ни на семантике слова, ни даже на произношении. Сплошная проверка всего приведенного нами материала показывает, что греческий источник Изборника никак не может быть ответствен за лексическое варьирование в славянском тексте.

На самом деле, славянские пары слов варьируют относительно одного и того же греческого слова, и ниже мы их перечислили в порядке алфавита греческих слов. После греческого слова на первом месте стоит его славянское соответствие в Изборнике 1073 г., а на втором в МЗСАО или Синайской псалтири. Если все евангелия согласны между собою (пусть и при отсутствии соответствующего стиха в каком-либо из них), то не приводится никакой пометы; если же они между собой расходятся, то даем атрибуцию. Сохраняем ортограммы Изборника 1073 г. и Синайской псалтири, а для евангелий, как и раньше, придерживаемся написаний в М.

Ἀγαθόν 36, 27; 117, 9 блго(ѥ), добро. Ἀθετέω Лк 10, 16 обидити, отъмѣтати. Ἀκουλουθέω Ио 10, 4 вѣслѣдовати, ити по. Ἄμπελος Ио 15,5 виноградъ, лоза. Ἀπαγγέλλω Ио 16, 13 съказати, възвѣстити. Ἀποδίδωμι Мф 6, 6 отъдати, въздати. Ἀφίημι Лк 13, 8 не дѣꙗти, оставити. Βαστάζω Ио 16, 12 держати, носити. Βλασφημέω Ио 10, 36 хоулити, власфимлѣти. Γιώήσκω Мф 7, 22; Ио 17, 3 вѣдати, знати Мф 7, 23 разоумѣти. Γραφή Ио 10, 35 писание, кънигꙑ. Δένδρον Мф 7, 18 джвъ, дрѣво. Διά 16, 4 ради, за. Ἐγείρω Ио 2, 19 въставити, МЗО въздвигнѫти, А създати. (Τὰ) ἔθνη Мф 28, 19 странꙑ, ꙗзкꙑ. Εἰσέρχομαι Мф 5, 18 вълѣсти, вънити. (Τὰ)-ἐρχόμενα Ио 16, 13 прибоудоущаꙗ, грѧдѫщаꙗ. Ἕτερος Мф 7, 22 инъ, дроугъ. Ζυγός Мф 11, 30 ꙗрьмъ, иго. Θανατόω Лк 21, 16 оуморити, оумрътвити. Ἰδεῖν 118, 37 глꙗдати, видѣти. Ἱνατί Лк 13, 7 почьто, въскѫѭ. Καταργέω Лк 13, 7 казити, опражнѣти. Κατοικέω

Лк 11, 26 оуселити сѧ, жити. (Τὰ)κλήματα Ио 15, 5 виничтиѥ, раждиѥ. Κτάομαι Лк 21, 19 приобрѣсти, сътѧжати. Μαρτυρέω Ио 15, 26 послоушьствовати, съвѣдѣтельствовати. Ναός Ио 2, 19 храмъ, цръкы. Παράκλητος Ио 15, 26 оутѣшитель, параклитъ. Παραλαμβάνω Лк 11, 26 приѩти, поѩти. Παράνομος 5, 6 безаконьнъ, законопрѣстѫпьнъ. Παροικέω 5, 5 пожитии, приселити сѧ. Παρέρχομαι Мф 5, 18 мимо ити, прѣходити. Πᾶς Мф 7, 21 вьсь, вьсѣкъ. Πονηρότερος Лк 11, 26 зълѣишь, горешъ. Προφητεύω Мф 7, 22 прорицати, прч҃отвовати. Σοφία 103, 24 моудрость, прѣмѫдрость. Σπουδάζω Лк 13, 24 потъштити сѧ, подвизати сѧ. Συγγενής Лк 21, 16 оужика, родъ. Ταμιεῖον Мф 6, 6 хлѣвина, клѣть. Τελέω Мр 9, 46 прѣстати оумрѣти. Τηρέω Ио 14, 23 съхранити, съблюсти. Ὑγιής Ио 5, 14 съдравъ, цѣлѣ. Χωρίς Ио 1, 3 развѣ, безъ. Ὡς 103, 24 кольма, ѣко.

Так чем же объясняется лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. по сравнению с древнейшими славянскими псалтирью и евангелиями?

Для ответа на вопрос мы стали искать аналогичную ситуацию, т. е. двукратный перевод одного и того же греческого текста на первый литературный язык славян. С двукратным переводом мы сталкиваемся уже в славянском Евангелии, а именно в евангелиях-апракосах; «в случаях, когда переводчик почему-либо не соотносил повторно написанный текст с переведенным ранее, он должен был переводить повторявшийся текст заново и мог при этом использовать языковые средства, отличавшиеся от языка перевода того же отрывка» [10]. В апракосах широко практикуется повторение чтений, особенно в связи с праздниками, — одни и те же евангельские «зачала» положены, например, на утрени накануне праздника и во время литургии в день праздника, на самый праздник и на его «отдание» и т. д.; такие чтения можно назвать *дублетами*.

С двукратными переводами практически одного и того же текста встречаемся и в тетрах. Как известно, четыре евангельских повествования написаны на общую для них тему, поэтому в них немало аналогичных или даже идентичных сюжетов, изложенных к тому же — говорим сейчас о греческом Евангелии — с использованием точно совпадающих средств выражения; такие чтения называются *корреспондентами*. Встречаются точные повторения двух фраз — особенно тогда, когда евангелисты цитируют Ветхий завет. Встречаются повторения с минимальными модификациями (например, с перестановкой слов).

Дублеты в славянских апракосах возникли под непосредственным воздействием греческого апракоса. Греческий апракос сложился после четвероевангелия, повторяющиеся чтения были

[10] *Л. П. Жуковская.* Повторяющиеся чтения как лингвистический источник.— «Восточнославянские языки. Источники для их изучения». М., 1973, стр. 73.

выписаны из четвероевангелия дважды, поэтому в греческих дублетах никаких вариантов нет (дублеты полностью повторяют друг друга). История славянского Евангелия прошла обратный путь: сначала был переведен апракос, а затем он был дополнен до тетра[11]. Поэтому греческие дублеты переводились дважды. Общий состав чтений апракоса—протографа исследован Л. Мошиньским, который напечатал соответствующий список[12], а мы опубликовали список дублетов в трех древнейших славянских апракосах[13]. Выявился не случайный, а закономерный характер повторений (повторяются во всех трех источниках лишь те чтения, которые приведены дважды и в греческом апракосе). Особенно много совпадений между С и О, а в А чрезвычайно широко применяется техника отсылок.

Приведем несколько примеров[14]. Мф 14, 22 (С, л. 40а) и абие **подвиже** оученикꙑ влѣсти въ корабь — (там же, л. 40б) оубѣди. Ио 14, 17 вꙑ же **разоумѣете** (С 25а) — вꙑ же знаете (С 101а). Мф 27, 13 колико на тѧ **съвѣдѣтельствоуѭть** (О 197а) — послушьствоуѭть (О 185 г.). Лк 18, 10 ч҃лка дъва **въздоста** въ цр҃кве (О 116б) — въдѣзоста (О 239а—б). Ио 17, 6 и слово твоѥ **съблюдошѧ** (О 174 б) — съхранишѧ (О 47б). Ио 19, 13 на мѣстѣ **рекомѣмь** литострата (А 117б) — нарицаемѣмъ (А 103б). Ио 19, 11 не имаши тꙑ **власти** на мьнѣ никоеѩже (А 117б) — области (А 103а). Анализом этого и подобного материала мы выявили список лексических славянских вариантов относительно одного и того же греческого слова. Приводим его.

Αἰτέω въспросити, помолити сѧ. Ἀναβαίνω възити, вълѣсти. Ἀναγκάζω подвигнѫти, оубѣдити. Ἄξιος достоинъ, на подобѫ. Ἅρπαξ грабитель, хꙑщьникъ. Βάλλω въмѣтати, вълагати. Γινώσκω разоумѣти, знати, съвѣдѣти. Ἐξουσία власть, область. Ἐπαίρω възвести, възърѣти. Ἔρχομαι грѧсти, ити. Εὐώνυμος лѣвꙑи, шюи. Ζωή животъ, жизнь. Καταβαίνω сълѣсти, сънити. Καταμαρτυρέω съвѣдѣтельствовати, послоушьствовати. Κόσμος миръ, вьсь миръ. Κρούω оударѣти, тлъкнѫти. Λέγω г҃лати, рещи, нарицати. Λύπη печаль, скрьбь. Νηστεύω алъкати, постити сѧ. Παράκλητος параклитъ, оутѣшеникъ. Παρασκευή параскевьгиѩ, пѧтъкъ. Πληρόω съвꙑти сѧ, съконьчати сѧ. Συνέδριον съборъ, сънемь. Τελέω съврьшити, съконьчати, сътворити. Τελώνης

[11] Кроме известных работ М. Н. Сперанского и К. Горалка на эту тему, см. *Л. П. Жуковская*. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием. — «Вопросы славянского языкознания», вып. 7. М., 1963; *ее же*. Текстологическое исследование наследия Кирилла Философа. — Константин-Кирил Философ. София, 1971.

[12] *L. Moszyński*. Staro-cerkiewno-slowiański aprakos. — «Studia z filologii polskiej i slowiańskiej», 1957, 2.

[13] *Е. М. Верещагин*. Из истории возникновения первого литературного языка славян. К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах. Доклад на VII Международном съезде славистов. М., 1972, стр. 8—10.

[14] Полностью материал напечатан в работе, указанной в сн. 13.

мытарь, мьздоимьць. Τηρέω съблюдати, съхранати. Φανερόω явити, съказати. Φωνέω възгласити, васпѣти. Χρείαν ἔχω хотѣти, трѣбовати. Ὥρα часъ, година.

Теперь рассмотрим вопрос чтений—корреспондентов. При их анализе мы пользовались отсылками, содержащимися в греческом издании Нового завета К. Аланда и др.[15]; эти отсылки чрезвычайно подробны. Например, сюжет «проповедь Иоанна Крестителя» излагается в Мф 3, 3—12, Мр 3, 3, 5—7, Лк 3, 5, 16, 17, Ио 1, 23, 26, 28, сюжет «искушение в пустыне» в Мф 4, 2—10, Мр 1, 13. Лк 4,2—7, 9—12, сюжет «призвание первых апостолов» в Мф 4, 18—22, Мр 1, 16—20, Лк 5, 11 и т. д. Вообще говоря, у Лк (по классификации К. Аланда и др.) 141 сюжет, но корреспонденты содержатся лишь в 99 из них. Анализ корреспондентов в плане варьирования славянских слов совершенно аналогичен анализу дублетов, потому что корреспонденты, подобно дублетам, — это повторные переводы совпадающих греческих фраз.

Приведем несколько примеров. Материал дается по М. Мр 9, 5 ποιήσωμεν ὧδε τρεῖς σκηνάς сътворимъ сьдѣ три скиниѩ — Мф 17, 4 ποιήσωμεν ὧδε τρεῖς σκηνάς сътворимъ сьдѣ три кровы. Мф 4, 6 βάλε σεαυτὸν κάτω поусти себе долоу — Лк 4, 9 βάλε σεαυτὸν κάτω връзи са низъ. Лк 4, 33 καὶ ἀνέκραξεν и възъпи — Мр 1, 24 καὶ ἀνέκραξεν и възъва. Лк 4, 32 καὶ ἐξεπλήσσοντο и оужасаахѫ са — Мр 1, 23 καὶ ἐξεπλήσσοντο и дивлѣахѫ са. Мф 8, 4 ὅρα μηδενὶ εἴπῃς вижда никомоуже не повѣжда — Мр 1, 44 ὅρα μηδενὶ εἴπῃς блюди са никомуже не рьци. Таким и подобным анализом нам удалось получить список славянских лексических вариантов относительно одного и того же греческого слова. Приводим его.

Ἀκολουθέω въ слѣдъ грасти /ити/ ходити, грасти /ити/ ходити по, послѣдовати. Ἀκρίς акридъ, прѫгъ. Ἀνακράζω възъвати, възъпити. Ἀποκαλύπτω отъкрыти, авити. Ἀποστέλλω посълати, поустити. Βάλλω в сочетании с тьмьница въсадити, въврѣщи; в значении «броситься вниз» врѣщи са, поустити себе. Βλέπω блюсти са, вънати. Βουλεύω волити, хотѣти. Γεωργός дѣлатель, тажатель. Γινώσκω вѣдѣти, разоумѣти. Διάβολος диѣволъ, неприѣзнь. Ἐπιλήσσεσθαι оужасати са, дивити са. Ἐξουσία власть, область. Ἐπιγινώσκω вѣдѣти, знати. Θαυμάζω чюдити са, дивити са. Θρηνέω плакати, рыдати. Κατασκηνόω витати, въселити са. Μανθάνω наоучити са, навыкнѫти. Οἶκος храмъ, домъ. Οἰκοδομέω създати, зиждити. Ὁράω блюсти са, видѣти. Παιδίον дѣтищь, отрочищь. Πειρασμός напасть, искоушение. Πλοῖον корабь, ладии. Πονηρός лѫкавъ, зълъ. Πονηρότατος лютѣишь, горешь. Προσέρχομαι пристѫпити, приити. Πρῶτον древле, прѣжде. Σαλεύω колѣ-

---

[15] *K. Aland*, *M. Black*, *B. Metzger*, *A. Wikgren*. The New Testament in Greek. Stuttgart, 1966.

вати, двизати. Σκηνή кровъ, скиния. Στενός жзъкъ, тѣснъ. Ὥρα година, часъ.

Если теперь сопоставить списки, полученные анализом дублетов и корреспондентов, со списком, извлеченным из Изборника 1073 г., то легко заметить, что лексические варианты, попавшие и туда и сюда, частично повторяют друг друга. Например, ἀκολουθέω в Изборнике переводится как «въслѣдовати» в противоположность «ити по» в МЗСАО, но при корреспондентном переводе в древнейших евангелиях фиксируется глагол «последовати». Γινώσκω на основании Изборника дает варианты «вѣдати, знати и разоумѣти», а дублетные и корреспондентные переводы указывают на варианты «съвѣдѣти, знати и разоумѣти». В качестве соответствия греч. παράκλητος в Изборнике представлен «оутѣшитель», варьирующий с «параклить», но заимствование «Параклитъ» и в самих евангелиях не является единственным соответствием греческому слову и в дублетах иногда замещается, как в Изборнике, славянским словом — «оувѣтникъ». Τηρέω дает в Изборнике 1073 г. «съхранити» при «съблюсти» в МЗСАО, но и в евангелиях, как можно видеть из восходящего к дублетным чтениям списка вариантов, представлены и «съблюдати» и «съхранити». Любопытно, что одинаковые славянские варианты могут относиться к разным (но близким по смыслу) греческим словам. Например, пара «вълѣсти, внити» в Изборнике восходит к греческому глаголу εἰσέρχομαι — «входить, вступать», а среди дублетных вариантов «влѣсти, възити» относится к ἀναβαίνω «входить, вступать». Ср., кстати, в дублетном списке греческий антоним καταβαίνω и его славянские соответствия «слѣсти» и «снити». Таким образом, выходит, что лексические особенности евангельских цитат, которые, казалось бы, должны были отделять Изборник 1073 г. от древнейших славянских евангелий, на самом деле его скорее с этими источниками объединяют. Действительно: даже те слова, которые не находят прямых соответствий в материале дублетов и корреспондентов, не являются в Изборнике своеобразными и хорошо известны и в древнейшем славянском Евангелии или в древнейших списках Псалтири, — например, «благо, обидити, виноградъ, сказати, отъдати, не дѣяти, держати, хоулити, писание, ради, въставити» и т. д. до конца всего списка, исключая, пожалуй, только слово «джвъ», хотя и оно в качестве соответствия греч. δένδρον встречается в Синайском евхологии и в Супрасальской рукописи. Из сказанного вытекает, что ветхо- и новозаветные цитаты в Изборнике, отличаясь текстуально (в том числе и лексически) от сопоставимых псалтирных и евангельских стихов, не дают оснований говорить о лексическом своеобразии памятника по сравнению с древнейшими славянскими источниками. Напротив, материал цитат показывает, что Изборник 1073 г. в плане лексики полностью совпадает с древнейшими славянскими текстами, т. е. (говорим только о цитатах!) Изборник от-

ражает словарный состав первого литературного языка славян без территориальных особенностей.

Чем же тогда объясняется лексическое варьирование в Изборнике? Почему переводчик перевел, скажем, βλασφημέω в Ио 10, 36 как «хоулити», хотя в МЗСАО на этом месте «власфимлѣти»? Или перевел γραφή в Ио 10, 35 не как «кънигꙑ», а как «писание»?

Из литературы вопроса известны два объяснения вариантных переводов одного и того же греческого слова. Первое объяснение — семантическое. Например, греческое слово βίος имеет две семы — «жизнь» и «богатство», но эти две семы разнесены по двум славянским словам «животъ» (или — реже — «жизнь») и «имѣние»; поэтому в тех случаях, когда актуализируется вторая сема (в евангельских повествованиях о жертве убогой вдовицы и о блудном сыне), употребляется не «животъ», но «имѣние» (ср. Лк 21, 2 и Лк 15, 12, 30). В зависимости от контекста выбирается то или другое славянское слово, и примечательно, что вся длительная и сложная история бытования памятников отнюдь не разрушила правильного распределения славянских слов, — они никогда не заменяют друг друга безразлично.

Второе объяснение — текстологическое. Например, греч. ἰατρός имеет два славянских соответствия «врачь» и «балии» или греч. πίναξ «блюдо» и «миса», однако характерной чертой этих вариантов является их тесная связь с каким-либо определенным памятником. «Балии, миса» теснейшим образом связаны с М: «врачь» вообще не встречается (везде «балии»: Мф 2, 17, 5, 26, Лк 4, 23, 8, 43), а «блюдо» встретилось только один раз (в Мр 6, 25). Можно предположить, что одно из слов вариантной пары было непонятно, поэтому при переписке или редактировании текста оно замещалось вторым словом. При лексических заменах в результате бытования, как правило, можно заметить тенденцию модификаций.

Ни первое, ни второе объяснения не приложимы к нашему материалу: дублеты — это переводы одного и того же греческого текста, а корреспонденты — переводы весьма близких текстов, так что семантические причины не могут быть ответственны за лексическое варьирование; дублеты и корреспонденты заключаются в границах одного и того же памятника, и варианты в них распределяются примерно одинаково (скажем, три раза встретилась лексема «шюи» и четыре раза — лѣвꙑи), так что возникновение вариантов нельзя объяснить ни справой, ни перепиской.

По отношению к славянским евангелиям мы уже высказывали предположение о том, что интенсивное лексическое варьирование в этих источниках является изначальным и восходит к переводческой деятельности Кирилла и Мефодия [16]. Лексическая вариантность является внутренней характеристикой переводческого

---

[16] *Е. М. Верещагин.* Указ. соч., стр. 32—83.

дела первоучителей славян: когда им приходилось одно и то же переводить дважды, то они использовали расходящиеся средства выражения. Думается, что эта мысль получает теперь подтверждение на материале Изборника 1073 г., — славянскому переводчику более позднего времени вновь потребовалось перевести греческий ветхо- и новозаветный текст, и он, совсем не уклоняясь от лексического фонда первого литературного языка славян, черпал из него новые возможности выражения. Фактически установленные нами вариантные пары являются синонимами, и каждый из членов пары семантически употреблен правильно. Поэтому можно говорить о синонимическом варьировании лексики как о характерной черте деятельности не только непосредственно Кирилла и Мефодия, но и других переводчиков IX—X вв. Побочным выводом из сказанного можно считать признание богатых синонимических возможностей молодого первого литературного языка славян.

Эти выводы в известной мере переключают внимание ученых, исследующих вариантивность, с поисков внешних причин варьирования на выявление внутренних закономерностей переводческой техники и на функционирование лексической нормы древнейшего славянского литературного языка. «До сих пор при изучении лексики древних памятников главное внимание обращали на отступления от литературной нормы — разного рода местные особенности, проливающие свет на языковую обстановку, в которой создано произведение. Между тем для историка литературного языка именно литературная норма, в частности лексическая, должна быть ориентиром и объектом первостепенной важности. Требуется выявить круг и характер лексем, уже вошедших в постоянный обиход литературного языка и приспособленных для его нужд, независимо от их источника, т. е. первоначальной территориальной принадлежности», — пишет К. И. Ходова [17]. Понятие нормы литературного языка отнюдь не исключает синонимического варьирования, а скорее предполагает его.

Как известно, для историка русской культуры и литературы Изборник 1073 г. интересен своим содержанием, для языковедов — тем, что в нем представлены особенности, характеризующие влияние русского языка. Мы бы добавили, что Изборник 1073 г. дает богатый материал для историков первого славянского литературного языка. Он должен быть изучен и с этой точки зрения.

---

[17] *К. И. Ходова.* К вопросу о выявлении лексической нормы в русском литературном языке древнего периода. — «Памятники древнерусской письменности». М., 1968, стр. 96.

Г. К. Вагнер

СТАТЬЯ ГЕОРГИЯ ХИРОВОСКА «О ОБРАЗЕХ» В ИЗБОРНИКЕ СВЯТОСЛАВА 1073 Г. И РУССКОЕ ИСКУССТВО XI В.

На первый взгляд статья Георгия Хировоска выглядит в Изборнике князя Святослава 1073 г. несколько инородным телом [1]. Изборник, как известно, представляет своего рода «богословскую энциклопедию» или толкование разных неясных мест священного писания и патристической литературы, а также подведение под эти толкования разных случаев жизни. Статья же «О образех» по существу являет собою сочинение по поэтике.

Однако, если мы присмотримся к Изборнику внимательнее, то убедимся, что он не так уж «многочестен и божествен», как писал про подобные сочинения Е. В. Барсов [2], да и статья «О образех» вполне отвечает его житейской цели, определенной в названии: «Собор от мног отец толкования о неразумных словесах в евангелии и в апостоле и в инех книгах, вкратце сложено на память и на готов ответ».

Статья Георгия Хировоска тоже представляет толкование, только не священных текстов, а поэтических форм. Речь идет о нижеследующих 27 категориях: инословие (аллегория) [3], превод (метафора), напотребие (катахрезис), приятие (металепсис), преходное (хипербатон), возврат (анастрофа, инверсия), соприятие (синекдоха), снятие (силлепсис), иметворение (ономатопея), сотворение (пепименон), воименоместьство (антономазия), отымение (метономазия), воспятословие (антифразис), округословие или обратословие (перифразис), нестаток (эллипсис), изобилие (плеоназм), изрядие (екзоха), лихоречие (гипербола), приклад (инигма), притча (парабола), отдание (антаподосис), лицетворение (просопопея), солог или прилог (парадигма), поругание (ирония), поиграние (сарказмос) посмеяние (асизмос), последословие (гистерология).

В греческом оригинале статья Георгия Хировоска называется «Περι τροπων» [4] — «О тропах», а в латинском переводе «De figuris» —

---

[1] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880, лл. 237 об. — 240 об.

[2] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С греческим и латинским текстами, с предисловием Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. — ЧОИДР, 1882, кн. 4. М., 1883, стр. 1.

[3] Греческие наименования в скобках даны по антологии древнеболгарской литературы («Старобългарски страници. Антология». София, 1968, стр. 583—587).

[4] *K. Krumbacher*. Geschichte der Byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Oströmischen Reiches. München, 1897, S. 584.

«О фигурах» [5]. Издатели древнеболгарской антологии приняли последнее название — «За фигурите» [6]. Спрашивается: какое название статья Георгия Хировоска имела в древнеболгарском переводе, сделанном для царя Симеона, по мнению некоторых исследователей, Иоанном Экзархом [7]? К сожалению, на этот вопрос мы ответить не можем из-за утери симеоновского списка. Можно только предполагать, что если перевод действительно был сделан Иоанном Экзархом, человеком весьма образованным, то он мог дать статье Георгия Хировоска то самое название, которое в наше время присвоено ей издателями древнеболгарской антологии, т. е. «О фигурах». Тогда возникает второй вопрос: почему русский переписчик Изборника — киевский дьяк Иоанн — озаглавил статью «О образех».

А. Востоков считал, что дьяк Иоанн заменял некоторые непонятные болгарские слова русскими по требованию князя [8]. Не беремся судить, так ли это, но русские переводчики и переписчики действительно предпочитали понятные для русского читателя слова, а в данном случае речь идет даже не о болгарском слове. И все же есть основания думать, что суть дела заключалась в другом.

Ряд авторов, так или иначе касавшихся славянского перевода статьи Георгия Хировоска, считал, что в последней идет речь именно о тропах и фигурах [9]. Иначе говоря, как бы само собою разумелось, что слово «образ» заменяет слово «троп» или слово «фигура». Такое мнение на первый взгляд кажется бесспорным, поскольку в статье Хировоска действительно говорится и о тропах и о фигурах. К тропам, т. е. словам, употребляемым в переносном смысле, относятся: напотребие (катахрезис) [10], приятие (металепсис) [11], соприятие (синекдоха) [12], воименоместьство (антономазия) [13], сотворение (пепименон) [14], отымение (метономазия) [15],

---

[5] *А. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. СПб., 1842, стр. 503.

[6] Старобългарски страници. Антология, стр. 583.

[7] Мнение В. П. Андриановой-Перетц. См. «История русской литературы», т. 1. М.—Л., 1941, стр. 55.

[8] *А. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума, стр. 9.

[9] *А. Горский, К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, от. II. М., 1859, стр. 386; *Н. К. Гудзий.* История древней русской литературы. М., 1945, стр. 60; *В. П. Адрианова-Перетц.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 16.

[10] Катахрезис — неправильное употребление метафоры, напр. «громкие слезы».

[11] Металепсис — замена предшествующего последующим, напр. «гроб» вместо «смерть».

[12] Синекдоха — замещение целого частью, напр.: «адриатические волны».

[13] Антономазия — замена собственного имени описательным выражением, напр.: «сын Афродиты».

[14] Пепименон — уподобление, напр.: «как лев глядит».

[15] Метономазия — замена собственного имени другим, напр.: «Соломон» вместо «Ярослав».

поругание (ирония), а также некоторые другие поэтические формы.

Ряд поэтических форм статьи Хировоска — преходное (хипербатон) [16], возврат (инверсия) [17], иметворение (ономатопея) [18], изобилие (плеоназм) [19] — представляют так называемые риторические фигуры.

Что же касается таких важных категорий, как инословие (аллегория), превод (метафора), лицетворение (просопопея), лихоречие (гипербола), притча (парабола), то с ними дело обстоит гораздо сложнее. Особенно это касается аллегории и метафоры, которые выдвинуты на первый план.

Аллегорию лишь условно можно считать тропом. Фактически же это не троп, а средство создания целостного образа, даже «всей системы образов произведения» [20]. Уже в античности аллегория занимала большое место именно как «своеобразная эстетическая категория» [21]. В средние века, как известно, она стала одним из главных видов образной структуры.

Метафора, правда, издавна считалась одним из тропов. Но и она в средневековой эстетике сильно изменилась, усложнилась, превратившись в «метафору—символ» [22]. Недаром еще О. Фрейденберг называла метафору «уточненным образом» [23]. Олицетворение как своеобразный вид развернутой метафоры по существу тоже не троп и тем более не риторическая фигура, а символический образ. Очень трудно назвать тропом или фигурой такую форму, как притча. Притча уже по одному тому не троп, что она есть некое повествование, даже двухрядное повествование, состоящее из реального события и его дидактического толкования [24].

Сказанное относится и к загадке, а также примеру, тяготеющим к притче.

Если мы теперь снова обратимся к тексту статьи Георгия Хировоска, то увидим, что сказанное нами частично предвосхищалось самим автором. Аллегория и метафора не только выдвинуты им на первое место, но они и трактуются как некие символические образы. Что значит инословие (аллегория), вопрошает автор? Инословие есть, когда говорим одно, например змий, а разумеем иной образ — дьявола [25]. Что есть превод (метафора)? Превод есть слово от иного на иное переводимое [26]. И далее дается пример

---

[16] Хипербатон — перестановка частей фразы.

[17] Инверсия — перенос ударения с последнего слога на первый.

[18] Ономатопея — бессоюзные повторы.

[19] Плеоназм — умножение однозначных слов, напр.: «противник и враг».

[20] *Г. А. Абрамович.* Введение в литературоведение. М., 1970, стр. 180.

[21] *А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков.* История эстетических категорий. М., 1965, стр. 237.

[22] *Д. С. Лихачев.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 162.

[23] *О. Фрейденберг.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, стр. 53.

[24] *В. П. Адрианова-Перетц.* Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 67.

[25] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, л. 237 об.

[26] Там же.

четырех «образов» превода: когда одушевленное переводится на неодушевленное; когда неодушевленное переводится на одушевленное; когда неодушевленное переводится на неодушевленное же и, наконец, когда одушевленное переводится тоже на одушевленное [27].

Не знаем, какие лексемы употреблял древнеболгарский переводчик, но киевский переписчик его перевода — дьяк Иоанн — пользовался словом «образ». Недаром и все 27 поэтические формы названы «творческими образами» [28].

По существу в таком же духе, т. е. в духе символических образов, толкуются и такие категории, как сотворение (пепименон), притча и лицетворение. Все это представляется нам не случайным.

К VI в., когда предположительно жил Георгий Хировоск [29], а тем более к IX в., к которому некоторые исследователи относят годы его жизни [30], система поэтических категорий заметно изменилась, о чем уже было кратко сказано выше. Продолжим это рассуждение.

Прежде всего напомним, что в знаменитом трактате Псевдо-Лонгина «О возвышенном» (I в. н. э.) об аллегории упоминается только попутно [31], а метафоры рассматриваются в самом конце. О символе же в трактате совсем нет речи.

Символизм вообще мало характерен для античной эстетики. Хотя у Платона много говорится о символе, но это было совсем особое понимание символа, когда «внутреннее выражает себя целиком во внешнем, а внешнее оказывается всецелым выражением внутреннего» [32]. Такой символизм, как нетрудно убедиться, не нарушает изоморфизма.

Надо сказать, что и понятие образа в античной эстетике было не совсем таким, как в средневековье. Даже у Платона этот термин, по словам А. Ф. Лосева, «весьма скользкий и противоречивый», «под этой противоречивостью, как всегда у Платона, кроется весьма богатый, но далеко не во всем проанализированный философско-эстетический опыт» [33].

Воспользуемся выводами А. Ф. Лосева и укажем на главное заключение для нашей темы: «Платон резко отличает образ вещи

---

[27] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года.

[28] Там же.

[29] *G. Beck.* Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen. Munchen, 1959, S. 468. См. также: Старобългарски страници. Антология, стр. 638; *А. П. Каждан.* Книга и писатель Византии. М., 1973, стр. 53. Х. Г. Бек и А. П. Каждан отмечают неустановленность точных дат жизни Георгия Хировоска.

[30] История русской литературы, т. 1, стр. 192. См. также «Большая Советская Энциклопедия», изд. 2-е, т. 5, стлб. 761.

[31] О возвышенном. Перевод, статьи и примечания Н. А. Чистовой. М.—Л., 1966, стр. 19.

[32] *А. Ф. Лосев.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, стр. 549.

[33] Там же, стр. 544—545.

от самой вещи»[34]. Он признает целую иерархию образов, даже первообразы[35], т. е. говорит почти то же самое, что будет говорить тысячелетием позже Дионисий Ареопагит. Но примечательно, что первообраз у Платона означал «просто образец»[36], а образ был насыщен «смысловой предметностью»[37], иначе говоря — предметностью, так что для духовного, психологического, т. е. сугубо личностного здесь было очень мало места.

И у Аристотеля в понимании образа вещное начало еще преобладало над духовным, он «ведет речь о художественном произведении как структуре, организме»[38], но не как о чем-то духовном, тем более личностно-духовном. Поэтому у Аристотеля на первом месте стоят гармония, стиль, но никак не дух, фантазия, образ.

Г. Гачев хорошо показал рождение «духовного образа» в знаменитом «Памятнике» Горация. Интересно, что влечение к новому «духовному образу» сопровождалось у Горация преодолением тропа и метафоры как «низшей ступени словесного поэтического творчества» и выдвижением на первый план комплекса «душевных состояний, настроений или мыслей»[39]. В качестве вечного и истинного выступает теперь не рукотворная вещь — идеал античности, а «нерукотворный» образ[40]. Вот это-то и подводит нас вплотную к символическому образу, по праву считающемуся завоеванием византийской эстетики.

Известно, что византийские и западноевропейские средневековые мыслители уделяли проблеме образа очень большое внимание. На эту тему существует обширная литература. Но нас больше интересует византийский материал, поэтому ограничимся работой В. В. Бычкова[41].

Уже каппадокийцы, в частности Григорий Нисский, при анализе литературного произведения делали упор не на риторическую, а на психологическую сторону[42], у Псевдо-Дионисия же (Дионисия Ареопагита) мы встречаем довольно развитую теорию духовного образа, причем для понятия «образ» у него употребляется несколько синонимов: τύπος, εἰχών, μίμημα, ἴνδαλμα, φάσμα[43]. Наряду с образами-подобиями, восходящими к классической эстетике, выделяется более важная категория образов-символов, или загадок, подлежащих богословскому толкованию с помощью «откровения св. Духа»[44]. Поэтому такие поэтические формы, как

---

34 Там же, стр. 547.
35 Там же, стр. 552.
36 Там же.
37 Там же, стр. 548 и сл.
38 *Г. Гачев.* Жизнь художественного сознания. М., 1970, стр. 72.
39 Там же, стр. 53.
40 Там же.
41 *В. В. Бычков.* Образ как категория византийской эстетики. — ВВ, т. 34. М., 1973, стр. 151—168.
42 Там же, стр. 82—83.
43 Там же.
44 Там же, стр. 161—162.

аллегория, метафора, притча, загадка (αἴνιγμα Георгия Хировоска), и получили статут образов-символов.

Есть все основания считать, что статья Георгия Хировоска, в которой аллегория и метафора толкуются как образы-символы и выдвинуты на первый план, отразила рассмотренную эволюцию в понимании образа, но отразила еще компромиссно, поскольку статья, как мы говорили, названа «Περὶ τρόπων» — «О тропах».

Поэтому перевод названия статьи Георгия Хировоска «О образех» представляется более адекватным, а название самих поэтических форм «творческими образами» подтверждает, что такой перевод был теоретически осмысленным. Повторяем: возможно, что это надо поставить в заслугу уже переводчику царя Симеона, но твердо об этом мы можем говорить лишь в отношении киевского дьяка Иоанна. Чтобы убедиться в этом, мы должны проверить, мог ли дьяк Иоанн вкладывать в слово «образ» такой смысл, какой мы в нем находим. Для этого обратимся к тем русским переводам с греческого конца XI в., в которых встречается слово «образ». Здесь нам помогут данные сравнительной лингвистики.

Слово «образ» понималось русскими переводчиками во всей той глубине, какая была сообщена ему византийскими писателями. Очень интересный материал в этом отношении дает перевод «Хроники» Георгия Амартола, сделанный в Киеве в XI в. [45] Ряд греческих слов переведен здесь разными русскими словами, близкими по своему значению, что несомненно свидетельствует о богатстве русского словаря. Показательно, что греческие слова μορφή (вид, образ, форма, очертание) [46], εἰκών (изображение, подобие, образ) [47], εἶδος (вид, внешность, образ, облик) [48], σχῆμα (вид, внешность, фигура, форма, схема) [49], τρόπος (способ, образ, манера, лад) [50], τύπος (знак, отпечаток, форма, модель) [51], χαρακτήρ (отпечаток, изображение, знак, очертание, форма) [52], всюду переведены одним и тем же словом «образ» [53].

---

[45] *В. М. Истрин.* Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Текст исследования и словарь, т. III. Л., 1930, стр. 1. По словам К. И. Ходовой, заключения В. М. Истрина «не могли поколебать и авторы рецензий на его исследование — М. Венгарт, Н. Н. Дурново, П. П. Лавров, В. Розов» (*К. И. Ходова.* К вопросу о выяснении лексической нормы в русском литературном языке древнего периода. — «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 97).

[46] Древнегреческо-русский словарь. Составитель И. Х. Дворецкий, т. II. М., 1958, стр. 1110.

[47] Там же, т. I. М., 1958, стр. 463.

[48] Там же, стр. 460.

[49] Там же, стр. 1593.

[50] Там же, т. II, стр. 1650.

[51] Там же, стр. 1654—1655.

[52] Там же, стр. 1764.

[53] *К. И. Ходова.* Указ. соч., стр. 101, 105, 111, 112. Добавим, что слово «образ», по-видимому, означало и «символ», о чем можно судить по надписи

Аналогичная картина наблюдается в переводах Жития Нифонта [54] и Жития Саввы Освященного [55]. Правда, все эти переводы исследовались по спискам XIII в. но если за 200 лет семантика слова «образ» не расширилась лексически, то значит в XI в. это слово действительно было единственным для подобного рода переводов. Следовательно, слово «образ» было гораздо шире слова τρόπος, причем расширение это сопровождалось и углублением его гносеологического смысла. Оно означало не только троп или фигуру — риторические украшения речи, как это было в трактате Псевдо-Лонгина, а частично сохранялось и в статье Георгия Хировоска, но и все то, что обозначалось словами μορφή, εἰκών, εἶδος, σχῆμα, τρόπος, τύπος, χἄρακτήρ и даже ὅρᾱσις [56], т. е. вид, образ, форма, очертание, изображение, подобие, внешность, облик, схема, знак, отпечаток, модель, видение, узрение. Как уже отмечалось выше, к этому перечню надо прибавить и символ.

Поскольку столь богатое содержанием понимание слова «образ» было в обиходе киевских книжников XI в., мы имеем все основания считать, что при переписывании для киевского князя Изборника царя Симеона дьяк Иоанн именно так и должен был понимать слово «образ». Иначе говоря, и аллегория, и метафора, и притча, и ирония, и многое другое в статье Георгия Хировоска — все это были для него не тропы (хотя здесь были и тропы), не фигуры (хотя здесь были и фигуры), а именно образы, «творческие образы». С эстетической точки зрения это весьма существенно.

Как бы не зависела работа дьяка Иоанна от болгарского оригинала, но он проявил себя скорее эстетиком, нежели грамматиком. Еще А. Дювернуа отметил, что дьяк Иоанн был весьма компетентен в греческом языке и письме, что позволило ему отнестись к своей задаче с величайшей вдумчивостью [57]. Есть основания полагать, что дьяк Иоанн был сведущ и в вопросах современного ему изобразительного искусства и не только практики, но и теории, в частности в разработанной византийскими мыслителями теории образа, включающей такой важный тезис, как различение образов по ипостаси. Заложенный в «Ареопагитиках» Псевдо-Дионисия, он получил характер системы в работах Иоанна Дамаскина [58], в его «Богословии», извлечения из которого («Слово

к миниатюре Псалтири Спиридония 1397 г.: «инорог оубо образ ес смерти» (*Н. Н. Розов.* Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 78).

[54] *К. И. Ходова.* Указ. соч. стр. 101, 105, 111, 112.

[55] *В. В. Виноградов.* Орфография и язык Жития Саввы Освященного по рукописи XIII в. — «Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология». М., 1968, стр. 180.

[56] ὅρᾱσις — «узрение».

[57] Записка А. Дювернуа, содержащая археографическое обозрение части Изборника в кн. Святослава 1073 г. — ЧОИДР, 1882, кн. 4, стр. 3—7.

[58] Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина, т. I. СПб., 1913, слово третье.

о правой вере», например) были известны на Руси в конце XI—начале XII в. [59] Более того, такой важнейший для теории образа философский (точнее — логико-философский) вопрос, как вопрос о разделении, имеет толкование в самом же Изборнике Святослава 1073 г. в отрывке из сочинений Федора, пресвитера Раифского [60]. Как известно, эти логические высказывания вошли и в «Диалектику» Иоанна Дамаскина.

Так или иначе, но если сопоставить главные «творческие образы» статьи Георгия Хировоска в понимании дьяка Иоанна с жанровой структурой искусства Киевской Руси, то мы увидим здесь много схожего и это схожее есть не что иное, как понимание образа в виде художественной, а не грамматической категории.

В русском искусстве XI в. символизирующие жанры были на первом месте [61]. Правда, мы затрудняемся говорить о развитии собственно аллегории в ее средневековом понимании, так как она была характерна для искусства более позднего времени, но все же дьяк Иоанн имел перед собой такие изображения, как зодиакальные рисунки в переписываемом им сочинении. Они занимают поля двух листов Изборника — 250 об. и 251. Это скорее именно аллегории, нежели символы. Напомним, что аллегория отличается от символа большей отвлеченностью изображения от сущности изображаемого. Широко известный Козьльрог (Козерог) среди рисунков Изборника мог, конечно, символизировать Христа [62], но в данном случае это несомненно аллегория зимнего месяца (декабря или января). Показательно в этом отношении, что обычный зодиакальный кентавр-стрелец заменен в Изборнике человеком-лучником. Кентавр-стрелец был слишком известным в средневековом искусстве символом демона, преследующего христианина в образе оленя [63]. С человеком-лучником такая символика не связывалась, здесь сохранялась аллегоричность образа.

Напомним, что в статье Георгия Хировоска аллегория трактуется по существу как символ. Символическими образами было полно искусство времени дьяка Иоанна. Ведь вне символической образности было невозможно выразить основополагающие идеи абсолютности божества, его троичности, идеи воплощения, вочеловечения, крестной жертвы и т. д. Это не означает, конечно, что эстетика Киевской Руси была трансцендентальной. Последнее характерно скорее для иудаизма, христианство же как религия

---

[59] *А. Горский, К. Невоструев.* Указ. соч., стр. 295.

[60] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, л. 229 об. и 230. Б. Б. Пейчев в своем докладе на Конференции в честь 900-летия Изборника Святослава 1073 г. (Ленинград, 1974 г.) показал, что речь должна идти о Феодоре, пресвитере Рейтунском.

[61] *Г. К. Вагнер.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974, стр. 139.

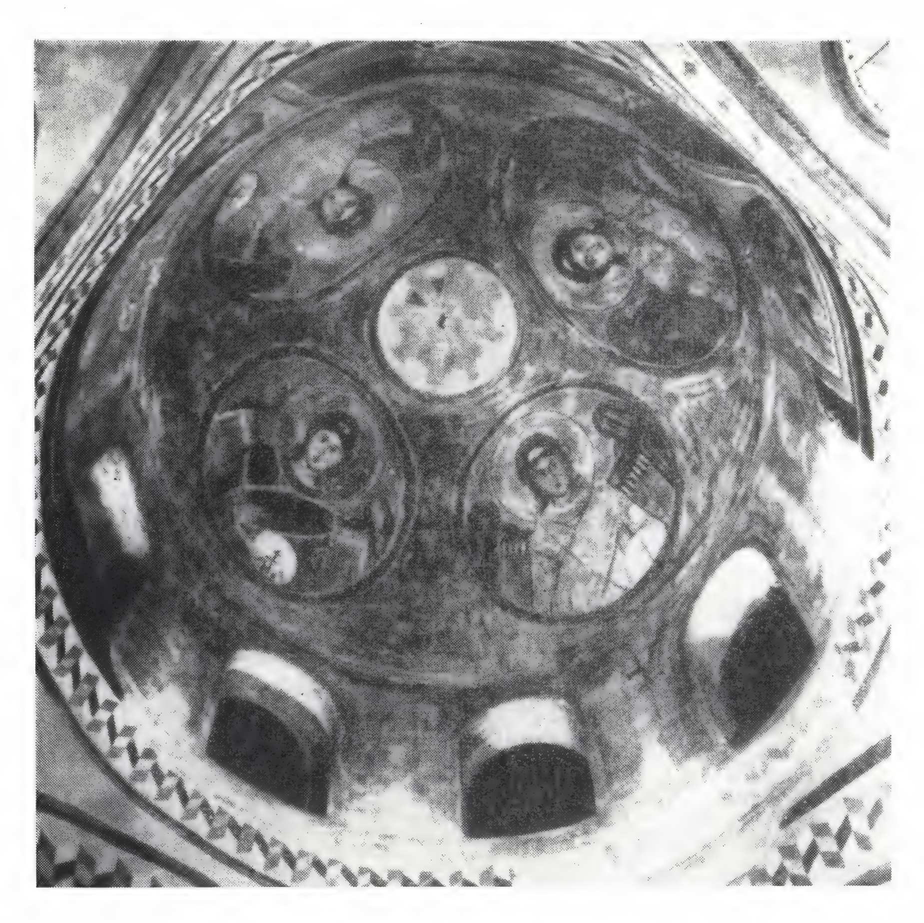
[62] *В. Б. Гиршберг.* «Козьльрог» в Изборнике Святослава 1073 года. — «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 85—86.

[63] Исайя, 34, 11—14. См. также *А. Будилович.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе. СПб., 1875, стр. 24.

Изборник 1073 г. Знаки зодиака

«снятого дуализма» [64] развивало идею схождения потустороннего в посюстороннее (так называемый «кенозис»). Но и это совершалось при помощи символизации. Почти все догматические композиции в росписи Софии Киевской пронизаны иносказанием. Оно имело либо чисто символическую форму («Евхаристия», например), либо преломлялось через «историческую легенду», превращаясь во вторичный символизм «Встреча Авраамом трех странников», «Три отрока в пещи огненной» как прообразы Троицы). Отличие «чистого» символизма от вторичного состоит в том, что первый не был

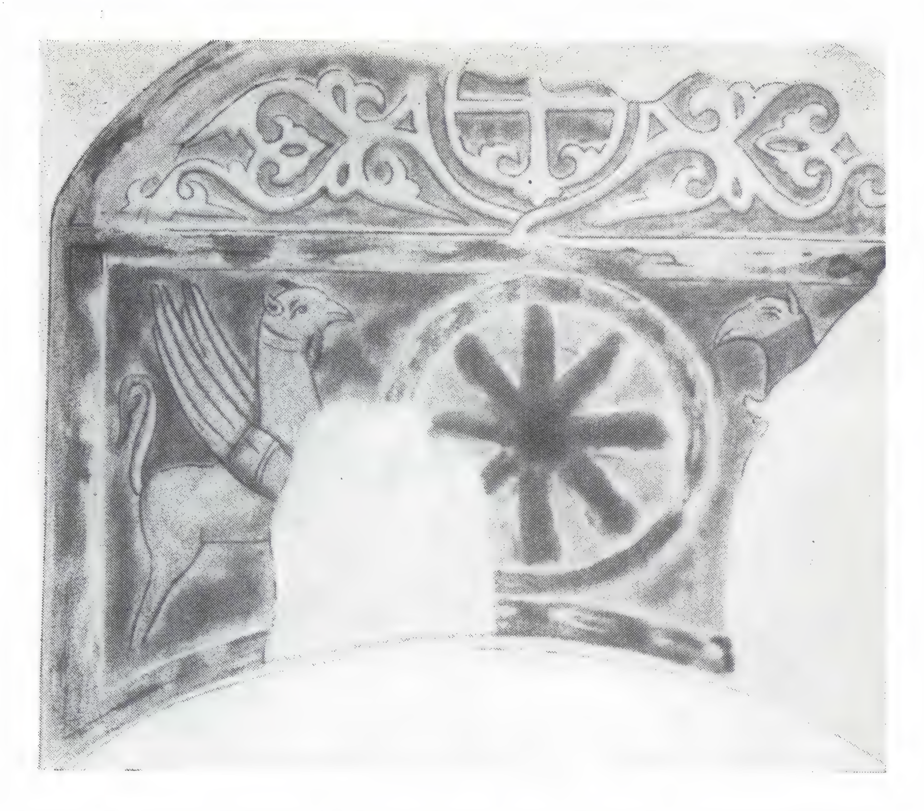
[64] О понятии «снятого дуализма» см. *А. П. Каждан*. Византийская культура. М., 1968, стр. 109 и сл.



София Киевская. Роспись купола на южных хорах, XI в.

связан с «исторированием» (выражение Дионисия Фурноаграфиота). В этом отношении «Евхаристия» более символична, нежели «Тайная вечеря», событийность которой сохраняла самостоятельное значение.

Мы отметили выше, что и метафора в статье Георгия Хировоска выступает не как троп, а как метафора-символ, символико-метафорический образ. Метафора-символ — излюбленный образ средневекового искусства. В живописи той же Софии Киевской можно найти если не все четыре, то по крайней мере три «образа» метафоры-символа. Образом перевода одушевленного на неодушевленное является знаменитая Оранта, понимаемая как Город и Нерушимая стена. Показательно, что не искусствоведы, недооценивающие поэтики древнерусского искусства, а именно



София Киевская. Грифон у хризмы. Фрагмент росписи лестничной башни, XI в.

литературовед подметил отражение в Оранте Киевской Софии специфических образно-семантических «стеновых» качеств [65].

Образом перевода неодушевленного на одушевленное в поэтическом стиле Древней Руси особенно любимой была метафора «солнце-Христос» [66]. Ей уделено большое место в росписях Киевской Софии. Солнце-хризма в замковой части сводов алтаря Иоакима и Анны и южных хоров [67], а также в росписи лестничной башни, где по сторонам солнца-хризмы изображены символические грифоны [68], представляют эту метафору-символ.

---

[65] *С. С. Аверинцев.* К уяснению смысла надписи над конхой апсиды Софии Киевской. — Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, стр. 48 и сл.
[66] *В. П. Адрианова-Перетц.* Очерки поэтического стиля древней Руси, стр. 40 и сл.
[67] *Г. Н. Логвин.* Киевская София. Киев, 1971, табл. 20, 26, 27.
[68] *Г. К. Вагнер.* Проблема жанров в древнерусском искусстве, табл. 7.

София Киевская. «Моление Анны о чадородии». Роспись алтаря придела Иоакима и Анны, XI в.

Наконец, переводом одушевленного на одушевленное можно считать сцену «Молитва Анны о чадородии», в которой дети, семья уподоблены птицам, гнездящимся среди сада [69].

С «творческими образами» комедийного характера — поруганием (иронией), поигранием (сарказмом) и посмеянием (асизмосом) — можно связать некоторые из сцен в росписи той же лестничной башни Киевской Софии. О них существует немалая литература, но смысл их полностью еще не раскрыт. А. Н. Грабар счел возможным говорить о наличии в этих росписях разных жанров [70]. Во всяком случае, не будет ошибкой отнести ряд сцен росписи

---

[69] *Г. Н. Логвин.* Указ. соч., табл. 153.
[70] *А. Н. Грабар.* Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 246.

София Киевская. Поединок ряженых. Фрагмент росписи лестничной башни, XI в.

к придворно-увеселительному жанру [71], в котором комедийный элемент вполне естествен. Он усматривается, например, в сцене поединка ряженых [72], а также в скоморошеских играх, которые, как думает А. Н. Грабар, ведут псевдоготы [73]. Специфика этих художественных образов видна сама собой.

В заключение несколько слов о притче, свойственной мышлению средневековья, в том числе и русскому человеку. К притчам относили и загадки, и разные случаи жизни. Образами приточного характера особенно богаты иллюстрации Псалтирей, из которых выделяется известная Псалтирь Спиридония, исполненная

---

[71] *Г. К. Вагнер*. Проблема жанров в древнерусском искусстве, стр. 129.
[72] *Г. Н. Логвин*. Указ. соч., табл. 257.
[73] *А. Н. Грабар*. Указ. соч., стр. 245. Воспроизведение см. *Г. Н. Логвин*. Указ. соч., табл. 256.

в 1397 г. в Киеве [74]. Конечно, она была не первая в своем ряду. Однако в XI в. приточные образы, по-видимому, еще не приобрели популярность в изобразительном искусстве, да и в статье Георгия Хировоска притча занимает одно из последних мест.

Итак, статья Георгия Хировоска «О образех» в Изборнике Святослава 1073 г. названа так не потому, что у переписчика не было в обиходе слова «троп» или «фигура», а в силу произошедшего со временем семантического и гносеологического углубления таких категорий, как аллегория, метафора, олицетворение, наполнившихся образно-символическим значением.

В русском искусстве XI в. эти творческие образы получили достаточное распространение, воплотившись в специфических жанровых структурах, так что интерес к статье Георгия Хировоска мог быть специально теоретическим. Поэтому киевского дьяка Иоанна можно считать довольно близко причастным к сложению поэтики древнерусского искусства.

Если со временем будет установлено, что слово и понятие «образ», «творческий образ» были введены в Изборник болгарским переводчиком, то все сказанное здесь приобретет более широкое болгаро-русское значение.

Л. П. Жуковская

ЛЕКСИКА ИЗБОРНИКА 1073 Г. В «ОПИСАНИИ РУКОПИСЕЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ»

В «Описании славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» [1] даны ценнейшие лексические выписки из Изборника 1073 г., которые: 1) представляют большой филологический и исторический интерес сами по себе, т. е. как языковый материал Изборника 1073 г. — древнерусской рукописи, написанной в 1073 г. и памятника письменности, переведенного в Болгарии в начале X в.; 2) они являются определенным свидетельством состояния изучения словаря древних славянорусских памятников письменности в России в середине XIX в. и изученности к тому времени самого древнерусского рукописного наследия; 3) одновременно

[74] *Н. Н. Розов.* Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири, стр. 65—82. Кстати сказать, эта Псалтирь очень богата аллегорическими миниатюрами.

[1] *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2. М., 1859, стр. 392—404.

этот материал напомнит филологам об очень ценном, но в настоящее время мало используемом лингвистическом источнике, каково само «Описание рукописей Синодальной библиотеки». Ниже будут представлены данные для суждения о всех трех названных сторонах «Описания». Но прежде остановимся на вопросе об авторстве этого филологического исследования Изборника 1073 г.

Обратимся к энциклопедии, на титуле которой стоит: «Энциклопедический словарь, начатый проф. И. Е. Андриевским, продолжается под редакцией К. К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского», но известной не столько по именам названных в ней ученых, сколько по именам предпринимателей, финансировавших издание словаря (Ф. А. Брокгауза в Лейпциге и И. А. Ефрона в Петербурге). Эту энциклопедию составляли лица, помнившие дела и события середины своего века. В статье «Невоструев (Капитон Иванович, 1815—1873) — известный археограф и археолог. . .» здесь сообщается, что он «был сотрудником А. В. Горского по описанию московской синодальной библиотеки. Первый том этого собрания составлен общими трудами Н[евоструева] и Горского, 2-й том — по преимуществу Н[евоструевым], а остальные выпуски им одним» [2].

«Описание» было удостоено Ломоносовской премии, значение его высоко оценивали многие ученые, в их числе выдающиеся лингвисты — И. И. Срезневский [3], Ф. И. Буслаев, Я. К. Грот и другие [4], археограф А. Ф. Бычков [5]. Некоторые положения рецензий были проанализированы самим Невоструевым [6].

В «Описании рукописей Московской Синодальной библиотеки» в большинстве случаев содержится богатый языковый материал. Кому же принадлежат в нем сведения о языке и переводе?

На основании процитированной статьи в Энциклопедическом словаре можно думать, что описание Изборника 1073 г. могло быть составлено как А. В. Горским, так и К. И. Невоструевым, поскольку второй том был составлен «по преимуществу» Невоструевым, но все же не им одним. Поэтому для решения поставлен-

---

[2] Энциклопедический словарь, т. XX, полутом 40. СПб., 1897, стр. 803.

[3] [*И. И. Срезневский*]. Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии, читанный в торжественном заседании Академии наук 29 декабря 1867 г. [акад. И. Срезневским. СПб., 1868; *то же*. Записки Академии наук, т. XIII, кн. II. СПб., 1868, стр. 195—210; *то же*. Сборник ОРЯС, т. VII, № 1. СПб., 1870, стр. 34—80; см. там же, стр. 6—14.

[4] Перечень рецензий небольшого объема см. Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год, вып. III. М., 1955, стр. 46.

[5] *А. Ф. Бычков*. Записки Академии наук, т. XIII, кн. II. СПб., 1868, стр. 275—300; то же: Сб. ОРЯС, т. VII, № 1. СПб., 1870, стр. 95—106.

[6] *К. И. Невоструев*. Рассмотрение рецензий, явившихся на «Описание рукописей Синодальной библиотеки». СПб., 1870; то же первоначально напечатано под названием: «О составе Библии в древней России и о других предметах, изложенных в «Описании Синодальной библиотеки» и оспариваемых в некоторых на оное рецензиях». — Сб. ОРЯС, т. VII, № 6. СПб., 1870, стр. 1—78.

ного вопроса надо установить прежде всего состав филологических исследований каждого автора «Описания».

А. В. Горским по этой проблематике написано немного. Так, ему принадлежит статья «Жития св. Кирилла и Мефодия» [7], в которой определяется время и место написания житий, а также толкуется встречающееся в летописях слово нѧтьство. Им написана работа «О древних канонах св. Кириллу и Мефодию» [8] и дана публикация текста, сохранившегося в списке XII—XIII вв. «Служба св. Кириллу и Мефодию по Синодальному списку» [9]. Можно назвать еще описание Троице-Сергиевой лавры, хотя главная археографическая часть его составлена известным археографом архимандритом Леонидом, а не самим Горским [10].

Иное дело — филологические работы К. И. Невоструева. Прежде всего назовем его исследование «Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века» [11] и самый фундаментальный труд Невоструева — «Описание евангелия, писанного для новгородского князя Мстислава Владимировича» [12]. В первой названной книге Невоструев публикует славянский текст по рукописи Чудовского собрания (ныне: ГИМ, Чудовск. № 12), XII в. с параллельным греческим текстом по изданию Гудия 1660 г. и Пика 1557 г. Далее Невоструев дает обширный и очень содержательный исторический и филологический комментарий (стр. 111—188). В приложениях публикуются Слово Ипполита по старопечатному изданию 1647 г., выписки из рукописи XII в. Богословия Иоанна Дамаскина, выписки из рукописей XV и XVI вв. Этот труд Невоструева был высоко оценен И. И. Срезневским [13], который под его влиянием пишет собственную работу [14].

Рукописью 1115—1117 гг. — Мстиславовым евангелием (ныне: ГИМ, Син. № 1203) — Невоструев занимался в течение многих лет. Кроме описания (см. сн. 12) на его материале с привлечением других рукописей, Невоструев прочитал доклад на заседании,

---

[7] Кирилло-Мефодиевский сборник. М., 1865, стр. 5—42.
[8] Там же, стр. 271—284.
[9] Там же, стр. 285—296.
[10] Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам проф. Московской духовной академии А. В. Горским в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида. — Чтения ОИДР, 1878, кн. IV, октябрь—декабрь, стр. 1—204; 1879, кн. II, апрель—июнь, стр. 1—117.
[11] *К. И. Невоструев.* Слово св. Ипполита. . . М., 1868.
[12] *К. И. Невоструев.* Описание евангелия, писанного для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII в. — Изв. ОРЯС, т. IX, вып. 2. СПб., 1860, стб. 65—80.
[13] Отчет о пятнадцатом присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1872 г. СПб., 1874, стр. 140—362.
[14] *И. И. Срезневский.* Сказания об антихристе в славянских переводах с замечаниями о славянских переводах творений св. Ипполита. СПб., 1874.

посвященном 1000-летию славянской письменности [15]. Часть исследования Невоструева была опубликована П. С. Билярским [16]. Но полностью исследование так и не было опубликовано, в настоящее время хранится в Рукописном отделе ГБЛ [17]. Кроме этой рукописи, занимающей 391 л., размером в лист, в ГБЛ, в фонде 193, без номера, под названием «Исследование о евангелии, писанном для новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII в., в сличении с Остромировым списком и четырьмя другими, современными или близкими Мстиславову, списками» хранятся черновые материалы к рукописи № 9039 (см. сн. 17). Объем этих материалов более 500 листов, размером в лист и в тетрадный лист. В некрологе К. И. Невоструева И. И. Срезневский высоко оценивал его исследование о Мстиславовом евангелии и, в частности, писал: «Нельзя не сожалеть, что это произведение трудолюбия и исследовательности осталось неизданным. Оно, не говоря уже о важности содержания, едва ли не самый лучший из трудов К. И. Невоструева» [18].

В своих исследованиях по разным сторонам истории материальной культуры и письменности Невоструев публиковал важные исторические и лингвистические источники [19]. В названной выше работе «Рассмотрение рецензий. . .» (см. сн. 6) он делает интересные замечания о методах издания памятников письменности; здесь же содержится характеристика деятельности новгородского епископа Геннадия по переводу и собиранию церковных книг. Невоструева интересует состав средневековых древнерусских библиотек. Так, в работе «Рассмотрение книги Хрущева. . .» [20]

---

[15] *К. И. Невоструев.* Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном св. Кириллом и Мефодием (читана на торжественном собрании Общества любителей русской словесности, по случаю тысячелетнего юбилея христианства и письменности у славян, 11 мая 1863 г.). — Кирилло-Мефодиевский сборник. стр. 209—234.

[16] *П. С. Билярский.* Состав и месяцеслов Мстиславова списка евангелия (извлечено из соч. проф. К. И. Невоструева). — Изв. ОРЯС, т. X, вып. 2. СПб., 1861, стб. 110—137.

[17] ГБЛ, ф. 194, М., № 9039.

[18] *И. И. Срезневский.* К. И. Невоструев. [Некролог] — Сб. ОРЯС, т. X. СПб., 1873, стр. XXXVIII.

[19] *К. Невоструев.* Плащаница, приложенная в Иосифов Волоколамский монастырь удельным князем Владимиром Андреевичем и матерью его Евфросиньею в 1558 г. (Археологическое описание в сличении с другими древними плащаницами). — Изв. Археологического общества, т. VI. СПб., 1868, отд. 1, стр. 41—61 (публикуются надписи на плащанице и выписки из монастырских книг XVI в.); *его же.* Запись о ставленниках московских церквей 1645—1666 гг. (Материалы для описания московских церквей). — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения, 1869, кн. 8, отд. 1, стр. 1—73 (опубликованы 300 записей); *его же.* Сведения о построении города Сызрани. — ЖМНП., 1849, ч. XXVIII, кн. 12, декабрь, стр. 473—475 (содержатся сведения о 20 грамотах конца XVII в.).

[20] *К. И. Невоструев.* Рассмотрение книги Хрущева: «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого». СПб., 1868. — Отчет о двенадцатом присуждении наград гр. Уварова 25 сентября 1869 г. СПб., 1870, стр. 84—186.

содержится специальное Приложение II: «Библиотека Иосифова Волоколамского монастыря времени самого преподобного Иосифа», в котором дается аннотированный список около 70 рукописей (стр. 168—186).

Из собственно лингвистических вопросов Невоструев рассматривал в своих исследованиях попутно некоторые вопросы этимологии [21].

Приведенные выше данные по библиографии исследований А. В. Горского и К. И. Невоструева убеждают нас в том, что в «Описании рукописей Московской Синодальной библиотеки» материалы по языку древних памятников письменности могут принадлежать только К. И. Невоструеву, но не А. В. Горскому. Это соображение позволяет нам приводимые ниже материалы из Изборника 1073 г., заимствованные из «Описания рукописей Московской Синодальной библиотеки», отнести к деятельности К. И. Невоструева.

*

Изборник 1073 г. описан под № 161. Описание его занимает стр. 392—404 (см. сн. 1). Археографическая часть описания незначительна: уже на стр. 392 читаем: «Примеры особенного словообразования». На стр. 394—396 приводятся «древние слова», которые, по мнению К. И. Невоструева (пользуемся установленной выше атрибуцией — авторство К. И. Невоструева, и атетезой — отведением А. В. Горского), представляют особенность словаря Изборника 1073 г. по сравнению со словарем известных ему других памятников письменности. Стр. 396—402 посвящены тоже лексике, но материал вводится авторскими словами: «Теперь рассмотрим самый перевод» (стр. 396). На стр. 402 указываются немногочисленные «ошибки перевода», «слова непереведенные», глоссы на полях Изборника. Стр. 403—404 содержат переводы цитат из Ветхого и Нового заветов, отличающиеся, по данным Невоструева, от перевода их в других древних рукописях.

Нам представляются интересными все лексические материалы, содержащиеся в «Описании рукописей Московской Синодальной библиотеки» и извлеченные из Изборника 1073 г.

Вместе с тем нельзя не отметить не всегда четкое членение собранных Невоструевым данных по указанным выше рубрикам. Мешает восприятию непоследовательность в приведении ма-

---

[21] *К. Невоструев.* О скуфье и камилавке, употребляемых священнослужителями в древней греческой и русской церкви. — Киевские епархиальные ведомости, 1868, № 4, отд. II, стр. 145—155 (на стр. 145 рассматривается происхождение слов скуфья и камилавка); *его же.* О городищах древнего Волжско-болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской. — Труды I Археологического съезда, 1869, т. II. М., 1871, стр. 521—594 (на стр. 577 дается этимология названия Елабуга).

териалов в одной и той же тематической группе: в одних случаях автор исходит от слова, употребленного в Изборнике 1073 г., в других — от греческой параллели, в третьих — от номера листа рукописи 1073 г., а иногда — даже от значения слова в современном ему русском языке. Текст иногда сопровождается комментарием (например, на стр. 399 читаем: «Почему переведено не іерей, в служении возглашающий сии слова, а диакон?»), который в настоящее время нельзя признать уместным по отношению к языку памятника XI в. Ниже комментарии подобного рода мы опускаем. В «Описании» употребляются устаревшие слова, которые, будучи приведены в сокращенном написании, иногда затрудняют понимание текста (например, «сл.», значит «сличи», «сличите», т. е. «сравни», «сравните», а не «следующий», как это принято в номенклатуре современных сокращений).

Все эти причины не позволяют воспроизвести текст буквально и в той последовательности, как он представлен на стр. 392—404 «Описания». Ниже каждая лексическая статья начинается со славянского слова, употребленного в Изборнике 1073 г., и в алфавитном порядке этих слов.

При освоении и использовании приводимых ниже материалов надо иметь в виду следующее.

Каждая лексическая статья начинается с исходной словарной формы, которая часто восстановлена нами (в этих случаях после нее ставится двоеточие). Исходная форма не выделяется двоеточием, если ею начинается материал Изборника 1073 г., извлеченный из него Невоструевым. Этот материал дается в том написании, как он воспроизведен в «Описании»; исправления по самому Изборнику 1073 г. сделаны в очень немногих случаях. При восстановлении формы в необходимых случаях использован материал самого памятника. Например, по контексту, приведенному в «Описании», нельзя установить род слова **осла** (**по ослѣ**), тогда как контекст Изборника это позволяет: **пазнон рьдръ же ѥсть паче анъфраѯа камыка. бываѥть же же въ пазѣ градѣ индиисцѣмь. остримъ же по врачьбнѣи ослѣ** 121в. Наличие согласованного прилагательного в жен. роде, позволяет установить исходную форму **осла** (**не осьлъ**), хотя в русском языке соответствующее по значению и то же по корню слово муж. рода — *оселок*.

Далее материал перекомпоновывается так, чтобы после исходной формы шел пример из Изборника 1073 г., документированный указанием на лист или оборот листа (столбцы рукописи Невоструев не помечал) и цитируемый источник, если это цитата [22].

[22] Сокращения названий ветхозаветных и новозаветных текстов обычны. Отметим лишь, что имя евангелиста Матфея, которое в современной научной литературе сокращается неодинаково, передаем согласно норме сокращений современного русского языка (на первую букву согласного звука), а не путем транслитерации церковнославянской θ («фиты»), через букву *ф*, т. е. сокращение Мф. признаем неправомерным, а правильным — Мт. Номера глав обозначаем римскими цифрами, номера стихов — арабскими.

Все эти данные, как относящиеся к самой рукописи 1073 г. и к самому памятнику, отделяются точкой с запятой от следующей части лексической статьи, которая посвящается семантике слова. Эта часть характеризует прежде всего работу самого К. И. Невоструева.

К. И. Невоструев раскрывал значение интересующего его слова или выражения на современном русском, греческом или современном церковнославянском языке (например, при определении значения слова ꙗзьныи он употребляет церковнославянское слово *усмен*, что значит 'кожаный', пишет «пѣтелъ въ кокошѣхъ», переводя слова саблѧ, саблица, т. е. 'петух' и 'курица'. Значения слов и объяснения, исходящие от Невоструева, приводятся в кавычках и документируются указанием на соответствующую страницу «Описания» (стр. 392—404).

Заключаются лексические статьи греческими параллелями, которые в большинстве случаев представлены в «Описании». В сложных контекстах греческая параллель приводится в скобках после слова, которое она поясняет, т. е. в соответствии с последовательностью изложения в «Описании».

Иногда материал Невоструева содержит несколько комментируемых им слов. В этих случаях мы разносим его в несколько словарных статей и в число статей включаем необходимые взаимные отсылки. Уточнение значений приводимых ниже слов Изборника 1073 г. и их комментирование является задачей особой работы. Часть ее проведена И. И. Срезневским в его «Материалах для словаря древнерусского языка» [23], в котором мы не обнаружили только слова юбагъ, которое Срезневский, видимо, считал ошибкой писца и потому восстановил юбаг(р)ъ [24]; хотя это слово не документировано никаким другим примером, кроме этого.

алъкати: алъча 31; 398 — νηζέυων

алъчьба 39; «так и в других местах» 398 — νηζεία

астрологиꙗ: въ астрологии 203 об.; 402

баꙗти: не боуди баꙗ 94 об., «не ворожи» — ὀυκ ἔσῃ ἐπάιδων баꙗи и дивы творѧи 130; 399 — ἐπαοιδὸς, τερατοσκόπος

беж нѥго 24; 394

безоумьль 36 об.; 393 — ἄφρων

благынѩ 30, 47, 58 и др.; 393 — τὸ ἀγαθὸν и ἀγαθοότης

блазнъ 209; «соблазн» 393

блоудъ: да не блудъмь ризы осаждѧвіши 59; «да не осквернишь» 395 — ἀσβολῶσῃς

больство 7; «превосходство», 393

бълванъ: жена же (Лотова) бълванъ бы сланъ 37 об., Быт. XIX 26; «столп» 403 — σήλη

---

[23] *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. I—III, СПб., 1893—1905. Изд. репродуцировано: М., 1958.

[24] Там же, т. III, стб. 1625.

гатати: не гатаемъ 116 об.; 396 (см. гадати), то же 149, 149 об.
гигасъ 68; 492 (глосса к штоудь)
глѣнь (?): обьло («кругло») и глѣни. рекъше гнѣвьное («желчь») 232; 396
гнѣвьное 232: «желчь» 396 (см. глѣнь)
гозьлостекъникъ 162; 400 — τραγοσκελής (контекст см.: коуна)
гора (см.: съ горы, съврьхоу)
горьшина: отъ оунѣшины на горьшинѫ 168; 393 — ἀπὸ τῶν ἀμεινόνων εἰς τὰ χείρονα
горѣшьный: цѣсарьствие горѣшьнее 33 об., но 26, 32 — цѣсарьствие нбсьское
грацш: грачѫшти . . . врана 129 об.; «каркающая ворона» 400 — κράζουσα κορώνη
готовизна: готовизна бѫдеть оного мѫжы 74; 393
гроза 156, 170; 400 — τάρταρος
грѣшьньство: повиноуѭштиихсѧ грѣшьньствоу 30 об.; 393 — ταλαιπωρίαν
гърдый: страшьное и гърдое имѧ 31 об.; «ужасное» 397 — τὸ φοβερὸν καὶ φρικτὸν
гърньць: въ гърньци 64 об., на нижнем поле; «в горниле» 403 — ἐν 'αωνευτηρίῳ (глосса к: въ сасыѕѣ)

да: «Прибавляется частица да в начале речи»: да почьто оубо не вѣрѫеши 4 — τί οὖν 'απισεῖς; да како оубо соумнишисѧ 31 «и мн. др.» 401
дажда (?): овьца нарицеми . . . дажда дѣльма роуновьныя и млѣчьныя 241; «даяния» 396
денли (де или): денли о семь не прискѫтѫ 184; «ужели» 401 (см.: дѣнли)
диаконъ: тѣмь бо диаконъ възглашаеть рекыи стая стынимъ 53; 399 — ὁ ἱερεύς
дияакъ: слышиши бо дияка глшта соуштии въ покаянии изидѣте 52 об.; τοῦ κήρυκος — «провозвестника, разумеется диакон, возглашавший это в церкви» 398—399
доброта 34, 39 об., 43, 59 об., 61, 62 об. и др.; 'αρετή всегда переводится доброта 398
дрочитисѧ, дрочатисѧ (?): иже блоудьница снѫбѧть (ἀγοράζοντες — покупающие). . . и дрочаштесѧ на тържисти ихъ 78 об. (в «Описании»: на тържиштиихъ); «гордо ступающие» 395 — σοβοῦντες
дрѣводѣлѧ: крьчиѧ или дрѣводѣлю 239; 396
дрѧхльство: есть лоукоуя поникъ дрѧхлъствъмь 182 об.; Сир. XIX 23, «чернотою» 403 — συγκεκυφὼς μελανίᾳ
доуплѧтица: огньнымъ дѹплѧтицамъ 126; «так и» 126 об. и 121; 400 — τᾶς τοῦ πυρὸς λαμπάδας
дъгно: дъгна на стѣнахъ 160; «рана» 395 — οὐλή
доубъ: 29 (Мт. VII 18), 85 об. дважды, 150 об., «δένδρον перев. дѫбъ» 397
дьнь дьнь: днь днь нштоуть 28; «каждодневно» 401 — ἡμέραν ἐξ ἡμέρας
дьньдьньный: дньдньная тъштета 174 об.; 401
дьнью: не дьньѭ нъ ноштьѭ 121 об.; 396
дѣнли: дѣнли не имамъ ихъ 241 об.; «ужели?» 401 (см. также денли)
дѫгъ: акы ярьмьнымь терѣсхомь юница 56; Исай. V 18; «на поле: ременьмь. дѫгъмь» — 403 — ζυγοῦ ἱμάτι

единосоущный 10, 13, 20 об. и др.; 396 — ὁμοούσιος
ели. ели — 4, 53, 55 и др.; «вместо если» 396
естьство: вьсѣмъ бытие даеть (τὸ εἶναι). естьствомь сын бъ 4; «(φύσει, и так почти всегда переводится, только 113, 114 вещь)» 396

жде: да вьсако рекоутъ жде 8 об., «здесь» (? — Л. Ж.) 394, вьсьжде 8, 17, 19 и др. «везде» 394

женити: женима 69 об.; 399 — παλλακή

жестокыи: тяжькомь врѣменьмъ и жестокъмь жяжельмь 161 об.; 396 (см. контекст к жяжель)

жьртва 53 об., 84, 118, 160; 398 — θυσία (см. трѣба)

жьртвьникъ 85; 398 — θυσιαστήριον (см. трѣбьникъ)

жяжель: тяжькомь врѣменьмъ и жестокъмь жяжельмь 161 об., 396 «и грубой цепью» — καὶ σκληρότητι κλοιοῦ; и въ жяжель (εἰς τὸν κλοίον) вы выж «т. е. введи» (?) 201; 396

завонтыи: и сътвори завонтъ сълогъ незаапьнъ 257 об.; 401

заповѣдати: заповѣда 195; 399 — παραγγέλλω (см. запрещати)

запонь (?): звѣздъ . . . запони 116; «соединения — ?» 400 — διαπλοκαὶ

запрещати: запрещаю 91 об. (I Тим. 6, 17), 181 об.; 399 (см. заповѣдати) — παραγγέλλω

запѣтися (?): нъ акы о инѣхъ врѣдѣ . . . запѣвся гла то 142; «имея в мысли зло других» — τὴν ἑτέρων βλαβὴν ὑφορώμενος «см. 182 об. Сир. XIX 24»; 395

златолюбие 58 об. дважды, 60 об., 61 об., 82, 88 об. — φιλαργυρία «сребролюбие» 399

зъль: зълыя богата 172 об., золобѣ помогающте 172 об.; нѣсть злобы выше зъли женьскы 172; толицѣхъ зълии 29, 36 об.; «зол» 393 — κακῶν

зъловѣрьныи: зловѣрьныимъ валаамъмь 119; «нечестивым» 400 — διὰ τοῦ δυσσεβοῦς Βαλ.

зѣлоопытьство 114 об., 15, 46 об., 57 и др. вместе с производными; 397 — ἀκρίβεια

зять: егда възьметься отъ нихъ зять 195 об., Мт. IX 15; «жених» 493 — ὁ νυμφίος

избытъкъ 251 (глосса к прьвыя паралипомена) 402

изгонъ 218; 392—393 — ἐκβολή

издроутитися: то камо не бы издроутилася 19; «ниспала» 397 — ἐξέπεσε

издьржати: издьржи мя отъ соупьрника моего 180, Л. XVIII 3; «отмсти» 403—404 — ἐκδίκησον

изѣкрыи: вироулииъ изѣкръ есть 154; «бирюзовый, светлозеленый» 400 — γλαυκίζων; ср.: нѣкто изѣкръ и смаглъ 230 об.; 400

икона: поразн иконоу 162 об., Дан. II 34; 403—εἰκόνα (полный контекст см. на оукроутися)

имьже 35, 36 и др. — διότι; 40, 52 об. и др. — ὅτι; 47 об., 55 об., 106 «поелику» (т. е. поскольку — Л. Ж.) — ἐπειδή 398

инъже 42 об.; «инде» 394

исказитися: или мыслиши . . . исказитися цркви 105; «придти в запустение» 396—397 — ἐξερημωθῆναι

исполинъ 68 (наряду с гигасъ — глосса к штоудь); 402

казити: почьто и землю кази 42, Л. XV 7; «упражняет» 403 — καταργεῖ

калятися: и калятися вѣчьнемъ 38; 394

карькинъ 116; «рак» 402 — ὁ καρκῖνος

катъ: (Мариам) изгънана бысть вънъ. не катоу на седмь днии 190; «из стана» 401 — ἔξω τῆς παρεμβολῆς

квочитн: (жена злая) квочима вышитьсѧ 172 об.; «ласкаемая» 395 — κολακευμένη

кедръ 155; 400 — κέδρος (см.: бъръ)

кесарь (см. цѣсарь)

клада: извьрьзи кладоу . . . отъ очесе своего 210 об., Мт. VII 5; «бервно» 403 — τὴν δοκὸν

комъканиѥ: комъканиѩ 51 об. (μυσαγωγία), 52 об. (μετάληψις), 53 (κοινωνία) «о таинстве причащения» 395

комъкати 51 об. (см.: комъканиѥ)

копиѥ 103 об., 255; 396 — λόγχη (ср. лоушта)

котыга 93 об., 235; 395 — χιτὼν

коштѫна 116 об. (μῦθος), 120 (λῆρος); «басня, вздор» 400

крада: аште пламене не възгнѣтиши. то не горить крада 60; «так постоянно переводится» (71, 113, 174 об., 181 об., 212 об.) 395 — κάμινος

краситисѧ: ни краситьсѧ (бог) погыбѣлиѭ живыихъ 100, 165, Прем. I 13; «ни веселится о. . .» 403 — οὐδὲ τέρπεται

коуна: въ нен же бѣаше гозьлостекъникъ чьтѫхоу (египтяне) и змии. коуны же (αἰλούρους) и рыбы 162; 400

кърчии: крьчиѭ 239; или дрѣводѣлю 396

лихновица: лихновица ради ѥстьства 16 об. и др.; 394 (см. след.)

лихновьца: и лихновьца ради обавлении (διὰ τὴν ὑπερβολὴν τῶν ἀποκαλύψεων) дасть ми сѧ ражнъ плъти (σκόλοψ) . . . да мѧ моучить 110, II Кор. XII 7; 404 (см. также лихновица)

лихноути: аште лихнеть правьда вашѧ 16 об. и др., Мт. V 20; «отселе» 393—394 — μὴ περισσεύσῃ

лои 154 об.; «жир» 400 — στέαρ

лоука: лоуками ходѧ 186 об.; 393 — δόλῳ

лоушта (лоуча ?): (жена) срцю лоушта 174; «копие, как переводится в других местах» 396 — λόγχη

лѣнитисѧ: не лѣнисѧ о сѫштии въ тебѣ блгдти 199 об., I Тим. IV 14; «не ради» 404 — μὴ ἀμέλει

любеникъ 163, Мт. XII 18; 393 — ἀγαπητὸς

любобратиѥ: лѭбобратиѥмь (τῇ φιλαδελφίᾳ) дроугъ къ дроугоу. любъве набъдѧште (φιλόζοργοι) 38 об., Рим. XII 10, 11; 404

мальство: мальствомь 231 об.; 393

мамона: мамоноу 30 об.; «на поле: несытьство» 402

масло 243 об.; 402

междина: бѫжьства бо и зьданиꙗ никаꙗ же междина не бѫде 16; «средина» 393

мирьникъ: кротъкоу быти. мирьникоу 40; 393 — εἰρηνικὸν

мьртвыи: и мьртви сѫть мнози 51 об., 52, 113, I Кор. XI 30; «ныне: и спят» 404 — καὶ κοιμῶνται

моучити: и лихновьца ради обавлении дасть ми сѧ ражнъ плъти . . . да мѧ моучить 110; 404 — ἵνα με κολαφίζῃ

масопоуще: стынхъ масопжштъ и великодьньнок врѣмѧ 52; «время св. четыредесятницы и пасхи; так еще переводится τεσσαρακοσὴ 194, 194 об., πάσχα 195» 398 — τῆς ἁγίας τεσσαροχοσῆς καὶ τοῦ πάσχα καιρὸς

набъдити: лжбобратнкемь дроугъ къ дроугоу. любъве набъдаште 38 об.; 404 — φιλόζοργοι

наврапъ: градьнок плѣнениѥ. и наврапи 104 об.; «порабощение» — ἀνδραποδισμοὺς; ср.: и похоусить наврапъ юѩ 143 об., Иез. XXIX 19, «и расхитит корысти ея» 400 — καὶ προνομεύσει τὴν προνομὴν αὐτῆς

нантн: наидеть ангалъ гнь окроугъ боıаштихъсѧ юго 33, Псал. XXXIII 8; «ополчится» 403 — παρεμβολεῖ

напрасно 57, 95 об., 99, 163 об.; «внезапно» 399 — ἐξαίφνης

напьда (напьдъ ?): лишеныхъ напьдъ просѧ 88; «удержанной мзды, как перепостоянно переводится в других местах» 395 — τοὺς ἐζερημένους μισθοὺς

насобьнын: часты и насобьны (ἐπαλλήλους — «одни за другими следующие») съмьрти дѣтьскыѩ. и сьрдобольныѩ видѣти 71 об.; 399

настиньнын: (книги) настишьныѩ 253; 401 (см.: творитѣвиныи, хытростьныи)

начальникъ свѧтителемъ 218; 398 — ἀρχιερέυς (см. также: пьрвосвѧтитель, свѧтитель)

нашьскын: разоума нашьскаго 16; 393

нашьское: нашьскаѩ 116 об., 129 об.; 393 — τα ἡμέτερα

не бо нъ или не бо нъ и 19, 20 об., 31, 31 об., 43, 53 об., 57 и мн. др.; 397 — καὶ γὰρ и γὰρ; «но 17, 58, 97 об., 215 об. бо и ибо» 397

незаапъ: по незаапоу 58; «по нечаянности» 395 — κατὰ συναρπαγὴν

несъвратьнын: см. съвратьнын

несъмыслъ 114, 175 об.; 393 — ἄφρων

несъмысльнъ: иже юсть несъмысльнъ 155 об., Притч. IX 4; 393 — ἄφρων (см. несъмыслъ)

несъпасьнын: (жена порочная) гостинница неспсьнаѩ 174 об.; гостиница «развратных» 399 — ξενοδοχεῖον ἀσωτων, но ἀσώτία блоудъ 79

несытьство 30 об.; 402 (глосса на поле к слову мамона)

нечрѣдьнын: мнози нечрѣдьнии члци 44; «из простых» 398 — των ἀφελεζέρων ἄνθρώπων

номосъ: боу въ номосѣ глюштю 94 об., то же 161; «на поле писцом же написано: въ законѣ» 402 — ἐν τῷ νόμῳ

обавлениѥ: иwанъ въ обавлении глеть 167 об., 214, 259; «так и всегда переводится» 401 — ἐν ἀποκαλύψει

обаловитисѧ: крава ихъ не обаловисѧ 79 об., Иов. XXI 10; «не изверже» 403 — οὐκ ὠμοτόκησε

облишьнии: облишнемь 4; «излишне» 393 — περιέργως

обочиѥ: очи въвѧтнлѣсѧ. и обочиѥ съсоунoулосѧ 115; «виски впали» 400 — κροτάφοι συμπίπτοντες

образовати: образоуюмаго 202 об.; 401 — ζωγραφομένης

обрыдатисѧ: или еште не обрыдаюшисѧ 4 об., «то же 129 об.»; «не краснеешь, не стыдишься» 394 — o'ύπω ἐρυθρᾷς

обьщии: обьштаѩ цркы 176 об.; 400 — ἡ καθολικὴ

обѧщреныи: по обѧштреныимъ мѣстомъ 153; «по раненым» 395 — τοῖς εἰλκωμένοις

овоще: овошта 55, 133; «растение» — φυτά; но 15, 61 — садъ

овьчина: илиа (на Хориве) наложи овьчиноу на лице свою 242 об.; 401 — τὴν μηλωτήν?

оплосмо: частьно . . . а не оплосмо 105; «не обще» 400 — οὐκαθολικὸν, но 176 об. ἡ καθολικὴ — обьштаа цркы

осошити: многы осошиша отъ него 190 об.; «отделились» 401 — ἀπέκοψαν

осла: острнмъ по ослѣ 121 об.; «на оселке» 393 — ἀκόνη

отьчина: рече гь въ очинѣ мои многы обитѣли соуть 214 об.; 401 — ἐγ τοῖς τοῦ πατρός μου

параліпомен- (параліпоменонъ?): прьвыꙗ параліпомена 251; избытъкъ 402 (глосса)

плавати: врѣмѧ бо нѣколико вънѣ плаваю 169 об., Прит. VII 12; «глумится» 403 — ῥέμβεται

плать (дррус. полоть): надъ платьми 126; «над рассеченными двумя частями» 400 — τοῖς διχοτομήμασιν

плоутию 56; 393 — πλοῦς

плѣновати: плѣноужште вьсѧкъ разоумъ 210, Коринф. X 5; 394

повонь (?): акы къ повони 113; «наводнении» 393 — ἐν ῥεύματι

погыбати: нъ видъ юго. бечьстънъ. погыбаꙗ. паче сыновъ члчьскъ 163 об., Исай. LIII 3; «умален» 403 — ἐκλεῖπον

прокыи: погоублѧюши . . . прокъ излевъ 104 об.; «оставшихся» 393 — τοὺς καταλοίπους, но 25, 55, 59 об., 86 и др. — прочею, 115 об. — прочихъ, 11, 14 об., 28 об. и др. — прокою

подоборѣдьныи: подоборѣдьни 45; 399 (см.: страсть, врѣдъ)

подобострастию: подобострастиюмь 14; 399 (см. страсть, врѣдъ)

подрагъ 131 об., 179 об.; 392 — μίμημα; подъ подрагъмь 121; «под подолом» 395—396 — ὑπὸ τὸ κράσπεδον

подъбѣжище: къ моужѫ твоюмꙋ обраштению твою рекъше подъбѣжиште твою 169, Мт. XIX 9; 401 — καταφυγή, отсюда подъбѣга, как переводится λελυμμένη

позоратаи 39 об.; 393

поимати: никомоу же не бы поюмано 89 об.; «никто не был обвинен» 393 — οὐδεὶς ἐνεκλήθη

покаꙗзнь 58, 83 об., 105 об., 118 об.; «вместо покаꙗние» 393 — μετάνοια

покошьно: покошьно къ заповѣди гни 210, а также 215 об.; «сообразно» — συνεμπίπτον (см. след.)

покошьнь (?): и въздоухъ ради непокошниꙗ 112; «неправильности перемен» 394—395 — ἀνομαλίαν

покошити (?): всꙗко мѣсто на молитвоу покошено 35, 35 об.; «способно» 394 — ἐπιτηδεὶς, «в этом смысле и 61 ἀκμάζων, 144 об.» 394

польштинъ: польштины и рѫдьници 212; «поселяне и простолюдины 401 — οἱ ἀγρικοὶ καὶ οἱ ἰδιῶται

понѧвица 218 об. 2 раза; «плащаница» — 401 — σινδὼν и ὀθόνη

порода: 26, 35, породоу отъврьзе 100 об., 106, 212 об.; 397 — παράδεισος; дьньсь съ мноѭ юси въ породѣ 213, Л. XXIII 43; 404 — ἔσῃ ἐν τῷ παραδείσῳ (см. раи)

породьныи: породьноуѭ пиштѫ 214 об., но 198 не пишта раискыꙗ; 397 — τρυφὴν τοῦ παραδ. . .

ранскын: не пишта ранскыꙗ 198; 397 (см.: породьныи)
рамѧныи: егда вѣтри рамѧни въ пѫчиноу въпадоуть 59 об., 395— πνεύματα ῥαγδαῖα εἰς πέλαγος
ранити: ранить же всѧкого сн҃а 66 об., Евр. XII 6; «бьет» 404— μαστιγοῖ
расплатити: четвероногы же расплати 126; «рассек на двое» 400— διεῖλεν ср. также: плать, дррус. полоть
растоимьць: растоимьца 82 об.; 402 (см.: приръзоимьць)
ремень 56; 403 (глосса к терѣсхъ, см.)
рещи (река — причастие): а река правьдьникъ 188; 401— τάχα (т. е. «быстро»; греч. значение указано ошибочно. — Л. Ж.)
ръдьникъ: польштины и радьници 212; «поселяне и простолюдины» 401— οἱ ἀγροικοὶ καὶ οἱ ἰδιῶται
ризьница: ризьницѧ ихъ испълнь 80, Псалт. CXLIII 13; «хранилища» 403— τὰ ταμεῖα
родьство 78, 89 об.; родьство огньное: творите и сн҃а родьствоу огньноуоумоу 44, Мт. XXIII 15; 398 — τῆς γεέννης
росказити: росказить бжьствьныꙗ гласы 11, ср. 205 об.; 396
роусъ: онухион' роусъ есть 154; «красноватый» 400 — ξανθὸν

сабльца: сабль ходѧ въ саблицахъ веселъ 157 об., Прит. XXX 31; «пѣтелъ въ кокошѣхъ» 403— ἀλέκτωρ ἐμπεριπατῶν θηλείαις
сабль см. саблица
садъ 15, 61; «растение» 399— φυτὰ (см. овошта)
сасызъ (сасыза ?): ꙗко злато въ сасызѣ («внизу: въ гърньци») искоуси 64 об., Прем. III 6; «в горниле» 403— ἐν χωνευτερίῳ
своить 218 об.; «свойственность» 393— οἰκειότητα
свѣне: свѣне творѧща отърождение 5; «кроме, вне» 394
свѧтьство 5; 393— ἁγιότης
сетьныи: зълобы сетьныꙗ 57, см. и 71, 105 об., 163 об.; «крайней» 395— ἐσχάτης
скамьбии: не прилѣписѧ мнѣ ср҃чьнаꙗ скамьбии 184 об.; Псал. C 4; «сердце строптиво» — καρδίασκαμβὴ 402
славословие 34 об., 36; 398— δοξολογία
слотьныи: въ дьнь слотьнъ 170, Притч. XXVII 15; «зимний, ненастный» 395— χειμερινῇ
слоутие: чресъ слоутие 113; 393— παρὰ δόξαν
слѣмѧ: дъгна на стѣнахъ или на слѣменьхъ 160; «на перекладинах» 395— ταῖς δοκοῖς
смаглыи: нѣкто изѣкръ (см.) и смаглъ 230 об.; 400
сноубити: иже блоудьница снѫбѧть 78 об.; «покупающие» 395 —ἀγοράζοντες
собьство: 9, 10 об., 12, 20 об.; вѣроуѭ . . . въ трии собьства съвьршена 21; 396 ὑπόστασις — «всегда собьство»
сосиь 106 об.; 400— πίτυς
сопостникꙑ: сопостикии 243 об.; 402
столъ 100 об.; 399— θρόνος (см. также прѣстолъ)
странь: поидете странь поидоу и азъ . . . странь 103, Лев. XXVI 23, 24; «стороною» 396
страсть 62 и др.; 399— πάθος (см. врѣдъ)

строи: по строѭ (божию) 177 об.; строи х҃совъ 73 об.; 399— οἰκονομία, «так переводится всегда»

соумьнитисѧ: да како оубо въ незазерьныихъ соумьнишисѧ 31; «в вещах безразличных опасаешься» 397— πῶς. . . ἐν τοῖς ἀδιαφόροις εὐλαβεῖς; оусоумнѣшасѧ 172 об.; 397— ἠδέσθησαν; жена бестоудьна ничьсо же не соумьнитьсѧ 172; «никого не щадит» 397— οὐδενὸς φείδεται

соумьнѣние: 52 об.; 397— ἡ φειδώς; о божьствьныихъ соумьнѣниѩ 47; «почитание к . . .» 397— τῆς αἰδοῦς

соуште: се оного горьчѣе плоуль соуште оустави 164; τοῦτο ἐκείνου χαλεπώτερον — εἶναιἐνομοθέτησε, «так и в других местах переводится εἶναι» 400—401

соущние или соущьство 6, 8 об.; οὐσία «и всегда переводится сущие или существо» 396

съборьникъ 73 об., 96 об., 109, 157 об. др.; ἐκκλησιαστής «всегда переводится съборьникъ» 399

съвратъ: не измоута . . . ни съврата подъимъ 21 об., «ни слияния, ни изменения» 397

съвратьныи: несъвратьнъ 21, 25; «неизменный» 397— ἄτρεπτος

съвьрхоу 48 об.; «в других местах съ горы: съ горы на главѣ 142, 145 и др., горѣ 18; 397— ἄνωθεν

съ горы см. съвьрхоу

съдоушьныи 237 об., 238 и др.; 393— ἔμψυχος

съдьрзатисѧ: и бѣси вѣроужѫть и съдьрзаютьсѧ 32 об., Иак. II 19; «трепещут» 404— φρίττουσι

съкоупъ: съкоупа ради 26; «совокупления» 392

сълѣзъ 218; 392— κατάβασις

съпасение 51 об., 90, 92, 100, 105 об., 107 об.; 392 (см. съпасъ)

съпасъ 165, 185 об. и др.; 392— σωτηρία (см. съпасение)

съплескати: елиньскыꙗ богы . . . съплеска 19; «вымыслила, сотворила» 397— ἀνέπλασεν

съпона: съпоноу творити 44 об., см. и 112 об.; 398— ἐμποδίζειν

съпроста: 29— ὅλως, 54, 91 об., 109— σχεδὸν; 397

сырищь: сыриштьмь же болѧштиимъ . . . цѣлитель 154; «желудком страждущим» 400— στομαχικοῖς

сьрдобольныи: часты и насобьны (ἐπαλλήλους одни за другими следующие) съмьрти дътьскыꙗ. и сьрдобольныꙗ (τῶν συγγενῶν) видѣти 71 об.; 399

сьрхъкыи (срьхъкыи ?): акы срьхъка есть (мудрость) неказаныимъ 200 об.; «горька, тяжка» 401 — τραχεῖα

сѣчьца 82 об., 95 об., 98, 98 об., 111; «палач» 399— δήμιος

соусь (?): да сѫсь оглаголаема нарицѫтьсѧ 234; 401

творитвьныи: (книги св. писания) хытростьныꙗ и творитвьныꙗ 204; 401— σοφισικὰ καὶ ποιητικὰ «но 253: книги — настишьныꙗ» 401

терѣсхъ (?): акы ꙗрьмьныимь терѣсхомь юница 56; Исай. V 18; «на поле: ременьмь и дѫгъмь» 403— ζυγοῦ ἱμάντι

тикръ: и боудеши емоу ꙗко потишенъ тикръ 182, Сир. XII 11; «очищено зерцало» 403—ἔσοπτρον

трошение: нищихъ трошениемь 79, 88; «разорением» 395 (см.: трошити)

трошити 39; «δαπανᾶν и ἀναλίσκειν (тратить, употреблять на что) [несколько раз переведено трошить 395

троудовьныи: стааго василиꙗ отъ трѫдовьныихъ 32, 38, 46 и др.; «отъ правил подвижнических» 397— ἐκ τῶν ἀσκητικῶν (см. также: поспѣшьныи)

трызна: не могыи подъꙗти дѣвствьныꙗ трызны 92; «венец девства» 399— τὸ τῆς παραθενείας «подобно как в списке 162 (т. е. ГИМ, Синод. № 162, 1403 г., написанном в Спасо-Андрониевском монастыре. — Л. Ж.) л. 82 об.: побѣжени на трызници — οἱ ἡττηθέντες ἐν τῷ σκάμματι «на поприще бегающих» 399

трѣба 52 об., 82, 86; 398— θυσία (ср.: жьртва)

трѣбьникъ: 33 об., 34, 83 и др., 398— θυσιασήριον (ср.: жьртвьникъ)

тоужити: сноу мои не тоужи показаниѥмь гнемь 66 об., Евр. XII 5; «не перенемогай» 404— μὴ ὀλιγώρει παιδείας

тъштиньство 142; «малодушие» 400— μικροψυχία

оувьрзениѥ: и о оувьрзении срьдьчьнѣмь 198:, «в умилении» 401— ἐν κατανύξει

оудобизньныи: на оудобизньноѥ се дѣло 206; 393— τὸ πρόχειρον

оудоробь: въ оудоробь оутьлоу лѣѭть 33, 201 об.; «в разбитую бочку» 398— εἰς πίθον τετρημένον

оужичьство (см. текст на слово оуто)

оукроутитисѧ: оукроутисѧ камыкъ не роуками и порази иконоу 162 об., Дан. II 34; «отторгся» 403— ἐτμήθη

оумоудити: аште ли оумоужд̑ѫ 256; «умедлю» 396

оуньшина: отъ оуньшины на горьшинѫ 168; 393— ἀπὸ τῶν ἀμεινόνων εἰς τὰ χείρονα

оупольникъ: аште бы кто отъ морѧ оупольникъ далъ 89; «стакан или чашу воды» 395— κύαθον

оуразити 57; «поразить» 394— πατάξαι

оуселитисѧ: оуселѧтьсѧ тоу 37; 394

оускврьнитисѧ: оускврьнилъсѧ 28 об.; 394

оустьны (оустьна ?): оустьны безоумьлѧ 100 об.; 393

оуправлѧтисѧ: не порьвьноуи, оуправлѧѭштоуоумоусѧ въ пѫти своемь 74, Псал. XXXVI 7; «спеющему» 403— κατυοδουμένῳ

оуто: соупротівьноѥ же къ сърод̑ьноуоумоу оуто жѫничьство има 29, 50 об., 68 об., 70, 228 об. дважды; «конечно» — πάντως; аще како о бзѣ въпрашаѥши. то съде оуто . . . съпрашати ти ѥсть 4; «то, конечно, и о том должно спросить, где» 394— πάντος καὶ τὸ ποῦ

оутрь 33 об.; «внутри» 396

оутѧгноути: звѣзда бо звѣзды оутѧгнеть славоѭ 211, I Кор. XV 41; «διαφέρει — разнствует, но переведено в значении: «превосходит» 404; оутѧгнеть всего живота чл҃вкъ 133 об.; «πνεονεκτεῖ — превосходит всех животных, ср. 75 об.»,—400

оухъ: оухъ адонаи гн҃и 104 об.; оухъ мнѣ; 400— οἴμοι

оучиститисѧ: оучистивъшесѧ 38; 394

оушиꙗъ: оушиꙗъ и злодѣи 67 об.; 395

фимиꙗнъ 243 об.; 402— στύραξ (глосса к штѫритъ)

хлакыи: инъ хлакааго инъ же имштааго женоу 54 об.; «безбрачного» 395 — ἀγάμου (см. также въхластити)

хлѣвина: вълѣзи въ хлѣвиноу своѭ 34, Мт. VI: 6; 403 — εἴσελθε εἰς τὸ ταμεῖον

хытростьныи: (книги св. писания) хытростьныꙗ и творитвьныꙗ 204; σοφιστικὰ καὶ ποιητικά; «но 253 книги настнишьныꙗ»

цѣ и 161 об., 186; «хотя» 400 — καίτοι

цѣсарь: не имамы цѣсарꙗ нъ кесарꙗ 195 об., И. XIX 15; 404 — οὐκ ἔχομεν βασιλέα, εἰ μὴ καίσαρα; иезекиꙗ цѣсарꙗ 155 и мн. др,; 397

цѣсарьскыи: цѣсарьскыꙗ кънигы 204, 252; 397 — τὰς βασιλείας

цѣсарьство: «βασιλεία — постоянно цѣсарьство» 397

цѣсарьствиѥ: въ цѣсарьствиѥ нбсьскоѥ 26, 32; 397

цѧта 87 об.; 399 — ὀβολός

чадь: аврамѫ иѡвовоу и двдвоу чадь 91 об.; 399 — τοὺς περὶ τὸν Ἀβραάμ. . .

число 106 об. и др.; 393 (см. чисмѧ)

чисмѧ: чисменьмь 231 об., 237; «но 106 об. и др. числомь» 393

чоуждии: чоуждиимь 81; «в прочих местах постоянно штоуждии» 393

чьпагъ: (образ ефуда) акы чьпагъ златами ништьми сътворено 120 об.; «нагрудник» 395 — δίκην περιστηθίου

чьрствыи: самѣми тѣми (заповедями) чрьствыими 219; «благоприятными, необходимыми к спасению» 401 — καίρα

штоудь 68; «вверху: исполинъ, гигасъ» 402 (см. чоуждии)

штоурнтъ (штюрнтъ): масло и штѫрнтъ 243; «над сим: фимиꙗмъ ζστύραξ, см. также 121, 153»; 402

юбагыи: сапфиръ ѭбагъ ѥсть 153; «пурпурный» 400 — πορυρίζων (И. И. Срезневский восстанавливает только на основании этого примера слово юбагръ, см. сноску 24)

ꙗзньныи: и поꙗсъ имы ꙗзньнѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ 229, М. I 6; «усмен» 403 — καὶ ζώνην δερματίνην.

Приведенные материалы содержат свыше 300 слов. Нетрудно заметить их большое значение для исторической лексикологии древнерусского и старославянского языка. Вместе с тем приведенный перечень ясно показывает огромную ценность для лингвистов самого «Описания рукописей Московской Синодальной библиотеки», цитируемый том которого был издан за 34 года до выхода в свет «Материалов» И. И. Срезневского и за 116 лет до выхода первого выпуска «Словаря русского языка XI—XVII вв.» [25].

---

[25] Словарь русского языка XI—XVII вв., вып. 1 (А—Б). М., 1975.

Р. А. Симонов

ЧИСЛОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г.

Числовые обозначения рассматриваемого памятника дают интересный материал для истории цифр у славян.

Числовому материалу Изборника 1073 г. в начале 20-х годов XIX в. уделял внимание в своей переписке академик А. Х. Востоков. Обсуждались следующие вопросы: 1) начертание знака кириллической шестерки; 2) порядок записи чисел 2-го десятка; 3) начертание знака 900.

О шестерке А. Х. Востоков писал митрополиту Евгению в письме от 21 ноября 1821 г.: «Достойно примечания, что в древнейших памятниках письма словенского, как-то: в Остромировом евангелии, на Тмутараканском камне и в обоих Сборниках XI века, к сему употребляется ѕ, так, как и в позднейшем письме; а в XII и XIII столетиях введено было сие оборотное ꙅ, вышедшее потом опять из употребления» [1].

Впоследствии точка зрения А. Х. Востокова об относительной древности знака ѕ перед ꙅ не была оспорена. Ее поддержал в 1824 г. К. Ф. Калайдович в книге «Иоанн, экзарх болгарский». Рассуждая об употреблении знаков ѕ и ꙅ в качестве шестерки, он писал: «Первое начертание, каковое мы и греки и теперь употребляем, есть, кажется, древнейшее; но в Остромировом евангелии (по свидетельству А. Х. Востокова), между буквами, коими писаны заглавия, встречается однажды ꙅ. И в Изборнике 1073 г., в оглавлении статей: ꙅ҃ Језекилево (также на лист. 237—240 над строками написано киноварью, по два раза, другим, одного времени почерком: ꙅ҃, ꙅі҃, кꙅ҃)» [2].

О порядке записи чисел 2-го десятка в Изборнике 1073 г. речь идет в письме К. Ф. Калайдовича к А. Х. Востокову от 30 июня 1822 г. Отмечается, что последовательность компонентов в записи следующая — «десяток+единицы», указывается пример іѕ҃, с замечанием: «Не так как ныне ѕі҃» [3].

К. Ф. Калайдович в книге «Иоанн, экзарх болгарский» об этом говорил подробнее: «Обыкновение писать первый десяток прежде единиц, которое видно в трех местах послесловия . . , несообразное с нынешним, встречается в древнейших рукописях; так, в Изборнике 1073 года: ріа҃, рів҃, ріг҃, рід҃, ріє҃, вместо раі҃, рві҃ и т. д.» [4]

---

[1] Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке, с объяснительными примечаниями И. Срезневского. — Сб. ОРЯС, т. V, вып. 2. СПб., 1873, стр. 7.
[2] *К. Ф. Калайдович.* Иоанн, экзарх болгарский. М., 1824, стр. 217.
[3] Переписка А. Х. Востокова, стр. 33.
[4] *К. Ф. Калайдович.* Указ. соч., стр. 99.

Фрагмент из греческого сборника начала X в., № 120 (л. 214),
Парижская национальная библиотека

Наличие в кириллических памятниках примеров записи чисел 2-го десятка по правилу «десяток+единицы» впоследствии считалось в русской науке чертой древности. Так, академик И. И. Срезневский в конце XIX в. писал, характеризуя Ефремовскую кормчую: «Цифровое употребление букв представляет также кое-что древнее: для выражения 11, 12, 13 и проч. написано чаще і҃а, і҃в, і҃г, чем а҃і, в҃і, г҃і и проч., как в Изборнике 1073 г., в Пандектах Антиоха XI в. и в некоторых других древнейших рукописях»[5].

О знаке 900 в Изборнике 1073 г. неоднократно упоминается в переписке между А. Х. Востоковым и К. Ф. Калайдовичем. В письме от 19 июля 1823 г. Востоков отмечает, что на л. 250 рукописи, в статье «О Христове рождении» приводится дата «по счислению Антиохийскому от создания мира до Р. Х. 5967 лет /єᙏ҃ѯз/»[6]. Востоков останавливается на оригинальном начертании знака 900: «Начертание ᙏ есть вероятно греческое э, обращенное вниз отверстием. Впоследствии, как видно, писцы заменили начертание сие по сходству, буквою ѧ»[7]. Перед Калайдовичем он ставит вопросы: «Не находили ли Вы где-нибудь, кроме Сборника 1073 года, древнейшее начертание ᙏ? Также ѫ и ѧ числительными знаками 900? и с которого времени, по вашим замечаниям, начали для сего употреблять букву ц?»[8]

К. Ф. Калайдович отвечал 1 августа 1823 г.: «Касательно древнейшего начертания числительного знака 900 я всегда думал, что буква ц иногда заменялась, по неизвестным мне причинам, литерою ѧ, и нигде не встречал вместо оной буквы ѫ»[9]. Калайдович останавливается на графическом облике знака ᙏ =900: «Извольте обратить внимание на сей же самый лист, где не раз встречаются буквы ѫ и ѧ, и вы согласитесь, что вторая числительная литера в показанном годе (ᙏ) имеет более сходства с ѧ нежели с ѫ»[10]. Калайдович сообщал, что знак ᙏ =900 в Изборнике 1073 г. «приписал ошибке писца, в чем и теперь не сомневаюсь»[11]. Востоков с таким объяснением не согласился. В письме, посланном Калайдовичу после 14 августа 1823 г., он писал: «Вы позволите мне быть неодинакового с Вами мнения на счет начертания ᙏ, употребленного в Изборнике 1073 года. Я не думаю, что в оном была ошибка писцова, а разве прихоть. ᙏ слишком отлично от ѧ и от ѫ»[12]. Таким образом, Востоков полагал, что

---

[5] *И. И. Срезневский.* Обозрение древних русских списков Кормчей книги. — Сб. ОРЯС, т. XV, № 2. СПб., 1897, стр. 17.
[6] Переписка А. Х. Востокова, стр. 64.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 65.
[9] Там же.
[10] Там же, стр. 65—66.
[11] Там же, стр. 65.
[12] Там же, стр. 71.

знак ѧ=900 не был случайной опиской, а ставился сознательно под влиянием каких-то представлений (по «прихоти» писца). Однако окончательное решение вопроса он связывал с отысканием других примеров таинственного цифрового знака: «Впрочем, пока не отыщутся другие примеры употребления ѧ для числа 900, кроме одного встречающегося в Изборнике 1073 года, нельзя решить, по одной ли прихоти писец поставил тут сие начертание вм. ѧ, или так следовало писать?» [13]

В «Грамматике церковнославянского языка», которую отделяют от рассмотренной переписки 40 лет, Востоков сообщает, что «юс малый» в значении 900 стал употребляться «в подражание» греческому числовому знаку «сампи» [14]. Вероятно, приведенные выше слова Востокова из письма от 19 июля 1823 г. о сходстве знака ѧ=900, употребляющегося в Изборнике 1073 г., с греческой буквой э, обернутой «вниз отверстием», и есть указание на «сампи». Срезневский разъясняет в примечаниях к этому письму, «что уже тогда Востоков принялся было за обработку материалов Слав(янской) Грамматики» [15]. Однако примера из Изборника 1073 г. ѧ=900 Востоков в изданной «Грамматике» не приводил, хотя цифровой материал этого памятника использовал. Так, он писал в параграфе, озаглавленном «Буквы числительныя»: «Изображения чисел 11, 12 и т. д. с предшествующим десятком **І҃А, І҃В**, сходно с греческим ιά, ιβ и пр. вместо употребительных **А҃І, В҃І** и пр., находится в Сборнике 1073 г.» [16].

Таким образом, через 40 лет после обсуждения вопроса о природе загадочного символа 900 в Изборнике 1073 г. Востоков не указал его в качестве примера употребления варианта «сампи» в древнерусской литературе XI в. Это тем более интересно, так как Востоков уже уверился, что «юс малый» в значении 900 стал употребляться по сходству с «сампи». Дело, по-видимому, в том, что Востокову не были известны другие аналогичные примеры, наличие которых он рассматривал как необходимое условие для решения вопроса о характере таинственного знака ѧ=900.

Поэтому представляют интерес особенности последующего осмысления писцами знака, стоящего на месте сотен в четырехзначном числе в статье «О Христове рождении» Изборника 1073 г. Текст, в котором приводится это число, таков: «Лет 5967 якоже быти от Адама до рождества Христова, и до пропятиа лет — 6 тысяч» [17].

---

[13] Там же, стр. 72.

[14] *А. Х. Востоков.* Грамматика церковнославянского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863, стр. 9.

[15] Переписка А. Х. Востокова, стр. 415.

[16] *А. Х. Востоков.* Грамматика церковнославянского языка, стр. 9.

[17] Изборник Великого кн. Святослава Ярославича 1073 г. СПб., 1880, л. 250. В цитате «буквенные» цифры, применяемые в Изборнике, заменены современными.

Как правильно расшифровал первую часть фразы Востоков, в ней говорится, что «от сотворения мира» («от Адама») по антиохийскому летосчислению до мифического «рождения» Христа прошло 5967 лет. Во второй части, очевидно, речь идет о том, что от той же точки отсчета до распятия Христа прошло 6 тысят лет. Числовые данные допускают арифметическую проверку: 6000—5967=33. Результат соответствует принимаемому церковниками количеству лет, якобы прожитых Христом. Следовательно, математическая проверка показывает, что знак, стоящий на месте разряда сотен в рассматриваемом числе, должен выражать 900. Таким образом, Востоков, Калайдович и другие ученые правильно определяли функциональное назначение символа ⋀ в Изборнике 1073 г. как цифрового знака 900.

В копии, снятой с подлинника Изборника 1073 г. А. М. Ратшиным в 1819 г., хранящейся в Отделе рукописей ГБЛ, собр. Румянцева (Ф. 256), № 356, рассматриваемая дата (5967 г.) приводится на л. 91 второй части текста (пагинация листов обеих частей отдельная). Знак 900 имеет форму «треножника» с небольшой горизонтальной ограничительной черточкой сверху. Он непохож на букву «ж», которая здесь употребляется; см., например, сразу после даты, на следующей строке: «иако же».

Копиист А. М. Ратшин в особом «Объяснении списывателя» отмечал: «Весь Сборник списан, или лучше сказать, снят с подлинника с совершенною точностью . . . С соблюдением того самого почерка, каким он написан в подлиннике» (лл. 102—102 об.). Востоков при описании этой копии указывал: «Переписчик превосходно подражал древнему уставному почерку» [18].

В фотолитографированном по подлиннику издании 1880 г. Изборника 1073 г. дата 6967 г., в отличие от копии Ратшина, не содержит тысячного знака. Однако символ 900 имеет аналогичный вид «треножника» с небольшой горизонтальной черточкой сверху. Буква «ж» в изданном тексте несколько отличается от начертания у Ратшина, но непохожа на «треножник».

Сопоставляя оба источника, служившие цели достаточно точной передачи графических особенностей Изборника 1073 г., заключаем, что знак 900 в них приведен практически одинаково. Это дает основание полагать, что знак 900 указанного типа «треножника» употребляется и в подлиннике Изборника 1073 г.

В Отделе рукописей ГИМ, кроме Изборника 1073 г., хранится древнейший датированный текст, близкий к указанной рукописи. Это Сборник 1403 г. (Син. № 275); число 5967 приводится в нем на обороте первого л. 152 (следующий лист помечен также — 152).

Здесь на месте разряда сотен встречается буква «ж», стоящая в одном ряду с остальными тремя цифровыми знаками под общим титлом. Буква «ж» очень похожа на «треножник», отличаясь

---

[18] *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 499.

от него небольшим возвышением центральной стойки и маленькими и тонкими верхними «усиками». Такое «ж», кроме даты, поставлено в идущем непосредственно за нею слове «иакоже». Следует иметь ввиду, что «ж» в рукописи встречается также и в форме «треножника» (т. е. как знак ⩚ =900 Изборника 1073 г.): без выступающей центральной стойки и с верхними усиками, превратившимися в ограничительную горизонтальную черточку или вовсе без них. Так, на л. 111 указанное «ж» имеется в словах: «тѣмже» (лев. столб., 3 строка св.), «мъже» (лев. столб., 6 строка св.), «на слоужбоу» (прав. столб., 8 стрк. сн.). Следовательно, знак ⩚ =900 типа «треножника» мог писцами осмысливаться как «ж». Числовая запись 5967 рассматриваемой рукописи не оставляет в этом сомнений, так как здесь от такого осмысления писец перешел к «делу», определенно придав цифровому знаку форму буквы «ж». Таким образом, знак, стоящий в указанной дате в рукописи 1403 г., очевидно, является реминисценцией цифры ⩚ =900 типа «треножника», имеющегося в Изборнике 1073 г.

В другом Сборнике — 1519 г., близком по содержанию к Изборнику 1073 г., хранящемся в ГИМ (Барс. № 309), дата 5967 г. приводится на л. 255 об. Здесь так же, как в предыдущем случае, на месте 900 стоит «ж» под общим «титлом» с другими тремя цифрами. Верхние «усики» этой буквы свернуты как бы в маленькие кружочки. Такого типа буква «ж» строкой ниже встречается в словах «до рж/с/тва Х/с/ва».

Аналогичный случай представлен в Сборнике начала XVI в., хранящемся в ГПБ, Кир. 75/1152. Число 5967 приводится на л. 321 об., на месте 900 стоит буква «ж», такого начертания, как в идущем за числом слове «иакоже». Буква «ж» в числе стоит под общим титлом, вместе с остальными тремя цифровыми знаками.

Подобный пример встречается также в Сборнике XVII в. БАН СССР (шифр 33.8.15). На эту рукопись автору было любезно указано проф. К. Куевым. Число 5967 встречается на л. 245 об. (пагинация отсутствует). Буква «ж» на месте 900 стоит под общим титлом с остальными цифрами, начертание того же типа, как «ж» в идущем затем слове «иакоже». Интересно, что слева от даты (на поле) и снизу (между строк) число дважды воспроизведено одним и тем же почерком позднего времени. Оба раза цифра на месте 900 указана иная. На левой глоссе приводится «юс малый», а на нижней — «цы». Оба эти знака употреблялись в разное время (в XV в. — параллельно) в древнерусской практике в качестве 900. Таким образом, маргинальные приписки отражают поиски правильного толкования числа, в котором употреблялась буква «ж», не имевшая в кириллице цифрового значения.

В Сборнике XVII в. (ГИМ, Увар. № 757) на л. 118 об. представлен новый этап осмысления числа 5967 с «ж» на месте 900. Здесь «ж» вынесено из-под титла; вместо одного общего титла их указано два, одно стоит над знаком 5 тысяч, а другое — над двумя последними цифрами — 67. Буква «ж» как бы отделяет

в числе разряд тысяч от десятков и единиц, эта буква имеет начертание, аналогичное «ж» в словах на той же строке: «до рождества».

В Отделе рукописей ГБЛ хранится ряд сборников, содержащих статью «О Христове рождении» с искаженной записью даты 5967 г. (На эти сведения автору было любезно указано сотрудниками Отдела — Л. П. Грязиной, Н. Б. Тихомировым и Н. А. Щербачевой). Это следующие рукописи:

1. «Сборник» 1619 г., собр. Овчинникова (ф. 209), № 108. Дата встречается на л. 215 об.

На месте знака 900 стоит буква «ж» без титла. В таком же начертании она встречается четырьмя строками ниже даты в слове: «також/д/е».

2. Сборник 1891 г., собр. Прянишникова (ф. 242), № 193. Копия рукописи № 108. Дата приводится на л. 218 об. Буква «ж» в ней, как и в предыдущем случае, без титла. Такое же начертание имеет «ж» в словах: «до рож/с/ва Хва» (на той же строке, что и дата).

3. Сборник XVII в., собр. Егорова (ф. 98), № 745. Рукопись по составу близка к Изборнику 1073 г. Дата указывается на л. 230.

4. Сборник XIX в., собр. Рогожск. кладб. (ф. 247), № 16. Текст аналогичен предыдущему. Дата содержится на л. 174.

В двух последних случаях на месте разряда сотен находится частица «же» без титла.

Ошибочная по существу (уменьшенная на 900), числовая запись приобретает грамматически приемлемый облик, читаясь по типу: «лето пятитысячное же 67».

5. Сборник конца XV—начала XVI в., собр. Иосифо-Волок. монастыря (ф. 113), № 496. Текст представляет собой поздний список второй половины рукописи, близкой Изборнику 1073 г. Дата встречается на л. 176; в отличие от рассмотренных случаев, каждый из четырех цифровых знаков имеет свое титло.

На месте 900 в ней стоит буква «люди» под титлом, т. е. знак 30.

Рассмотренные примеры (кроме последнего) с достаточной убедительностью свидетельствуют о трансформации начертания ᴧ\ = 900 по схеме: ᴧ\̄ → ж̄ → ж → же (см. таблицу № 1).

Последний же пример наводит на следующие размышления. Если поставленное в нем на месте сотен Л = 30 является не опиской, а реминисценцией древнего начертания 900, то спрашивается, какой вид этот знак мог иметь в староболгарском прототипе?

Кроме начертания типа «треножника», «сампи» в значении 900 употреблялась в форме, похожей на «лямбду» [19]. В византийском тексте начала X в. (аналогичном Изборнику 1073 г.), хранящемся в Париже, в записи числа 5967 (л. 214) применяется начертание типа «лямбды» с двумя наклонными чертами слева (ксерокопия и

---

[19] *V. Gardthausen.* Griechische Palaeographie, Bd. 2. Leipzig, 1913, p. 369.

Таблица 1

Трансформация начертания знака 900 в списках, близких к Изборнику 1073 г.

Сборник	Место хранения	Шифр	Лист	Передача 900 в числе 5967
Сборник 1403 г.	ГИМ	Син. № 275	152 об. (первый)	«ж» под общим «титлом»
Сборник 1519 г	ГИМ	Барс. № 309	255 об.	«ж» под общим «титлом»
Сборник нач. XVI в.	ГПБ	Кир. 75/1152	321 об.	«ж» под общим «титлом»
Сборник XVII в.	БАН СССР	33.8.15	245 об.	«ж» под общим «титлом»
Сборник XVII в.	ГИМ	Увар. № 757	118 об.	«ж» без титла
Сборник 1619 г.	ГБЛ	ф. 209, № 108	215 об.	«ж» без титла
Сборник 1891 г.	ГБЛ	ф. 242, № 193	218 об.	«ж» без титла
Сборник XVII в.	ГБЛ	ф. 98, № 745	230	частица «же»
Сборник XIX в.	ГБЛ	ф. 247, № 16	174	частица «же»

микрофильм соответствующего листа оригинала рукописи Codex Coislinianus № 120 были любезно предоставлены по просьбе автора Парижской национальной библиотекой). В рукописной же копии, снятой в XIX в. с этого Парижского сборника, хранящейся в ГБЛ (ф. 36, картон 6, ед. хр. 5), на л. 214 неверно указывается знак, стоящий на месте 900, в виде простой «лямбды», т. е. с одной чертой слева. В такой форме «лямбда» употребляется на том же листе в значении 30 (выше и ниже даты).

Р. Нахтигал указывал, что в старославянской цифровой практике употреблялась «сампи» (=900) типа «лямбды» с двумя черточками слева [20]. Потом этот знак мог быть отождествлен со знаком «люди» (=30), как в рукописи Иосифо-Волок. монастыря № 496. Наподобие того, как в копии XIX в. Парижского сборника «сампи» типа «лямбды» с двумя черточками спутали с простой «лямбдой» (=30).

Знак «люди» (=30) на месте ⋔=900 в Иосифо-Волок. сборнике мог появиться в результате случайного или намеренного отбрасывания одной из трех «ног» «треножника». Поэтому важно учитывать другие случаи записи рассматриваемой даты в близких к ней рукописях, например в известном Кирилло-Белозерском Сборнике (ГПБ, Кир.-Бел. 5/1082), условно датируемом 1445 г. (содержащем сохранившееся в тексте имя царя Симеона). Н. Н. Розов установил, что Кирилло-Белозерский и Иосифо-Волоколамский Сборники достаточно близки между собой и в то же время имеют некоторые отличия от других аналогичных списков Изборника 1073 г. В оглавлении обоих Сборников на две главы указано

[20] *R. Nachtigal.* Slovanski jeziki. Ljubljana, 1952, p. XXIV. Русский перевод: *Р. Нахтигал.* Славянские языки. М., 1963, стр. 30.

больше, чем в Изборнике 1073 г., в котором две главы остались непронумерованными [21].

Рассматриваемая дата приводится в Кирилло-Белозерском Сборнике 1445 г. на л. 377 (нижняя карандашная пагинация). Общей с Иосифо-Волоколамским Сборником чертой, отличной от других рукописей, является наличие четырех титл — над каждым цифровым знаком. Другой чертой общности, в то же время идущей в разрез с традицией некоторых других аналогичных по составу рукописей, является указание на месте знака 900 начертания, непохожего на «ж». В Кирилло-Белозерском Сборнике — это «аз» с тысячным знаком. Такое начертание трудно связать со знаком 900 типа «треножника». Значит, «люди» (=30) в Иосифо-Волоколамском Сборнике могло появиться на месте 900 не в результате утраты одной из «ног» «треножника», а как реминисценция знака 900 оного начертания, например «сампи» типа «лямбды». Между прочим, наличие «аза» на месте 900 в Кирилло-Белозерском Сборнике 1445 г. также «увязывается» с «сампи» типа «лямбда» с двумя черточками слева (старославянская форма, по Нахтигалу). Таким образом, появление в этих двух сходных по происхождению списках разных по форме знаков на месте 900 в числе 5967 можно охарактеризовать на основе единого процесса трансформации «сампи» (=900) типа «лямбды» по схеме: ƛ (λ) → ⲁ (Λ).

Имеющиеся данные о распространении текстов, генетически связанных с Изборником 1073 г., целесообразно рассмотреть в сопоставлении с особенностями исторического развития цифровой системы кириллицы [22].

Для представления о том, какой была цифровая система в первоначальной кириллице, важно учитывать нумерацию (по составу знаков и их начертанию) болгарских надписей на греческом языке (VIII—начало X в.). Данные о ней сведены в таблице № 2. Указанные в таблице обобщенные начертания (так же, как в таблицах № 3 и № 4) не отражают почерковые особенности источников, а сохраняют лишь отдельные специфические черты графики (знаки 1, 90, 400, 800). Четыре знака С=200, Х=600, ѱ=700 и 900 отсутствуют в надписях. Правомерность включения в таблицу первых трех обусловлена тем, что остальные имеющиеся в надписях символы соответствуют византийской цифровой практике

[21] *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — Изв. ОЛЯ АН СССР, т. XXVIII, вып. 1. М., 1969, стр. 76—77.

[22] *Р. А. Симонов.* О различиях в цифровой системе старославянских и древнерусских памятников кирилловского письма. — Вопросы истории физико-математических наук. Материалы межвузовской научной конференции. Тамбов, 1968, стр. 4—5; *его же.* О происхождении и историческом развитии цифровой системы, употреблявшейся в древнерусской кириллице. — История и методология естественных наук, вып. XI. М., изд. МГУ, 1971, стр. 138—151; *его же.* Об особенностях цифровой системы, употреблявшейся в кириллических рукописях X—XV вв. — Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей, вып. 1. М., 1973, стр. 205—213.

Таблица 2

Реконструкция цифровой системы болгарской эпиграфики VIII—начала X в. на греческом языке, «унаследованной» старославянской (староболгарской) кириллицей

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
единицы	А	В	Г	Д	Є	S	Z	Н	Ѳ
десятки	I	К	Л	М	N	Ѯ	О	П	Ч
сотни	Р	С	Т	Ѵ	Ф	Х	Ѱ	ѡ	∩ *

* Начертание знака 900 типа «треножника» вызывает наибольшие сомнения.

указанного периода. Символ ∩ типа «треножника» встречается в нерасшифрованной болгарской надписи, где он мог выступать в качестве цифры 900 или каком-то буквенном значении, если эта надпись является криптограммой. Поэтому последний случай следует рассматривать как сомнительный. Отсюда видно, что вопрос о начертании знака 900 оказывается наиболее неясным, по сравнению с другими архаичными цифрами болгарских надписей на греческом языке этого периода.

Традиция употребления византийской нумерации в болгарских надписях на греческом языке (VIII—начало X в.), очевидно, сохранялась в так называемой «первокириллице» и в древнейших кириллических каменных надписях (середина X—начало XI в.). Правда, в последних памятниках византийская цифровая система имеет определенный «славянизированный» облик (поворот шестерки ƨ, который условимся именовать «старославянским»; порядок «единицы+десяток» в записи чисел второго десятка) [23].

Каково место Изборника 1073 г. по содержащемуся в нем цифровому материалу среди старославянских (староболгарских) и древнерусских кириллических памятников? Были рассмотрены сохранившиеся рукописи и письменные фрагменты старославянской и древнерусской кириллицы [24]. Ни одна из сохранившихся старославянских кириллических рукописей X—XI вв. не содержит новых черт, кроме двух, отмеченных выше в качестве особенностей регионального славянского варианта византийской нумерации (поворот шестерки, порядок записи чисел 2-го десятка).

По составу знаков цифровой материал старославянских рукописей, написанных кириллицей, соответствует византийской цифровой традиции, не содержа, однако, цифр 400, 600, 700, 800, 900, т. е. включает 22 цифровых знака из 27 византийских. Набор

---

[23] *Р. А. Симонов.* Византийская нумерация в эпиграфике Первого Болгарского царства и начало славянской письменности. — «Советская археология», № 1, 1973, стр. 71—82.

[24] *Его же.* Письменные материалы VIII—XI вв. как источники изучения математической культуры славян. — История и методология естественных наук, вып. XIV. М., изд. МГУ, 1973, стр. 173—180.

цифр от 1 до 300 встречается в Савв. кн. (без пропусков) и Супр. сб. (с пропусками), в Енинск. ап. имеется наибольшая цифра — 500 (но нет многих промежуточных). Числительное девятьсот, встречающееся в тексте Супр. сб., выражено словесно.

Шестерка имеет византийское начертание ꙅ в рукописях, более других отодвигаемых исследователями в древность: Савв. кн.: Супр. сб. Причем, в Савв. кн. один раз встречается начертание шестерки — ѕ (ЦГАДА, Савв. кн., л. 61 об.), как в старославянской эпиграфике X в., но этот пример на остальном фоне памятника воспринимается как случайная описка переписчика. В других источниках, где зафиксирована шестерка (Лл. Унд., Енинск. ап.), она имеет форму ѕ.

Отклонения от византийского образца проявляются в способе записи чисел второго десятка. Все, за отдельными исключениями, числа второго десятка записываются в старославянских рукописях по правилу «единицы+десяток», т. е. отличному от типично византийского. В Савв. кн. запись чисел второго десятка (в тексте и в заголовках) встречается более 70 раз и только однажды по византийскому принципу (число 12) (ЦГАДА, Савв. кн., л. 44 об.). Аналогичный (единственный) случай отмечен в Енинск. ап. (число 11). В Супр. сб., где числа второго десятка приводятся около 20 раз, трижды попадается запись по византийскому правилу. В остальных источниках, где есть числа второго десятка (Лл. Унд., Хиланд.), — славянский порядок. На этом основании можно заключить, что типично византийский принцип записи чисел второго десятка в старославянских кириллических рукописях представлен в качестве пережитка.

В 24 древнерусских рукописях, в основном XI в., а также отдельных текстах рубежа XI—XII вв. цифровой материал представлен следующим образом (без учета датировочных приписок).

По составу цифры в основном охватывают знаки от единицы до пятисот, как и в старославянской литературе X—XI вв. Исключение составляет Изборник 1073 г.; именно здесь встречаются новые для старославянских рукописей цифры 400 и 900. Знаков для 600, 700 и 800 в тексте рассмотренных источников (т. е. без учета датировочных приписок) не обнаружено.

Употребление шестерки в двух начертаниях в одном источнике является редкостью. В Путятиной минее примерно в четверти случаев шестерка встречается в византийском начертании, а в остальных — в старославянском. Кроме Путятиной минеи можно указать Остромирово евангелие 1056—1057 гг., а также Изборник 1073 г., где эпизодически встречается старославянский поворот шестерки на фоне устойчивой византийской традиции. В целом по рассмотренным рукописям XI и рубежа XI—XII вв. старославянский поворот шестерки применяется примерно в три раза чаще, чем византийский. С учетом того, что в самой древней датированной рукописи Остр. ев. 1056—1057 гг. представлена византийская форма шестерки, а в Арх. ев. 1092 г. — старо-

славянская, впоследствии закрепившаяся в древнерусской практике, можно считать относительной чертой древности — употребление византийского начертания шестерки.

Числа 2-го десятка встречаются в 16 рассмотренных источниках; в трех из них порядок компонентов смешанный. Славянский порядок компонентов при записи чисел 2-го десятка употребляется относительно чаще, чем славянский поворот шестерки. Причина может быть та, что при этом действовали одновременно, усиливая друг друга, два фактора: старославянское влияние и местные особенности, в частности языковые, так как структура старославянских и древнерусских числительных 2-го десятка совпадала.

Рассмотренные памятники по традициям записи цифр подразделяются следующим образом. «Чисто» византийского типа по начертанию всех цифр и порядку компонентов чисел 2-го десятка рукописей нет. В Изборнике 1073 г. шестерка в подавляющем большинстве случаев имеет византийское начертание, порядок компонентов чисел 2-го десятка представлен преимущественно византийским типом. Другого рукописного источника XI в., столь «византизированного» в цифровом отношении, указать нельзя, ибо нет необходимой полноты данных (см. табл. № 3).

Таблица 3

Цифровая система Изборника 1073 г. *

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
единицы	а	В	Г	Д	Є	Ѕ > г	ʒ	Н	Ѳ
десятки	І	К	Л	Т	N	Ѯ	О	П	Ϛ
сотни	Р	С	Т	У	Ф	(Х)	(Ѱ)	(Ѡ)	Ц

* В скобках указаны отсутствующие в тексте обозначения 600, 700, 800. Знаком «больше» выражено преимущественное употребление в рукописи византийского начертания шестерки Ѕ перед «старославянским» г.

Прежде чем делать выводы, отметим, что важная предпосылка о том, что между греческим оригиналом, возможно рубежа IX—X вв., и Симеоновым протографом начала X в. существовала общность в цифровых обозначениях, основана на конкретном анализе большого числа данных о византийской нумерации в Болгарии и Руси и вытекает из них как необходимый результат.

В этой связи небезынтересным является обращение к составленной Л. Мазингом в 80-х годах прошлого века сопоставительной таблице нумерации глав различных списков, близких к Изборнику 1073 г. [25] Таблица показывает, что цифровые обозначения по на-

[25] *L. Masing*. Studien zum Kentniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. Archiv für slavische Philologie, Bd. IX (продолжение, начало статьи — в т. VIII). Berlin, 1886, S. 79—112.

чертанию и употреблению соответствуют времени переписки рукописей (древнейший из рассмотренных Л. Мазингом — Сборник 1403 г., ГИМ, Син. № 275). Так, шестерка указана в начертании ꙅ, а порядок чисел 2-го десятка приводится по славянскому правилу: «единицы+десяток». Только в одном памятнике — Кирилло-Белозерском Сборнике 1445 г. — Мазинг отмечает отклонение от этого правила. Здесь дважды в записи чисел 17 и 18 на л. 56 об. представлен обратный порядок «десяток+единицы», что является чертой древности. По-видимому, эти примеры остались от времени старославянского (или начального древнерусского) прототипа Кир.-Бел. Сборника, в котором византийская цифровая традиция была представлена полнее.

Имеющиеся в Кир.-Бел. ус. 1445 г. и Иосифо-Волок. Сборниках искаженные начертания знака 900 могут свидетельствовать о том, что на Руси не употреблялся приведенный в староболгарском тексте знак 900 типа «лямбды» ⅄ (λ). В процессе копирования русскими писцами этого непонятного начертания и возникли примеры его ошибочной цифровой интерпретации в форме «аза» с тысячным знаком под «титлом» и графемы «люди» под «титлом».

Анализ цифрового материала подтверждает наличие двух направлений в распространении Симеонового сборника на Руси. Одно направление ведет начало либо от самого Симеонового протографа начала X в., либо от близкого к нему по времени старославянского списка. Оно представлено в древнерусской литературе Кир.-Бел., Иосифо-Волок. Сборниками и, возможно, некоторыми другими рукописями. Второе направление связано с появлением в 1073 г. Изборника Святослава как древнерусской редакции либо Симеонового протографа, либо близкого к нему старославянского списка. Редакция коснулась не только словесного текста, но, очевидно, и цифрового материала. Так, по-видимому, знак 900 типа «лямбды» ⅄ (λ) в соответствии с древнерусской цифровой практикой был заменен начертанием типа «треножника» ѧ=900.

Существование соответствующей традиции на Руси в XI в. можно связать с употреблением позже «юса малого» как знака 900. Так, в древнейшем сохранившемся списке Хроники Георгия Амартола конца XIII (?) — начала XIV и XIV в. (ГБЛ, ф. 173, № 100) применяется «юс малый» в значении 900. Как полагал акад. В. М. Истрин, это произведение было переведено на Руси в середине XI в. непосредственно с греческого, минуя старославянский посредник. В древнерусском переводе Хроники знак 900 мог выглядеть наподобие употребленного в Изборнике 1073 г. «треножника», который в последующих списках Хроники был заменен на «юс малый» (=900). Если считать, что традиция «юса малого» (=900) существовала на Руси уже в середине XI в., то и в Изборнике 1073 г. «юс малый» (=900) также должен был применяться. В действительности же оказывается употребленным

загадочный «треножник». В таком случае его появление можно объяснить, как предлагал А. Х. Востоков, прихотью писца.

Кажется логичнее возможность более позднего появления «юса малого» как знака 900 в связи с предварительной традицией употребления «сампи» типа «треножника». Знак 900 подобного начертания применялся не только в Византии, но и другими народами в письменности, имевшей греческую основу. Таковым является письмо, созданное епископом Вульфилой для восточногерманских готских племен в IV в. Сохранившиеся тексты V—VI вв. содержат знак 900 типа «треножника». Как говорилось выше, может быть, он был представлен в болгарской эпиграфике на греческом языке VIII—начала X в. Этот знак, возможно, был известен греческому, а также негреческому (аланы, хазары и пр.) населению Северного Причерноморья, Северного Кавказа и Крыма в период активного проникновения Киевской Руси в эти районы в X в.

Посредством этих контактов, а также прямых связей с Константинополем, существовавших и периодически усиливавшихся на протяжении IX—X вв., на Руси еще до принятия христианства могла получить распространение византийская нумерация.

Указанная концепция подтверждается существованием во второй половине XI в. цифрового «двуязычия» на Руси: византийской традиции в «чистом» виде и ее старославянского варианта. Византийская цифровая практика представлена в древнерусской эпиграфике и датировочных записях рукописей — в большей чистоте по сравнению с книжными текстами, где превалирует старославянский цифровой «язык».

По-видимому, традиция употребления «юса малого» (=900) на Руси является развитием существовавшей ранее византийской цифровой практики с «сампи» типа «треножника». Если предполагать, что «треножник» имелся в старославянском тексте, восходящем к Симеонову сборнику начала X в., то такой единственный случай не мог бы привести к утверждению «юса малого» как знака 900 в древнерусской письменности. Об этом, в частности, свидетельствует трансформация «треножника» в русских списках, близких к Изборнику 1073 г., шедшая не по пути его «превращения» в «юс малый», а в направлении отождествления с буквой «ж».

Кроме того, традиция «сампи» типа «треножника» на Руси до 1073 г. с последующей заменой на «юс малый» (=900) косвенно подтверждается более ранним переводом Хроники Георгия Амартола, в древнейшем списке которого XIII (?)—начала XIV и XIV в. представлен «юс малый» (=900).

Следует иметь в виду, что «юс малый» как знак 900 не зафиксирован в старославянской литературе, тогда как его содержат древнерусские списки, восходящие к XI—XII вв., а в памятниках конца XIII—XIV вв. он встречается регулярно. В южнославянской же кириллической литературе по крайней мере не позже рубежа XII—XIII вв. употреблялся знак ц=900. Он в дальней-

шем здесь применялся устойчиво, а с конца XIV в. распространяется в древнерусской цифровой практике, вытеснив впоследствии «юс малый» как знак 900.

Подводя итог проведенному исследованию, можно заключить, что, вероятно, староболгарский прототип Изборника 1073 г., относившийся к правлению царя Симеона (893—927), содержал цифровую систему «чисто» византийского типа, включая запись чисел 2-го десятка (см. табл. № 4). Это соответствует данным «первокириллических» эпиграфических надписей и Доксовой приписки, восходящих к симеоновой эпохе. В последующие примерно полтора столетия у южных славян произошел «сдвиг» в нумерационных представлениях; уже в X в. типичным стал «старославянский» поворот шестерки ѕ, а числа второго десятка записывались и в соответствии со «славянским порядком» — «единицы+десяток». Цифровая традиция Изборника 1073 г. крайне слабо отражает указанный «сдвиг». Для Изборника 1073 г. является нетипичным употребление старославянского варианта шестерки ѕ, а также редкой запись чисел второго десятка по правилу «единицы+ +десяток».

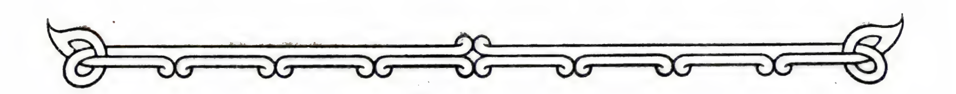
Таблица 4

Реконструкция цифровой системы Симеонова протографа начала X в.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
единицы	а	В	Г	Д	Є	Ѕ	ʒ	Н	Ѳ
десятки	І	К	Л	М	N	Ѯ	О	П	Ϛ
сотни	Р	С	Т	У	Ф	Х	Ѱ	Ѡ	λ (λ)*

* Начертание знака 900 типа «лямбды» вызывает сомнение.

Высокий уровень «византизации» цифрового материала Изборника 1073 г., по-видимому, нельзя объяснить исключительно влиянием соответствующих черт протографа. Надо учитывать «поле» древнерусских цифровых представлений, которое существовало в 1073 г. То, что в Изборнике 1073 г. мало отражены старославянские цифровые особенности (в начертании шестерки, порядке записи чисел 2-го десятка), может свидетельствовать о сохранении на Руси во второй половине XI в. сравнительно прочных византийских цифровых традиций. Этот вывод согласуется с данными древнерусской цифровой эпиграфики и датировочных приписок в рукописях.



ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ИЗБОРНИКА 1073 Г.

В. Б. Гиршберг

ЧЕЛОВЕК В ЗНАКАХ ЗОДИАКА ИЗБОРНИКА 1073 Г.

В Изборнике 1073 г., наряду с миниатюрами общепринятого назначения и обычной для пергаменной рукописи техники, имеются рисунки совершенно иного характера. Среди них особый интерес представляет зодиакальный цикл. Полный цикл из двенадцати фигур является рисунком на полях, целиком занимает нижнее поле разворота лл. 250 об. — 251 и поднимается до половины высоты по левому полю 250 об. и по правому полю л. 251.

Четыре знака переданы человеческими изображениями: Стрелец, Водолей, Близнецы (л. 250 об.) и Дева (л. 251). Таким образом, разворот насыщен человеческими изображениями неравномерно. Но на каждом листе — по шесть фигур зодиакального круга, чем достигнута симметрия в общем расположении знаков.

Рисовальщик не придерживался принятого в рукописи мартовского года. Так, его композицию открывает Стрелец, соответствующий ноябрю, или девятому месяцу по мартовскому счету. Далее следует Водолей — январь, или одиннадцатый месяц. Затем идут: Овен (март—первый), Телец (апрель — второй), Близнецы (май — третий), Лев (июль — пятый). Все эти знаки помещены на л. 250 об. На л. 251 цикл продолжен изображением Весов (сентябрь — седьмой), далее помещен Рак (июнь — четвертый), Дева (август — шестой), Скорпион (октябрь — восьмой), Рыба (февраль — двенадцатый) и Козерог (декабрь — десятый).

Следовательно, изображая в перечисленном порядке фигуры знаков зодиака, рисовальщик руководствовался не принципом их расположения по мартовскому году, как это было сделано в тексте рукописи, а исходил из своих собственных композиционных, художественных и смысловых толкований. Зодиакальный цикл Изборника многообразен. В него включены изображения людей, а также реальных и фантастических животных.

Основная проблема, которая встает при разработке данной темы, является авторство композиции зодиакального цикла, столь отличной по манере и осмыслению от большинства миниатюр

рукописи. Рисунки знаков зодиака носят ярко выраженный индивидуальный характер, что подтверждается тщательным стилистическим анализом и некоторыми сопоставлениями.

Имя дьяка [1] Иоанна, возглавлявшего создание рукописи и непосредственно выполнившего часть ее текста, известно из записи об окончании работы (л. 263 об.). Имя второго писца, трудившегося над текстом с середины первого столбца л. 86 и до конца книги, осталось неизвестным.

Совершенно очевидно его подчиненное по отношению к Иоанну положение [2]. Но именно на листах, переписанных этим вторым писцом, находятся фигуры знаков зодиака. Фигуры зодиакального цикла созданы в совершенно иной манере, чем, например, заставки и выходные миниатюры, исключая миниатюру, изображающую семью великого князя Святослава. Такая манера впервые встречается в русской книжной иллюстрации на пергамене. Рисунки нанесены на листы без предварительной грунтовки, что принципиально отличает их от широко принятой техники выполнения миниатюр на пергаменных рукописях [3]. Зодиакальный цикл носит характер свободного рисунка, «заметок» на полях, что более всего сближает его со свободным рисунком в общепринятом смысле этого слова. Техника, подобная акварели [4], более всего подходила автору зодиакального цикла и была им избрана, видимо, из желания сделать изображения более легкими.

Одновременность создания рисунков и подписей к ним, русизмы в орфографии подписей к фигурам «ЛЕВЪ» (л. 250 об.) и «РЫБА» (л. 251), непосредственность общей композиции разворота, исключающая скованность копирования, — позволяет высказать предположение, что зодиакальный цикл создан русским мастером самостоятельно, а не скопирован с уже имевшегося.

Пропуск в тексте месяца мая (л. 250 об.) и наличие изображения на полях зодиакального знака «БЛИЗНЕЦЫ» лишний раз указывает на то, что иллюстрация зодиаков велась по памяти. Последняя не подвела художника, и лакуна в тексте была восполнена изображением на полях. Основной писец, принимая листы своего помощника, не исправил ошибки. Может ли это указы-

---

[1] Не отрицая возможной принадлежности Иоанна к церковной среде, считаем методически единственно правильным употреблять при его имени термин дьяк («диакъ»), даваемый рукописью. Трансформация этого термина при имени писца Иоанна в слово дьякон явится искажением текста одного из древнейших русских датированных документов — рукописи Изборника 1073 г.

[2] Подробнее о взаимоотношении писцов Изборника 1073 г. см *Н. М. Каринский.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 10—11.

[3] О технике изготовления миниатюр на пергамене см. *В. Н. Щепкин.* Учебник русской палеографии. М., 1918, стр. 80; *его же.* Русская палеография. М., «Наука», 1967, стр. 92.

[4] *Н. П. Кондаков.* Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб, 1906, стр. 119—120.

Изборник 1073 г., л. 250 об., левое поле; знаки зодиака: Стрелец и Водолей. Фототека ГИМ, негатив № 9004

вать на авторство Иоанна рисунков зодиаков? Построение рисунка, характер техники его выполнения не выделяют Близнецов из остальных знаков. Следовательно, у всего цикла лишь один автор. По всей вероятности, это — второй, подчиненный дьяку писец, так как подписи над знаками сделаны его почерком, а не почерком Иоанна, и одновременно с исполнением рисунков. Очевидно, второй писец — начитанный, эрудированный человек, обладавший несомненным дарованием рисовальщика. Зодиакальный цикл Изборника начинает и датирует 1073 г. историю русского рисунка на писчем материале, а также начальный период развития русского рисунка водяными красками.

Вопрос о разновременности создания текста Изборника и фигур знаков зодиака совершенно снимается благодаря сходству краски, взятой для подписей, букв самого текста и контура рисунка фигур, а также в связи с совпадением палеографических примет основного текста и подписей к рисункам.

В недавно вышедшей статье Г. И. Вздорнов коснулся рисунков на полях Изборника. Он характеризовал их как «контурные слабо подкрашенные рисунки на полях Изборника Святослава 1073 года» (ГИМ, Син., № 31д) [5]. Такое определение неточно. Контур действительно существует. Его линии даже шире, чем на миниатюрах той же рукописи. Но в цветовом отношении рисунки звучны. Их краски сравнительно мало пострадали, несмотря на свой 900-летний возраст. Краски локальны, однако они несут заметные следы нюансировки одного тона и во многих случаях моделируют объем, что видно не только при изучении самого подлинника, но даже и по изданию Изборника 1880 г. [6] Особенно нюансировка цвета и моделирование объемов заметны на человеческих фигурах, а также в знаках Овена, Льва, Весов, Рака, Скорпиона, Рыбы и Козерога. Н. П. Кондаков, отмечая чистоту и прозрачность красок в Изборнике, писал, что «прежде всего они взяты и превосходно скомпанованы в своеобразных легких полутонах, таковы: бледно-пепельная, бледно-голубая, светло-зеленая, светло-коричнево-розовая, светло-каштановая. Словом, по краскам Изборник Святослава так относится к миниатюрам Трирской псалтыри и к Остромирову евангелию, как акварель к масляной живописи» [7].

Известный болгарский ученый Н. Мавродинов указывал на манеру изображения круто выпяченной груди у животных как на специфический признак болгарских памятников [8].

Между тем известны памятники средней полосы Севера Руси X—XI вв., в которых животные, особенно птицы, изображались

[5] *Г. И. Вздорнов.* Рисунки на полях Типографского устава. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., «Наука», 1972, стр. 90.

[6] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. ОЛДП, IV, иждивением. . . Т. С. Морозова. СПб, 1880.

[7] *Н. П. Кондаков.* Указ. соч.; ср. *В. Н. Щепкин.* Миниатюра в русском искусстве дотатарского периода. Savia, VI, 4. Praha, 1928, стр. 749.

[8] *Н. Мавродинов.* Старобългарското изкуство. Изкуствoто на Първото българско царство. София, 1959, стр. 126.

с сильно выпяченной грудью [9]. Интересно, что ни Овен, ни Телец, ни Лев, ни Козерог в Изборнике круто выпяченной груди не имеют, что подтверждает южнорусское происхождение мастера, их создавшего.

Каждая из фигур зодиакального круга имеет около себя звезду, а не соответствующее созвездие. Схема построения звезды следующая: тело звезды всегда представлено окружностью. В этом теле или находится вторая, меньшая, окружность, центр которой совпадает с центром большей (например, в знаках Стрелец и Водолей), или центром является точка, что часто наблюдается в остальных знаках. От большей окружности во вне отходят треугольные лучи, треугольники равнобедренные с узким основанием. Между этими лучами помещены лучи-сияния в виде радиальных черточек, отходящих от большой окружности. Таким образом, в начертании звезд ясно проступает форма астрального знака, прочно вошедшего в сознание человека с древнейших времен.

Восьмилучевые звезды, по форме напоминающие позднейшие изображения звезды «Вифлиемской», довольно часты в сценах Рождества, Крещения, Преображения и других [10], а также на одеждах Богородицы с младенцем.

В Изборнике звезды изображены контуром, той же краской, что и контуры фигур и буквы основного текста. Затем подкрашены киноварью. С течением времени киноварь потерлась, а кое-где спала. Изображение звезд, таким образом, является естественным подтверждением христианизации зодиакального цикла; он дошел до наших дней без каких-либо принципиальных изменений.

Христианизация зодиакального цикла проявилась и в расположении фигур. Выше указывалось, что цикл открывает фигура Стрельца, т. е. девятого месяца мартовского календаря, принятого в рукописи. Если бы автор композиции строго придерживался текста Изборника, то на первом месте он изобразил бы Овена, соответствовавшего месяцу марту: аовьнъ м(ѣ)с(ѧ)ца марта. ка. приѥмлетъ слъньце [11].

Фигура Стрельца расположена на левом поле л. 250 об. между двенадцатой и двадцатой строками. Над фигурой на уровне промежутка между десятой и одиннадцатой строками помещена надпись: «СТРЪЛЬЦЬ». Цвет букв подписи и краска, которой сделана подпись, одинаковы с цветом и краской букв основного текста рукописи. При сравнении можно обнаружить близость в начертании букв данной подписи и слова «СТРЪЛЬЦЪ» в четвертой строке левого столбца л. 251.

---

[9] *В. М. Василенко.* Славянское язычество. — Декоративное искусство, 1968, № 2, стр. 20—21; *Г. К. Вагнер.* Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., «Наука», 1974, стр. 58.

[10] *Н. Покровский.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892.

[11] Изборник 1073 г., л. 250 об., правый столбец, 23—25 стр. св.

«Охота на медведя», фреска XI в. Софии Киевской

Так, петля буквы «Р» несколько уплощена внизу и лежит на уровне строки; петли «ѣ» почти треугольны; перекладина «ѣ» лишь немного не доходит до верха строки, а вертикальный стержень буквы очень незначительно выдается над строкой; все буквы слегка наклонены вправо, что подтверждает руку второго писца [12].

Стрелец представлен фигурой пешего воина, стоящего почти фронтально в легком повороте влево. В его левой руке — большой лук сложной конструкции; в правой — стрела, наложенная на тетеву, которую Стрелец оттягивает. Наконечник стрелы — двурогий [13].

Таким образом, в начале галереи зодиакальных знаков, иллюстрирующей текст Изборника, поставлен небесный воин, долженствующий поражать стрелами зло и охранять мир. Видимо,

---

[12] Ср. *Н. М. Каринский.* Указ. соч., стр. 10—11.

[13] «В Изборнике Святослава 1073 года на полях имеется рисунок с подписью «Стрельц», изображающий человека с луком и стрелой, снабженной двурогим наконечником» (*В. А. Мальм.* Промыслы древнерусской деревни. — Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ, вып. 32. М., 1956, стр. 109 и рис. 1—5, 7). В. А. Мальм ссылается на л. 250 об. подлинной рукописи Изборника, хранящейся в ГИМ. В фототеке ГИМ хранятся негативы № 9004 и 9006 подлинной рукописи с листов 250 об. и 251. С этих двух негативов в нашей работе приводятся отпечатки знаков Стрельца, Водолея и Близнецов, а также Девы, Рыбы и Козерога. Необходимо отметить также, что в фототипическом издании Изборника, вышедшем в 1880 г., стрела в изображении зодиака «Стрелец» отсутствует.

для усиления охранительной функции небесного стрелка, его голову окружает нимб (символ святости), а стрела ему вручена двурогая. По сравнению с обычной она имеет большую площадь поражения [14] и является, следовательно, более эффективным оружием в борьбе со злом.

Луки сложной конструкции известны человечеству с глубокой древности. Еще в древнем Египте они изображались на рельефах дворца ассирийского царя Ашурбанипала, на поясных бляхах Триалети и Самтавро, на античных вазах различных стилей, на рисунках скифов и сарматов, обнаруженных на территории СССР. Такие луки есть на позолоченной поясной бляхе из с. Ловеч в Болгарии, на передней стенке сундучка из Терачино, на миниатюрах греческой псалтири IX в. из собрания Хлудова (ГИМ), в рисунках Утрехтской псалтири, а также среди военных сцен на миниатюрах мадридской рукописи Иоанна Скилицы и ватиканского списка Манасиевой хроники.

На серебряной оковке турьего рога из Черной могилы имеется изображение лука, похожего на лук Стрельца. На основании археологических материалов черниговских курганов Б. А. Рыбаковым создана реконструкция русского сложного лука, также очень близкая оружию Стрельца [15]. Среди инвентаря этих же курганов обнаружены и двурогие наконечники стрел [16]. В 1966 г. А. Ф. Медведев классифицировал огромный археологический материал VIII—XIV вв., относящийся к лукам и стрелам [17], и пришел к выводу, что двурогие стрелы появились на рубеже нашей эры в Прикамье и употреблялись во всей Восточной Европе до позднего средневековья. Они были широко распространены также в Сибири и на Кавказе. Кенигсбергская летопись на одной из миниатюр имеет изображение двурогой стрелы (л. 217 об., нижняя миниатюра). Таким образом, можем предположить, что формы оружия, данные художником Стрельцу, одновременны написанию Изборника и широко применялись на Руси X—XI вв.

Даже в более поздних памятниках русского искусства, например, на иконе Новгородской школы конца XIV в. в руках Дмитрия Солунского находим большой лук сложной конструкции [18]. Сложный лук изображен также на рогатине великого князя тверского, Бориса Александровича (1425—1465).

Примечательна одежда Стрельца: кафтан с широким круглым красным воротником и длинными рукавами, облегающими руку;

---

[14] *А. В. Арциховский*. Древнерусская миниатюра как исторический источник. М., 1944, стр. 21; *Б. А. Рыбаков*. Древности Чернигова. МИА, № 11. М.—Л. 1949, стр. 40.

[15] *Б. А. Рыбаков*. Указ. соч., стр. 36 и рис. 11.

[16] Там же, стр. 40.

[17] *А. Ф. Медведев*. Ручное метательное оружие VIII—XIV веков (лук, стрелы, самострел). М., 1966.

[18] *В. И. Антонова*, *Н. Е. Мнева*. Каталог древнерусской живописи, т. 1. М., 1963, стр. 96 и илл. 51. (ГТГ, инв. 22946).

рукава у кистей оканчиваются широкими, плотно прилегающими обшлагами красного цвета; полы кафтана, видимо, для большей свободы движения, спереди подобраны, лишь сзади они развеваются, что видно не только благодаря контурному рисунку, но и по остаткам краски. Грудь небесного воина прикрыта железным панцирем. Несмотря на то, что кафтан и панцирь переданы одним и тем же голубым цветом, жесткие очертания торса (плечи, бока, пояс) позволяют предполагать наличие именно панциря. Об этом свидетельствует и хорошо сохранившаяся на торсе цвето- и светомоделировка круглых (жестких по фактуре) объемов. Узкие штаны, заправленные в сапоги, сохранили слабые следы желтой краски с красноватыми тенями. На ногах Стрельца — высокие голубые мягкие сапоги без каблуков. Их голенище спереди выше и почти закрывает коленный сустав, а сзади вырезано и плавной линией спускается к икре.

Цветовая гамма в изображении Стрельца следующая: красновато-коричневым, как и текст рукописи, дается подпись — «СТРѢЛЬЦЬ»; ярко моделированные кудри, борода и усы; объем лица слева, контур глаз. Желтым — нимб, бедра, часть правой голени и внутренняя сторона кафтана, свешивающаяся сзади. Красным обведен контур шеи, дан румянец щек, сделаны круглый ворот и обшлага, чуть тронуты колени. Голубым — кафтан и панцирь, сапоги, левый глаз. Серым — бицепсы, часть груди и бедер.

Рисунок Стрельца в целом, впрочем как и все знаки зодиака, производит впечатление очень наивного изображения, сделанного человеком, рисование для которого не является его специальностью. Так, соотношение частей тела небесного воина далеко не идеально: голова слишком велика; шея тоньше и длиннее, чем нужно; короткие ноги и грузный торс — все это делает Стрельца диспропорциональным. Однако движение передано достаточно точно и живо, а незначительные погрешности рисунка лишь придают ему яркую непосредственность, подчеркивая «земной» характер образа.

Фигуре Стрельца довольно трудно найти прямые аналогии, даже поздние. Более или менее близкой из них является изображение охотника на медведя на фреске Софии Киевской (XI в.). Там представлен конный охотник, обернувшийся назад и поражающий зверя копьем. Охотник одет так же, как наш Стрелец: кафтан с круглым воротом, узкие обшлага рукавов. На нем нет панциря, поскольку торс облачен во что-то мягкое, что очень хорошо показано художником. Кафтан не подоткнут, как это и требуется в данной ситуации. Сапоги такие же мягкие, голенища короче и шире, обрезаны ровно. На голове — мягкая шапка с остроконечным верхом.

Итак, это изображение близко по костюму одежде Стрельца, что особенно ценно, поскольку известно, что фреска с охотником на медведя сделана русским мастером.

Рисовальщик знаков зодиака несомненно был знаком с византийским искусством. Более того, воителю, почти святому (вспомним нимб), он придал некоторые канонические, «иконные» детали, нарисовав, например, сапоги, по форме более близкие к византийским, нежели русским. Для сопоставления укажем миниатюру, Менология Василия II, где император представлен в рост, одетый в красные сапоги, которые спереди закрывают коленный сустав, а сзади спускаются к икре.

Из поздних аналогий одежде Стрельца в византийских памятниках укажем миниатюры мадридской рукописи Иоанна Скилицы. На одной из них, изображающей убийство дуки Григория Таронита, сапоги убитого напоминают обувь Стрельца [19]. Такие же сапоги имеет второй конный воин, изображенный на миниатюре «Магистр Никифор Уран нападает на лагерь царя Самуила при реке Сперхей» [20].

Зодиакальный знак Стрельца обычно изображается в виде Кентавра. Очевидно, и наш художник был знаком с древнегреческим мифом о Кентаврах. Человек, как высшее существо, всегда побеждал Кентавра-полузверя.

Видимо, отсюда проистекало желание автора знаков зодиака изобразить нечто более совершенное. И он представил Стрельца совсем иным, наделив его чисто человеческими качествами, хотя традиционное изображение зодиакального знака Стрельца, т. е. Кентавра, было иным как в памятниках христианского Востока, так в Византии и на Западе.

На левом поле л. 250 об., около строк 21—27, непосредственно под знаком Стрельца, изображен знак Водолея [21]. Над ним подпись «ВОДОЛѢИЦЬ». Несколько выше, у левого сапога Стрельца, изображена звезда. По очертаниям она во всем подобна звезде первого знака зодиака данной рукописи, но почти не сохранила киноварной окраски. В подписи буквы «Ѣ» и «Ц» сходны с такими же буквами подписи первого знака, что говорит об одной руке, писавшей обозначения к рисункам.

Водолей представлен мужской поясной полуфигурой, изображенной строго фронтально по отношению к зрителю. Голову его обрамляет нимб, подобный нимбу Стрельца, головного убора нет. Волосы переданы двумя несмыкающимися линиями, верхняя из которых имеет следы моделировки объема и придает форму прическе. Уши не закрыты волосами. Водолей изображен без бороды и усов. Шеи его почти не видно, так как голова посажена низко, а плечи приподняты. Покрой верхней одежды Водолея отличается от одежды Стрельца. Подчеркнуто повышенные плечи позволяют говорить о вшивном рукаве тяжелого верхнего платья; рукава

[19–20] Изображения миниатюр см. *Ат. Божков.* Миниатюри от мадридския ръкопис на Йоан Скилица. София, 1972, рис. 73, 74, 77.

[21] Напоминаем, что изображение Водолея в настоящей статье приводится с негатива ГИМ, № 9004, сделанного при фотографировании подлинного рисунка зодиакального знака Изборника 1073 г.

узкие, с облегающим обшлагом, но не красным, как у Стрельца, а одного цвета с одеждой, т. е. голубым. Красный круглый воротник, украшающий одежду Стрельца, у Водолея отсутствует; ворот изображен прорезанным в центре спереди, обнажая шею и незначительную часть груди, переданных краской телесного цвета. Можно предполагать, что на Водолее не кафтан, а скорее кожух, застегивающийся спереди на парные застежки, подобные обнаруженным в кургане «Гульбище» (первая половина X в.) [22].

Своеобразна поза Водолея. Плечи высоко приподняты, руки, согнутые в локтях, приближены к телу. Кисти рук — перед грудью. Кисть левой руки тыльной стороной обращена к зрителю, незначительно расставленные пальцы ее слегка согнуты. Пальцы правой руки собраны в несомкнутую горсть.

Лицо Водолея очень выразительно. Глаза — большие, светлые, широко открыты, взгляд обращен прямо на зрителя. Несмотря на свою суровость, даже строгость, глаза излучают свет.

Под локтями Водолея — плавно очерченное пространство в виде овала. Оно едва намечено. Контур слабый. Именно это место рисунка наименее сохранилось.

Под правой рукой Водолея плавно изогнутая линия, видимо, передающая профиль: устье, шейку и верхнюю часть плечиков сосуда. Из-за плохой сохранности рисунка это утверждать трудно. Основываясь на иконографической традиции, идущей от античной поры, по которой Водолея всегда изображают с сосудом [23], можно думать, что таковой был представлен на рисунке Изборника. Причем линия контура рисунка сосуда определенно указывает на типичный славянский горшок, хорошо известный по многочисленным археологическим материалам на землях, населенных славянами [24].

Если Стрелец охраняет небо и поэтому более устремлен в космос, нежели к земле, то Водолей не только обращен именно к ней, но и источает на находящихся под небом (т. е. исповедующих христианскую веру) свою благодать. Здесь произошло явное разделение единого христианского божества. Это граничит с ересью, однако вполне понятно для общества, еще не отошедшего от язычества, общества, в котором слои, даже принявшие новую веру, еще плохо представляют ее тонкости.

Именно вследствие такого разделения Стрелец помещен первым, а за ним идет Водолей. И только эти две фигуры зодиакального цикла, Стрелец-охранитель и Водолей — напоитель стражду-

---

[22] Ср. *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., стр. 37 и рис. 13. Б. А. Рыбаковым предложено размещение обнаруженных в кургане «Гульбище» застежек на одежде, основанное на материалах гуцульской этнографии (см. также рис. 12).

[23] См. *Е. К. Редин.* Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916, стр. 129—130.

[24] См. *Кр. Миятев.* Славянска керамика в България и нейното значение за славянската археология на Балкан. София, 1948; *Н. Н. Воронин.* Раскопки в Ярославле. — МИА, № 11. М.—Л., 1949, рис. 9; *Б. А. Рыбаков.* Указ. соч., рис. 15, 30.

Изборник 1073 г., л. 250 об., нижнее поле, знак зодиака Близнецы. Фототека ГИМ, негатив № 9004

щих духовного просвещения, изображены в нимбах. Устремление Водолея к земле, подчеркивается той твердью, из которой он как бы вырастает.

Вряд ли болгарский царь Симеон, воспитанник высшей Константинопольской Магнаурской школы, допустил бы подобный рисунок в своей рукописи. Поэтому опять же можно предположить, что автор зодиакального цикла скорее всего — русский человек, христианин-мирянин, но никак не ортодоксальный служитель церкви.

Цветовая гамма Водолея: красновато-коричневым, контурным, тем же, что и текст рукописи, дается подпись и контур всей фигуры, более объемно разработаны линии контура волос, в которых интенсивность цвета слабеет при удалении от линии лба; этим же цветом изображен сосуд. Желтым дан нимб, правое и левое закругление овала тверди. Слабый тон желтого положен на лицо

и руки. Голубым окрашена одежда. На рукавах краска положена неравномерно. От наружного края к центру интенсивность ее слабеет, модулируя таким образом объем. Бицепсы остаются неокрашенными. Красным слегка подцвечен низ левой щеки и место под правым глазом. Серым высветлены части рук от плечей до бицепсов и едва тронут торс.

Изображение Водолея нельзя назвать контурным рисунком. На его фигуре особенно четко и бесспорно заметна моделировка цветом объемов. Она осуществляется и красновато-коричневым, и голубым, и сероватым.

Третий зодиакальный знак Изборника, изображающий человека, — «БЛИЗНЕЦЫ». Он расположен на нижнем поле л. 250 об. От нижнего левого угла листа он — также третий, так как перед ним изображены Овен и Телец.

Выше отмечалось, что при перечислении знаков зодиака в тексте рукописи (л. 250 об.) описание знака «БЛИЗНЕЦЫ» было ошибочно пропущено, а изображение введено на полях по памяти. Это мог сделать человек, который прекрасно знаком с содержанием статей Изборника и не нуждается в постоянном сличении с написанным.

Близнецы изображены женской и мужской полуфигурами, поставленными строго в профиль и обращенными спинами друг к другу. Различие пола и введение образа женщины является отступлением от изобразительной традиции этого знака, так как в памятниках, предшествовавшей Изборнику поры, Близнецы обычно, передаются мужскими фигурами [25]. Изображение Близнецов полуфигурами является также отступлением от канона, потому что этот знак обычно изображался фигурами в рост.

Женщина изображена слева от зрителя. Ее правая рука несколько приподнята и протянута вперед. Четыре пальца слегка раздвинуты и вытянуты. А первый, оказавшийся вверху, сильно отстранен от остальных. В левой полусогнутой руке она держит предмет овальной формы, напоминающий моток шерсти. Волосы заплетены в две косы. Голова покрыта повязкой. На женщине — одежда с широкими и короткими рукавами, не достигающими локтя. По вороту идет одноцветная кайма. На плечах — накидка.

Мужчина, обращенный спиной к женщине, изображен справа от зрителя. Его левая рука находится в точно таком же положении, что и правая рука женской фигуры. В правой полусогнутой руке мужчина держит предмет треугольной формы. На голове — мягкая конусовидная шапка, завершающаяся вверху круглым гладким помпоном. Мягкий край шапки отогнут вверх. Мужская фигура плохо сохранилась, и об одежде трудно что-либо сказать.

Лица Близнецов отличаются мощной нижней челюстью, горбатыми носами, темной окраской радужной оболочки глаз, темными и широкими бровями. У мужчины — большой кадык.

---

[25] См. *Е. К. Редин.* Указ. соч., стр. 130.

Изборник 1073 г., л. 251, нижнее поле, знак зодиака Девица. Фототека ГИМ, негатив № 9006

Необходимо отметить диспропорциональность фигур Близнецов: их головы — большие и мощные, руки же — тонкие и слабые, особенно у мужчины.

Над головой женщины помещена звезда, подобная описанным в знаках Стрельца и Водолея. Близнецы не имеют нимбов. Взгляд их устремлен перед собой. Они выведены из общения со зрителем и представляют лишь простую иллюстрацию соответствующего знака зодиакального цикла.

Название-подпись знака помещена между головами Близнецов. Расположена она не в одну строку, как остальные одиннадцать подписей — названий знаков зодиака, а вертикально вниз своеобразной колонкой в четыре ряда. В первом верхнем ряду — всего одна буква «Б» с точкой над ней. Во втором — «Л» и восьмиричное «И»; в третьем «З», «Н» и слабые следы «Ь». В четвертом — «Ц» и следы еще какой-то буквы [26].

Цветовая гамма знака «Близнецы» следующая: красновато-коричневым даны контуры обеих фигур и подпись; у мужчины слегка моделирован этим цветом объем плеч и груди; голубым даны накидка у женщины, часть ее одежды и предмет в руке; светло-зеленым — головная повязка у женщины; у мужчины — часть шапки и полосами ее отогнутый край; желтым у женщины окрашен висок, часть глаза, левая рука, след этой краски немного

[26] Начертание надписи «БЛИЗНЬЦИ» принимает И. И. Срезневский. — «Материалы для словаря древнерусского языка», т. I, стлб. 114.

заметен на кайме ворота, ею тронут лоб и щеки; у мужчины подкрашены руки; красным — лишь точка на правой щеке мужчины.

Четвертый знак зодиака, изображающий человека в Изборнике, — Дева. Он расположен на нижнем поле л. 251, вторым от правого нижнего угла [27]. Над знаком — подпись: «ДѢВИЦА». Палеографически буквы подписи близки слову «ДѢВИЦА», написанному в последней строке правого столбца текста л. 250 об. В обоих случаях совершенно одинаковы буквы «Ѣ», еле заметно поднимающиеся над уровнем строки. Отличие составляет лишь незначительный наклон последних четырех букв подписи вправо, т. е. к концу слова. Объясняется это недостаточностью места между головой фигуры и последней строкой текста. Эта же особенность подтверждает предположение о том, что подпись сделана после исполнения рисунка, а следовательно, исполнителем его. Наклоны букв вправо, как уже упоминалось, являются одной из характерных особенностей второго писца.

Правее знака Девы, ближе к левому углу правого столбца текста, находится звезда, сопровождающая этот зодиакальный знак. Ее отличительной особенностью, впрочем, как и большинства звезд зодиакального цикла на л. 251, является точка, а не меньшая окружность, центрирующаяся с большой. Подобное начертание звезды сходно с «птичьим глазом» — солярным знаком, идущим от глубокой древности, встречающимся в археологических материалах самых различных времен и народов и удерживающимся в этнографической орнаментике вплоть до наших дней [28].

Полуфигура Девы изображена почти фронтально с легким поворотом влево от зрителя. В правой, очень плавно согнутой, руке она держит предмет, похожий на прялку. В левой руке, согнутой гораздо резче, — моток нитей или свернутый в трубочку свиток.

Одежда девы — трехцветная, нарядная. Круглый ворот платья имеет широкую кайму той же формы или, возможно, воротник. Грудь украшает коротенькая верхняя одежда, типа навершника. Рукава платья широкие и короткие (до локтя), как у женской фигуры в знаке Близнецы. Юбка — со складками, идущими вниз. На голове Девы — голубое покрывало, спускающееся на спину. К сожалению, оно плохо сохранилось на рисунке, и его примерную форму можно определить лишь по следам голубой краски, уцелевшей по сторонам головы. Поверх покрывала надета красная шапочка, контур которой заставляет предполагать ее твердый каркас. На миловидном лице — задорно смотрящие большие глаза под изогнутыми дугой бровями, правильной формы короткий прямой нос, небольшой рот. На щеках — румянец, вместе

---

[27] Первым от угла на нижнем поле л. 251 изображен Скорпион, а после Девы, т. е. третьим — Рак.

[28] См. *О. А. Кратюк, М. С. Михалевська, Г. Г. Пудык, М. С. Сахро.* Музей народного мастерства Гуцульщины. Ужгород, 1970.

с нежным овалом лица подчеркивающий молодость Девицы. Четыре непокорные косицы, парами лежат по обе стороны щек. Свежестью едва вступившего в пору своего расцвета юного существа веет от этого небольшого рисунка. А. И. Некрасов считал, что в Девице можно видеть изображение славянской девушки [29]. М. К. Каргер, определяя национальную принадлежность изображенной, указывает, что здесь нарисована «русская «девица», ярко, хотя и наивно-реалистически охарактеризованная орнаментировавшим рукопись мастером» [30].

Отметим некоторые черты, роднящие изображение Девы с античным искусством. Так, например, ее прическа имеет некоторое сходство с прической Афины, голова которой украшает золотую подвеску из Куль-Обы. Древнегреческий мастер, возможно, Фидий [31], изобразил Афину с четырьмя косами, попарно расположенными по сторонам ее лица.

Наш мастер, конечно, не мог видеть именно этого произведения античной торевтики, уже много веков погребенного в земле ко времени, когда создавались рисунки знаков зодиака Изборника.

Если с классической антикой прослеживаются едва уловимые следы родства, поскольку Древнюю Грецию и Древнюю Русь разделяет временной отрезок в полторы тысячи лет, близкие сопоставления дают примеры более непосредственных связей и сходств. В миниатюре княжеской семьи и в образах человека среди знаков зодиака Изборника можно усмотреть яркий пример иконографической близости и общей тенденции объемно-пространственного решения с фресками Десятинной церкви в Киеве, выполненными греческими мастерами. Эти тенденции характерны для всего домонгольского периода искусства Древней Руси. Аналогичный пример — голова девушки с капители колонны Георгиевского собора в Юрьеве-Польском [32].

При более подробном сравнении изображения девицы Изборника и скульптуры из Юрьева-Польского легко выявляются общие этнические черты: мягкость округлого лица, прическа с четырьмя косами, прямой короткий нос, дугообразные брови, тонкая шея. И, поскольку эти приметы сходны и в том и в другом памятнике, их возможно считать свойственными русскому человеку. Это положение подтверждается еще одним сопоставлением. Миниатюра Изборника с изображением семьи Святослава была сделана в Киеве в 1073 г. Все лица, изображенные на ней, кроме

---

[29] *А. И. Некрасов.* Очерки из истории славянского орнамента. Человеческая фигура в русском тератологическом рукописном орнаменте XIV века. ОЛДП CIXXXIII, 1913, стр. 51.

[30] *М. К. Каргер.* Живопись. — История культуры Древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 360.

[31] *А. Н. Свирин.* Ювелирное искусство Древней Руси X—XIV веков. М., 1972, стр. 10.

[32] *Г. К. Вагнер.* Древние черты во Владимиро-Суздальской скульптуре XIII века как элементы нового стиля. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, стр. 191—192.

Золотая подвеска из кургана Куль-Оба (по кн. А. Н. Свирина)

лица княгини, отличаются большой мягкостью черт: у всех плавный округлый короткий нос, высокие дугообразные брови, головы посажены на довольно тонкую длинную шею. Следовательно, уже все три оригинала имеют между собой общие этнические черты.

Цветовая гамма Девы: красновато-коричневым, помимо контура, даны растушовки на навершнике и левом рукаве, тень на лбу; слегка моделирован объем кос и юбки; красным — головной убор, часть навершника, румянец на щеках, красным же обведены овал лица, волосы и контур шеи. Сплошным этот цвет положен на головном уборе и навершнике. Однако именно здесь он имеет утраты. Желтым подкрашены руки и воротник. Его следы имеются на лице и юбке. Голубым было сделано покрывало, которое развевалось вокруг головы, следы его едва различимы теперь слева и справа; голубым же тронуты волосы около лба и слева на косах. Слабый след серого различается на рукавах и на навершнике.

Итак, подведем некоторые итоги. Изображения людей в знаках зодиака Изборника 1073 г. привлекают своей самобытностью, светскостью трактовки, индивидуальным своеобразием каждого образа, отсутствием каноничности.

Следует отметить большую культуру и художественный кругозор мастера, создавшего зодиакальный цикл Изборника 1073 г. Это тем более ценно, что подобных документов, подтверждающих какое-либо из культурных событий домонгольской Руси, дошло до нас немного.

Создатель знаков зодиака не был профессиональным художником, однако он хорошо владел этим искусством. Скорее всего, он был писцом, т. е. вполне грамотным человеком, а также мастером, владеющим многими специальными навыками.

Мастер, создавший рисунки, был свободен от канонических догм и явно не связан с княжеской службой, поскольку, приглашенный дьяком Иоанном, сумел проявить большую творческую самостоятельность. Он создал интересные рисунки, свидетельствующие о его начитанности и художественной одаренности. Его рисунки полны движения, правдивости и непосредственности. Каждому человеку он придает характерные позы, жесты, делает выразительной их мимику: вспомним лицо Водолея, прелестное выражение лица Девицы. Создавая тонкую цветовую гармонию, он дал сложную форму и окраску одежды, модулируя цвет, обрисовывая объем. Рисунок и цвет зодиакального цикла легки и мягки и, вместе с тем, достаточно звучны.

Здесь представляется уместным напомнить слова В. Н. Щепкина, сказанные в отношении колорита миниатюр Изборника: «. . . в колорите миниатюр Изборника действительно сказалась и та особая мягкость пейзажа Заднепровья, Черниговской равнины, как представляется она и теперь с высоты Киевских гор,

Изборник 1073 г., л. 251, правое поле, знаки зодиака Козерог и Рыба.
Фототека ГИМ, негатив № 9006

с Крещатика. В византийской миниатюре контрасты сильнее и краски ярче, в Изборнике они сияют тихо, они теплятся» [33].

Художественная одаренность творца зодиакального цикла сказалась и в интересном композиционном построении. Выше отмечалось, что рисунки столь беглы, что оставляют впечатление «заметок» на полях. Однако композиция зодиакального цикла глубоко продумана. Разворот лл. 250 об.—251 представляет единое композиционное и смысловое целое, единый рисунок. В нем все фигуры уравновешиваются и по объему и по значению.

Несмотря на то, что зодиакальный цикл Изборника укладывается в жесткую схему христианской символики, его нельзя назвать религиозным. Особую ноту при этом вносят человеческие образы. Они полны жизни, правдивости, непосредственности и динамики (Девица, например, с ее полуулыбкой и живым жестом).

Жизненность образов рождена наблюдательностью автора, светской направленностью взглядов, знанием окружающей его природы и природы других стран. Примерами могут служить изображения Льва (л. 250 об.) и Рака (л. 251). Лев грациозно выступает, повернув голову назад. В его движении показаны легкость и сила. Добиваясь выразительности этого, художник искал соответствующее положение лап: левая задняя прорисована дважды — в подлиннике различим след плохо затертой лапы, сделанной в ином положении. Изображение Рака также подтверждает наблюдательность художника и его желание ввести в цикл хорошо известного ему пресноводного. Именно в огромной самобытности образов заключена непреходящая ценность цикла.

Еще раз подчеркнем широту знаний художника, его разностороннюю образованность, что является результатом обширных международных связей Руси XI в.

Автор цикла явно знаком с античной мифологией (кентавр), византийским искусством (элементы костюма Стрельца) и, несомненно, с болгарской книжностью [34].

---

[33] *В. Н. Щепкин.* Миниатюра в русском искусстве дотатарского периода, стр. 749.

[34] См. *М. Н. Тихомиров.* Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII века. М., 1947; *Б. С. Ангелов.* Из историята на руското книжовно проникване у нас (XI—XIV вв.). — Известия на Института за българска литература. София, 1955.

В. Д. Лихачева

ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ АРХИТЕКТУРНЫХ ФРОНТИСПИСОВ ИЗБОРНИКА 1073 Г.

В 1932 г. в Париже вышел сборник в честь Ф. И. Успенского со статьей А. И. Некрасова [1], специально посвященной архитектурным фронтисписам русских рукописей. В ней исследователь обратил основное внимание на миниатюры Изборника 1073 г. как на одно из первых изображений такого рода на Руси. Изучая применение декора этого типа в иллюстрациях русских кодексов, появившихся позднее Изборника, Некрасов мало касался предшествующих им образцов. Однако он указал на Византию как центр появления композиций, заключенных в архитектурные обрамления [2].

Введение архитектурных обрамлений с целью подчеркнуть особое значение изображаемого персонажа или сцены характерно для самых ранних византийских миниатюр. В 586 г. в Евангелии Равулы, находящемся ныне в библиотеке Лауренцианы во Флоренции (№ 1, 56), художник заключил таблицы канонов согласия в архитектурные рамки, представляющие собой изображения римской триумфальной арки. Так как это одни из первых миниатюр, украшающие собой рукопись в форме кодекса, пришедшего всего за два века до того на смену свитку, то мы можем считать, что у художника Евангелия Равулы, применившего вполне законченную композицию, был образец, взятый не из рукописи. Им могли быть произведения прикладного искусства.

Действительно, уже в раннехристианских изделиях из слоновой кости мы часто встречаем обрамления в виде триумфальной арки, служащей для того, чтобы подчеркнуть значение изображенной сцены или персонажа. С 406 по 540 г. в Византии [3] были распространены так называемые консульские диптихи. Здесь на одной из створок изображался стоящим или сидящим под аркой только что избранный консул. Ниже его или на соседней створке были показаны игры на константинопольском ипподроме, организованные в его честь [4].

Триумфальная арка изображалась византийскими резчиками по античной традиции, так как и в позднем Риме на диптихах в подобном обрамлении обычно помещалась фигура императора

[1] *A. Nekrasov.* Les frontispices architectureaux dans les manuscrits russes avant l'époque de l'imprimerie. — «L'art Byzantin chez les slaves». Paris, 1932.

[2] Ibidem, p. 253.

[3] *W. E. Volbach.* Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters. Zweite Auflage. Mainz, 1952, S. 16.

[4] *R. Delbrück.* Die Consularidiptychn, 1929, S. 11.

(например, створка диптиха императора Гонория, 406 г., Рим, сокровищница собора Аоста). Но не только полуциркульное завершение могла иметь арка, поддерживаемая колоннами. На опорах мог покоиться прямоугольный антаблемент, а иногда и купол.

Раннехристианские художники-резчики могли, очевидно, вслед за античными помещать изображение не только под триумфальной аркой. Важно отметить, что, желая подчеркнуть значение сцены, они располагали ее в раме, имитирующей архитектуру храма. Так, под аркадами базилики помещено изображение сцены Поклонения Христу на костяной пластине ставротеки в городском музее Пола в Италии (первая половина V в.).

Не только в слоновой кости, хотя таких примеров сохранилось более всего, но и в других произведениях прикладного искусства применяли античные и раннехристианские художники архитектурную раму. На серебряном блюде VI в. «Свадьба Давида» (Музей Никозии) дано изображение под такой аркой священника и обручаемых им Давида и Мельхоль. Но круглая форма блюда не соответствует прямоугольнику архитектурного обрамления с его полуциркульной аркой в центре, в результате чего остается свободное, ничем не заполненное пространство вверху и внизу. Арка приобретает не столько значение рамы, сколько выполняет роль архитектурного фона, обозначающего место действия.

Принцип композиций, обрамленных триумфальной аркой, был унаследован от римского искусства не только византийскими художниками, но и западными. Обращение к античной традиции — одна из основных черт искусства времен Карла Великого. Каролингские художники, как и византийские, использовали такого рода обрамления в изделиях из слоновой кости, а еще чаще — в миниатюре. Изображение евангелистов, торжественно сидящих с развернутыми свитками в руках, особенно характерно для кодексов так называемой придворной школы Карла Великого. Такой евангелист всегда помещался под триумфальной аркой.

Уже через столетие, в X в., оттоновские миниатюристы, постоянно стремившиеся подчеркнуть свою связь с каролингскими, унаследовали в рукописях школы Рейхенау эти композиционные принципы.

В Византии применение триумфальной арки в качестве рамы композиции, распространившись из прикладного искусства в миниатюру, надолго сохранилось в изделиях из слоновой кости. Пластины с изображением епифании или коронации императоров, особенно распространенные в эпоху Македонского Возрождения (например, «Оттон II и Феофано», Париж, Музей Клюни; «Роман II и Евдокия», Париж, Кабинет медалей Национальной библиотеки; «Епифания Константина Порфирогенета», Москва, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина),

имеют архитектурную раму в виде триумфальной арки, или сама пластина своей формой повторяет архитектурную композицию.

Такая рама способствует усилению значения изображенного персонажа или представленной сцены. В оформлении же рукописей арка получает обязательное распространение и сохраняется навсегда в листах канонов согласия Евангелий. Начиная с кодекса Равулы, таблицы канонов заключаются в раму в виде арки. Ее выполняет художник, украшая орнаментами, помещая по сторонам от нее павлинов и куропаток, а над ней — фонтан как символический источник христианства. Если же рукопись была лишена художественного оформления вообще, то и тогда каноны должны заключаться в арку. Ее в таком случае рисует сам писец чернилами.

Арки могли быть не всегда полуциркульной, но и подковообразной формы, как в канонах согласия Эчмиадзинского евангелия (989 г., Армения, библиотека Эчмиадзина № 229). Г. Норденфальк [5], исследовавший византийские таблицы канонов, считает, что эта форма происходит от сиро-палестинской архитектуры. С XI в., за редкими исключениями, вместо полуциркульной или подковообразной формы арки на листах канонов обязательным становится прямоугольный антаблемент.

В конце X в. в Константинополе появляются рукописи, в которых заставка имеет вид кивория [6]. Между колоннами кивория, перекрытия которого разнообразны по форме и часто имеют вид купола, помещается название главы.

В Византии форма архитектурных рамок XI в. претерпевает некоторые изменения. Кроме обрамления в виде триумфальной арки, широко применяется рамка-храм, которая ранее была известна только несколькими примерами в пластинах слоновой кости (например, уже упомянутое изображение первой половины V в. в музее Пола, а также фрагмент скипетра начала X в. в Берлинском Государственном музее с изображением Льва VI, Богоматери и архангела Гавриила). В XI в. рама-храм появляется в листах канонов, известных нам не по византийским памятникам, а по выполненному под их влиянием в Грузии канону Местийского евангелия Института рукописей АН Грузинской ССР, л. 3.

К XI в. в Византии были окончательно выработаны основные принципы декора рукописной книги, складывавшиеся в течение многих предшествующих веков. С этого времени византийский кодекс становится единым организмом, в котором все части тесно связаны между собой. Декор и миниатюры согласованы с текстом, его расположением на листе, цветом чернил, характером почерка. Литургический минускул, которым написано большинство рукописей этого времени, соответствует стилю мини-

---

[5] *G. Nordenfalk.* Die Spätantiken Kanontafeln. Göteborg, 1938, S. 53.

[6] *K. Weitzmann.* Die byzantinische Buchmalerei des 9 und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, fig. 79—81, 89.

атюр с их легкими, вытянутыми в пропорциях фигурами, изысканной палитрой, ритмичными композициями. В таком кодексе внимание обращается на распределение миниатюр среди текста. Они даются всегда в наиболее важных местах. Так, в иллюстрированных Менологиях, появившихся в это время, они отмечают начало и конец главы. В Четвероевангелиях они уже не собраны все в начале книги, как ранее [7], но начинают каждую из глав. В Псалтирях, среди которых особенно популярны содержащие изображения на полях, а также в Лекционариях, они отмечают самые важные, по мнению художника, места в тексте. При этом миниатюрист особое значение придает величине пауз между композициями, ритмично распределяя их среди листов с текстом или между строк.

Именно в это время художники начинают придавать особое значение в оформлении кодекса фронтисписам, впервые появившимся в византийском искусстве еще в VI в. (Диоскорид, Венская Национальная библиотека, греч. 1). Выходные миниатюры, как их обычно называют по-русски, служат именно для того, чтобы ввести в текст читателя. На них изображают заказчика, храмовый праздник, патрона монастыря, в котором или для которого выполнена рукопись, основных персонажей, о которых будет идти речь в тексте. Но чаще всего на выходных миниатюрах представлен автор текста — Давид, евангелист, один из отцов церкви, Иоанн Лествичник.

Естественно, что такие выходные миниатюры художник стремился выделить, сделать их особенно репрезентативными. Этому могла способствовать не только центрическая композиция, но и рама. В XI в. византийские живописцы начинают применять раму в виде архитектуры храма. Примеров византийских так называемых архитектурных фронтисписов сохранилось несколько.

Это, прежде всего архитектурный фронтиспис литургического свитка Патриаршей библиотеки Иерусалима σταυροῦ 109. Свиток, по мнению исследовавшего его А. Грабар [8], был создан в Константинополе во второй половине XI столетия, на что указывают как его почерк, так и особенности его миниатюр, он содержит Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого. Открывающая свиток композиция заключена в раму, имеющую вид опирающейся на спаренные колонны коринфского ордера полуциркульной арки. Под ней находится квадрат заставки, в центре которой — Христос Пантократор на троне. Над заставкой помещена пятичастная аркада, между колонн которой в центре стоит Богоматерь Одигитрия, а по ее сторонам оба автора Литургии — Василий Великий и Иоанн Златоуст. Далее под левой аркой изображен св. Георгий, который являлся, очевидно, либо патроном

---

[7] *O. Dalton.* East Christian Art. Oxford, 1925, p. 309.
[8] *A. Grabar.* Un rouleau liturgique constantinopolitain et ses peintures. — L'art de la fin de l'antiguité et du moyen âge, 1. Paris, 1968, p. 470.

заказчика, либо монастыря, для которого создан свиток. Соответственно ему под последней аркой справа представлен неизвестный священник без нимба. Этот же священник появляется в рукописи рядом с текстом еще три раза. Возможно, как полагает А. Грабар, его изображение напоминает о том византийском священнике, для которого предназначался свиток, чтобы он по нему читал текст во время службы.

Перед нами интерьер храма. Его иконостас обозначен аркадой, в центре которой Богоматерь. С XI в. в абсиде храма ее всегда изображали в Константинополе в типе Одигитрии. Центральную часть иконостаса составляют иконы, объединенные между собой композицией моления, как соединены в единое целое фигуры под арками, на миниатюре представленные в моленных позах.

Именно в XI в. в Византии, как доказал К. Вейцман [9], в связи с особенно большим влиянием Литургии на изобразительное искусство, складывается полная композиция иконостаса, который приобретает основную роль в декоре храма. В миниатюре же свитка об интерьере храма напоминает и фигура Христа Пантократора. Он помещен в центре заставки, где в свободном просвете, получившем форму квадрифолия, он занимает то же господствующее положение, что и в интерьере храма, находясь в его центральном куполе.

Цикл всех миниатюр свитка, как считает А. Грабар [10], повторяет по своему составу и иконографии монументальную живопись Византии XI в., композиции которой покрывают стены, своды и купола храма. Миниатюры свитка в этом отношении близки к современным им мозаикам монастыря Дафни. В этой связи особое значение приобретает фронтиспис свитка. Заключенный в архитектурную раму, он символизирует вход в храм, внутри которого как бы оказывается читатель текста свитка. Читатель переводит взгляд с одной миниатюры на другую подобно тому, как в церкви он переходит от одного изображения к другому.

Фронтисписов в иллюстрированных византийских литургических свитках сохранилось немного, так как обычно края пергамена оборваны. Однако в тех случаях, если первые миниатюры дошли до нас, они все имеют архитектурную раму. Так, в свитках Афинской Национальной библиотеки № 2759 (XII в.) и монастыря Иоанна Богослова на острове Патмосе № 707 (XIV в.) под трехчастной аркадой, над которой возвышаются пять куполов на барабанах, помещены молящиеся персонажи. В изучаемом же свитке Иерусалима архитектурный мотив фронтисписа усиливается конфигурацией обрамлений текста. Каждое литургическое Слово Василия Великого и Иоанна Златоуста заключено

---

[9] *K. Weitzmann.* Studies in classical and byzantine manuscript illumination. London, 1971, p. 306, 309.
[10] *A. Grabar.* Op. cit., p. 478.

в раму, которая по своей форме приобретает вид арки с фронтоном в центре.

Евангелие конца XI в. в Национальной галерее Виктория в Мельбурне (№ 710 : 5) оформлено заставками и инициалами. Оно включает листы канонов. Но только одна его миниатюра — выходная, содержит композицию в величину листа. На ней, как об этом повествует надпись, помещенная над рамой, представлен писец и миниатюрист Феофил. Он предлагает созданный им кодекс Богоматери. Таким образом, выходная миниатюра свитка содержит композицию донаторства. Мария дана в типе Одигитрии, и это позволило Х. Бухталю [11] полагать, что рукопись создана в монастыре Одигосе. Судя по стилю исполнения миниатюр, это была константинопольская обитель.

Под аркадой, которая может быть рассмотрена как сокращенный вариант аркады иконостаса, представленной в свитке, стоят Богоматерь и Феофил. Феофил, как и святые в свитке, обращается к Марии, отделенной от него колонной. Над полуциркульными арками поднимается прямоугольник антаблемента, прорезанный в центре треугольником фронтона. Его завершает процветший крест. В архитектонике рамы все четко, просто и органично соединено. Чистые формы, строгие прямые линии, симметрия композиции характерны для рамы. Этими ее особенностями объясняется и то, что художник Феофил делает округлую форму купола более ясной и лаконичной, заменив ее фронтоном. Стремлением к чистоте форм и строгости линий можно объяснить и то, что художник изображает стены, покрытыми не растительным орнаментом, столь распространенным в Византии в это время, а мраморировкой. Этот орнамент полилитии прост и однообразен по рисунку, он не нарушает четкость архитектуры рамы.

Созданная во второй половине XI в. также в Константинополе Псалтирь Ватикана (греч. 752) содержит выходную миниатюру (л. 18 об.), рама и композиция которой воспроизводят архитектуру храма [12]. Собственно рама образована триумфальной аркой, колонны которой поддерживает тяжелый прямоугольник антаблемента. Его прорезает в центре полукружие, где помещена фигура Иисуса Христа на троне. Как и во фронтисписе свитка, он напоминает о господствующем над всем пространством храма Вседержителе. В центре миниатюры помещен киворий, под которым стоит Давид со свитком. По сторонам от кивория разместились музыканты. В антаблементе мы видим не обычный для листов канонов ковровый орнамент, а две сцены христологического цикла.

Справа от сидящего на троне Пантократора — Воскрешение Христа, слева — Воскрешение Лазаря. Оба изображения напоминают о мозаичных композициях на стенах храма. Их появле-

---

[11] *H. Buchthal.* Illuminated byzantine Gospel book about 1100 A. D. — Special Bulletin of the National Gallery of Victoria, 1961, p. 1, 12.

[12] *E. de Wald.* The illustrations in the manuscripts of the Septuagint, II. Princeton, 1941, 1942.

ние здесь связано символически с текстом Псалтири о мозаичных композициях на стенах храма.

Строгая симметрия композиции, объединяющей в единое целое события Нового завета и Псалтири, создает особое впечатление репрезентативности, соответствующее назначению выходной миниатюры.

Таким образом, во второй половине XI в. в константинопольских рукописях появляются архитектурные фронтисписы, они очень просты по форме, лаконичны и четки по композиции. Позднее форма архитектурной рамы усложняется, она приобретает вид пятикупольного храма, как в двух фронтисписах первой половины XII в. со сценой Вознесения в рукописях Гомилий Якова Коккиновафского Парижской Национальной библиотеки (греч. 1208, л. 3 об.) и Ватикана Urbin (греч. 2, 2 об.). В обеих миниатюрах, выполненных по общему образцу, перед нами трехчастная аркада, между колоннами которой помещена сцена Вознесения, а по сторонам — оба пророка этого события (Псалтирь, XI, III, I). Над аркадой возвышается антаблемент, а над ним — пять полусферических куполов, увенчанных процветшими крестами. В разрезе барабана центрального купола художник поместил сцену Сошествия святого Духа на апостолов. Эта композиция, как и изображение Христа Пантократора, располагалась в Византии с XI в. в куполе храма [13]. В миниатюрах она помещена в полуциркульном обрамлении, как и Христос Пантократор на фронтисписе Псалтири Ватикана (греч. 752), напоминая о мозаиках купола церкви. В это время пятикупольная архитектурная рама украсила собой и фронтиспис свитка Афинской Национальной библиотеки (№ 2759), по своим формам она соединила элементы архитектуры экстерьера и интерьера храма.

Но еще раньше, до этих византийских, сложных по своим многочисленным деталям, пятикупольных обрамлений, в Изборнике 1073 г. введено четыре миниатюры, рама каждой из которых воспроизводит купольную церковь (лл. 3, 3 об., 128, 128 об.). По своим архитектоническим принципам обрамления Изборника они приближаются к рамам современных им константинопольских фронтисписов, т. е. отличаются большей строгостью и простотой, чем в рукописях XII в.

Во всех четырех миниатюрах Изборника построение создано по одним и тем же принципам. Квадрат, заполненный орнаментом, прорезан полукружием, воспроизводящим полуциркульные своды храма или его портал, в котором расположены портреты духовных лиц. Над квадратом поднимаются в первых двух миниатюрах (л. 3, 3 об.) по три полусферических купола на высоких барабанах. В третьей миниатюре (л. 128) изображен один купол. Четвертая, и последняя, композиция (л. 128 об.) построена по принципу триумфальной арки, столь типичной для византийских

[13] *O. Demus*. Byzantine mosaic decoration. London, 1947.

Изборник 1073 г. Миниатюра на л. 3

пластин слоновой кости и листов канонов в рукописях. Однако вместо колонн с капителями здесь по аналогии с тремя первыми миниатюрами проходят тяги, обрамляющие квадрат рамы. Общий силуэт этого фронтисписа напоминает форму иконы с полуциркульным верхом, широко распространенную в Византии (например, иконы XI в. монастыря св. Екатерины на Синае).

Форму трехглавого храма, которая применена в первых двух миниатюрах, мы не можем считать необычной для Византии, как это делает А. И. Некрасов [14]. Мы уже упоминали о ее применении в X в. в навершии скипетра с изображением Льва VI, Богоматери и архангела Гавриила. Употреблялась она и в архитектурных фронтисписах византийских рукописей XI в., как можно судить по выполненному по константинопольским образцам [15] обрамлению миниатюры с изображением пишущего Давида в Киевской Псалтири Государственной Публичной библиотеки (ОЛДП № 6).

Ясная архитектоника, четкость построения сочетаются во фронтисписах Изборника с богатством, и что самое главное, — разнообразием по цвету и рисунку орнаментов, их многочисленными соединениями между собой.

Подобно тому, как это часто делается в византийских листах канонов, а иногда и при оформлении заставок, миниатюрист Изборника вводит над и по сторонам рамы изображения павлинов и куропаток. Тем самым он еще более подчеркивает особую роскошь декора. С этим же увлечением художника орнаментами и стремлением к декоративной пышности связано и то, что он заменяет в первых двух миниатюрах кресты на куполах шарами (л. 3) и цветами (л. 3 об.). Так в Византии часто украшали верх светского здания, если изображали его на миниатюре. Такими же цветами вместо крестов завершены киворий, служащие заставками в византийских рукописях X в. (Евангелия Парижской Национальной библиотеки, греч. 70, Марчианы в Венеции, греч. 1, Гомилии Григория Назианзина Иверона, греч. 27 и др).

Углы рам в Изборнике отмечены цветами, которые поднимаются вверх на высоких стеблях, вырастающих из продолжений нижней горизонтали рамы. Этот принцип декора сохраняется и в заставке соседнего листа, и он был чрезвычайно широко распространен в миниатюрах [16].

Орнаменты, примененные художником в архитектурных рамках Изборника, все по своему происхождению византийские.

---

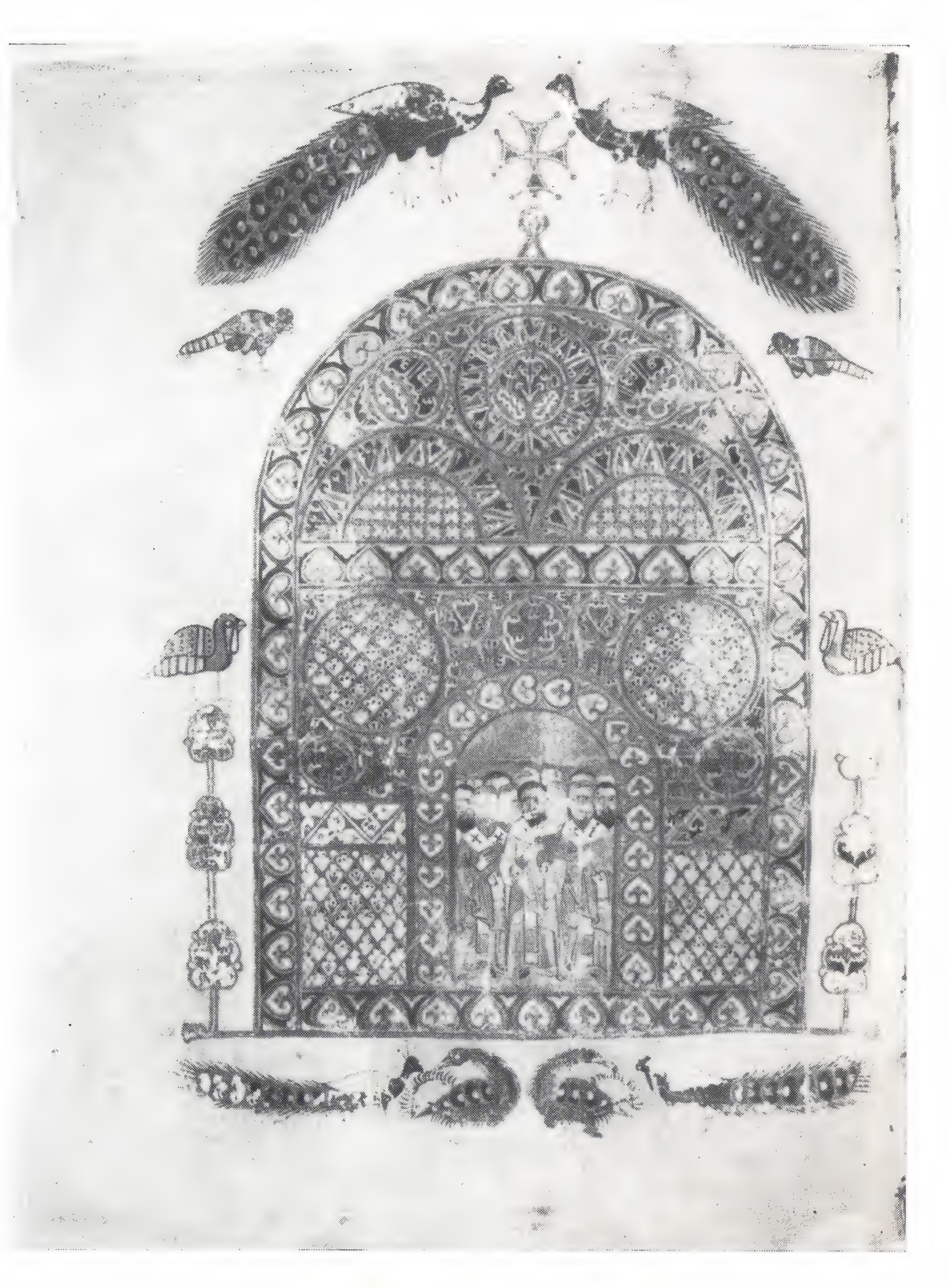
[14] *А. И. Некрасов.* Очерки декоративного искусства Древней Руси. М., 1924, стр. 8.

[15] *D. E. Miner.* The «monastic» psalter of the Walters art Gallery. — Late classical and mediaeval Studies in Honour of A. Friend. Princeton, 1955; В. Д. Лихачева. Миниатюры Киевской Псалтири и их византийские источники. — Книга и графика. М., 1972.

[16] *M. Allison Frantz.* Byzantine illuminated Ornament. — The Art Bulletin, 1934, p. 69, 71.

Изборник 1073 г. Миниатюра на л. 3

Изборник 1073 г. Миниатюра на л. 128



Изборник 1073 г. Миниатюра на л. 128

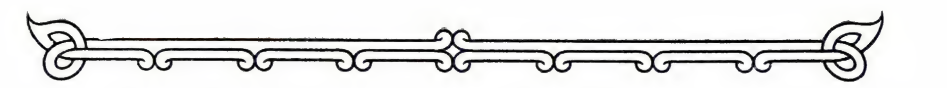
Период XI—XII вв. представляет собой кульминацию в развитии орнаментального декора в Византии. В это время в орнаменте особое значение придается ритму звеньев, масштабы которых заметно уменьшаются по сравнению с предшествующим периодом. Мотив соединенных кругов, внутри которых расположены разнообразные пальметты, можно считать основным в декоре всех фронтисписов Изборника. Заполнение кругов пальметтами, так же как соединение их диагоналями, типично для византийского искусства начиная с XI в., когда этот орнамент становится самым популярным. Употребление зигзага и сетчатого орнамента, с которыми мы встречаемся в миниатюрах Изборника, также было широко распространено в Византии. В русских миниатюрах применен и орнамент сердец, пришедший в свое время в византийское искусство из сасанидского. Плоскостно заполненные ковровые композиции, в которых тонкая линия ограничивает узор, тоже характерны для византийского искусства XI в.

Однако сочетание друг с другом на небольшом пространстве многих видов орнамента, столь характерное для миниатюр Изборника, не может быть рассмотрено как византийская особенность. Не типично для искусства Византии XI в. и цветовое решение миниатюр, в них обильно введены кармин, охра, зелень. Византийские миниатюры XI в. в колористическом отношении построены на сочетании кобальта и золота с минимальным введением кармина и зелени, что придает им особую парадность.

Таким образом, в 1073 г. художники Изборника применили для архитектурных обрамлений фронтисписов современный им византийский образец, он мог прийти на Русь не непосредственно из Константинополя, но через болгарские миниатюры XI в., которыми могли пользоваться как русский художник, так и писец.

Простота и строгость архитектурной композиции, где аркада заменена квадратом рамы, отличают миниатюры Изборника от византийских фронтисписов XII в. и приближают их к современным им константинопольским образцам. Но богатство типов и разнообразие в сочетаниях орнаментов, введение шаров и цветов на куполах вместо крестов, некоторая пестрота палитры не свойственны византийскому искусству XI столетия и могут быть рассмотрены как русская особенность.

Итак, русский художник, украшавший миниатюрами в 1073 г. Изборник, использовал византийский образец, пришедший к нему, возможно, через Болгарию, но творчески переработал его. Взяв из современного ему искусства Константинополя общие принципы архитектурного обрамления в виде купольного храма, он внес в миниатюру много своего, типично русского. Он ввел разнообразные орнаменты, изменив по-своему и византийский колорит, и принципы соединения декора разного вида. Создав композиции менее парадные и строгие, чем в Византии, но более нарядные и роскошные, художник проявил тем самым свою самостоятельность, отказавшись от слепого копирования образца.



ИЗБОРНИК 1073 Г. И РУСЬ XI В.

Б. А. Рыбаков

«ОЖЕ ТИ СОБѢ НЕ ЛЮБО, ТО ТОГО И ДРУГУ НЕ ТВОРИ»

В послесловии Изборника 1073 г. есть загадочная фраза, логически не связанная ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Изборник завершается, как известно, «Летописцем вкратце», содержащим перечни це́сарей и епископов.

На предпоследней странице Изборника в верхней части левого столбца упомянуты епископы: Марк-Иоанн из Библа, Зина из Диасполии, Филимон из Газы, Аристарх, Пуд и Трофим, к имени которого сделано примечание, что он «съ Пауломь мученъ бысть о Хрьстѣ». Заключительные строки сужаются треугольным клином, заканчиваясь словом «аминь», по сторонам которого нарисованы две птицы, подчеркивающие полную завершенность последней статьи. Ниже птиц и слова «аминь» до конца левого столбца идет следующий текст:

А коньць вьсѣмъ книга
мъ· оже ти собѣ не лѫбо
то того и дроугоу не твори ∻
Въ лѣто· ѕ҃ф҃п҃а. написа
ӏѡаннъ диакъ изъбо
рьникъ сь· великоуоу
моу кнѧзю с҃тославоу[1].

Фраза «Оже ти собѣ не любо, то того и другу не твори» вклинивается в послесловие как совершенно посторонняя, на первый взгляд, случайная мысль. Однако послесловия в рукописных книгах являются слишком важным итоговым разделом, связанным и с заказчиком, и с самим исполнителем, чтобы допустить здесь какие-либо вольности.

[1] Последние три строки этого столбца и начало правого столбца написаны другим пером.

АКОНЬЦЬВЬСѢМЪКЪНИГА
МЪ·ОЖЕТИСОБѢНЕЛЮБО·
ТОТОГОИДРОУГОУНЕТВОРИ:~
ВЪЛѢТО·҂ЅФПА·НАПИСА
ІѠАННЪДИАКЪИЗБО
РЬНИКЪСЬ·ВЕЛИКОУОУ
МОУКНѦЗЮСТОСЛАВОУ:~

Изборник 1073 г., послесловие, л. 2 об.

Возможно, что в этой фразе выразилось отношение дьяка Иоанна (писца или составителя Изборника) к сложным обстоятельствам перехода этой монументальной хрестоматии в состав библиотеки великого князя Святослава Ярославича. Давно уже вошла в науку догадка С. П. Шевырева о том, что Изборник составлялся не для Святослава, а для его старшего брата Изяслава, сидевшего до него на киевском престоле (1054—1068 и 1069—1073 гг.), и что имя Святослава здесь не первоначально [2].

Смена князей-братьев произошла в трагических условиях усобицы: «Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ.

[2] *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки, т. II, вып. 2. М., 1868, стр. 367.

Бывши распри межи ими, быста съ собе Святославъ со Всеволодомь на Изяслава» [3]. Никоновская летопись поясняет: «. . . и совокупившеся, вкупѣ идоша на него (на Изяслава) къ Киеву, онъ же не возможе стати противу ихъ и иде въ Ляхы» [4]. В тексте Повести временных лет приводится панегирик князю Изяславу: «незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду. Не бѣ бо в немь лсти, но простъ мужь умом, не воздая зла за зло. . .» [5] В уста самому Изяславу вкладываются такие слова: «Азъ бо не радъ есмь злу братьи своей, но добру есмь радъ» [6]. Одновременно с этим летописец (игумен Иоанн?) резко обличает завоевателя Киева Святослава: «Святослав же бѣ начало выгнанью братню, желая болшее власти». «Святослав сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же божью. . . не добро бо есть преступати предѣла чюжего» [7].

Злокозненному Святославу киевский летописец прямо противопоставляет братолюбивого Изяслава, простившего измену Всеволода: «Се аз не помяну злобы первыя — ты ми еси брат, а аз тобе и положу главу свою за тя!» «Сий кънязь пролия кровь свою за брата своего, съвершая заповедь господьню». Изяслав, как известно, погиб в битве на Нежатиной ниве в 1078 г., отстаивая права младшего брата.

Возвратимся к Изборнику. Заинтересовавшая нас фраза взята из «Премудрости Исуса сына Сирахова», откуда составитель брал отдельные афоризмы в своем основном тексте Изборника. Есть эта фраза в другом переводе и в Изборнике 1076 г. в составе целого раздела «Мудрость Исусова»

Не глаголи на брата неправьды
Ни другу того сътвори
еже ти себъ не любо [8].

В своем полном виде изречение начиналось с осуждения вражды братьев, что вполне соответствовало той обстановке, в которой заканчивалась переписка изяславовой книги. Дьяк Иоанн успел поставить дату окончания своего труда — 6581 г. (начинавшийся 1 марта 1073 г. по нашей хронологии), а всего через три недели, 22 марта, Святослав уже захватил Киев, заставив старшего брата уйти в длительное изгнание («и ходи по по чюжеи земли, блудя»).

---

[3] ПВЛ, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 121 (6581 г.).
[4] ПСРЛ, т. IX, стр. 100.
[5] ПВЛ, ч. I, стр. 134 (6586 г.).
[6] ПСРЛ, т. VII, стр. 2.
[7] ПВЛ, ч. I, стр. 121, 122.
[8] Изборник 1076 г. М., 1965, стр. 338, лист рукописи 158 об. Это перевод греческого: μή άροτρία ψεῦδος ἐπ’ ἀδελφῷ σου, μηδέ φίλω τοὺ ὅμοιον ποίει. (12, стр. 766). Издатели затруднялись расшифровать плохо сохранившееся слово после «не»: «далее не читается слово из четырех букв, кажется, МОЖЕ. . .» (стр. 388, примеч. № 2). Думаю, что послесловие Изборника 1073 г. дает право на восстановление этого слова как «любо».

Покидая Киев, Изяслав взял «именье много», но драгоценный Изборник остался в Киеве. Вот на эти-то три недели, до отъезда Изяслава, когда, очевидно, уже вполне проявились «распьри межю братии сей», и приходится сентенция дьяка Иоанна, выраженная им очень осторожно, без упоминания имевшейся в оригинале клеветы на брата: «Оже ти собе не любо, то того и другу не твори». Она производит впечатление невольно вырвавшегося восклицания. Адресована она была, надо полагать, зачинщикам усобицы — младшим братьям великого князя и, в первую очередь, Святославу, ставшему вскоре владельцем Изборника.

Не будучи связано с текстом, написанное не на месте, это изречение невольно отразило напряженность драматических событий в Киеве в марте 1073 г., а умолчание о вражде братьев позволило ему уцелеть и после смены владельца, когда имя Святослава появилось и в послесловии, и в начале книги, и на миниатюре, изображавшей все семейство Святослава.

М. В. Щепкина

К ИЗУЧЕНИЮ ИЗБОРНИКА 1073 Г.

В Государственном Историческом музее хранится одна из двух древнейших точно датированных русских рукописей — это Изборник великого князя Святослава 1073 г.

Рукопись была открыта в 1817 г. Председатель Археографической комиссии граф Николай Петрович Румянцев отправил двух членов комиссии Константина Федоровича Калайдовича и Павла Михайловича Строева обследовать библиотеки подмосковных монастырей. В Воскресенском Новоиерусалимском монастыре они обнаружили Изборник 1073 г. Рукопись попала туда в числе других древних книг, вывезенных патриархом Никоном из Новгорода и близлежащих монастырей.

Н. П. Румянцев в 1817 г. заказал полную копию рукописи (текст, орнамент, миниатюры) художнику Александру Ратшину. Копия эта затем вошла в собрание рукописей Н. П. Румянцева за № 356 [1] и хранится в настоящее время в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.

В 1819 г. директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин заказал художнику академику Ф. Солнцеву документальную ко-

---

[1] См. *А. Востоков.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 499 (№ 356).

Изборник 1073 г., заставка, л. 129

пию первой миниатюры рукописи, изображающей великого князя Святослава Ярославича с семьей. Сама рукопись, хранившаяся до 1834 г. в Воскресенском монастыре, по представлению А. Н. Оленина митрополиту Филарету московскому была передана им в Московское Синодальное (Патриаршее) собрание рукописей [2].

Копия Ф. Солнцева была приложена к самой рукописи, а подлинная миниатюра была помещена в Оружейной палате в Кремле и вошла в состав собрания Древлехранилища в Теремах. После 1917 г. она поступила в Отдел рукописей библиотеки им. В. И. Ленина, а в 1958 г. была передана в Синодальное собрание в Государственный Исторический музей и хранится в настоящее время вместе с самой рукописью Изборника.

Следует отметить, что с самого начала Археографическая комиссия приняла меры к сохранению памятника: сделана была полная копия от руки, отдельная копия миниатюры, изображающей Святослава и его семью, и в дальнейшем было начато издание текста. Однако подготовлено и напечатано было только 75 листов, в 1877 г. издание оборвалось в связи со смертью проф. О. М. Бодянского, возглавлявшего эту работу. В 1883 г. Общество истории и древностей российских при Московском университете включило в свое издание напечатанные Бодянским листы памятника [3]. В том же 1877 г. в Петербурге было основано Общество любителей древней письменности. В 1880 г. им было выполнено полное факсимильное издание памятника [4]. Это издание прекрасно передает оригинал текста и миниатюры и дает возможность полного его изучения.

Текст Изборника дошел до нас в нескольких списках [5]. Два из них хранятся в Отделе рукописей ГИМ: Син. № 275 (Г. Н. № 162) 1403 г., написанный в Москве в Андрониевом монастыре, и второй — в собрании Барсова № 380, 1519 г.

Мы не будем останавливаться на рассмотрении этих списков, из них для нас чрезвычайно важен один, сравнительно поздний, который был открыт проф. С. М. Шевыревым в Кирилло-Белозерском монастыре.

Рукопись 1445 г., в 4°, написана русским полууставом. Как пишет Шевырев, «по проверке оказалось, что в главном совершенное сходство с Изборником 1073 года. На обороте листа, после

---

[2] Изборник 1073 г. вошел в собрание Синодальной библиотеки под № 31—Д. См. *А. В. Горский* и *К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки, т. II, отд. II. М., 1919, стр. 355 (№ 161).

[3] Чтения в ОИДР, 1882, ч. IV, М., 1883.

[4] Издание осуществлено на средства члена общества ОЛДП С. Морозова, под наблюдением другого его члена, В. Г. Карпова. Факсимиле рукописи выполнено хромолитографическим способом в количестве 360 экз. Оно включает полный текст и все миниатюры в красках.

[5] О списках Изборника 1073 г. см. статьи К. М. Куева, Л. П. Грязиной и Н. Щербачевой в настоящем сборнике.

Изборник 1073 г., послесловие, л. 2

оглавления стоит предисловие, написанное киноварью. Содержание то же самое, что и в Изборнике 1073 г., за исключением имени: «Великий в царех Симеон» и двух непонятых и неправильно написанных слов: «многостропотных и немудроведию» [6].

По мнению Шевырева, этот Кирилло-Белозерский список 1445 г. дает основание полагать, что подлинник Изборника, с которого был списан так называемый Святославов, должен быть отнесен к времени царствования царя Симеона, которое продолжалось с 889 до 927 г. Что Изборник 1073 г. был написан не для Святослава, а для кого-то другого. Для кого же? Не для Изяслава ли, который в 1073 г. был изгнан Святославом [7].

Таким образом, Шевырев предполагал, что первоначально в рукописи 1073 г. стояло имя Изяслава, а после его изгнания Святослав дал переписать послесловие на свое имя, для чего была стерта первоначальная запись и имя Святослава вписано вместо имени Изяслава. С этой догадкой никак нельзя согласиться, о чем мы скажем далее.

Кирилло-Белозерский список чрезвычайно важен для нас тем, что указывает на тот оригинал Изборника, который находился в Киеве в XI в. Этим оригиналом была рукопись, написанная для болгарского царя Симеона в первой четверти X в., где в послесловии стояло: «царь Симеон». Поэтому писцу пришлось стереть в своей копии уже написанное начало послесловия и по стертому написать имя нового заказчика — князя Святослава. Предположение Шевырева, что заказчиком копии 1073 г. являлся князь Изяслав, совершенно недоказуемо.

Мог ли Изяслав, старший сын князя Ярослава, заказать для себя Изборник 1073 г.? Мы знаем, что Ярослав был грамотен и начитан. Грамотны были и все его дети. Семья Ярослава брачными узами была связана с соседними государствами, и русские князья должны были быть на уровне своих соседей. Известно, что одна из дочерей Ярослава — Анна — была замужем за французским королем Генрихом I. После смерти мужа она в качестве регентши сама подписывала указы за своего малолетнего сына, позднее короля Филиппа I. На одной из латинских грамот 1063 г. сохранилась ее подпись «Анна Ръина» [8].

Вполне понятно, что если грамотна была одна из дочерей Ярослава, то можно предположить то же самое в отношении остальных его детей — Изяслава, Святослава и Всеволода.

Младший сын Ярослава Всеволод, самый любимый, жил при отце до его смерти. Зная любовь к книгам и начитанность Ярослава, можно думать, что самый близкий из его сыновей, Всеволод,

---

[6] *С. М. Шевырев.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни проф. С. М. Шевырева, в 1847 г., ч. II. М., 1850, стр. 30—32.

[7] Там же.

[8] Воспроизведение подписи см. в кн. *Е. Ф. Карский.* Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. Сама грамота хранится в Париже, Национальная библиотека, коллекция из Пикарди, т. 294, док. № 38.

Князь Борис—Михаил Болгарский. Рукопись, Син. собр., № 262

15 Изборник 1073 г.

в данном случае следовал примеру отца. Сын Всеволода Владимир Мономах известен как человек выдающейся для своего времени образованности. От него дошли до нас два произведения: Послание к Олегу Святославичу Черниговскому и так называемое Поучение, в сущности краткое жизнеописание Мономаха.

Изяслав как наследник Киевского престола был грамотен, но ему не надо было заказывать список с Изборника царя Симеона: вся библиотека Ярослава, хранившаяся в Киевской Софии, была в его распоряжении. Все это дает основание отвергнуть предположение о том, что Изборник 1073 г. был заказан первоначально Изяславом, как полагал Шевырев.

Ни сам князь Изяслав, ни один из его сыновей не упоминаются как заказчики книг, особенно книг для чтения, каким являлся Изборник. Князь Изяслав построил в Киеве Дмитровский собор, обеспечив, конечно, этот храм богослужебными книгами. Его сын Святополк построил храм Бориса и Глеба на Альте. Младший сын — Ярополк-Петр — построил церковь апостола Петра в Киеве. Но из всей семьи Изяслава только вторая его жена — польская княжна Гертруда, мать Ярополка, связала свое имя с книгой: она привезла с собой в Киев латинскую Псалтирь X в., принадлежавшую некогда Трирскому епископу Экберту (977—993). Псалтирь уже имела две миниатюры. Княгиня Гертруда приказала добавить к ней два листа с латинскими молитвами за своего «единственного сына» Петра и поместить миниатюры, нарисованные на ином пергаменте, меньшего размера. Миниатюры эти имеют греческие и славянские надписи [9].

Миниатюры таковы: 1. Рождество Христово; 2. Вседержитель на престоле, по сторонам его князь Ярополк и его жена Ирина, за ними стоят их святые — ап. Петр и св. Ирина; 3. Распятие; 4. Апостол Петр, у ног его изображена молящаяся княгиня Гертруда, за ней стоят в молебных позах князь Ярополк и княгиня Ирина.

По-видимому, изобразительное искусство Киева, мозаики и фрески Софийского собора, а также лицевые рукописи Киева произвели на Гертруду впечатление и вызвали желание иллюстрировать принадлежавшую ей латинскую псалтирь.

Остановимся на характеристике трех сыновей Ярослава. События того времени и лица, стоящие во главе Киевского государства, надолго определили дальнейший ход истории. Эти лица связаны не только с историей Киевского княжества, но и с Печерским монастырем: он основан на княжеской земле, которая дана Изяславом и Святославом. Печерский инок Нестор, писавший историю этого периода (Повесть временных лет), дает характеристику Изяслава, но очень осторожно, так как монастырь находится под покровительством Киевского князя, а не митрополита.

---

[9] *Н. П. Кондаков.* Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. Псалтирь хранится в Италии в городе Чивидале.

Для нас важно выяснить отношения трех братьев между собой. Это даст нам представление и о князе Святославе, заказчике Изборника 1073 г.

Изяслав (1027—1078) еще в первую половину своего княжения имел столкновение с Печерским монастырем. Игумен монастыря Антоний постриг в иноки Варлаама, сына знатного дружинника Яна Вышатича. Варлаам ушел в монастырь против воли отца. Одновременно Антонием был пострижен Ефрем, один из главных управителей князя Изяслава. Оба пострижения были произведены без ведома и согласия князя Изяслава. Это своеволие вызвало гнев князя, который грозился разорить и разогнать Печерский монастырь. Антоний и Феодосий решили уйти из Киева. Только уговоры княгини Гертруды, которая заступилась за Печерский монастырь и указала, что в Польше изгнание монахов повлекло за собой большие бедствия для страны, подействовали на Изяслава. Он велел вернуть Антония и Феодосия, ушедших уже за три дня пути от Киева. Вернувшись, Антоний назначил игуменом вновь постриженного Варлаама, а сам ушел в затвор.

В 1068 г. половцы напали на Киев. Князь Изяслав с дружиной и с военными отрядами своих двух братьев был разбит и бежал. Изяслав вернулся в Киев. Киевское ополчение потребовало оружия и коней от князя, чтобы продолжать борьбу с половцами. Изяслав отказал им. Тогда часть киевских граждан бросилась к порубу, где был заключен князь Всеслав Полоцкий со своими двумя сыновьями (они в свое время сдались Изяславу и вопреки его обещаниям были посажены в темницу). Киевляне, освободив Всеслава, провозгласили его князем. Князь Изяслав спешно бежал из Киева с семьей и дружиной. Через 7 месяцев он вернулся в Киев со своим тестем — польским королем Болеславом Кривоустым, который привел с собой польское войско. Киевляне не хотели пускать поляков в город и обратились к Святославу и Всеволоду, чтобы они уговорили Изяслава не мстить киевлянам. Тот обещал исполнить это, но нарушил обещание. Он послал впереди себя в Киев своего незаконного сына Мстислава с дружиной. Мстислав устроил жестокое побоище киевлян: были избиты 70 сторонников Всеслава, а также совершенно неповинные люди. Это сразу определило отрицательное отношение киевлян к Изяславу и его семье. После занятия Киева Изяслав начал преследовать Антония за то, что он в течение этих семи месяцев не выступал против Всеслава и хотел заключить Антония в темницу. Тогда князь Святослав прислал ночью своих людей, которые вывезли Антония в Черниговскую землю, где он поселился на Болдиных горах и вернулся в Киев только после смерти Изяслава.

Через четыре года, в 1073 г., братья Святослав и Всеволод изгнали Изяслава из Киева. Чем был вызван этот поступок братьев и почему на это согласились киевляне? Киевляне не забыли избиения 1068 г. И киевляне и оба брата — Святослав и Всеволод — были недовольны тем, что Изяслав заставлял их участвовать

в междоусобиях, которые он предпринимал в своих интересах. Сперва он начал преследовать князя Всеслава. Изяслав изгнал его из Полоцка и посадил там своего старшего сына Мстислава, который не имел никаких прав на княжение. После смерти Мстислава в Полоцк был посажен Святополк. Изяслав и его семья старались приобрести для себя ряд удельных княжений, чтобы обеспечить себя на случай потери Киева после смерти Изяслава. Очевидно, недовольство киевлян было настолько велико, что Святослав и Всеволод решили отказаться от поддержки Изяслава, иначе они в дальнейшем сами могли потерять права на киевский престол. Они предпочли выступить против Изяслава. Князь Изяслав ушел из Киева, увез огромное имущество, надеясь своим богатством купить себе помощь. Но польский король на этот раз отказал ему. Не нашел Изяслав защиты и у германского императора Генриха III.

Летописец не раскрывает, в чем была вина Изяслава, так как не желает навлечь гнев князя и его семьи на себя и Печерский монастырь. Вина эта заключалась в большом своекорыстии как самого Изяслава, так и его семьи. Изяслав пользовался военными силами братьев и киевлян для добывания свободных уделов для своих сыновей. Семья обогащалась торговлей, вирами, доходами со своих земельных владений, военной добычей, ничем не брезгуя. Позднее Святополк, будучи великим князем, узнал, что один из печерских монахов, инок Никифор, во время голода печет хлебы из лебеды и раздает голодающим, а вместо соли дает какую-то золу. Он поставил монаху на вид, что торговцы очень недовольны этим, так как он у них отбивает доход. Святополк отобрал и лебеду и золу у монаха, думая, что эти припасы будут покупать, но ошибся. Тогда он вернул все иноку Никифору и просил у него прощения. Сын Святополка, внук Изяслава Мстислав, замучил до смерти двух печерских монахов, добиваясь у них указания, где хранится варяжский клад.

Обычно Новгород брал к себе старшего сына киевского князя. При Святополке этот обычай нарушился: несмотря на просьбы и угрозы новгородцы не взяли его сына, сказав, что они воспитали для себя Мстислава, сына Владимира Мономаха. Когда же Святополк настаивал, чтобы они взяли его сына, новгородцы прямо ответили: «Если у твоего сына две головы, то пусть идет».

Младший сын Ярослава — Всеволод, как будто был мягкий и покладистый человек, но таким он был при умном и опытном отце. После смерти Святослава в 1076 г. его сыновья теряли право участвовать в наследовании Киева. Однако их родовой удел Чернигов, видимо, должен был оставаться за Святославичами, но Изяслав подкупил Всеволода тем, что отдал в его владение Черниговский удел. Всеволод посадил в Чернигове своего сына Мономаха, который и должен был отражать набеги половцев, которых приводил с собой Олег Святославич, стараясь отвоевать свой удел. В 1093 г. Олег является с половцами под Чернигов

Князь Борис—Михаил Болгарский. Рукопись Чудовского соб р. 12

и окружает его. В это время умирает Всеволод. Владимир Мономах оставляет Чернигов Олегу и с семьей и дружиной проходит через полчища половцев, направляясь в свой наследственный Переяславль. С 1093 г. набеги Олега Святославича прекращаются, но путь на Русь половцам уже показан.

Святослав был, по-видимому, одареннее своих братьев. Святослав гневался на Феодосия, который не хотел его признавать великим князем, упрекая его за то, что Святослав нарушил старшинство своего брата Изяслава. Но Феодосий заботился о сохранении Киево-Печерского монастыря. Он помнил, что Изяслав в 1068 г. был недоволен Антонием, который безмолвно покорился князю Всеславу. Изяслав грозился даже посадить Антония в темницу и разогнать монастырь. Святослав вскоре помирился с Феодосием, видя в нем помощника и учителя. Феодосий навещал великого князя Святослава в Киеве, интересуясь Киевской библиотекой.

В лице Феодосия Святослав получил себе наставника в книжном чтении. Но это продолжалось недолго. 8 мая 1074 г. Святослав с сыном Глебом навестил Феодосия во время болезни, и тот поручил Печерский монастырь попечению князя Святослава и его семьи. В 1076 г. скончался и сам Святослав.

По-видимому, рукопись Изборника перешла от него к старшему сыну Глебу. Глеб же с дружиной находился в Новгороде и мог положить эту книгу в какой-либо из новгородских храмов.

Теперь мы знаем, что книга эта была заказана именно Святославом для чтения и изучения. Такой же интерес к чтению в семье Ярослава проявлял, по-видимому, внук его Владимир Мономах. При этом надо отметить, что, несмотря на свою начитанность, и князь Святослав, и Владимир Мономах продолжали сохранять древние народные обычаи. У Святослава не только музыканты и певцы украшают княжеский пир. У одного из его сыновей был княжеский певец Боян, о котором мы знаем из Слова о полку Игореве. Певец этот, однако, ставил в пример другим князьям не своего князя Олега Святославича, а Владимира Мономаха.

До крещения Владимира мы не слышим о распространении грамотности на Руси. Что мы знаем о просвещении Руси и из каких источников? С 1037 г., со времени появления греческого митрополита в Киеве, греческое духовенство все усилия направляет на то, чтобы доказать зависимость от Византии. С этой целью в митрополичьем окружении в самом конце XI в. или в начале XII в. была составлена так называемая Корсунская легенда о крещении Владимира [10], исказившая подлинные факты.

Откуда могли быть взяты славянские книги? Библиотека Ярослава имела книги не только для учения и для церковной службы,

---

[10] *А. А. Шахматов.* Корсунская легенда о крещении Владимира. Сб. статей, посвященных почитателями В. И. Ламанскому, ч. 2. СПб., 1908, стр. 1029—1153.

Миниатюра с изображением великого князя Святослава и его семьи

но и книги для чтения, причем эти четьи книги требовали большой подготовки для их понимания. Такова была роскошная научная энциклопедия X в., списком с которой является Изборник 1073 г.

Конечно, одна книга из библиотеки царя Симеона с его изображением могла попасть в Киев при Владимире или Ярославе. Но как объяснить тот факт, что у нас имеется еще две копии XII в. с болгарских оригиналов X в., причем эти книги обе имеют изображение князя Бориса—Михаила болгарского (+907). Особенно хорошо передан оригинал в рукописи конца XII в. (Син. № 262). — Учительное евангелие Константина Болгарского. Менее удачно передано изображение болгарского князя в рукописи конца XII в. (Чуд. № 12). Рукопись содержит Слово Ипполита папы Римского об антихристе [11].

Все списки древних оригиналов, дошедшие до нас от киевского периода, были большого формата, написанные прекрасным кирилловским письмом, имеют выходные миниатюры или орнамент в красках с золотом.

Русские ученые И. И. Срезневский и А. И. Соболевский выразили предположение, что при взятии Преслава царский дворец Симеона был разграблен и были расхищены не только драгоценности, но и книги; при этом отдельные экземпляры могли попасть на рынки Византии. Но надо помнить, что в ту эпоху книги не продавались готовыми, а заказывались. Притом болгарские книги не могли появляться на рынках Византии: не в интересах греков было распространять славянскую письменность. Трудно предположить, что какая-то счастливая случайность спасла три роскошные книги с изображениями болгарских царей и что книги эти случайно попали в Киев.

В Византийских хрониках не сказано, чтобы Преслав был разграблен при взятии его войсками императора Цимисхия. Кедрин указывает [12], что в Преславе сгорело только одно здание, в котором помещался русский гарнизон, оставленный Святославом Игоревичем. Русские воины были перебиты или бежали, а здание сгорело, но дворец болгарских царей остался нетронутым, и последний царь Борис Петрович вышел навстречу императору Цимисхию и оставался в Преславе до окончания его войны со Святославом. После этого город был обращен в византийскую крепость, царь Борис, а вместе с ним все царские сокровища были увезены в Константинополь. Во время торжественного въезда в столицу впереди ехала большая колесница с трофеями. На ней везли, конечно, далеко не все, а только часть предметов, которые могли дать представление о том богатстве, которое было захвачено в Преславе. Сверху этих трофеев была поставлена икона Бого-

---

[11] *В. С. Голышенко.* К вопросу об изображении князя в Чудовской рукописи XII—XIII вв. — «Проблемы источниковедения», т. VII. М., 1959, стр. 415.

[12] Г. Кедрин ведет изложение по Хронике Льва диакона, а позднее по Михаилу Пселлу. См. *Г. Кедрин.* Деяния церковные и гражданские. М., 1820.

родицы. Все это было принесено в дар храму св. Софии. Корона последнего болгарского царя Бориса была также отдана в этот храм, а царь Борис получил титул одного из византийских придворных чинов — магистра.

Надо думать, что вслед за тем были привезены и остальные ценности, для которых потребовалась не одна колесница. Император Иоанн Цимисхий был один из выдающихся людей своего времени и понимал значение книг. Поэтому он их вывез в Константинополь, и они хранились там до его смерти в 986 г.

Конечно, брак царевны Анны с Владимиром был не по душе византийцам, но раз Василий II был вынужден на него согласиться, то он его, наверно, пожелал обставить с великолепием и пышностью. Поэтому вполне возможно, что император Василий велел перевести роскошную библиотеку царя Симеона в Киев. Ведь по договору он требовал, чтобы крестилась не только великокняжеская семья, но чтобы была просвещена и вся страна. Для этого были необходимы учителя и книги.

Каковы могли быть размеры привезенной библиотеки царя Симеона? Из предисловия известно, что он «наполнил свои хоромы книгами». Кроме книг богослужебного цикла были еще книги, составлявшие фонд византийской литературы и науки X в. О составе этого фонда говорит акад. А. И. Соболевский [13]. Надо думать, что библиотека включала две или три сотни томов. Состав этой литературы был очень разнообразен.

Мы знаем, что все книги, имевшиеся в Боголюбове и Владимире, сгорели во время татарского нашествия 1237 г. То, что еще сохранялось из оригиналов в Киеве, и позднейшие списки погибли во время нашествия татар в 1240 г. Совершенно случайно сохранились книги, написанные по заказу архиепископа Ростовского Кирилла в начале XIII в. В 1238 г. татары разграбили и сожгли города Суздаль, Дмитров, Москву. Ростов, окруженный дремучими лесами, они прошли, не заметив его. Сохранился и сам город и книги, положенные в церкви. Все древние списки с Симеоновских оригиналов, дошедшие до нас, отличаются прекрасным кирилловским письмом. Большая часть из них носит торжественный характер, имеет большие размеры, крупный устав, миниатюры и иногда инициалы. Миниатюры мы встречаем в Изборнике 1073 г., Остромировом евангелии 1056 г., Евангелии Московского университета начала XII в., в Апостоле 1220 г., в Учительном евангелии Константина Болгарского и в Слове об антихристе Ипполита папы Римского.

Вероятнее всего предположить, что не отдельные экземпляры из библиотеки царя Симеона попали в Киев, а что туда перешла вся библиотека царя Симеона, хранившаяся с 971 г. в храме св. Софии в Константинополе.

---

[13] *А. И. Соболевский*. Древняя церковно-славянская литература и ее значение. Харьков, 1908. Отд. оттиск из журнала «Мирный труд».

Следует заметить, что все дошедшие до нас списки Киевских рукописей X—XI вв. написаны только одной кириллицей, следовательно, эта письменность восходит к оригиналам времени царя Симеона. Иоанн экзарх Болгарский, писатель X в., говорит, что, как только какая-либо книга переводилась с греческого, она посылалась князю Борису-Михаилу, и тот отдавал ее «иноку Тудору дуксову», чтобы он переписал ее. Таким образом, по-видимому, перевод писался первоначально глаголицей, а затем в монастыре Бориса-Михаила переписывался новым торжественным письмом — кириллицей, типа крупного греческого устава. Возможно, инок Тудор и был тем искусным мастером, который приспособил греческое торжественное уставное письмо к славянскому языку.

Просвещение пришло к русским на близком им языке. На старославянской основе у нас вырабатывается и свой родной письменный язык. Поэтому в XI в. на основании местных киевских преданий и греческих хроник мы начинаем писать русскую летопись. А в конце XII в. на основе того же старославянского языка вырабатывается русский поэтический язык. Мы говорим о Слове о полку Игореве.

Б. В. Сапунов

«БОГОСЛОВЦА ОТ СЛОВЕС» В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г. И ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ НА РУСИ В XI В.

Изборник 1073 г. часто оценивается как переводная компиляция, запечатлевшая идеи чужого мира и другой эпохи, непонятные русскому читателю.

В академическом издании многотомной «Истории русской литературы» [1] этой рукописи было уделено всего несколько строк. По мнению И. У. Будовница, Изборник 1073 г. не оказал влияния на общественную мысль древней Руси, вообще не имел успеха [2]. Негативная оценка И. У. Будовница имела длительную традицию. Среди историков древнерусской литературы бытует мнение, что переводные произведения нельзя рассматривать как источник информации о русской жизни соответствующей эпохи.

Между тем Изборник 1073 г., стоящий у самого истока русской книжной культуры, заслуживает большого внимания.

---

[1] Т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 191.

[2] *И. У. Будовниц.* Общественно-политическая мысль древней Руси. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 111—115.

Конечно, трудно согласиться с общей весьма сдержанной оценкой роли Изборника 1073 г. в истории русской литературы и общественной мысли. Не только перевод с другого языка, но даже переписывание с русского списка было в условиях древней Руси творческим актом. Текстологи прекрасно знают, что практически нет совершенно идентичных рукописей. Академик Д. С. Лихачев убедительно доказал, что процесс восприятия иноязычного произведения носил активный характер и мог быть успешным только в том случае, когда на русской почве сформировались предпосылки, обеспечившие его понимание [3].

В XI в. встала чрезвычайно сложная задача — в минимально короткий срок нужно было выбрать из океана византийской и других литератур те произведения, которые в наибольшей степени отвечали потребностям древнерусского читателя, которые, с точки зрения церкви или княжеской власти, соответствовали задачам, стоявшим перед русским обществом XI столетия. Всякий перевод и переписка рукописи, а особенно такой крупной, как сборник царя Симеона, — это сложное и трудоемкое дело. Невозможно допустить, чтобы заказчик — киевский, а до этого черниговский князь Святослав — дал бы указание переписать рукопись, если бы ее содержание не было созвучно его взглядам.

От XI в., точнее от его второй половины, уцелело только 33 рукописи [4]. Сохранившийся корпус как будто не позволяет предположить относительно широкое проникновение книги в жизнь русских людей той отдаленной эпохи. Однако отдельные Слова Изборника 1073 г. и перекликающиеся с ними другие древнерусские сочинения, бесспорно, указывают на наличие уже в XI в. значительного читательского интереса, без которого любая книга превращается в мертвый капитал.

Остановимся на трех статьях Изборника 1073 г. — «От апостольских уставов» (лл. 203, 203 об., 204), «Слово Иоанна (Дамаскина) о верочитных книгах» (лл. 252, 252 об., 253) и наиболее значительной — «Богословца от словес» (лл. 253, 253 об., 254).

Примечателен сам факт, что одна из древнейших русских книг, написанная по заказу великого князя Святослава Ярославича (1027—1076 гг., с 1073 г. — великий князь Киевский) [5], содержала первый на Руси индекс рекомендованных и запрещенных произведений.

---

[3] *Д. С. Лихачев.* Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952. К вопросу о «византийском влиянии на Руси», стр. 119—129; Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973, стр. 31—35.

[4] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV веков, хранящихся в СССР. Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966, стр. 187—190.

[5] В 1075 г. немецкие послы дивились богатству великого князя Киевского Святослава (ПВЛ под 1075 г.). По-видимому, он был большой любитель книг и церквей. В бытность князем в Чернигове он основал Елецкий и Ильинский монастыри.

Первый, кто обратил внимание на статью «Богословец от словес» и издал ее, был К. Калайдович[6]. Но тогда список «Богословца» не был соотнесен с русской действительностью и литературой. Статья осталась неизученной, не были выявлены ее источники и не было подтверждено ее русское происхождение. Эту работу в значительной степени проделал А. Пыпин в исследовании «Для объяснения статьи о ложных книгах»[7].

На основании сличения греческого и русского текстов он утверждал, что если первая часть статьи, где перечислены истинные или канонические книги, пришла из Византии, то вторая часть — книги ложные (апокрифические), содержащая отреченные сочинения, легенды, предания, народные суеверия, адресовалась русскому читателю. В обстановке ожесточенной борьбы церкви с распространяющимся двоеверием, эта часть статьи имела огромное значение.

Восходя к греческим индексам, статья Изборника 1073 г. перешла во все последующие русские индексы, часто дополнялась и изменялась.

Статья «От Апостольских уставов» предписывает общее запрещение апокрифических книг — «странских (отреченных. — *Б. С.*) книг всех уклоняйся». Однако автор (или авторы) сами, видимо, не очень верили в эффективность подобных заклинаний. В ответ на предполагаемый интерес читателя к произведениям тех или иных жанров, они, следуя общей задаче сборника, указанной в заголовке «Сбор от многих отец, . . .вкратце сложен на память и на готов ответ», предлагали: «. . . аще бо повести хоштеши почитати, имеши цесарские книги (книги Царств. — *Б. С.*), аште ли хитростными и творитвенны, то имеша пророки Иова и Предтечник, в них же всякая твари и ухищрения, большую пользу уму обрещети, . . .аште ли и песни хоштеши, то имаше псалмосы. . .». Статья ставит своей целью направить уже зарождающийся индивидуальный читательский интерес в определенное предписанное церковью русло.

Вторая статья триады — «Слово того же Иоанна (Дамаскина. — *Б. С.*) о верочитных книгах» — содержит перечень книг Ветхого и Нового завета, рекомендованных для религиозного чтения. В Слове подчеркивается, что некоторые ветхозаветные книги, например такие, как четыре книги цесарские (Царств. — *Б. С.*), первая и вторая книги Паралипомен, первая и вторая книга Ездры (третья не указана. — *Б. С.*) — едины, «сице убо суть сложены» и входят в состав библейских, которых «яко ведомо есть 20». Далее приводятся их названия. Все они «добры суть и лепотны».

Номенклатура Нового завета ограничена десятью единицами.

---

[6] *К. Калайдович.* Иоанн экзарх Болгарский. М., 1824, стр. 104.

[7] *А. Пыпин.* Для объяснения статьи о ложных книгах. Летопись занятий Арх. ком. 1861 г., вып. 1. СПб., 1862, стр. 1—55.

Наиболее полный индекс канонических (истинных) и ложных (апокрифических) сочинений находится в «Богословце от словес». Начинается он с утверждения, что некие люди прельщаются «неистовыми» книгами. Поэтому автор предлагает принять «. . .сей мой избранный любчисленник».

Далее приводится список книг Ветхого и Нового завета, рекомендованных для чтения. «Рождество (Бытие), Исход, Леутикон (Левит), Числа, Второзаконие, Иисус (Иисус Навин), Книги Судей, Руфь, девятая же и десятая книги Деяния Царски» (первая и вторая книги Царств), Паралипомены (первая и вторая книги Паралипоменон), затем Иездру (Ездры), Пятерны (Пятикнижие) — их же первая — Иов, потом Давид (Псалтирь Давидов), «потом троя Соломона» — «Сборник, песня же, притчи» (Притчи Соломона, Песня песней Соломона, премудрости Соломона) «и по сем духа пророческа» (Проповедник, Еклисиаст), и пророки — Осия; Амос, Михем (Михей), Иосия, Иона, Авдиос (Авдей), Наум, Аввакум, Софоний, Аггеос (Аггей), Захария, Малахия — Исайя же и нарицаемы Иеремия, из младых, Иезекиил, Даниил, «Новые тайны» — Матвея, убо написа чудеса Христа, Марк, Лука, Иоан, «проповедник великих небоносных жителей», после же деяния мудрых апостол Павл, послания Петра, Иоанна, Иуды, Иаково послание, послание Павла к римлянам, к коринфянам, к галатам, к ефесянам, к филиппийцам, фессалоникийцам, к солунянам, к Тимофею, к Титу, к Филимону, к евреям. Кроме того, автор как бы вспомнил и после перечня книг Нового завета добавил пропущенные книги Ветхого завета — Мудрости Сирахова (Иисуса сына Сирахова), книги Маккавеев, Есфирь, Юдиф, Товит.

Затем идет перечень запрещенных книг: «Адам, Енох, Ламех, патриархи, молитва Иосифова, завет Мусин (Моисея), Исход Мусин, Псалмы Соломона, Ильино откровение, Иосино видение, Софрония откровение, Захарьино явление, Иакова повесть, Петрово откровение, учения апостольские Варнавы, Посылание, деяния Паула, Наумово откровение, учение Климентово, Игнатово учение, Полукарпово учение, Евангелие от Варнавы, Евангелия от Матвея (?)».

А. Пыпин указывает, что в других греческих вариантах после книг, не принятых в канон — Премудрости Соломона, Премудрости Иисуса сына Сирахова, четырех книг Маккавейских, книг Есфирь, Юдиф, Товита — идет список апокрифических книг Ветхого и Нового завета, затем, как и в Изборнике 1073 г., статья Епифания о пророках и др. В Древней Руси было запрещено еще откровение Ездры. По-видимому, церковники XI в. сомневались, куда отнести премудрости Иисуса сына Сирахова, Маккавейские книги, книги Есфирь, Юдиф, Товит. Не случайно их нет в первом перечне разрешенных книг «Богословца от словес».

Как видно из списка, церковь в первую очередь стремилась упорядочить корпус Ветхого и Нового завета и отсечь отреченные книги. Объем Библии почти совпадает с принятым в настоящее

время. Правда, в ряде случаев книги идут в иной, чем принято ныне, последовательности. Имеются различия в составе. В Ветхом завете отсутствуют книги Неемии и пророка Варуха, в Новом завете — откровение Иоанна Богослова [8]. Вероятно, это какие-то отголоски внутрицерковной борьбы на ранних этапах существования христианства.

В XI в. церковь еще не пыталась вводить индексы сочинений не богослужебного и не богословского характера.

Для данного очерка не имеет особого значения анализ репертуара истинных и ложных книг по Изборнику 1073 г. Важно то, что индекс содержался в сборнике, принадлежащем великому князю Киевскому. В Изборнике перечислены 47 книг Ветхого завета, 20 книг Нового завета и не менее 23 отреченных книг. Изучение летописей и других письменных источников позволило установить, что к концу XI в. на Руси функционировало не менее 25 монастырей и 42 церквей, причем в это число входили только те храмы и обители, даты постройки которых были точно известны. Есть основания утверждать, что на страницы летописей попали только 20—25% сведений об архитектурных работах в древней Руси. Известия о сооружении большого числа культовых зданий остались не учтенными письменными источниками и затерялись в тьме веков. По-видимому, реальное количество более или менее крупных храмов, находившихся в городах, следует увеличить.

Список сохранившихся книг второй половины XI в. существенно противоречит рекомендации «Богословца». От этого времени до наших дней дошли книги 15 названий — 9 Евангелий (тетр и апракос), 7 Миней (служебных и месячных), Миссал, Изборники 1073 и 1076 гг., Служебник, Кирилл Иерусалимский, Пандекты Антиоха Черноризца, Патерик Синайский, апокрифическое житие Феклы, житие Кондрата, Златоуст, Григорий Богослов, Ефрем Сирин, Требник, 4 Псалтири [9].

Евангелия, входившие в число рекомендованных книг, составили 24% уцелевших рукописей. Это в какой-то степени закономерно. Евангелия в двух вариантах — тетр и апракос — всегда занимали первое место в ритуале православного богослужения. В летописях и других письменных источниках при перечислении церковных книг Евангелия всегда выделялись особо и стояли на первом месте («Евангелия и книги») [10]. Без напрестольного Евангелия не мог функционировать православный храм.

Можно думать, что в практике XI в. Евангелие бытовало не только в храмах. Имеются сведения о том, что Евангелия находились в личном пользовании представителей феодальной знати. Рассказывая о мероприятиях Владимира I Святославича, Повесть

---

[8] Библия. Изд. Московской Епархии. М., 1968.

[9] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV веков, стр. 187—190; №№ 1—33.

[10] Новгородская первая летопись. . . М.—Л., 1950, стр. 77; Ипатьевская летопись, под 1146 г.

Временных лет под 996 г. сообщает, что великий князь «любил словеса книжные, слышал бо едино Евангелие чтомо». Роскошное Евангелие принадлежало великому князю Мстиславу (Евангелие апракос Мстиславово, ГИМ, Син. № 1203, нач. XII в.); другое — посаднику Остромиру (Евангелие апракос Остромирово, ГПБ, п. 1.5. 1056/1057 г.). Дьякон Григорий, написавший текст этой рукописи, в послесловии сообщает интересную подробность. Он преподносил свой труд не только самому новгородскому посаднику Остромиру, в крещении Иосифу, но и «подружии (жене. — *Б. С.*) его Феофане, и чадам их» и «подружиям чад их», т. е. сыновьям посадника и его невесткам. Если бы члены семьи знатного новгородца не проявляли бы интерес к подобной литературе, то такое подношение было бы бессмысленно.

На втором месте среди разрешенных книг стоят Псалтири. Их четыре списка, что составляет 12% общего количества. Псалтирь Давидова занимала особое место среди религиозных книг на протяжении всего средневековья. Она сопровождала древнерусского человека от рождения до смерти. По этой книге учили грамоте, экзаменовали, гадали, разучивали псалмы на память. Остальные сохранившиеся книги не входят ни в число рекомендованных, ни в число запрещенных.

Совершенно невозможно предположить, что уцелевшие рукописи XI в. можно рассматривать как микромодель всего книжного фонда Руси этого периода. Весьма высок процент случайности, во многом обусловивший состав дошедших до нас книг.

Другой особенностью номенклатуры сохранившихся рукописей XI в. является почти полное отсутствие среди них книг Ветхого завета. Это может вызвать удивление, так как составители «Богословца» усиленно советовали их читать. Однако такое положение может быть объяснено тем, что в практике русской церкви даже московского периода Ветхий завет не получил распространения. Ветхозаветные тексты почти не употреблялись при богослужении и поэтому не оседали в церковных библиотеках. Описи монастырских и церковных библиотек XVI—XVII вв., просмотренные мною в большом количестве, полностью подтверждают высказанное предположение.

Первый русский список Библии, составленный новгородским архиепископом Геннадием в 1499 г., был воспринят как не вполне ортодоксальный. Текст Библии, получивший всеобщее одобрение, был переписан, отредактирован и напечатан Ив. Федоровым в Остроге только в 1581 г. Библии, в том числе федоровские, встречаются в России не раньше конца XVI в. и только в собраниях крупных монастырей и кафедральных соборов [11].

По-видимому, в домонгольское время отношение к ветхозаветным текстам было несколько иное. Интересные сведения о том, что читали в XI в., находятся в Киево-Печерском патерике. Хотя

---

[11] Рассмотрение состава сложившегося корпуса книг Библии выходит за рамки статьи.

основной круг новелл Патерика был написан в 20-х годах XIII в., они рассказывают о событиях середины — второй половины XI столетия, сгруппированных вокруг биографии основателя обители Феодосия. 25-е Слово сохранило рассказ о затворнике Никите, ставшем впоследствии епископом Великого Новгорода. В монастыре считали, что никто из братии не мог состязаться с ним в знании книг Ветхого завета. Никита наизусть выучил тексты книг Бытия, Исход, Левит, Числа, Судей, Царств и все пророчества по чину. Кроме того, он был «добре сведяще» «во всех жидовских книгах» [12]. Это прямое воплощение, в той же последовательности, рекомендаций «Богословца».

Киевский митрополит Иларион, родом русский, занимавший кафедру владыки русской церкви с 1051 по 1055 гг., знал и цитировал книги Бытия, Судей, Пророков, Иисуса сына Сирахова, Псалмы Давида. Библейские книги знали авторы Повести временных лет и Киево-Печерского патерика. Владимир Мономах, составляя Поучение, использовал Псалмы Давида и тексты пророка Исайи. Таких примеров можно привести много. Преподобный Феодосий не только сам был большой охотник до книг — «в словесах книжных веселился» [13], но непрерывно поучал братию «почитанию книжному, . . .паче же иметь в устах Псалтирь Давидов. . .» [14].

Бывший монах Печерского монастыря, Владимирский и Суздальский епископ Симон, безусловно хорошо знавший уклад своей alma mater, в письме к иноку Поликарпу писал, что чтение в келии Псалтири являлось обычным занятием монахов [15]. В других рассказах Патерика говорится о том, что тихое пение Псалтири сопровождало работу и жизнь печерских иноков [16]. Это также совпадает с предписанием «Богословца от словес».

Отметим еще одну черту — Феодосий требовал читать и распевать псалмы царя Давида. В последующее время, вплоть до XX в., сборник псалмов царя Давида обычно называется Псалтирем.

В «Богословце от словес» среди отреченных книг названы псалмы Соломона. Поэтому не случайно подчеркивание, что монахи обязаны «. . .иметь в устах Псалтирь Давидов».

В логической связи с указанными статьями Изборника 1073 г. находится статья Изборника 1076 г. «О почитании книжном» [17].

В данном очерке невозможно решить вопросы, является ли «грешный Иоанн», писец Изборника 1076 г., и «дьяк Иоанн», писец Изборника 1073 г. — одним лицом или двумя разными,

---

[12] Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 91.
[13] Лаврентьевская летопись, под 1091 г.
[14] Житие преподобного Феодосия Печерского. Уч. зап. II отделения Академии наук, кн. II, вып. 2. СПб., 1856, стр. 129—188.
[15] Патерик Киевского Печерского монастыря, стр. 73.
[16] Там же, стр. 33, 34, 36, 120.
[17] Изборник 1076 г. М., «Наука», 1965, стр. 151—152.

принадлежал ли Изборник 1076 г., подобно Изборнику 1073 г., великому князю Святославу, или не принадлежал? Как известно, в литературе по этим вопросам пока нет единства мнений.

В 1885 г. А. И. Соболевский утверждал, что «в тех чертах его (Изборника 1076 г. — *Б. С.*), которые нам известны, главные черты правописания те же, что и в сборнике 1073 г.» и что оба сборника являются достоверными источниками для киевского говора второй половины XI в. [18]

В 1929 г. Д. И. Абрамович убедительно доказал, что одним из источников Изборника 1076 г. был Изборник 1073 г. [19] А. Алферов и А. Грузинский в 1907 г. полагали, что оба Изборника были написаны для Черниговского, а затем великого князя Киевского Святослава Ярославича [20]. Еще в XIX в. Ф. И. Буслаев писал, что Изборник 1076 г. оказал заметное влияние на Поучение Владимира Мономаха, поэтому он должен был находиться в великокняжеской библиотеке в начале XII в. [21] Эту мысль разделяют и советские ученые. И. У. Будовниц даже не сомневался в том, что Изборник 1076 г. принадлежал Святославу. Оба Изборника, по мнению Будовница, были составлены по поручению великого князя Киевского [22]. Н. Б. Шеламанова называет Изборник 1076 г. Изборником Святослава [23]. Ряд исследователей еще в XIX в. предполагали, что обе рукописи выполнены одним и тем же лицом — дьяком Иоанном [24].

В 1965 г. В. С. Голышенко, автор палеографического описания Изборника 1076 г., на основании изучения почерков двух Изборников сделала вывод о том, что оба сборника написаны разными лицами, а Изборник 1076 г. не принадлежал Святославу [25]. Столь решительное утверждение, базирующееся только на палеографическом анализе, едва ли представляется достаточно аргументированным. Многолетняя музейная практика привела автора данного очерка к глубокому убеждению, что изучение по-

---

[18] *А. П. Соболевский.* Источники для знакомства с древнерусским говором. — ЖМНП, 1885, ч. 237, февраль, стр. 353.

[19] *Д. І. Абрамович.* До питання про джерела Ізборника Святослава 1076 року. Науковий збірнік Ленінгр. т—ва дослідників української історії, письменства та мови, т. 2. Київ, 1929, стр. 65—74.

[20] *А. Алферов, А. Грузинский.* Допетровская литература и народная поэзия. М., 1907.

[21] *Ф. П. Буслаев.* Русская хрестоматия. . . М., 1870, стр. 13—16; Историческая хрестоматия. . . М., 1861, стр. 289—299.

[22] *И. У. Будовниц.* Общественно-политическая мысль древней Руси, стр. 111—115. *Его же.* «Изборник Святослава 1076 г.» и «Поучение Владимира Мономаха» и их место в истории русской общественной мысли. — ТОДРЛ, вып. X, 1954, стр. 49—50.

[23] Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. . ., стр. 188, № 5.

[24] Филологические наблюдения А. Х. Востокова, изданные по поручению II отд. А. Н. И. Срезневским. СПб., 1865, стр. 3; *К. Ф. Калайдович.* Иоан экзарх Болгарский, стр. 104.

[25] Изборник 1076 г., стр. 31—32.

черков, так же как и стилистический анализ картин, икон, является необходимым, но далеко не достаточным доказательством той или иной атрибуции.

С точки зрения формальной логики, несостоятелен и другой вывод В. С. Голышенко. Она утверждает, что если на Изборнике 1076 г. написано, что он создан «при Святославе, князе русской земли», то это значит, что он не принадлежал Святославу, так как на Изборнике 1073 г. прямо записано, что он был написан по заказу и принадлежал великому князю. Но владельческие записи XI—XII вв. известны только в нескольких случаях (Остромирово евангелие, Изборник 1073 г., Мстиславово евангелие) и никак не могут рассматриваться как обязательная норма. Значит, аналогия с Изборником 1073 г. несостоятельна. Кроме того, следовало бы учесть соображение Н. В. Волкова о том, что книги, существовавшие группами (например, месячные Минеи), могли иметь записи с именем заказчика либо на первом, либо на последнем томе [26]. При всех отличиях, оба Изборника, бесспорно, составляют пару.

Рассмотрим юридический казус. В 1073 г. по заказу Святослава Ярославича уроженец Киева или его ближайших пригородов дьякон Иоанн пишет Изборник. Через три года другой киевлянин — «грешный Иоанн», используя многие книги личной библиотеки великого князя («избрано из многих книг княжьих») и в том числе Изборник 1073 г., пишет другой Изборник. Этот второй сборник находится в составе великокняжеской библиотеки до начала XII в., когда попадает в руки великого князя Владимира Мономаха (1113—1125 гг.) [27]. Из приведенных обстоятельств дела любой юрист сделает вывод, что без ведома или прямого одобрения великого князя Изборник 1076 г. не мог появиться на свет. Как рабочая гипотеза такое предположение вполне допустимо.

Итак, имеется вполне реальная возможность бытования обоих Изборников в составе великокняжеской библиотеки. Как отметил академик Д. С. Лихачев, Изборник 1076 г., подобно своему предшественнику, был адресован верхам киевской феодальной знати [28]. Естественно, что содержащиеся в них поучения не только внутренне взаимосвязаны, но приобретают характер государственной политики.

Изборник 1076 г. начинается «словом некоего калугера». В самом начале XIX в., очевидно, одним из первых, на этот памятник обратил внимание А. Х. Востоков [29]. Подготовив

---

[26] *Н. В. Волков.* Действительно ли безымянна была большая часть трудов древнерусских переписчиков. — ЖМНП, ч. CCCXIV. СПб., 1897, ноябрь, стр. 70—82.

[27] *В. П. Адрианова-Перетц.* Сборники морально-философских изречений. — История русской литературы, т. 1. М.—Л., 1941, стр. 171—173.

[28] *Д. С. Лихачев.* Возникновение русской литературы, стр. 134—135.

[29] *А. Х. Востоков.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 409.

текст статьи для хрестоматии И. Пенинского, он писал: «. . . данная статья, по-видимому, оригинальная, произведение славянское, не перевод с греческого . . . и поэтому она особенно любопытна, как выражение новопросвященного славенина о драгоценной науке книжной, которую он приобрел вместе с христианством» [30].

В 1848 г. И. П. Сахаров написал специальную статью, посвященную палеографическому анализу «Слова о почитании книжном», и опубликовал ее текст [31]. В 1861 г. Ф. Буслаев также считал эту главу не заимствованной, а оригинальной, русского происхождения [32].

По своему характеру статья близка по тексту Лаврентьевской летописи под 1037 г. Между ними имеются даже прямые совпадения.

Изборник 1076 г.	*Лаврентьевская летопись 1037 г.*
«. . . Добро есть, братие, почитание книжное . . . Узда коню — правитель есть и воздержание, праведнику же книги».	«. . . мудрость бо обретает и воздержание от словес книжных . . . си суть узда воздержанию . . .»

И в том и в другом памятнике даются исключительно высокие оценки огромной роли книги в жизни людей и общества.

«. . . не составить бе ся корабль без гвоздей, ни праведника без почитания книжного. Красота воину оружие и кораблю ветрила, так и праведнику почитание книжное».	Книги — «. . . суть реки напояющие вселенную, се суть исходища мудрости, книгам бо есть неисчислимая глубина. . . Велика бо бывает польза от учения книжного . . . Аще бо поищете в книгах мудрости прилежно, то обрящещи великую пользу души своей. . .»
Изборник 1073 г. «От апостольских уставов» В книгах «. . . большую (пользу. — *Б. С.*) уму обрящети. . .».	

Те же мотивы можно встретить и в «Слове святого Ефрема како достоить с всем прилежанием чести те святыя книги без лености». Полное восторженных похвал книге Слово содержит такие определения роли книги: «Муж мудр, не имея книг подобен есть оплоту без подпор стоящу, аще будет ветр, то падется. Тако и мудрый, пахнувшу на нь ветру греховному, падет ся не имея

---

[30] *И. Пенинский*. Славянская хрестоматия. СПб., 1828, стр. 252.

[31] *И. П. Сахаров*. Славяно-русская библиография (II Палеография), 1848.

[32] *Ф. П. Буслаев*. Историческая хрестоматия . ., стр. 290.

подпоры книжных словес. Аще ли мудрость книги, то свершен есть . . . Именье книг паче злата, черплюще от него воду живу, могущую устудити ражьжения наше страсти и наставит нас на всю истину. . .» [33]. Совпадают не только общая направленность, но даже отдельные образы. Современный тезис — «книга — источник знаний», по сути дела, восходит к тем же прототипам.

Идея о тщательном, без лености чтении была развита в «Слове некоего калугера. . .», которым начинается Изборник 1076 г. Это как бы методическое пособие, написанное от имени калугера (по сербо-хорватски — монаха) — лица, с точки зрения русских второй половины XI в., достаточно искушенного в чтении книг, советы которого могли быть наиболее авторитетны [34].

Первая фраза статьи раскрывает задачу углубленного чтения: «Добро есть, братие, почитание книжное. Когда читаешь книгу не старайся быстро дойти до другой главы, но поразумей, что говорят книги и словеса те и трижды обращайся к каждой главе» [35].

По-видимому, те же методы обучения чтению использовались и в первых русских школах, сведения о которых сохранились в записях летописей [36].

Имеются прямые указания современников, что уже в середине XI в. имелась определенная прослойка читающих людей. Так, еще в конце XIX в. А. И. Пономарев обратил внимание на запись попа Упыря Лихого, написавшего в 1047 г. в Новгороде для князя Владимира Ярославича книгу Пророчеств (текст дошел в списке XV в.). В приписке поп Упырь адресовал свой труд не только князю, но и другим читателям [37]. Начиная с Остромирова евангелия, первой русской датированной книги (1056/57 гг.), списатели в послесловиях постоянно отмечали: «. . .молю же всех почитающих не можете кляти и исправляюще почитайте. . . Благословите, а не кляните» (Дьякон Григорий, писец Остромирова евангелия).

«Иде же криво, братие, исправивше чтите, благословите, а не кляните» [38]. По-видимому, переписчики XI в. были твердо уверены в том, что их рукописи не будут пылиться на полках

---

[33] Новгородская первая летопись. . . Приложение третье. Троицкий список Новгор. перв. летописи, стр. 561. Не столь важно, является ли «Слово Ефрема» переводным, компилятивным или оригинальным сочинением. Важно, что оно отражало русскую точку зрения по вопросу о роли книги.

[34] Хотя на Руси утвердилось греческое по происхождению слово «монах», адекватное ему по значению, пришедшее с Балкан «калугер» иногда встречается в памятниках древнерусской письменности. Этот термин знает Ипатьевская летопись (под 1200 и 1250 гг.). Два раза «калугерами» называли себя переписчики книг — в Тактиконе Никона Черногорца 1397 г. (ГПБ, F. 1, 48, л. 1).

[35] Изборник 1076 г., стр. 151—152.

[36] Лаврентьевская летопись, под 988 г., Софийская и Никоновская летописи под 1030 г.

[37] *А. И. Пономарев.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. V. СПб., 1894, стр. 8—13, 17—23.

[38] Изборник 1076 г., стр. 701.

книгохранилищ. Кроме того, они надеялись, что их читатели будут настолько квалифицированными, что смогут обнаружить и исправить допущенные в тексте ошибки и описки. А выполнить эту задачу можно было только при медленном, вдумчивом чтении.

Слово о законе и благодати, написанное в середине XI в., Иларион адресовал относительно широким кругам населения Киева, которым были хорошо «ведомы книги» и которые уже успели «преизлиха насытится сладости книжныя» [39].

Яркие зарисовки взаимоотношений, сложившихся в середине XI в. в сложной системе «книга-человек», можно найти в укладе жизни Киевского Печерского монастыря.

В 1068 г., через год после избрания братией игуменом, Феодосий ввел в своей обители Устав греческого Студийского монастыря. Не останавливаясь на разных вариантах рассказа об этом событии, отметим, что вскоре Студийский устав стал обязательным для всех монастырей древней Руси. Из текста Устава следовало, что христово воинство должно было быть грамотным. § 26 предписывал иметь при монастырях библиотеки, для хранения книг выделялся специальный монах — книжный приставник. Устав обязывал всю братию постоянно заниматься чтением. «Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель однажды в дерево и собираются братия в книгохранительную комнату и берет каждый книгу и читает до вечера. Перед клепанием же к светильничному, ударяет опять однажды книжный приставник и все приходят и возвращают книги по записи, кто же умедлит возвратить книгу, да подвергнется епитимии» [40]. Этот пункт Студийского устава описывает работу хорошо налаженной библиотеки, с большим количеством книг и читателей. (Если бы и тех и других было мало, можно было бы обойтись без записей выдач и собирать книги по памяти.) Неизвестно, сколь точно выполнялся этот параграф во всех монастырях древней Руси, но стремиться к его исполнению были обязаны все настоятели. Внимательное прочтение Киевского Печерского патерика приводит к убеждению, что в этой крупнейшей древнерусской обители уже в XI в. подавляющее большинство монахов, если не все, были грамотны.

Устав предвидел интенсивную обращаемость книг в монастырских библиотеках. В целях сохранности списков, он требовал от иноков аккуратного отношения к взятым для чтения рукописям, призывал не скрывать их в постели (по-видимому, после ночных чтений). Особенно большая ответственность возлагалась на книгохранителей. Если они плохо относились к своим обязанностям, «достойно не прилежат», не оберегают книги от пыли, не укрывают их, «всегда сухо да яст» [41].

---

[39] Чтения ОИДР, 1848, № 7, стр. 21—41. Сообщение Ундальского.
[40] *Б. Голубинский*. История русской церкви, т. 1, п/т 2. М., 1904, стр. 781.
[41] *Ф. П. Буслаев*. Историческая хрестоматия . ., стб. 388.

Специальный параграф «О калиграфе» регламентировал работу мастерских по переписке книг. Особое внимание уделялось точности переписывания. Строго запрещалось что-либо недописывать, либо приписывать. Особенно подчеркивалось, что работа в мастерской должна была протекать в обстановке «благостного настроения». Наконец, Устав тщательно оберегал монахов от чтения «взбраненных» (отреченных) книг [42]. В этом плане Устав предваряет соответствующие разделы Изборника 1073 г. Если в Уставе зафиксирован «типовой проект» организации мастерской по переписке книг, то в Житии преподобного Феодосия сохранилось весьма образное описание практической деятельности такой мастерской в середине XI в. Там звучит тот же мотив о «душевном мире».

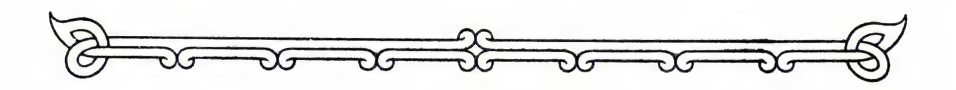
В заключение следует сказать, что на всех этапах взаимодействия книги с человеком, характерного для Руси в XI в. — в процессе ее изготовления, во время хранения рукописей в библиотеках монастырей, церквей, в сокровищницах боярской и великокняжеской казны, в момент углубленного чтения, когда читатель постигал заключенную в них мудрость, книга всегда была окружена глубоким уважением, граничащим с почитанием.

Подчеркивая высокую оценку книги, сложившуюся в домонгольское время, автор не игнорировал социальную роль, которую она играла в структуре раннефеодального государства. Это особая тема, требующая специального исследования.

Самым интересным является то, что столь дальновидное понимание огромного значения книги в жизни отдельного человека и общества характерно для Руси уже во второй половине XI в.

---

[42] *Ф. П. Буслаев.* Историческая хрестоматия . . ., стб. 390.



ИЗБОРНИК 1073 Г. И БОЛГАРИЯ В X В.

Б. Ст. Ангелов

ПОХВАЛА ЦАРЮ СИМЕОНУ *

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Об одном из ранних славянских поэтических произведений — знаменитой Похвале царю Симеону — первым в науке заговорил русский ученый К. Калайдович. В своем труде «Иоанн Экзарх болгарский» он опубликовал текст Похвалы по двум ее спискам, находящимся в хорошо известном сборнике Симеона—Святослава 1073 г. [1] С тех пор указанное поэтическое произведение стало предметом научных исследований, связанных с эпохой царя Симеона, временем расцвета болгарской литературы в X в. и развития поэтического жанра в древних славянских литературах. Наряду с этим предпринимались попытки отыскать новые списки памятника. Однако в науке до сих пор не было обращено должного внимания на тот факт, что в сборнике Симеона—Святослава 1073 г. помещены два списка Похвалы Симеону. Цель нашего сообщения — поделиться текстологическими наблюдениями над тремя известными на сегодняшний день списками Похвалы [2].

В науке утвердилось ошибочное мнение, что в сборнике Симеона—Святослава имеется только один список Похвалы, который помещен в самом начале рукописи. Так пишется во всех болгарских и зарубежных научных публикациях. На самом деле в этом сборнике Похвала встречается дважды: на л. 2 в начале рукописи и на лл. 263 об. — 264 в ее конце. Впрочем, как уже отмечалось выше, на это обстоятельство обратил внимание еще К. Калайдович, который при опубликовании двух данных списков Похвалы писал: «В предисловии (которое написано в четвероугольнике, украшенном по полям птицами и другими изображе-

---

* Перевод И. И. Калиганова.

[1] *К. Калайдович.* Иоанн Экзарх болгарский. М., 1824, стр. 102—103.

[2] Третий список помещен на л. 7 об. русской рукописи XV в., которая находится в Ленинграде (Кир.-Бел. № 5/1082).

ниями), сходном с послесловием (л. 263—265), означены причины, по коим собрана сия книга. Помещаем и то, и другое: последнее расположено в виде стихов; а в первом, сплошь написанном, каждый стих отделен точкою» [3]. Вслед за этим К. Калайдович опубликовал тексты обоих списков в двух колонках.

Спустя десятилетие описывавшие сборник А. Горский и К. Невоструев вновь коснулись Похвалы, высказав некоторые наблюдения относительно двух ее списков. Ученые не называют ее поэтическим произведением, а пишут о Похвале как о «предуведомлении», «предисловии», «подписи». Они также опубликовали текст первой Похвалы, не разбив ее на стихи. А. Горский и К. Невоструев разделяли мнение С. Шевырева, считавшего, что сборник первоначально был создан для князя Изяслава: «И как великимъ въ князѣхъ в России в 1073 г. был сначала Изяслав, потом изгнавший его Святослав и имя Святослава, как уже сказано, писано по скобленному, то очень вероятно предположение Шевырева, что рукопись первоначально писана была для Изяслава, потом уже досталась она Святославу, который и приказал повторить ту же подпись в начале рукописи, где его имя читается не по скобленному и где изображен он сам со всем своим семейством» [4].

К. Калайдович опубликовал оба текста Похвалы сборника Симеона—Святослава, но не сопоставил их тексты по стихам, чтобы яснее показать сходство и разницу между ними. Не сделали этого и А. Горский и К. Невоструев. По этой причине приведем параллельно тексты обоих списков, разбивая их на стихи:

	Список первый, помещенный на л. 2	*Список второй, помещенный на лл. 263 об.—264*
1.	Великыи въ кнѧзихъ кнѧзъ С҃тославъ.	Великыи въ кнѧзьхъ кнѧзь Свѧтославъ.
2.	Въжделаниемъ зѣло въжделавъ.	Въжделаниѥмь зѣло въжделавъ.
3.	Дьржаливыи в҃дка обавіти.	Дрьждаливыи владыка обавити.
4.	Покръвеныѩ разоумы въ глѫбинѣ.	Покръвеныѩ разоумъı въ глоубинѣ.
5.	Многостръпътьныхъ сихъ книгъ.	Многостръпътьныхъ сихъ кънигъ.
6.	Прѣмѫдраго Василіа въ разѫмѣхъ.	Прѣмѫдраaго Василѧ въ разоумѣхъ.
7.	Повелѣ мнѣ нем[ѫ]дроувѣдию.	Повелѣ мнѣ нѥмоудроувѣдиѭ.
8.	Прѣмѣноу сътворити рѣчи инако.	Прѣмѣноу сътворитi рѣчи инако.
9.	Набъдѧша тожьство разѫмъ его.	Набъдѧште тождьство разоумъ ѥго.
10.	Ѩже акы бъчела любодѣльна.	Ѩже акъı бъчела любодѣльна.
11.	Съ всѧкого цвѣта ѱанию.	Съ въсѧкого цвѣта псанiоу.
12.	Събьравъ акы въ единъ сътъ.	Събьравъ акъı въ ѥдинъ сътъ.
13.	В'вельмысльное ср҃це свое.	Въ велъмъıсльноѥ сръдьце своѥ.
14.	Проливаеть акы сътъ сладъкъ.	Проливаѥть акъı сътъ сладъкъ.
15.	Изъ усть своихъ прѣдъ болѧры.	Изъ усть своихъ прѣдъ болѧръı.
16.	На въразоумѣние тѣхъ мысльмъ.	На въразоумлениѥ тѣхъ мыслемъ.

[3] *К. Калайдович.* Указ. соч., стр. 102.

[4] *А. Горский, К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, стр. 367.

17.	Ѩвлѩѭсѧ имъ новыи Птоломѣи.	Ѩвлѩѭсѧ имъ новыи Птоломеи.
18.	Не вѣрою, нъ желание(мь) паче.	Не вѣрож, нъ желаниѥмь паче.
19.	И съБора дѣлꙗ многочьстьныихъ.	И съБора дѣлꙗ мно[го]чьстьныихъ.
20.	Б҃жствьныхъ кънигъ всѣхъ.	Божьствьныихъ кънигъ вьсѣхъ.
21.	Имиже и своꙗ клѣти испълнь.	Имиже и своꙗ полаты испълънь.
22.	Вѣчьноую си памѧть сътвори.	Вѣчьноуѭ си памѧть сътвори.
23.	Єже памѧти виноу въсприѩти.	Єже памѧти винѫ въсприꙗти.
24.	Бѫди хрістолюбивѣи д҃ши твоѥи.	Бѫди христолюбивѣи его д҃ши.
25.	Въ отъмьштениѥ вѣньцемъ.	Въ отъмьштениѥ вѣнцемъ.
26.		Блаженыихъ и с҃тыихъ мѫжь.
27.	Въ непрѣБродомыи вѣкъ вѣкомъ. Аминъ.	Въ непрѣБрьдомыи вѣкъ вѣкомъ.

Не вызывает сомнения, что первоначально был создан текст Похвалы, помещенный в конце сборника. Похвала расположена здесь на двух листах, написана более ровным и красивым почерком, каждый стих выделен и хорошо оформлен в художественном отношении, как это должно быть в книге, предназначавшейся для князя. Когда впоследствии Святослав стал князем, имя прежнего князя Изяслава, владельца книги, было стерто и вместо него вписали имя Святослава. Похоже на то, что именно по этой причине Похвала была переписана снова, теперь уже в начале книги, на л. 2. Здесь Похвала заключена в прямоугольную рамку, она также художественно оформлена, каждый ее стих отделяется точкой. Текст Похвалы начинается на оборотной стороне листа, но так как места в рамке не хватило, книжник перенес оставшиеся стихи на лицевую часть листа.

Оба текста писались одним и тем же книжником — дьяконом Иоанном с небольшим промежутком времени, поэтому различия между текстами представляют интерес. Конечно, существенной разницы здесь нет, стихи почти полностью совпадают. Имеются лишь два более или менее важных разночтения. В стихе 21 первого списка Похвалы вместо слова «полаты» употреблено слово «клѣти».

В стихе 24 есть существенное смысловое изменение: сочетание «его д҃ши» второго списка книжник заменил сочетанием «д҃ши твоѥи». Стих 26: «Блаженыихъ и с҃тыихъ мѫжь» второго списка полностью отсутствует в первом, что, по-видимому, является ошибкой переписчика.

Более многочисленны орфографические различия двух списков. Приведем лишь некоторые из них с указанием строк (первым даем слово первого списка, а за ним — второго): **кнѧзихъ — кнѧзьхъ** (ст. 1); **въжделаниемь — в҃ъжделаниѥмь** (ст. 2); **държаливыи — дрьждаливъıи** (ст. 3); **вдка — владъıка** (ст. 3); **обавіти — обавити** (ст. 3); **глѫбинѣ — глоубинѣ** (ст. 4); **прѣмѫдраго — прѣмѫдрааго** (ст. 6); **разѫмѣхъ — разоумѣхъ** (ст. 6); **набъдаша — набъдаште** (ст. 9); **тожьство — тождьство**

(ст. 9); разѫмъ — разоумъ (ст. 9); всѧкого — въсѧкого (ст. 11); ѱанию — псаніоу (ст. 11); вельмысльное — велъмъıсльноѥ (ст. 13); въразоумѣние — въразоуминиѥ (ст. 16); вѣрою — вѣроѭ (ст. 18); желание — желаниѥмь (ст. 18); вѣчьноую — вѣчьноуѭ (ст. 22); виноу — винѫ (ст. 23); въсприѧти — въсприꙗти (ст. 32); непрѣбродомыи — непрѣбрьдомъıи (ст. 27).

Эти и другие, главным образом, орфографические и фонетические различия двух текстов говорят о неустойчивости норм писца, о том, что язык поддавался воздействию живой разговорной речи, нашедшей здесь свое отражение. Из двух переписанных дьяком Иоанном текстов Похвалы к первоначальному виду ближе стоит второй список, в конце сборника.

Интересно также сопоставить второй список Похвалы Симеону с Кирилло-Белозерским списком XV в. Эти списки создавались с хронологическим разрывом в четыре века, что обусловило появление значительных языковых и орфографических различий между ними.

	Второй список в рукописи 1073 г.	*Кирилло-Белозерский список*
1.	Великыи въ кнѧзьхъ кнѧзь Свѧтославъ.	Великы въ цр҃іхъ Сүмеѡнъ.
2.	Въжделаниѥмь ѕѣло въжделавъ.	Желаніемъ ѕѣло въжела[въ].
3.	Дръжаливыи владыка обавити.	Дер'жал івыи влдка собавіти.
4.	Погрѣвеныꙗ разоумы въ глоубинѣ.	Съкровеныꙗ разоумы въ глоубинѣ.
5.	Многостръпътьныхъ сихъ кънигъ.	Многостр^{х}тны [сихъ] кнігъ.
6.	Прѣмѫдраго Василѧ въ разоумѣхъ.	Прѣмоудраго Васілька в разумѣ^{х}.
7.	Повелѣ мнѣ немоудроувѣдиѫ.	Повелѣ м'нѣ нѣкчинѣвѣдію.
8.	Прѣмѣноу сътворитi рѣчи инако.	Премѣноу сътворiти рѣчи инако.
9.	Набъдѧште тождьство разоумъ ѥго.	Набдѧще тожьство разоумъ его.
10.	Ꙗже акы бъчела любодѣльна.	Ꙗже акы бчела любодѣльна.
11.	Съ въсѧкого цвъта псаніоу.	Съ всѧкого цвѣта пiсанiю.
12.	Събьравъ акы въ ѥдинъ сътъ.	Събравъ акы въ едiнъ сотъ.
13.	Въ велъмысльноѥ срьдьцe своѥ.	Въ велькмысленое срдце свое.
14.	Проливаѥть акы сътъ сладъкъ.	Пролiзае^{т} акы стредь сладъкоу.
15.	Изъ осустъ своихъ прѣдь болѧры.	Изъ сусть свои^{х} предъ болѧры.
16.	На въразоуминиѥ тѣхъ мыслемъ.	На въразоумленiѕ тѣхъ мыслемъ.
17.	Ꙗвлѧꙗсѧ имъ новыи Птоломеи.	Ꙗвлѧꙗсѧ имъ новыи Птоломѣи.
18.	Не вѣроѭ, нѫ желаниѥмь паче.	Не вѣрою, но желанiем паче.
19.	И съкора дѣлѧ мно[го] чьстьныихъ.	И съкора дѣлѧ м'ногочастны^{х}.
20.	Божьствьчныихъ кънигъ вьсѣхъ.	Бж҃ственыхъ кнiгъ всѣхъ.
21.	Имиже и своꙗ полаты испълънь.	Имиже и своꙗ полати исполънн.

22.	Вѣ кноуѩжси памѧть сътвори.	Вѣчноую сі памѧ(м) сътвори.
23.	Еже памѧти винѫ въсприѩти.	Еже памѧті віну въсприѩті.
24.	Бѫди христолюбивѣи его д҃ши.	Буді хр(с)любівен его д҃ші.
25.	Въ отъмьштениѥ вѣнцемъ.	Въ отмъщеніе вѣнцем.
26.	Блаженыихъ и с҃тыихъ мѫжъ.	Бл҃жныхъ и с҃ты(х) мо(ж)у.
27.	Въ н҇прѣбрьдомыи вѣкъ вѣкомъ.	Въ непребредомы вѣко(м). Амінъ.

Наиболее интересным различием этих двух текстов является употребление в первом стихе Кирилло-Белозерского списка имени болгарского царя Симеона, тогда как в рукописи 1073 г. и в двух списках указан князь Святослав: **Великыи въ кнѧзьхъ кнѧзь Свѧтославъ — Великы въ ц҃ріхъ Сүмеѡнъ.** Приведем также и другие различия лексического и морфологического характера Сборника 1073 г. (первое слово) и Кирилло-Белозерского списка (второе слово); **въжделаниѥмь — желаніемъ** (ст. 2); **покръвенъıѩ — съкровеныѩ** (ст. 4); **многостръпътьнъıхъ — многос҃тр(х)тны** (ст. 5). В Кирилло-Белозерском списке пропущено слово «**сихъ**» (ст. 5); **нѥмоудроувѣдиѭ — нѣкчинѣвѣдію** (ст. 7); **писаніоу — пісанію** (ст. 11); **сътъ — стредь** (ст. 14); **сладъкъ — сладъкоу** (ст. 14); **въразоуминиѥ — въразоумленіе** (ст. 16); **испълънь — исполъни** (ст. 21).

Сравнение текстов двух списков подсказывает, что основой Кирилло-Белозерского списка послужил второй список в Сборнике Симеона. Об этом красноречиво свидетельствует употребление словосочетания «**его д҃ші**», имеющегося во втором списке Сборника Симеона, в то время как в первом списке этого сборника в соответствующем стихе мы находим «**д҃ши твоѥи**». Восходит ли Кирилло-Белозерский список непосредственно к рукописи 1073 г. или является копией другого списка, сказать нельзя. Для этого необходимы обширные текстологические наблюдения над списками.

ПОХВАЛА ЦАРЮ СИМЕОНУ И ЕЕ СВЯЗЬ С ДРЕВНИМИ СЛАВЯНСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ

В своей «Истории древней русской литературы» М. Н. Сперанский писал: «Старый русский человек иначе смотрел на литературную собственность: раз произведение было написано, раз оно было пущено в оборот, оно переставало в его глазах быть личной собственностью написавшего. Имя писателя сохраняется, если оно представляет интерес; но по большей части читателя мало интересует имя автора, его гораздо больше интересует само произведение. . . Словом, произведение, ставшее доступным публике, становится общим достоянием» [5].

[5] *М. Н. Сперанский*. История древней русской литературы. М., 1920, стр. 78.

Развитие древних славянских, да и не только славянских, литератур подтверждает правильность высказанной Сперанским мысли. Подтверждает ее и творчество многочисленных славянских книжников. В древних славянских литературах можно проследить широкое применение двух видов использования чужих произведений, независимо от того, были ли они оригинальными или переводными. В одном случае автор-компилятор свободно заимствовал из чужого произведения, переделывал отрывок или часть его без указания на источник. Такое заимствование наиболее часто встречается в практике литературной деятельности средневековья.

В своем сообщении мы хотели бы отметить некоторые случаи заимствования выражений и мыслей из Похвалы царю Симеону. Приводимые нами ниже факты свидетельствуют о широком распространении Похвалы в древних славянских литературах, о том, что это произведение производило большое впечатление на средневековых славянских писателей.

1. После своего путешествия по Балканскому полуострову в 1844—1845 гг. В. И. Григорович привез в Россию рукопись 1416—1418 гг., обнаруженную им в Рильском монастыре [6]. Рукопись содержит Книги царств и имеет заглавие: «Начело сь богомь четвероцарьстьвьныихъ книгъ царства Саоулова и царства Давидова, и царства Соломонова, и царства Ровоамова, сына Соломонова, и прочіихъ ихъже вь Іерусалимѣ и въ Самаріи царьствовашіихъ, даже до плененіа Навоуходоносорова». В конце рукописи имеется довольно большое, но очень интересное послесловие, часть которого была составлена безымянным переводчиком сочинения в 1416 г., а другая — переписчиком книги Досифеем, работавшим в 1418 г. Исследователь и издатель рукописи М. Г. Попруженко не без оснований полагает, что анонимным переводчиком и автором первой части послесловия являлся известный книжник начала XV в. Константин Костенечский, распространявший в Болгарии правописную реформу Патриарха Евфимия Тырновского [7]. Именно в первой части послесловия имеются слова и выражения, которые не только напоминают нам Похвалу Симеону, но и свидетельствуют о заимствовании из нее целых фраз. Это место послесловия по содержанию, отдельным выражениям в целом очень напоминает сочинения Константина Костенечского Это важно при установлении личности пере-

---

[6] Сейчас рукопись находится в Одесской городской библиотеке им. М. Горького под № 6. Ранее рукопись хранилась в собрании В. Григоровича под шифром № 4 (30).

[7] См.: «Эти сопоставления наводят на мысль, что переводчиком Книги царств мог быть автор указанного трактата, т. е. Константин Костенечский. . .» *М. Г. Попруженко.* Из истории литературной деятельности в Сербии XV в. — «Книги царств. . .» Одесса, 1894, стр. 153—154. До него та же мысль высказывалась и в кн. *В. Ягич.* Константин Философ и негов живот Стефана Лазаревића, деспота српскога. — «Гласник српског ученог друштва», т. XLII. Београд, 1875, стр. 239.

водчика. Процитируем лишь ту часть, которая имеет связь с Похвалой Симеону:

Послесловие в «Книге царствъ»

Сіє четырєхъ црствія
Книгы прѣведохь Ѿ рьчьскыихь книгь
на срьбьскые благочьстивомоу и
христолюбивомоу... моюмоу деспотоу
Стєфаноу вь дарованіохъ и милостехъ
новомоу Кироу, въ сладкоглаголаніихъ
второмоу Манасіи,
въ любооучительствохь подобещомоу
се прѣмоудрѣишомоу Симеоноу
вь испытаніихъ и изысканіихъ
божьствныимь ветьхыимь и новыимь
писаніомь равьнѣ тьчьномоу
Птоломеоу оиомоу, емоуже по
Алеѯаньдроу филіпповоу...[8]

Похвала за цар Симеон

Великы въ црїхъ Сумеонъ желаніемъ
ѕѣло въжела... изъ оустъ своихъ предъ
болѧры на вьразоумленіе тѣхъ мыслемъ
ꙗвлѧꙗсѧ имъ новыи Птоломѣи не вѣрою,
но желаніем паче. И събора дѣлѧ
многочастныхъ божественыхъ кнігъ всѣхъ,
имиже в своꙗ полати исполънн...

2. В смысле темы и средств изображения можно уловить некоторое сходство между Похвалой Симеону и стихотворением Константина Костенечского, написанного им около 1430 г. в честь сербского деспота Стефана Лазаревича. Здесь есть такие стихи:

Словесь сладькыихь и паче меда и сьта,
Точештиихь изь запечатлѣна источьника ꙗко,
Равьно оуханиꙗ оубо и пишта.
Ашта мѣра почрьпаюштиихь кь семоу зре,
Новыи нѣкако Давидь кротьчаиши,
О нѣмь иже соблюдьшиимь користи раздѣльших,
Соломонь ꙗвль се дивьныи.
То дроугыи красотою иже вь Египт
Вь мѣсто пьшенице злато податель,
Оуроужьникъ вь бранѣхь оудолениꙗ[9].

3. Можно допустить, что автор Похвалы великому князю Иоанну Калеке знал оду, посвященную царю Симеону. Об этом свидетельствует не только общий для двух произведений приподнятый, патетический тон повествования, но и следующая общая фраза:

Похвала Иоанну Калеке

Оучению божественыхъ словесъ Ѿ оусть
юго ꙗко источникоу велию текущю,
напаꙗющи божественыхъ стлъ срьдца и

Похвала Симеону

Ꙗже акъ бъчела любодѣльна
Съ вьсѧкого цвѣта псаніоу
Събкравъ акы въ юдинъ сътъ

[8] *М. Г. Попруженко.* Указ. соч., стр. 2; *В. Ягич.* Указ. соч., стр. 237; *Л. Стојановић.* Стари српски записи и натписи, књ. 1. Београд, 1902, стр. 71—72, № 224; *Е. Ф. Карский.* Образцы славянского кирилловского письма. Варшава, 1902, стр. 48 (фотография).

[9] *В. Ягич.* Указ. соч.

христолюбивых въ ѥго державѣ люди и безбожнымъ ѥресамъ преставшимъ при ѥго державѣ, многимъ книгамъ написанымъ ѥго повелѣніемь, ревнуꙗ правовѣрному цесару Мануилу. . .[10]

Бъ велъмысльнаѥ срьдьце своѥ
Проливають акы сътъ сладъкъ
Изъ оустъ своихъ прѣдъ болꙗры. На
въразоумѣніе тѣхъ мыслемъ, ꙗвлꙗѧсѧ
имъ новыи Птоломеи.

4. В предисловии к переводу Иерусалимского типика, сделанном в 1319 г., архиепископ Никодим так писал об архиепископе Савве: «Породи, еже есть обнови, не тьчию себе, нь и всоу срьпьскоу землю доухомь светымь, ꙗко нѣкаꙗ чьстьнаꙗ пчела оть всѣхь красныихь цвѣ тьць сьбравь и испльни свое отечьство. . ., оукрасивь и правовѣрною вѣрою у оутврьдивь. . ., подобе же се боговидцоу Моисею» [11].

5. Около 1453 г. русский книжник инок Фома Тверской написал Слово похвальное о благовѣрномъ великомъ кнѧзи Борисѣ Александровичѣ, известное по рукописи XVI в. Произведение Фомы написано в духе широко распространившегося на Руси стиля «плетения словес». Автор показал себя хорошо сведущим в Священном писании, русских летописях и других сборниках энциклопедического характера. Ему был хорошо известен и какой-то список Сборника Симеона (Святослава) 1073 г. с Похвалой Симеону. Именно под ее влиянием книжник, спрашивая себя, с кем же ему сравнить прославляемого князя Бориса Александровича, среди прежних сравнений дает следующее: «Но Семиона ли его нарекоу златостроуинаго и любокьнижнаго, или Птоломію книголюбца? Но воистиноу се новы Птоломію великіи кнѧзь Борисъ Александровичь, но повсюдоу събираꙗ стыѧ книгы и пооучашасѧ ими, еже ко спасенію. Но почто много глю?[12] Эти слова очень напоминают следующее место похвалы: «Великы въ црїхъ Симеонъ желаніемъ ѕѣло въжела... съ всѧкого цвѣта пісанію събравъ, акы въ единъ соть въ вельмысленое срдце свое проливаеть, акы стредъ сладъкоу изъ оустъ своихъ предъ болѧры на въразоумленіе тѣхъ мыслемъ, ꙗвлꙗѧсѧ имъ новыи Птоломѣи не вѣрою, но желаніемъ паче. И събора дѣлѧ многочастныхъ бжственыхъ книгъ всѣхъ, имиже своꙗ полати исполъни».

6. В молдавской рукописи XVII в. имеется приписка, в которой говорится о царях-книголюбцах: «А се многы царіе мѫдри бѣшѫ и книгы многы исписашѫ. . .» среди перечисленных царей-книголюбцев упоминается и имя болгарского царя Симеона, о котором сообщается: «А Симеонь царь блъгарскы исписа многы книгы

---

[10] *И. И. Срезневский.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, стр. 147 (№ LXXXVI).

[11] *Даничиħ.* Рукопис архиепископа Никодима. — «Гласник српског ученог друштва», № XI. Београд, 1859, стр. 190.

[12] *Н. П. Лихачев.* Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. — «Памятники древней письменности и искусства», кн. CLXVIII. СПб., 1908, стр. 12.

и ꙗко Давидъ царь на златы строуи играаше и книгы паче вьсего любѣаше» [13]. В этой фразе угадываются выражения, встречающиеся в Похвале Симеону и в предисловии к сборнику Златоструй, составленному под редакцией самого Симеона. А. И. Яцимирский, первым сообщивший об этой приписке, писал: «В этой книге интересны записи последние слова, дающие известный намек на участие болгарского царя Симеона в составлении Златоструя». Несколько похожее выражение находим в послесловии к старейшему списку Златоструя, изданному В. Малининым: «Сіа кьнигы Златостроуꙗ нарекьше, ельма же доуха стаго оученика акы златыими строуми чл҃кы сладкыими рѣчьми мываа... къ богоу приводить» [14]. И далее: «Интересно было бы найти источники, которыми пользовался составитель этой записи» [15]. К этому вопросу ученый вновь возвратился позднее, в 1906 г., после того как ему встретилась аналогичная приписка в русской рукописи XV в., на основании которой он решил, что рассматриваемый им текст имеет русское происхождение [16].

Приведенные нами примеры немногочисленны, но они позволяют сделать некоторые наблюдения и выводы относительно проникновения и распространения Похвалы Симеону в древних славянских литературах. В одних случаях влияние Похвалы в отдельных произведениях славянских книжников чувствуется сильнее, как было показано, оно ощущается в заимствовании художественных и смысловых средств, в других — имеет общий характер и подсказывает нам, что книжник был знаком с Похвалой Симеону и использовал тему, приподнятый тон повествования и идейную направленность произведения применительно к другим историческим деятелям, которые играли такую же роль в культурной жизни русского или сербского народов, как и Симеон в культурном развитии Болгарии IX—X вв. Изложенные выше факты приводят и к другому важному выводу о том, что ода в честь царя Симеона в эпоху средневековья имела гораздо более широкое распространение и была известна славянским книжникам в значительно большем числе списков, чем те, которые нам сейчас известны (причем два в одной рукописи). Поскольку Похвала оказала воздействие на южнославянские сочинения, можно утверждать, что существовали ее южнославянские списки. Такие списки могли встречаться в сборниках смешанного содержания

---

[13] *А. И. Яцимирский*. Мелкие тексты и заметки по старинной славянской и русской литературам, вып. 1. СПб., 1908, стр. 3—5, № 11; *Л. Милетич*. Цар Симеон споменат в един среднобългарски ръкопис. — «Български преглед», № IV, кн. 7. София, 1898, стр. 156.

[14] *А. И. Яцимирский*. Указ. соч., стр. 4; *И. И. Срезневский*. Указ. соч., стр. 3—4, № 21.

[15] *А. И. Яцимирский*. Указ. соч., стр. 5.

[16] *А. И. Яцимирский*. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии в XV—XVII вв. — «Памятники древней письменности и искусства», т. CLXII. СПб., 1906, стр. CIV—CV.

или в южнославянских копиях самого Симеонова сборника. Правда, в известных южнославянских списках Сборника 1073 г. Похвалы нет, но она могла быть включена в какой-нибудь список, который был утрачен или еще не найден. Ведь и русские списки Сборника, за исключением Кирилло-Белозерского списка XV в., тоже не содержат Похвалы. В более позднее время писцы не включали ее в состав сборников по разным причинам, не догадываясь заменить имя Симеона или Святослава именем своего современника. Очевидно, новые списки Похвалы следует искать не столько в полных списках Сборника 1073 г., сколько в старославянских рукописях смешанного содержания.

Димитр Ангелов

СБОРНИК СИМЕОНА И ОТРАЖЕНИЕ В НЕМ ДУХОВНЫХ ИНТЕРЕСОВ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА *

Сборник Симеона, составленный по инициативе царя Симеона (893—927) и переписанный в 1073 г. по распоряжению киевского князя Святослава, является одним из интереснейших произведений древнеболгарской литературы [1]. Его содержание, подбор текстов отражают разносторонние интересы болгарского общества, воспринявшего христианскую религию и прочно ставшего на путь образования и культуры. Ряд переведенных и помещенных в Сборнике сочинений византийских авторов (богословов, филологов, хронистов и др.) удовлетворял своеобразный духовный голод, который испытывал болгарский народ в лице наиболее передовых и образованных представителей боярской аристократии во главе с царем Симеоном. В эпоху средневековья некоторые волновавшие болгарина вопросы носили абстрактно-теоретический характер, тогда как другие были тесно связаны с повседневной практикой. Возникновение этих вопросов объяснялось, главным образом, большой переменой, наступившей

---

* Перевод Т. И. Игнатьевой.

[1] Издан под названием «Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г.». СПб., 1880; См. о нем: *Е. Георгиев.* Разцветът на българската литература в IX—X в. София, 1962, стр. 279 и сл.; История на българската литература, т. 1, 1962, стр. 162; *К. Куев.* Симеоновият сборник и неговите потомци. — Гос. Софийский универс. Ф-т славянской филологии, т. 67/2, 1973.

в болгарском обществе после принятия христианства. О некоторых из них мы узнаем из Ответов папы Николая I князю Борису. Атмосфера тяги к знаниям, активное желание уяснить вопросы религиозного или светского характера сохранились и в более позднее время, когда в Болгарии была введена славянская письменность и образовался круг культурных людей, обучавшихся в школах Преслава и Охрида. Такая атмосфера царила и в самом дворце, где правил весьма образованный для своего времени царь Симеон, получивший прекрасное образование в Магнаврском учебном заведении в Константинополе и проявлявший глубокий и постоянный интерес как к богословским наукам, так и к светским дисциплинам. Именно по его повелению и был составлен Сборник.

Наибольшее внимание в Сборнике уделено вопросам, касающимся принятия христианства. Крещеному болгарину, лишь недавно отказавшемуся от языческих верований, было особенно необходимо знать, каковы характерные черты «новой» и «истинной» веры, в чем ее преимущество перед язычеством. Ответ давали помещенные в Сборнике произведения известных византийских богословов Василия Великого, Кирилла Александрийского, Юстина Философа, Исидора Пелусиота, Григория Нисского и др. Их разъяснения сущности христианства были призваны утвердить в сознании читателя мысль о том, что новая вера — лучшая, предпочитаемая всем другим религиозным культам, что верующий должен сознательно и последовательно следовать ее канонам.

Новокрещенных христиан не мог не волновать и вопрос о верном пути к спасению души, о нормах поведения, дающих право на блаженство «на том свете», тем более, что забывать об этом не давали проповедники. Отсюда особый интерес ко всему, что связано с «грехом» и «покаянием», к советам жить «духовной», а не «мирской» жизнью, избегать «мирской суеты», не копить богатств и т. д. В Сборнике Симеона подобная тематика занимает особое, значительное место: в нем помещены переводы известных Вопросов и Ответов византийского богослова Анастасия Синайского [2]. Одна из основных мыслей автора сводится к тому, что человек может обрести спасение для своей души, не отказываясь полностью от земных благ и светской жизни. Достаточно лишь следовать «истинной» вере и вершить добрые дела. Эта точка зрения отвечала интересам правящей верхушки болгарского общества, как и всей болгарской аристократии, которая вовсе не была склонна придерживаться принципа аскетизма и отказа от земных благ. Ее разделяли и представители официальной церкви. Таким образом, включенное в Сборник сочинение Анастасия Синайского полностью соответствовало взглядам правя-

---

[2] Ответы Анастасия, число которых доходит до 385, помещены в Сборнике на стр. 27—233. Ср. *Е. Георгиев.* Указ. соч., стр. 284.

щих кругов болгарского общества и тем слоям, которые влияли на их политику.

С вопросами христианской религии был тесно связан вопрос о тех произведениях на религиозную тему, которые не входили в число сочинений, признанных каноническими. Речь идет о так называемых апокрифах, которые в IX—X вв. были широко распространены среди населения Византии и постепенно начали проникать в Болгарию. Апокрифы отражали стремление человека эпохи средневековья постичь тайны бытия и свою собственную судьбу в более широком толковании по сравнению с тем, что предлагала официальная литература. В сюжетном отношении апокрифы связаны, в основном, с лицами, событиями и эпизодами из Ветхого и Нового завета (жизнь Адама и Евы, деяния Моисея, подвиги и видения пророков, появление Исуса Христа и его миссия на земле, конец света и т. п.). В некоторых из апокрифов, имеющих значение как литературно-художественные произведения с определенным минимумом «новых» представлений о природе, содержатся и элементы социальной направленности, идущие в разрез с официальной церковно-феодальной идеологией и отражающие более демократические тенденции. В силу этого апокрифическая литература была встречена с недоверием, и произведения этого характера пополнили списки «запрещенных книг». Подобный список в переводе с греческого языка помещен в «Сборнике Симеона». В него входят 25 известных в то время апокрифических произведений, таких, как Адам, Енох, Ламех, Патриархи, Молитва Иосифа, Эллад, Завет Моисея, Восход Моисея, Псалмы Соломона, Откровение Ильи, Видение Исайи, Откровение Софрония и т. д. [3] Наличие этого списка в Сборнике закономерно, ибо он отвечал содержанию проповедей православного духовенства Болгарии, как, впрочем, и взглядам самого царя Симеона и его приближенных. Необходимо было предостеречь читателя от этих и подобных книг и внушить мысль о нежелательности их перевода с греческого языка на древнеболгарский. Однако на деле, как известно, апокрифическая литература нашла широкое распространение среди болгарского народа, а ее отдельные произведения, такие, например, как Видение Исайи, заняли ведущее место в чтении сторонников богомильства — идеологии эпохи средневековья, с четко выраженной антифеодальной и антицерковной направленностью [4].

Содержание Сборника Симеона не исчерпывается вопросами христианской религии и связанной с ней литературы. В нем нашли место и такие произведения византийских авторов, которые отражают более широкие, светские, интересы болгарского об-

---

[3] Помимо перечня апокрифической литературы в Сборник включены произведения, рекомендуемые христианам для чтения, как канонические. Перечни рекомендуемых и апокрифических произведений находятся в статье «Богословьца от словесъ» на лл. 253—254.

[4] *Д. Ангелов.* Богомилството в България. София, 1969, стр. 361.

щества, пережившего начало бурного расцвета образования и культуры после введения славянской письменности. Особого внимания заслуживают произведения философской проблематики, которая в то время интересовала отдельных представителей молодой болгарской интеллигенции. К ним относятся статьи Феодора Раифского, посвященные различным философским понятиям и категориям: О естьствѣ, О собьствѣ, О лице, О различии и пр. [5] Известно, что философскими проблемами занимались основоположник славянской письменности и литературы Константин—Кирилл и Иоанн Экзарх, сделавший переводы сочинений Иоанна Дамаскина, а также написавший собственное произведение Шестоднев. Возможно, что и Сборник Симеона со статьями на философские темы был составлен при его непосредственном участии.

Древнеболгарские писатели Климент Охридский, епископ Константин, Черноризец Храбр, Экзарх и другие стремились ознакомиться с различными стилевыми и риторическими приемами византийских авторов и овладеть основами писательского мастерства, что считалось одним из главных признаков художественного и поэтического совершенства. Умение писать ярко и образно, используя богатый запас стилевых приемов и аллегорических построений, было особенно необходимо для более активной и действенной пропаганды христианской религии среди населения, которое еще не до конца отреклось от старых обычаев и не было полностью убеждено в преимуществе новой веры. В этом смысле образцы византийской литературы имели не только художественно-теоретическое, но и практическое значение.

Именно поэтому в Сборник Симеона вошло (в виде сокращенного варианта перевода на древнеболгарский язык) сочинение византийского писателя и ритора Георгия Хировоска «О поэтических фигурах», посвященное вопросам стиля и языка [6]. Сокращенные редакции этого произведения использовались в качестве учебников в византийских школах поэзии и риторики. Представляя собой краткое руководство для будущих писателей, произведение снабжено небольшими теоретическими отступлениями и примерами различных стилевых и риторических приемов — аллегории, метафоры, катахрезы, анострофы, синекдохи, метонимии, парафразы, гиперболы и пр. — использование которых придавало фразе не только своеобразную яркость и пышность, но и способствовало более эмоциональному воздействию на читателя. Овладение этими приемами позволяло создать про-

---

[5] Изборник Святослава, л. 224 и сл.

[6] Ср. *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 583. Подробное исследование помещенного в Сборнике Симеона произведения Георгия Хировоска «О поэтических фигурах» проведено Б. Ангеловым в работе «Из старата българска, руска и сръбска литература», т. II. София, 1970, стр. 89 и сл. Автор отмечает, что кроме известного до настоящего времени списка этого произведения существует еще четыре списка, оставшиеся пока неиспользованными (стр. 95).

изведения высокого художественного уровня, способного вызвать сильные душевные переживания у читателя. Таким образом, предполагалось использовать самые последние достижения литературы для борьбы с укоренившимися традициями язычества. В этом плане перевод и включение в Сборник произведения Георгия Хировоска могли оказаться особенно полезными.

Часть болгарского общества и особенно группа ученых и писателей — приближенных царя Симеона, проявлявших в начале X в. интерес к таким светским наукам, как философия, литература, риторика и другие, не обошла своим вниманием и историю. Около 894—895 гг. появилось произведение епископа Константина «Историкии» [7], представляющее собой в основном перевод на древнеболгарский язык отрывков из хроники византийского патриарха Никифора. В нем приведен список имен римских и византийских правителей, начиная с Августа и кончая Львом VI Философом. Некоторые дополнения касаются чаще всего подробностей смерти правителя или наиболее важных событий, современником которых он являлся. Так, в частности, отмечается, что Никифор Геник был убит в стране болгар (въ блъгаръхъ»). В Сборнике Симеона отражен интерес к истории Римской империи и ее наследницы — Византии, с которой на протяжении столетий болгары поддерживали тесные политические и культурные связи. В нем также помещена краткая историческая летопись под названием Лѣтописьць въкратъцъ, являющаяся по существу вторым произведением с исторической тематикой, известным до настоящего времени в древнеболгарской литературе [8].

По содержанию Лѣтописьць въкратъцъ и Историкии епископа Константина полностью идентичны, Лѣтописьць в основном следует хронографии патриарха Никифора. В отличие от сочинения епископа Константина, имеющиеся дополнения несколько расширяют хронологию. В конце текста упомянуты византийские правители Александр, Зоя и Константин, в то время как Историкии завершаются царствованием Льва VI. Другими словами, составитель Сборника Симеона руководствовался, так сказать, чувством «современности», рассказывая о последних правителях соседней Византии, в чем сказался принцип историзма. Этот вывод подкрепляется фактами создания Именника болгарских ханов, высекания на камне надписей и другими подобными явлениями, имевшими место в VIII—IX вв.

С формированием болгарской народности и созданием славянской письменности представилась возможность прочно запечат-

---

[7] Ср. *В. Н. Златарски*. Най-старият исторически труд в старобългарската книжнина. — «Списание на БАН», XXVII, 1923, стр. 132 и сл.

[8] Подробнее об этой летописи см *B. Angelov*. «Лѣтописьць въкратъцѣ «du recueil de Simeon de 1073. — «Byzantinobulgarica», II. Sofia, 1966, p. 83; *его же*. «Лѣтописьць въкратъцѣ» в Симеоновия сборник от 1073 г. — «Из старата българска, руска и сръбска литература», II, стр. 75 и сл., а также статья в наст. изд.

леть и передать другим поколениям «историческую память» болгарского народа о событиях, связанных с его прошлым, с его борьбой и достижениями.

Сборник фиксирует внимание на вопросах летоисчисления, времен года. Этот интерес характерен еще для праболгар, но сохраняется и во времена Симеона, когда происходит смена календаря и вводится новое, христианское летоисчисление. Одна из статей Сборника дает названия различных месяцев, принятые у римлян и других народов (Мсци по римланемъ, Мсци по ъгумь, Мсци по македономъ, Мсци по велиномъ, Мсци по еогупьтхнемъ), в ней указывается, что надо и что не надо делать в соответствующий месяц. Так, например, при перечислении месяцев «по-римски» читаем: 1. март 31 день. Сладко ешь и нет. 2. Апрель 30 дней. Репы не ешь. 3. Май 31 день. Свинину не ешь. 4. Июнь 30 дней. В 2 часа выпей немного воды. 5. Июль (неясно). 6. Август. Селезенку не ешь. 7. Сентябрь 30 дней. Молоко не ешь. 8. Октябрь 31 день. Не ешь с уксусом. 9. Ноябрь 30 дней. Не мойся часто. 10. Декабрь 31 день. Капусты не ешь. Январь 31 день. В 2 часа выпей немного неразбавленного вина. 12. Февраль 28 дней. Свеклы не ешь [9]. Такие указания, местами звучащие крайне наивно, продиктованы, очевидно, заботой о здоровье человека и желанием воздержаться от употребления определенных продуктов в соответствии со сменой времен года. Небезынтересно, что в Сборнике Симеона, наряду со статьями религиозного и научного характера, встречаются и чисто практические советы относительно быта людей, режима питания. Подобный практицизм, как известно, прослеживается и в некоторых вопросах князя Бориса к папе Николаю I с целью уяснить ряд моментов нового образа жизни перешедших от язычества к христианству подданных болгарского государства.

Помимо этого Сборника в царствование Симеона с греческого языка были переведены и другие произведения, содержание которых также должно было расширить представления читателя о различных отраслях светской науки и религии. Среди таких произведений второй Сборник различных статей, происхождение которого еще не полностью выяснено, но который, по всей вероятности, был создан по прямому указанию болгарского царя [10]. В этом Сборнике, известном по списку русской редакции 1076 г., затрагиваются такие важные вопросы, как, например, польза от чтения книг, значение различных церковных обрядов (пост, молитвы, исповедь и пр.), правила поведения, которым должен следовать каждый истинный христианин и т. д.

---

[9] Цит. по переводу, данному в кн. *Б. Ангелов, М. Генов.* Стара българска литература (IX—XVIII вв.), т. II. София, 1922, стр. 96.

[10] Изборник 1076 г. М., 1965; *Е. Георгиев.* Указ. соч., стр. 289. Выдержки из Сборника в переводе на современный болгарский язык заимствованы у Б. Ангелова и М. Генова (указ. оч., стр. 104 и сл.).

Представления читателя о природе расширялись при ознакомлении с хорошо известными произведениями «Небеса» византийского богослова Иоанна Дамаскина и «Шестоднев» Василия Великого и других авторов, переведенными на древнеболгарский язык знаменитым ученым и писателем Иоанном Экзархом, одним из приближенных царя Симеона [11]. Они рассказывали о происхождении Вселенной.

Вопросам философии, физической географии, метеорологии и другим посвящено интересное произведение византийского происхождения под названием «Диалоги Псевдо-Кесария». Предположительно время их составления — середина VI в. Диалоги были очень популярны в византийской литературе и использовались писателями более позднего времени — Георгием Монахом, Михаилом Гликой, Георгием Сфрандзи. Сохранился древнеболгарский перевод Диалогов, датировка которого точно не определена, но, очевидно, восходит ко времени царствования Симеона или несколько более позднему [12]. К этому выводу можно прийти, исходя из текстового анализа древнеболгарского языка. В Диалогах в форме вопросов и ответов выясняется целый ряд моментов из области естествознания. Так, например, объясняется, что такое небо и «небесная твердь», молния, огонь, как образуются почвенные и небесные воды, сколько на земле морей, движутся ли небесные светила, мертва ли земля и пр. Если вопросы свидетельствуют о естественной любознательности и в целом о трезвом взгляде на мир человека, который мало знает, но хочет многое понять, то «ответы» отражают сильное влияние религиозного мировоззрения и убеждение, что за всяким на первый взгляд странным или необъяснимым явлением скрыты божьи провидение и воля. Основная идея «Диалогов» состоит в том, что все привычные и естественные для человека закономерности, установленные им эмпирическим путем, с помощью простого наблюдения суть творения господа, который в состоянии «победить естество» и поставить его себе на службу «вопреки природе» [13]. Так, отвечая, с одной стороны, возросшим духовным потребностям болгарского общества, стремящегося расширить свои познания в области естествознания, «Диалоги Псевдо-Кесария», с другой стороны, способствовали дальнейшему укреплению религиозного мировоззрения и веры во всемогущего небесного творца. Это полностью соответ-

---

[11] Ср. История на старобългарската литература, т. I, стр. 127 и сл.: *Е. Георгиев.* Указ. соч., стр. 202 и сл.

[12] См. *Архим. Леонид.* Четыре беседы Кесария, или вопросы святого Сильвестра и ответы преподобного Антония. — «Изд. Импер. общества любителей древней письменности», XCV. СПб., 1880. Перевод на современный болгарский язык с предисловием и комментариями см. *Ц. Кристанов, И. Дуйчев.* Естествознанието в средневековна България. София, 1954, стр. 258 и сл.

[13] Соответствующий абзац гласит: «Ибо там, где бог пожалеет, естество бывало побеждено и служит вопреки своей природе». — *Ц. Кристанов, И. Дуйчев.* Указ. соч., стр. 275.

ствовало духу времени и основным положениям утвердившейся в Болгарии церковнохристианской идеологии, нуждавшейся в подобного рода произведениях с целью еще большего упрочения своих позиций.

Таким образом, еще раз подчеркнем, что Сборник Симеона, как и другие упоминавшиеся выше произведения, дают представление о возросших духовных запросах болгарского общества конца IX—начала X в. Царь Симеон, высокообразованный правитель, поощрял развитие литературы подобного рода, в которой он видел, с одной стороны, источник пропаганды христианства и различного рода светских знаний — с другой. Во введении к Сборнику помещена восторженная Похвала царю, названному «новым Прометеем». Независимо от того, что сравнение это преувеличено, в целом оценка больших заслуг Симеона несомненно верна. Он действительно явился одним из вдохновителей развития болгарского просвещения и литературы в начале X в.

Э. И. Георгиев

К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И СОСТАВИТЕЛЯХ ИЗБОРНИКА СИМЕОНА—СВЯТОСЛАВА, ИЗВЕСТНОГО ПО РУКОПИСИ 1073 Г.

Изборник Симеона—Святослава, известный по рукописи 1073 г. [1], является выдающимся памятником болгарской и русской литературы средневековья.

Время возникновения памятника можно определить по стихотворной Похвале болгарскому царю Симеону, помещенной в начале Изборника. Симеон занимал болгарский престол с 893 по 927 г.

Это было время самых больших событий в истории Болгарии. Происходит смена формаций, первобытнообщинный строй уступает свое место феодальному (как известно, славяне не знали рабовладельческой формации). В процессе поглощения так называемых протоболгар славянами и славянизирования болгарского государства формируется болгарская народность. При князе Борисе Болгария принимает христианство и вступает в сферу средневековой духовной жизни.

---

[1] *А. Горский, К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, стр. 365—405; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880.

Царь Симеон утверждает новые формы жизни, завершает феодализацию, славянизацию и христианизацию государства.

В переломные эпохи, подобно той, которую мы обрисовали, новая сила — борющийся и побеждающий феодальный класс должен вести идеологическую борьбу, должен создать новую духовную жизнь, сформировать и сделать обязательной такую идеологию, которая бы поддерживала новый строй. Создавались новые литературные произведения, в которых давалось толкование мировоззрения правящего феодального общества.

Изборник Симеона — литературное, научное (разумеется, в средневековом смысле слова) и философское произведение, полнее всего отвечавшее на множество вопросов, которые встали перед идеологами феодализма.

Изборник не предлагает примитивную ученость. Напротив, он затрагивает сущность основных проблем современной духовной жизни и современных знаний. В заглавии так определяется характер Изборника: «Съборъ отъ многъ оцъ тълкованиꙗ о неразоумьныихъ словесьхъ въ еуаггелии и въ аплъ и въинхъ книгахъ въкратъцѣ съложено на памѧть и на готовъ отвѣтъ» («Собрание от многих отцов, толкования непонятных слов в Евангелии и Апостоле и других книгах, составленные кратко для запоминания и для готового ответа»). Однако содержание Изборника далеко выходит за эти рамки. Входящие в него статьи имеют поучительный, богословский и философский характер, толкуют христианские «истины», объясняют поведение христианина; в него входят также исторические рассказы, сведения различного характера и даже своеобразная «теория поэзии», объяснение стилистических фигур, а также список запрещенных книг.

Таким образом, Изборник — своеобразная энциклопедия своего времени.

Специально хочу обратить внимание на фразы в заглавии о том, что произведение составлено «для запоминания и готового ответа», т. е. литературная задача произведения — дать ответ на вопросы, поставленные перед идеологами нового класса. Кто мог составить такой сборник?

Составителя или составителей нашего Изборника следует искать среди самых видных идеологов феодализма той эпохи в Болгарии и, разумеется, среди тех, кто понимал роль книги в общественном, государственном и культурном строительстве.

Крупным идеологом феодализма в Болгарии был, прежде всего, сам владетель — Симеон, прозванный «книголюбцем». Памятники свидетельствуют, что Симеон непосредственно участвовал в литературной деятельности эпохи. Его книголюбие не ограничивается организацией литературной жизни и помощью писателям, он сам участвует в создании произведений, подбирает сочинения для переводов, определяет содержание сборников, советует, диктует, проверяет. Мы можем предполагать, что он и сам создает оригинальные произведения — известна остроумная попытка

проф. В. Н. Златарского отождествить с ним писателя Черноризца Храбра [2].

Симеон был хорошо подготовлен к литературной деятельности. Поскольку он не был перворoдным сыном своего отца — князя Бориса — и не мог рассчитывать, что займет однажды болгарский престол, он посвятил себя духовной деятельности. Известно, что во времена Бориса организатором духовной жизни в Болгарии был его брат Докс. И если Владимир, старший сын Бориса, готовился занять место своего отца, то Симеон мог претендовать на место дяди.

Образование Симеон получает прежде всего в школе болгарской знати в резиденции Бориса, но оно не удовлетворяет ни его самого, ни его близких, и он едет в Византию с целью углубления и расширения своих знаний. Мы предполагаем, что он становится студентом школы для знати при византийском дворе — в так называемом Магнаврском учебном заведении, в котором ранее учился знаменитый славянский просветитель Константин-Кирилл. Здесь учителями Симеона были известные византийские ученые. В одном документе X в. есть упоминание о том, что Симеон наряду с другими науками изучал также риторику Демосфена и силлогизмы Аристотеля. Из того же документа можно заключить, что в византийской столице долго хранилась память об особой любви сына болгарского владетеля к знаниям. За его образованность его называли «полугреком».

Вернувшись в Преслав, Симеон отправляется в монастырь, ставший центром новой культурной жизни Болгарии. Здесь он знакомится со славянской письменностью и славянской книгой и включается в деятельность Преславской литературной школы. Трудится он вместе с учениками Кирилла и Мефодия, которые направляют его в работе со староболгарским языком. Но и сам он внес свою лепту в работу школы. Его подготовка и знание греческого языка выдвигают его в первые ряды книжников этой школы. Именно ему Преславская школа в значительной степени обязана расширением тематики занятий тамошних книжников. Воспитанник византийского учебного заведения, выходец из византийской культурной среды, он вливает в Преславскую школу свежую струю.

Симеон не оставляет своих связей с Преславской школой и тогда, когда занимает болгарский престол. Он оказывает еще большую помощь ее развитию. Книжники этой школы становятся при-

---

[2] Образ «книголюбца» Симеона, организатора литературной жизни Болгарии того времени, инициатора написания произведений, очерчен в ряде памятников: в «Шестодневе» Иоанна Экзарха, в приписке Черноризца Тодора Доксова к переводу четырех слов против ариан, выполненному Константином Преславским, в приписке Григория Презвитера Мниха, в стихотворной Похвале, помещенной в рассматриваемом сборнике, в посланиях патриарха Николая Мистика, в Житии Климента Охридского, Феофилакта Охридского и др.

дворными писателями и учеными, они трудятся над поставленными Симеоном задачами, пишут по его распоряжению, представляя собой самое близкое окружение просвещенного монарха. Симеон заботится не только об этих книжниках, но и о писателях Охридской школы. Это хорошо видно из Пространного Жития Климента.

Участие Симеона в книжной деятельности эпохи находит конкретное выражение в составлении сборников, которое осуществляется им самим или под его руководством. До нас дошли три таких сборника: это так называемый Златоструй, затем Изборник, которому посвящено наше исследование и который известен по русскому списку 1073 г., и, наконец, второй Изборник, также дошедший до нас в русском списке 1076 г.

Сведения о возникновении Изборников Симеона можно получить из самих этих памятников. Как видно из стихотворной Похвалы Симеону, помещенной в начале рассматриваемого Изборника [3], Симеон читал «избранные отрывки» из произведений выдающихся византийских писателей перед боярами, сопровождая чтение своим устным комментарием. Соответствующий текст Похвалы гласит:

Эти мысли, как трудолюбивая пчела,
Он (т. е. Симеон) собрал в своем велемудром сердце,
Как будто в неких сотах,
И изливает их, как сладкий мед,
Из своих уст перед боярами,
чтобы просветить их разум»[4].

«Избранные отрывки» были переведены на староболгарский язык, чтобы быть понятными приближенным Симеона. Собранные воедино, они и составили сборники, дошедшие до нас. В тексте Похвалы имя Симеона, правда, не названо как составителя данного Изборника.

Совершенно определенно об участии Симеона в составлении сборников свидетельствует Пролог к сборнику, называемому Златоструем. Начало этого Пролога гласит: «Пролог о самом христолюбце Симеоне: Изучив все книги, древние и новые, канонические и неканонические, а прежде всего — божественное писание, и поняв нравы и обычаи всех учителей и их мудрость, благоверный царь Симеон был восхищен словесной мудростью блаженного Иоанна Златоуста и благодатью его святого духа. Перечитав все книги, он избрал из всех его книг слова и составил из них эту единственную книгу, которую назвал Златоструем» [5].

---

[3] Имеется в виду Похвала в русском списке XV в. Кир.-Бел. собр. (ГПБ).
[4] Цит. по *Ив. Дуйчев*. Стара българска книжнина. София (б. г.), стр. 77—78, где приводится оригинальный текст и его новоболгарский перевод.
[5] Оригинальный текст см. *В. Малинин*. Исследование Златоструя по рукописи XII века. Киев, 1878, стр. 30—31.

Думаю, мы не ошибемся, сделав вывод, что Изборник Симеона был составлен по тому же принципу, что и Златоструй.

Мы можем предположить участие в создании Изборника Симеона и других видных деятелей эпохи, если и не занимавших столь высокого положения в государственной иерархии, какое было у Симеона, то обладавших такими же, как и он, знаниями и талантом и проявивших себя как идеологи восходящего феодализма. Таким деятелем является выдающийся писатель Иоанн Экзарх Болгарский, который прославил свое имя в староболгарской литературе как знаменитый философ и богослов, обладающий и поэтическим талантом. Его деятельность книжника и идеолога ставит его рядом с Симеоном. Два крупных его труда — перевод Богословия Иоанна Дамаскина, известного под названием «Небеса» [6] и «Шестоднев» [7], — осуществляли в ту эпоху такую же задачу, которую, по нашему мнению, выполнял и рассматриваемый Изборник Симеона.

Как и Симеон, Иоанн Экзарх был высоко образован. Отличное знание греческого языка и греческой литературы свидетельствуют о том, что он учился в византийской школе высокого уровня. Высказывалось мнение, что он мог быть одним из тех молодых людей, которых князь Борис послал для повышения образования к ученому монаху Арсению по рекомендации патриарха Фотия [8], и что он мог быть соучеником будущего князя и царя Болгарии Симеона. Это, однако, произошло около 878 г., когда Иоанн уже не был юношей. Нам поэтому кажется более вероятным, что он сопровождал Симеона, когда тот был послан учиться в Царьград, но не как его соученик, а как член его свиты.

Симеон, сын болгарского князя, не мог бы быть отправлен на учение в Царьград без сопровождающих его хорошо образованных наставников. Кто-нибудь из этих наставников непременно знал греческий язык, чтобы помогать молодому князю в учении. Весьма вероятно, что таким наставником Симеона и был Иоанн, который, следя за учением князя, сам расширил свои познания, усваивая все то лучшее, что было в византийской литературе.

Иоанн, вероятно, был близок к княжескому дому. Об этом свидетельствует его образование, которое он мог получить прежде всего при содействии высокопоставленных в государственной иерархии лиц. Об этом говорит и его назначение «экзархом болгарским». Став экзархом, он занял высокий пост в церковном и государственном устройстве современной Болгарии.

Как писатель Иоанн Экзарх не ограничивается только тем, чтобы удовлетворять нужды новой славянской церкви в Болгарии

---

[6] Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха болгарского. М., 1878.

[7] *Иоанн Экзарх болгарский.* Шестоднев. М., 1879; *R. Aitzetmüller.* Das Hexaemeron des Exarchen Johannes—Graz, 1958.

[8] Ср. *Ю. Трифонов.* Йоан Екзарх Болгарски и неговото описание на чоешко тяло. — «Български преглед», т. 1, 1929, вып. 2, стр. 174.

переводами богослужебных книг и более или менее оригинальными церковными проповедями. Он занят важными вопросами бытия, стремится проникнуть в тайны мироздания, чувствует потребность объяснить его, исходя из пониманий и представлений новой религии. Новая идеология, противопоставляя себя предшествующим взглядам и господствующим идеологическим формулам, должна сама показать, каким образом она способна решать наиболее трудные вопросы, каковы основы соответствующего ей мировоззрения, как она объясняет мир. Выразителем этой новой идеологии и стал Иоанн. Его талант писателя дает ему возможность не только изложить — часто при помощи вновь найденных языковых средств — взгляды, которые он разделяет, но и взволновать воображение поэтическими образами или картинами современной ему действительности, эмоциональным стилем. Свидетельства тому два его труда — Небеса и Шестоднев. Второй труд Иоанн посвящает Симеону. Восхваляя в Прологе болгарского владетеля, он утверждал дело Симеона, новый строй, феодальные принципы. Разумеется, этот труд обратил на себя внимание Симеона. Оценив идейные взгляды, познания и талант Иоанна, Симеон, без сомнения, привлек его к себе как близкого помощника, сотрудника.

В создании Изборника Симеона мог принимать участие именно такой талантливый и высокообразованный человек, как Иоанн. Он должен был проделать огромную и компетентную работу по расширению, систематизации и переводу материала, входящего в Изборник.

Подтверждение о том, что Иоанн Экзарх участвовал в создании Изборника, содержится, прежде всего, в стихотворной Похвале Симеону, которой открывается Изборник. Нелишне отметить, что она принадлежит перу того, кто составил и оформил Изборник, переводя его статьи.

В стихотворной Похвале говорится, что ее автор начал писать труд, т. е. Изборник, по распоряжению Симеона. Автор говорит:

Великий между царями Симеон,
всемогущий владетель,
возжелавший большим желанием
выразить скрытые в глубине
многотрудных книг мысли
в соответствии с толкованиями
премудрого Василия!
Повели мне, ничего не знающему,
изменить по-другому речь,
сохранив точность его мысли. . .

Без сомнения, сотрудник был старательно выбран из тех, кто составлял окружение властителя. Самым подходящим был Иоанн Экзарх, который уже проявил себя как писатель, философ и богослов, идеолог эпохи. Похвала написана в то время, когда Симеон

уже был царем — ср. «Великыи въ цьсарихъ Сумеонъ», а большие труды Иоанна Небеса и Шестоднев созданы тогда, когда Симеон был еще князем.

Похвала начинается так, как начинаются все предисловия той эпохи: автор делится с читателем, для чего и как он предпринял свой литературный труд. Но его произведение превращается в оду владетелю, по чьему повелению он взялся за это дело.

Староболгарский поэт воспевает «книголюбца»-владетеля, воспользовавшись как поводом тем, что последний поручил ему литературное дело, но рисует при этом и образ «мощного владетеля», «великого между царями»: «великыи въ цьсарихъ Сумеонъ», «дръжаливыи владыка». Похвала была написана, вероятно, в то время, когда Симеон уже одержал крупные победы, наводя тем самым ужас на Византию. Он, как мы отмечали, уже царь. Ясно, что свою деятельность «книголюбца» он продолжал и тогда, когда достиг полной политической мощи.

Образ «книголюбца» доминирует в стихотворении. Прежде всего, мы видим его полного страстным желанием проникнуть в мысли, «скрытые в глубинах многотрудных книг». Мы видим его далее погруженным в изучение книг: как трудолюбивая пчела со всякого цветка писания он собирает мысли в свое многомудрое сердце, как в пчелиные соты. Мы видим его также проливающим перед своими боярами собранные из книг мысли, «как сладкий мед», чтобы просветить их.

Особенно отчетливо восторженное отношение Иоанна к Симеону проявилось в Прологе к Шестодневу. Если мы хотим обозначить Пролог к Шестодневу, особенно его первую часть, современным термином, можем определить его как «посвящение». Иоанн подносит свой труд как дар князю Симеону, восхваляет его христолюбие и книголюбие и объясняет значение литературного труда, который он подносит князю. Иоанн прямо обращается к князю, рисуя его просвещенным владетелем, который не перестает изучать заветы писания и создания божества и который стремится украсить и прославить себя этим: «Что есть прекраснее, что более сладко для любящих бога, которые жаждут вечной жизни, чем то, что они никогда не отступают в мыслях от бога и всегда помнят его добрые творения? Вот и ты так, господин князь мой, славный Симеон-христолюбец, не перестаешь изучать его повеления и творения и хочешь украсить и прославить себя ими» [9].

В Похвале Изборника, чтобы возвеличить болгарского владетеля как «книголюбца», Симеон предстает в окружении бояр, с которыми он делится своей мудростью и ученостью. Эта картина напоминает описание «коронного совета» во дворце Симеона, которое Иоанн Экзарх дает в начале шестого слова в Шестодневе. Князь в роскошном дворце сидит на троне, одетый в шитые золо-

---

[9] *Иоанн Экзарх болгарский*. Шестоднев, стр. а.

том и бисером одежды, с золотой гривной на шее, перепоясан бархатным поясом, с золотым мечом, с обеих сторон его сидят бояре [10].

Автор Похвалы говорит о том, как он — согласно желанию Симеона — берется писать избранные тексты: переводить, сохраняя точность переводимой мысли —

> Повели мне, ничего не знающему,
> изменить по-другому речь,
> сохраняя точность его мысли [11].

Это тот самый способ перевода, о котором говорит Иоанн в Прологе к Небесам, когда берется за перевод вообще. Здесь Иоанн развивает целую теорию перевода. Главное при переводе — сохранение смысла, а не буквы или формы. «Потому что ради смысла мы переводим эти книги», — говорит болгарский писатель [12].

Если Похвала приписывает желание сохранить точность мысли при переводе, то единство идей Симеона и Иоанна очевидно.

Похвала оповещает, что Симеон повелел ее автору перевести «многотрудные книги согласно толкованиям премудрого Василия».

Творения Василия Великого были лучше всего известны Иоанну, потому что по «Шестодневу» этого автора, «отца церкви», он в значительной степени создал свой «Шестоднев».

Иоанн знает имена и дела древних, как это видно из «Шестоднева». Именно он мог сравнить в Похвале в ту раннюю эпоху литературы и культуры в Болгарии «книголюбца» Симеона с Птолемеем:

> Іѧвлаіѧсѧ имъ новъ Птолемеи.

Похвала Симеону свидетельствует о значительном поэтическом даре ее автора.

В эту эпоху болгарская литература достигла своего расцвета, и Похвала Симеону рисует этот расцвет восторженно, в форме гимна. Сам царь деятельно участвует в литературной жизни, он просвещает своих бояр книжной мудростью, дворцы его полны

---

[10] «ІѦкоже бо и смр'даа чедь в'нѣщьнѣа, акоже не соуть видѣла кнеза, въ срацѣ златами нищьми шьвена и на выи гривноу златоу носеща, и по асомъ вълърьмитомь прѣпо асана, и по плещьма бисромъ покыдана, и мьчь носеща златъ, ти да бише и на стѣнѣ видѣли въпьсанъ и шаром оукрашенъ такоюжде оутварІю, то кол'ма се бише дивили помышшлѣюще и рекоуше: Какотъ си самъ боудетъ истови красенъ, ели то бразъ сицъ екх его е чюденъ» (указ. изд., стр. 19 и сл.).

[11] Ср. оригинал: Повелѣ мънѣ некъчиневѣдию
прѣмѣнѫ сътворити рѣчи инако,
набъдѦще тождьство разоумъ его.

[12] «Небонъ разоума ради прѣлага емъ книгы сиѦ». — «Пролог» издан еще К. Калайдовичем: «Иоанн Экзарх болгарский». М., 1824. См. также *В. Ягич*. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку, вып. I, 1885—1896, стр. 320 и сл.

книг, царь дает заказы на писание книг. Вся эта картина глубоко волнует автора, и если он задумал прозаический пролог, то под пером его пролог перерастает в стихотворение — с мерной речью и пышной образностью.

Иоанн обладает значительным поэтическим даром, о чем свидетельствует Пролог к Шестодневу. Он живет в то время, когда правящий класс находится на подъеме, когда строится новый мир, а глава государства объединяет прогрессивные силы эпохи. И автору есть чему радоваться, чем вдохновляться. Его речь течет восторженно и вдохновенно. Виденное и пережитое превращается в поэзию, рождает жизнеутверждающее чувство.

Несмотря на свой талант и подготовку, автор Похвалы обнаруживает чрезвычайную скромность. Себя он называет «ничего не знающим».

Перед нами образ скромного книжника и из Пролога к Небесам. Здесь Иоанн Экзарх признается, что задумал перевести учительные сказания, но отказался, потому что испугался, как бы не исказить их, зная «тупость и грубость своего ума» [13].

Мы должны обратить внимание на язык Похвалы. Преобладают слова-новообразования и малоупотребительные выражения, часто тяжелые и высокопарные, характерные для языка Иоанна Экзарха. Например: «Въжделани емъ. . .въжделавъ». «Дръжаливыи владыка». «Покръвеныѧ разоумы». «Къ глѫбинѣ мъногостръптьныихъ кънигъ», «Вельмысльное срьдьце» и т. д.

Литературные труды Иоанна Экзарха отражают значительные языковые поиски. И это естественно: он чувствовал потребность в литературном языке более высокого уровня, в языке, который передал бы новые для мышления болгар понятия и оттенки мысли. И он сам становится замечательным творцом языка. Приведем некоторые слова и выражения, встречающиеся в Шестодневе: «Су меоне христолюбче», «Рабъ при азливыи», «Животы», «Бездушные вещи», «Водное естьство», «Мои кнѧже, не престаеши възыскаѧ повеленіи его и тварь, хотѧ сѧ ими красити и славити» и т. д.

Об участии Иоанна Экзарха в составлении Изборника свидетельствует одна статья Иоанна Дамаскина, помещенная на л. 252 Изборника. Она названа «Тогожде Іоанна (т. е. Иоанна Дамаскина) о вѣ рочитыихъ кънигахъ». Перевод ее сходен с переводом соответствующей главы в Небесах.

Итак, подведем итоги.

Болгарскому царю Симеону принадлежит инициатива составления Изборника и подбор входящих в него статей, перевод их можно приписать перу Иоанна Экзарха. Стихотворная Похвала

---

[13] «Оубо ахъ сѧ помышлѧ а, еда въ н его мьста хощоу потроудивъ сѧ на оуспѣхъ чади прѣложити въ свои азыкъ съказаниѧ оучительска а, еда боудоутъ имъ на исказоу: вѣдѣ бо своего ума тоупость и гроубость и плътьноую немощь и лѣность, се вьсе погонивъ остахъ сѧ сего».

Симеону, помещенная в начале Изборника, по-видимому, также является творением Иоанна.

Изборник был составлен и переведен в Болгарии. Когда в Древней Руси созрела необходимость в философском, богословском, вообще идеологическом обосновании своего феодального строя, он был переписан и отчасти переработан применительно к ее нуждам, для князя Святослава Ярославича. Прекрасное русское издание Изборника говорит о том, что и его русские создатели хорошо понимали его смысл и значение.

П. Н. Динеков

ЗНАЧЕНИЕ ИЗБОРНИКА СИМЕОНА—СВЯТОСЛАВА 1073 Г. В РАЗВИТИИ БОЛГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Изборник Симеона—Святослава 1073 г. — не случайное явление в развитии болгарской литературы эпохи средневековья. Его создание связано с важным историческим периодом — расцветом болгарской культуры в IX—X вв. Этот расцвет начался еще при князе Борисе, который введением христианства в стране укрепил существующие в ней феодальные отношения и стабилизировал ее международное положение. Сознавая необходимость распространения славянского письма, князь Борис покровительствовал ученикам Кирилла и Мефодия. Особого расцвета достигла литературная жизнь Болгарии во время царствования наследника Бориса царя Симеона (893—927). Этот болгарский правитель, получивший свое образование в Византии, был хорошо знаком не только с военным и политическим устройством Византии, но и с ее философскими, научными и художественными ценностями. Современники царя Симеона свидетельствовали о его высокой образованности: они называли его «полугреком» и отмечали его интерес к античной философии и литературе. Германский посланник в Константинополе епископ Лиутпранд писал, что Симеон был знатоком учения Аристотеля и читал его произведения в оригинале. Находясь при византийском дворе, Симеон наблюдал там повышенный интерес к культуре. Его представление о величии императорской власти стало неразрывно связано с блеском литературы и образованности. Взойдя на болгарский престол, Симеон окружил себя книжниками, способствовал оживлению литературной деятельности и принимал в ней участие сам.

Он знал, что многие византийские императоры не чуждались книжной деятельности.

Деятельность Симеона привела к значительным результатам. Избрав за образец византийский образ жизни и византийскую культуру, болгарский властитель стремился ввести в стране формы византийской образованности, приобщить болгарское общество к византийским духовным ценностям и создать собственную богатую литературу на основе византийской. Главной задачей в области культуры в то время являлось создание переводов в самых различных отраслях византийской литературы, и эта задача была выполнена.

При всем обилии многочисленных исследований об отдельных авторах и переводах, я считаю, что огромная переводческая работа, проделанная в Болгарии в первые века славянской письменности, изучена еще недостаточно, переводная литература еще не проанализирована и не оценена как целое, не выявлен ее полный объем и ее конкретное литературное и культурное значение.

Именно в тот период был создан Сборник Симеона, называемый так же Сборником Святославовым (по списку, сделанному для киевского князя Святослава Ярославича в 1073 г.). Сборник связан с именем Симеона не случайно; болгарский правитель был инициатором его перевода, он поручил работу над ним отдельным книжникам и, вероятно, лично наблюдал за ходом ее исполнения. У Симеона была богатая библиотека, в которой находился греческий оригинал сборника. Перевод производился книжниками из литературного окружения Симеона и, как полагают, при активнейшем участии писателя Иоанна Экзарха. Сборник предназначался для придворной библиотеки, откуда он был вывезен на Русь во время одного из походов Святослава в Болгарию (868—869 гг., 870—871 гг.). Неудивительно, что сборник привлек внимание русского князя. В результате стараний царя Симеона и мастерства его книжников возникло замечательное произведение литературы и книжного искусства, которое было высоко оценено не только современниками, но и последующими поколениями. Открытие рукописи 1073 г. в начале XIX в. русскими учеными К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым в библиотеке Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря близ Москвы стало научной сенсацией во многих отношениях. Ученые ясно осознавали, что они открыли средневековый памятник громадной историко-литературной ценности [1].

---

[1] *А. Горский, К. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. II, ч. 2. М., 1859, стр. 365—405; Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. С греческим и латинским текстами. С предисловием Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. М., 1883; *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — Изв. АН СССР, серия литературы и языка, т. 28, кн. I, 1969, стр. 75—78.

Сборник царя Симеона прежде всего служит важным историческим свидетельством состояния и тенденций в развитии болгарской культуры в конце IX—начале X в. Политические и культурные деятели болгарского государства заботились о расширении культурного кругозора общества и стремились к созданию таких сочинений, которые давали бы читателю самые разнообразные знания и укрепляли бы господствующее в ту эпоху мировоззрение. Вполне естественно, что знания не выходили за рамки христианских религиозных догм. Но вместе с тем следует отметить и интерес к античности — тот неослабевающий в Византии интерес, который через византийскую культуру распространялся и в Болгарии. Можно привести множество примеров, свидетельствующих об «общеобразовательных» задачах культурной политики болгарского государства, но мы остановимся лишь на некоторых фактах литературной деятельности книжников, трудившихся, главным образом, при царском дворе.

Иоанн Экзарх перевел отдельные главы третьего раздела труда Иоанна Дамаскина «Источник знания», задуманного как свод научных знаний того времени. В переводах на болгарский язык содержались сведения не только богословского, но естественнонаучного характера. Энциклопедический характер имеет и другое сочинение Иоанна Экзарха — «Шестоднев», в котором содержатся сведения из различных областей средневековой науки о вселенной, земле, природе и человеке. Это сочинение писалось с грандиозной по тогдашним масштабам целью: охватить космические явления и объяснить происхождение мира и жизни. В этот же период на болгарский язык переводятся такие важные сочинения, как «Четыре слова против ариан» Афанасия Александрийского; Константин Преславский создает «Учительное евангелие» — целостное проповедническое произведение, Черноризец Храбр восстанавливает историю славянского письма, приводя интересные сведения о возникновении и развитии славянской и греческой азбуки. Переводные сочинения Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Василия Великого и других раннехристианских писателей знакомили болгарского читателя с важными моментами в развитии христианских идей. Изборник Симеона — закономерное явление для литературной и культурной атмосферы того времени.

Приступая к созданию энциклопедических трудов в Болгарии, Симеон бесспорно исходил из потребностей местного общества, но перед ним был и пример византийской литературы. Симеон подражал современным ему византийским императорам Льву VI (886—912), прозванному «Философом», и особенно Константину Багрянородному (913—959), которые, окружив себя известными учеными и писателями, сами трудились на литературной ниве. Это была пора создания в Византии объемистых энциклопедических трудов: исторической энциклопедии, сельскохозяйственной, медицинской, ветеринарной и др.

На этом раннем этапе развития болгарской литературы жажда знаний и интерес к книге играли важную роль. Не случайно они нашли свое отражение в одном из первых болгарских стихотворений «Прогласе к евангелию». Отчетливо выражены они и в дважды помещенной в Изборнике Похвале Симеону. Болгарский властитель обрисован в ней как собиратель «всех божественных книг», которыми он наполняет свои палаты. Но Симеон не просто коллекционер и библиофил, а еще и просветитель. Для него книги — источник знаний, он использует их, «чтобы выявить суть мыслей, скрытых в глубине многотрудных книг», и растолковать эти мысли своим боярам. В Похвале подчеркивается стремление Симеона к переводу греческих книг на болгарский.

Создание Изборника полностью соответствовало основным тенденциям культурной политики Симеона. Энциклопедический характер Сборника проявляется уже в самом его заглавии: «собрание многих отцов, толкования неясных мест евангелия, апостола и других книг, изложенные вкратце для запоминания и готового ответа». Сборник содержит 383 статьи разнообразного характера, написанные 25 авторами. Заглавие указывает не только на разнообразие содержания, количество произведений и их авторов, но и на предназначение сборника — расширять знания и давать готовые ответы на возможные вопросы из различных областей знаний: богословия, этики, логики, грамматики, поэтики, философии, истории, ботаники, зоологии, астрономии. Ясно, что энциклопедический характер Изборника был связан с задачей широкой популяризации знаний.

Практический характер этой задачи с учетом исторической обстановки определил еще Е. В. Барсов: Изборник не представляет в себе систематичного изложения вероучения или же христианской нравственности, но в общем своем направлении отражает характер казуистской богословской мысли: здесь разрешаются разные сомнения, вызываемые большей частью лишь отдельными местами священного писания и отдельных творений или же разные случаи жизни «подводятся под такие или другие богословские толкования». Особенно интересно следующее замечание Е. В. Барсова. «Такое руководство прежде всего необходимо было славянским народам тотчас по принятии ими христианства, так как языческие мысли на первых порах не в силах подняться до разумения духа христовой веры и могли овладевать ее содержанием лишь в форме для нее доступной, т. е. останавливаясь на отдельных местах писания и отеческих творений и занимаясь их толкованием и применении к разным случаям жизни» [2].

Именно такой характер носит большая часть помещенных в сборнике произведений Василия Великого, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста, Михаила Синкелла, Анастасия Синаиского, Ефрема Сирина, Григория Нисского, Юстина Фи-

---

[2] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г., стр. 1.

лософа, Иоанна Дамаскина, Максима Исповедника и др. Эти создаваемые в различные эпохи произведения затрагивают различные вопросы, часто направлены против еретических учений, иногда касаются дискуссионных вопросов философии. Но во время появления Изборника в Болгарии его статьи исполняли важную идеологическую и общественную функцию: это было время не философских дискуссий и споров о догматах религии, а время преодоления пережитков язычества и утверждения философской и этической системы христианства. Разумеется, не следует забывать и о другой, преимущественно познавательной, задаче: формировавшаяся болгарская интеллигенция должна была понять суть идейных споров, которыми сопровождалось утверждение христианской философии и церкви, и отчасти познакомиться с античной философской мыслью. Это заметно не только по Изборнику 1073 г., но и по другим сочинениям, появившимся в самую раннюю эпоху истории болгарской литературы, таким, как «Шестоднев», переводная хроника Иоанна Малалы и др.

Соприкосновение болгарского общества с новыми для него идейными спорами и философскими дискуссиями, которые касались христианских и языческих представлений, канонической и еретической мысли, представляло известную опасность и могло привести к дезориентации колеблющихся умов. Поэтому очень скоро возникла необходимость в переводе таких сочинений, которые помогали бы читателю правильно усваивать прочитанное, способствовали бы верной идейной ориентации. Именно такой цели призвана была служить первая статья Сборника Святослава 1076 г. «Слово некоего калугера о чтении книг». Это слово напоминает нам произведение Василия (Кесарийского), написанное в раннюю эпоху христианства (IV в.), когда еще было сильно влияние античной философской мысли: «О том, как молодым людям извлечь пользу из языческих книг» [3].

Проблема правильной подборки книг для чтения была поставлена еще в «Небесах» Иоанна Экзарха, который перевел соответствующую главу сочинения Иоанна Дамаскина; эта глава помещена в Изборнике 1073 г. (лл. 252—253: «Тогожде Іоанна о вънарочитѣих кънигахъ»). Сразу же после нее в Изборнике следует перечень запрещенных книг: «Богословьца ѡт словесъ» [4]. Здесь перечисляются канонические и запрещенные книги. Трудно установить, имелись ли в Болгарии какие-либо апокрифические произведения до появления Изборника, но сам факт включения в его состав подобного перечня показывает, что такая опасность существовала. Присутствие последнего имело и чисто познавательную сторону: болгарский читатель впервые соприкасался со значи-

---

3 Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968, стр. 54—65.

4 *Б. Ст. Ангелов.* Списък на забранените книги в старобългарската литература. — «Изв. на Института за българска литература», № 1. София, 1952, стр. 120.

тельным количеством произведений, которые, независимо от их канонического или неканонического характера, вводили его в мир литературы, способствовали расширению его культурного и литературного кругозора.

Внимательное исследование содержания Изборника выявляет и другие его познавательные мотивы. В нем имеется 12 цитат из Исидора Пелусиота, жившего в V в. — наследника греческой философии и литературы, замечательного мастера эпистолярного жанра (Пелусиоту приписываются до десяти тысяч писем) [5]. Недавно было обращено внимание на текст, носящий имя пресвитера Феодора Раифского, об основных философских категориях и понятиях. Изучение трактата показало, что он является разыскиваемым в науке текстом — аргументация в пользу монофелитства, направленным Феодором из Фарана на VI собор: текст содержит и философские категории Аристотеля [6].

Большой интерес представляет статья Георгия Хировоска о поэтических фигурах (лл. 237—240) — одно из немногих произведений средневековой литературы, посвященных проблемам поэтики. Славянский перевод этой статьи неоднократно привлекал внимание специалистов. Из этой статьи древнеболгарский читатель черпал важные сведения о стилистике. Труд Хировоска имел как познавательное, теоретическое, так и практическое значение. С одной стороны, он дает нам возможность проникнуть в художественный мир средневековья, с другой — помогал древнеболгарскому писателю понять и усвоить многообразную символику слова [7]. Статья Георгия Хировоска имела значение не только для теории литературы, но и для теории перевода; греческие названия «фигур» переведены очень своеобразно, перевод превращается в толкование понятий. Из Сборника Симеона статья переходила в другие и известна в списках вплоть до XVI в. [8]

В Сборнике Симеона нашел свое отражение и интерес к истории: в конце его помещен «Лѣтописць въкратцѣ отъ Авъгоуста да же и до Кѡнстантина и Зѡѩ цр҇ь грьчьскыхъ». Как указывают А. Горский и К. Невоструев, Зоя была «матерью Константина Багрянородного, чье управление продожалось до 920 г.» [9] Хотя в «Летописце» упоминаются только имена и даты, он бесспорно является свидетельством (имеет и более глубокие корни) единой традиции исторических сочинений, возникшей в болгарской лите-

---

[5] *В. В. Данилов.* Письма Исидора Пелусиота в Изборнике Святослава 1073 года. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 335.

[6] *Б. Пейчев.* Първият философски трактат в старобългарската литература. (Аристотелевите Категории в Симеоновия сборник). — «Философска мисъл», т. XXX, кн. 8. София, 1974, стр. 87—89.

[7] *Р. О. Якобсон.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. III.

[8] *Б. Ст. Ангелов.* Страници из историята на старобългарската литература. София, 1974, стр. 18.

[9] *А. Горский, К. Невоструев.* Указ. соч., стр. 391.

ратуре в конце IX в. («Историкии Константина Преславского). Эта традиция — протоболгарские надписи на греческом языке. А. Грегуар и В. Бешевлиев указывают на летописный характер некоторых этих надписей [10].

И, наконец, следует обратить внимание еще на один памятник — стихотворную Похвалу царю Симеону. Изборник начинается и кончается ею (причем вторая Похвала находится непосредственно перед Летописцем вкратце и разделена на стихи). Перед нами не только важный исторический источник с характеристикой болгарского правителя, но и поэтическое произведение, которое продолжает сложившуюся в болгарской литературе поэтическую традицию. Основная его тема (как и в «Азбучной молитве», и в «Прогласе к евангелию») — гордость в связи с подъемом славянской культуры, успехи в литературе и образованности. Автор использует для этого образ царя Симеона, представленного как могущественный правитель и инициатор распространения книг в стране, высокообразованный человек, занимающийся просвещением и раздающий знания, собранные им, как трудолюбивой пчелой.

Я не буду останавливаться на художественной структуре Похвалы. Хочу лишь подчеркнуть внутреннее единство культурного развития; оно проявляется и в поэтической традиции, и в идейном пафосе, и в культурном идеале. Похвала возвращает нас к личности Василия Великого, который дает советы, как следует читать языческие книги; она связывает с первой статьей Изборника 1076 г. о чтении книг; она возвращает нас к Небесам Иоанна Экзарха, который во вступлении к произведению говорит о том, как нужно переводить.

В Изборнике 1073 г. нашла свое отражение еще одна характерная черта развития болгарской культуры IX—X вв. — мастерство перевода. В тот период переводческая деятельность была исключительно важной; переводы были основным занятием писателей; переводная литература должна была помочь болгарской культуре совершить тот исторический скачок, который поставил бы ее на одну ступень со странами, имеющими давние культурные традиции, и прежде всего с Византией. Сборник Симеона — Святослава является важным свидетельством высокого уровня переводческого дела в Болгарии. Хотя он в этом отношении все еще не исследован, были сделаны интересные наблюдения о переводческом искусстве болгарских книжников и о высокой культуре их речи.

Изборник 1073 г. является замечательным памятником прикладного искусства по общему оформлению рукописи, ее портрет-

---

[10] *H. Gregoire.* Les sources épigraphiques de l'histoire bulgare. Byzantion XI, 1934, p. 773—783; *В. Бешевлиев.* Културно-историческото значение на прабългарските надписи. — «Списание на БАН», XIV, кн. 3—4. София, 1969, стр. 91—103.

ным изображениям, украшению заглавных страниц, орнаменту и стилю букв. Мы не располагаем оригиналом Сборника царя Симеона, но имеем все основания считать, что копия 1073 г. повторяет протограф. Высокая художественная культура, отразившаяся в Изборнике, не есть случайное явление. Мы открываем ее в самом старом из известных списков Учительного евангелия с изображением князя Бориса (список принадлежит XIII в. и хранится в Московской Синодальной библиотеке). Эта традиция продолжается и в дальнейшем. От XIII в. сохранилось несколько замечательных рукописей (Радомировская псалтирь, Болонская псалтирь, Добрейшево евангелие, Погодинская псалтирь и др.). В XIV в. появляются чудесные миниатюры Лондонского четвероевангелия, Хроники Манасии, псалтири Томича.

По своему оформлению и содержанию Изборник представлял важное произведение древнеболгарской литературы, он получил широкое распространение на Руси, неоднократно переписывался и приобрел большую популярность. Отдельные его части вошли в состав других сборников, что свидетельствует о творческом подходе русских книжников [11]. На русской почве Изборник обрел новую жизнь и новую судьбу; он имел свою особую историю.

Поднимая вопрос о новом издании Изборника, Н. Н. Розов пишет: ««Изборник» стал первой русской энциклопедией, охватывающей самый широкий круг вопросов, причем не только богословских и церковно-канонических; в нем имеются статьи по ботанике, зоологии, медицине, астрономии, грамматике и поэтике. Только этим можно объяснить огромную популярность этой болгарской книги в России, засвидетельствованную значительным числом списков не только всего «Изборника» в целом, но отдельных его статей» [12].

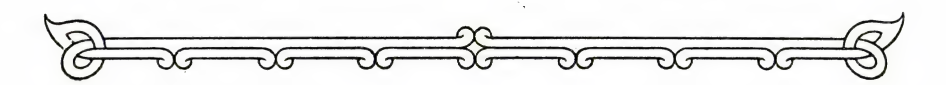
Мы остановились на некоторых особенностях Сборника Симеона — Святослава 1073 г., чтобы показать его место в развитии болгарской литературы и культуры. Несомненно, что Изборник был связан с только-что появившейся, находившейся в процессе формирования и быстро достигнувшей расцвета болгарской книжностью. Сам Изборник свидетельствует о больших достижениях и высоком уровне болгарской литературы IX—X вв.

Каждая литература имеет свою историческую миссию. У болгарской литературы в то время было свое историческое предназначение — служить посредницей между Византией и славянами. Именно поэтому она формировалась вначале как литература переводная, неся славянским народам знания, раскрывая проблемы и идеи великих исканий человеческого духа.

---

[11] *Н. Н. Розов*. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция, стр. 75—78.

[12] Там же, стр. 78. К. М. Куев сообщил о существовании 19 списков (см. статью К. М. Куева в наст. изд.).



ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г.

Ю. Д. Аксентон

СВЕДЕНИЯ О ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЯХ В ИЗБОРНИКЕ СВЯТОСЛАВА 1073 Г. И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ПАМЯТНИКАХ

Сведения о драгоценных камнях, разбросанные в разных по времени и жанрам памятниках древнерусской письменности, представляют несомненный интерес для изучения процесса формирования естественнонаучных представлений, связанных с накоплением минералогических знаний в древней Руси. Обращение к археологическому материалу свидетельствует, что уже в XI—XII вв. в стране имели распространение такие самоцветы, как гранат, аметист, лазурит, некоторые разновидности халцедонов, сапфир, топаз, агат, флюорит, изумруд. С IX—X вв. были известны хрустальные и сердоликовые бусы. Существовали обработка местного янтаря и ловы пресноводного жемчуга.

Однако, поскольку месторождениями самоцветов русская равнина не располагала, основным их источником служили посреднические торговые отношения с камнедобывающими странами. Ведущая роль Византии в этих отношениях, а также оживленные русско-византийские культурные связи обусловили появление в русском языке греческих названий некоторых драгоценных камней.

Одним из наиболее ранних переводных произведений, содержавших наименования самоцветов, была «Хроника Георгия Амартола», где в эпизоде, повествующем о приходе Александра Македонского в Иерусалим, приводилось описание облачения иудейского архиерея, грудь которого украшала пектораль с двенадцатью драгоценными камнями: «. . .I же стих се имяше сардоних, и топазиз, измарагда. . . 2 же анфракс, аспиди, самфоуро. . . 3 же лигурион, амефоустон, ахатин. . . 4 же хрусолиф, оноухион, вирилион. . .»[1] Помимо этих двенадцати камней, перечень кото-

[1] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Птг., 1920, стр. 43.

рых был заимствован из книги Исхода (XXVIII, 17—21), здесь же упоминались акинф и адамант [2]. Позднее весь эпизод с описанием пекторали был перенесен в «Александрию» первой, а затем и второй редакций [3]. Перечень двенадцати камней приводился также на миниатюре с изображением Аарона в «Топографии» Козмы Индикоплова [4], эти же камни упоминались в отдельной редакции «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия [5]; с тем же списком знакомили русского читателя и памятники, пришедшие из Болгарии — «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского [6] и «Изборник 1073 года» [7].

Старательно перечисляя двенадцать камней первосвященника, эти произведения не давали, как правило, никаких сведений об их отличительных свойствах. Лишь в Хронике Георгия Амартола был описан адамант, способный изменять цвет, извещая тем самым о воле божества («. . . аще черн боудяще, то смерть, аще ли червлен боудяще, то кръви пролитие, аще ли бел премепоу являющю богу. . .» [8]). Помимо того, в Шестодневе Иоанна Болгарского сообщалось о том, что Моисей указал все места вселенной «. . . еже на коих ждо местех бывает добро, где уакинтъ, где паньзии, где различные вещи бесценныхъ камении», а также указал реку, где «бываетъ злато, и анотракъсъ, и камы(к) зелены (и)» [9].

Поэтому особый интерес должно было вызывать сочинение Епифания Кипрского о двенадцати упоминаемых в Библии камнях, помещенное в Изборнике Святослава 1073 г.[10] В грузинском изводе трактата сохранилось обращение Епифания к епископу Тира Феодору, в форме послания к которому написано сочинение, где автор сообщает, что здесь перед ним стояла задача определить, «какие имена носили те двенадцать камней, в каких странах добываются они, какую имеют силу, какие начертаны на них имена двенадцати колен Израиля» [11]. Наряду с другими источниками, Епифаний пользовался, видимо, и сведениями, восходя-

---

[2] Там же, стр. 42, 43.

[3] *В. М. Истрин.* Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 38—39 (первая редакция), стр. 152 (вторая редакция). О заимствовании данного эпизода из Хроники Георгия Амартола см. там же, стр. 116—118.

[4] Книга глаголемая Козмы Индикоплова. Из рукописи Московского главного архива Министерства иностранных дел. Минея-Четия митрополита Макария XVI в., месяц август, дни 23—21. СПб., 1886, стр. 100.

[5] *Н. А. Мещерский.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 372.

[6] Шестоднев Иоанна Экзарха болгарского. По списку Московской Синодальной библиотеки 1263 г. ЧОИДР. М., 1879, кн. 3 (далее — Шестоднев), лл. 246, 246 об.

[7] Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. СПб, 1880, лл. 121 об, 153, 153 об, 154.

[8] *В. М. Истрин.* Хроника Георгия Амартола, т. 1, стр. 43.

[9] Шестоднев, л. 246.

[10] Греч. текст: PG, t. 43, col. 293, 296, 298, 300, 301.

[11] *М. Г. Джанашвили.* Драгоценные камни, их названия и свойства (Из грузинского сборника X в.). — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 24. Тифлис, 1898, стр. 19.

щими к Плинию. Так, по Плинию, лучший сорт сарда добывается в Вавилонии, а индийский сард бывает прозрачным [12]. У Епифания же в Изборнике говорится так: «Съардион вавоулоньскыи нарицаемыи, оучрьмьнь есть акы кръвь. . . прозрачьнъ же есть. . .» [13] Совпадают также указания на месторождения карбункула Плиния и анфракса Епифания в Кархедоне, а ясписа — на берегах Фермодонты [14]. Любопытно, что упоминаемый Плинием остров Топазион в Черном море превратился у Епифания в индийский город («Пазнон рьдръ же есть паче анъфракса камыка, бываеть же въ Пазе граде индиисцемъ») [15]. Видимо, у Плиния заимствовал Епифаний указания на агат как на средство от укусов скорпиона («Ахатис оусекание въстаапляеть скорьпионо и ехидьньно» [16]. Некоторые из сообщаемых им сведений Епифаний мог получить и во время своих странствий к берегам Евфрата и Нила. Так, он передает широко распространенную легенду о добыче камней со дна глубокой пропасти, куда узники «посылаеми иже отъ ближьнихъ цесарии», бросали туши ягнят, чем привлекали живущих здесь орлов, которые и выносили на поверхность куски мяса с прилипшими камнями [17]. Популярность подобных рассказов вызывала возмущение Бируни, который спустя семь столетий после Епифания, приводя описание аналогичного метода добычи алмазов заканчивает его резким и весьма характерным для реалистически мыслящего ученого замечанием: «И нет конца этим бредням» [18]. Творчеству Епифания принадлежит распределение камней по сынам Израиля, имена которых были выгравированы на двенадцати камнях пекторали первосвященника Аарона. Последние сведения в «Изборнике 1073 г.» отсутствуют. Кроме того, описание лигуриона Епифания (λιγύριον) перенесено на «оуакинфъ», который лишь упоминается автором трактата, но не включен им в число двенадцати камней [19]. Перечень камней, полностью соответствующий Епифанию, приводится только в Шестодневе Иоанна Болгарского и «Топографии» Козмы Индикоплова.

Исследователи средневековых лапидариев приписывают авторство Епифания и описанию изменяющего цвет адаманта, с которым древняя Русь была ознакомлена благодаря Хронике

---

[12] *Кайя Плиния Секунда.* Естественная история ископаемых тел, переложенная на российский язык в азбучном порядке и примечаниями, дополненная трудами В. Севергина. СПб. (далее — *Плиний*), 1819, стр. 292, 293.

[13] Изборник 1073 г., л. 121 об.

[14] *Плиний*, стр. 82, 160; Изборник 1073 г., л. 121 об., 153.

[15] *Плиний*, стр. 344; Изборник 1073 г., л. 121 об.

[16] *Плиний*, стр. 2; Изборник 1073 г., л. 153 об.

[17] Изборник 1073 г., лл. 153, 153 об.

[18] *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн-Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей. Минералогия. Л., 1963, стр. 90.

[19] Епифаний последовательно описывает следующие двенадцать камней: сардиос, топазион, смарагдос, антракс, сапфейрос, иаспис, лигурион, ахатис, аметистос, хрисолитос, вириллион, онухион (PG, t. 43, col. 293, 296, 298, 300, 301).

Георгия Амартола [20]. По мнению Кунца, это описание является переработкой сообщений Иосифа Флавия в «Иудейских древностях» о меняющемся, в зависимости от расположения божества, цвете всех двенадцати камней пекторали. Правда, Флавий при этом сообщал, что камни прекратили испускать сияние за двести лет до того, когда он писал свое сочинение [21].

Трактат Епифания, по верному замечанию Кунца, «можно рассматривать как прототип всех христианских сочинений о символике драгоценных камней» [22]. После Епифания к толкованию двенадцати камней пекторали Аарона обращались Исидор Севильский (VII в.), Михаил Пселл (XI в.) и епископ Ренны Марбодий (на рубеже XI—XII в.) [23]. В течение многих веков эти камни являлись предметом схоластических упражнений.

Из Изборника 1073 г. описания двенадцати камней полностью были перенесены в «Толковую Палею» и «Александрию» второй редакции, часть из них попала также в азбуковники XVI—XVII вв. В «Толковой Палее» сведения о камнях были дополнены отсутствующими в Изборнике 1073 г. указаниями на их символическую связь с сынами Израиля. Однако распределение камней по ветхозаветным персонажам, приводимое в «Палее», в шести случаях не совпадает с распределением их у Епифания и опирается, следовательно, на какую-то иную традицию [24].

В «Александрию» второй редакции вошли сведения не только из Изборника 1073 г., но также из Хроники Георгия Амартола, «Физиолога» и «Сказания об индийском царстве» [25]. «Физиолог», имевший широкое распространение в средневековой Европе, где он приписывался тому же Епифанию Кипрскому, был известен у нас уже в домонгольский период [26]. Здесь описания немногих камней насквозь проникнуты духом христианского символизма. Так, об адаманте «Физиолог» сообщал, что он «ни железа ся боить, ни воня дымъныя приемлеть; да аще въ домоу обрящеть(ся), ни демонъ тоу внидить (ни кое же зло), Адамантъти есть г(оспод)ь наш Ис(ус) Х(ристо)с» [27]. Характерно также описание ловли жемчуга при помощи агата и следующее затем толкование. Рассказав о том, что «хитрые

---

[20] *C. W. King.* The natural History, ancient and modern of precious stones and gems. London, 1865, p. 23; *G. F. Kunz.* The curious lore of precious stones. Philadelphia—London, 1913, p. 278.

[21] *G. F. Kunz.* Op. cit., p. 277.

[22] Ibidem, p. 17.

[23] *К. П. Патканов.* Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. — «Труды Восточного отделения Русского археологического общества», вып. 17. СПб., 1873, стр. XXVIII.

[24] PG, cil. 304. Палея Толковая. По списку, сделанному в Коломне в 1406 г. М., 1892, стлб. 546—556; Толковая Палея 1477 г. Воспроизведение синодальной рукописи. ОЛДП, т. XCIII, вып. 1. СПб., 1892 (далее: Толковая Палея), лл. 220—223.

[25] *В. М. Истрин.* Александрия русских хронографов, стр. 250—251.

[26] *А. К. Карнеев.* Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890, стр. 56.

[27] Там же, стр. 333—334.

эллины» добывают жемчуг с помощью опускаемого в воду куска агата, который останавливается над раковиной, «Физиолог» дает пояснения: агат — это Иоанн Предтеча, указывающий на Христа, две створки раковины — Ветхий и Новый завет, а жемчуг — сам Исус Христос [28]. Напротив, светским по своему содержанию было «Сказание об Индийском царстве», где рассказывалось о богатствах страны «царя Иоанна». В «Сказании» перечислялись акинф, самфир, измарагд, сардоник, аспид, добываемые в райской реке Эдем, а также топпаз, троп, кармакоул [29]. Последний, очевидно, есть переделка латинского carbunculus, являвшегося синонимом греческого ανθραξ.

Известны были в древней Руси и сочинения, в которых сообщалось о мистической связи драгоценных камней с небесными телами. На рубеже XV и XVI вв. в западной Руси был сделан перевод «Аристотелевых врат» («Тайная тайных»), содержавших приписываемые Аристотелю наставления Александру Македонскому. Здесь, помимо указаний на лечебные свойства некоторых камней (им посвящена специальная глава), было руководство по изготовлению астрологических амулетов. Так, в период пребывания Солнца под созвездием Льва, — говорилось здесь, — нужно вырезать на червленом яхонте изображение девы, сидящей на льве, и вставить этот камень в перстень, «а хто кладет перьстень сесь на рукоу свою, чествуют его и посушни его, и противник его не оустоится пред ним» [30]. Но наиболее полная сводка сведений о фантастических свойствах драгоценных камней содержалась в «Прохладном Вертограде» — медицинском сочинении, сохранившемся во множестве списков и переделок XVII—XVIII вв.[31] Наряду с главами о хлебе, животных, птицах, деревьях, травах, сахарах и сиропах, рассматриваемых в качестве лечебных средств, вертограды включали также большой раздел о драгоценных камнях.

Сведения о фантастических свойствах камней, содержавшиеся в сочинении Епифания и других произведениях переводной литературы, в значительной мере способствовали возникновению представлений о суеверном отношении к камню, якобы характерном для всего периода древнерусской истории. Способствовали этому, помимо публикаций самих памятников, и специальные подборки с выдержками из «лечебников» [32], и детальные описания поверий

[28] *А. К. Карнеев.* Указ. соч., стр. 375—376.

[29] *А. Н. Веселовский.* Южнорусские былины. — ОРЯС, т. XXXVI, № 3. СПб., 1884, стр. 251, 253 (по списку XV в.); *М. В. Истрин.* Сказание о Индейском царстве. М., 1893, стр. 72, 73.

[30] *М. Сперанский.* Из истории отреченных книг, вып. IV. Аристотелевы врата или Тайная тайных. — ПДПИ, т. CLXXI, 1908, стр. 236.

[31] *В. М. Флоринский.* Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетий, Казань, 1880; *Л. Ф. Змиев.* Русские врачебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности. ПДП, т. CXII. СПб., 1895; *В. Ф. Груздев.* Русские рукописные лечебники. Л., 1946.

[32] *М. И. Пыляев.* Символика и действия драгоценных камней. — «Труд», т. 27, 1895, № 7.

разных народов, старательно приводимые авторами XIX—начала XX в., писавшими о драгоценных камнях [33]. Представления об особом почитании самоцветов в древней Руси продолжают бытовать и ныне [34]. Однако без выяснения характера освоения сведений переводной литературы в русской письменности и без обращения к оригинальным произведениям, содержащим упоминания драгоценных камней, невозможно получить сколько-нибудь верную картину развития русского камнезнания.

Так, нельзя не обратить внимания на то, что имеющиеся в «Толковой Палее» обоснования принадлежности того или иного камня определенному персонажу приводятся лишь для характеристики последнего, чаще всего вне всякой связи со свойствами данного самоцвета. Так, сардион «оуподобленъ е(сть) первенцю Яковлю Роувимоу, понеже силен и крепокъ бе на дело. . .»; топазион (ганзионъ) — Симеону «иже имеаше гневъ и немилосердие на брата своего Иосифа. . .» [35] Более тесно с особенностями камня увязано отнесение анфракса, способного светиться, к Иуде, из рода которого «цари изыдут», а дело царей — светить и жечь. Иакинт (оукинф), добываемый в глубокой пропасти, отнесен к Дану на том основании, что, согласно пророчествам, из племени его должен появиться антихрист «темже оубо и к сему аоукинфии приложень е(сть) яко въ пропасти безъдныя жилище его» [36]. Вряд ли подобная «аргументация» может рассматриваться как свидетельство глубокого интереса к символике драгоценных камней.

Составитель второй редакции Александрии, продемонстрировав довольно широкую эрудицию, не сделал, однако, попытки согласовать между собой сведения из разных источников. Помещая вслед за списком двенадцати камней (по Хронике Георгия Амартола) их описания, заимствованные из Изборника 1073 г., он не обращает внимания на то, что во втором случае не только порядок чередования самоцветов, но и самый их состав оказывается иным (вместо лигуриона описывается иакинф). При существовании особого интереса к свойствам драгоценных камней такая небрежность была бы недопустима. Только в азбуковниках XVI—

---

[33] *А. Ушаков.* Драгоценные камни в промышленном и минералогическом отношении. СПб., 1862; *И. Святский.* Драгоценные камни. СПб., 1895; *М. И. Пыляев.* Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. СПб., 1896; *Т. В. Кибальчич.* Южнорусские геммы. Неизданные материалы для истории гравировального искусства древних народов, живших в Южной России. Берлин, 1910.

[34] См., напр. История культуры древней Руси. Домонгольский период, т. II. Общественный строй и духовная культура. М.—Л., 1951, стр. 235; *К. В. Донова.* Русское декоративное шитье XV—XVIII вв. — Оружейная палата. М. 1964, стр. 204. По мнению историка геологии А. В. Хабакова, сам импорт драгоценных камней в древнюю Русь объясняется существованием суеверий в отношении к ним (*А. В. Хабаков.* Очерки по истории геологоразведочных знаний в России, ч. 1. М., 1950, стр. 31).

[35] Толковая Палея, лл. 220, 220 об.

[36] Там же, лл. 221 об., 222.

XVII вв. сведения о камнях Изборника 1073 г. получили некоторые дополнения [37]. В описание ахатиса, например, было включено пояснение: «иж и сардоник наричется»; помимо измарагда указывался также изумруд («есть же камень зелен»); описание сардиона отнесено к кадносу или сердолику. Определение лигуриона, отсутствовавшего в Изборнике 1073 г., но упоминаемого в других источниках, вызывало, видимо, некоторые затруднения, и он представлен как «камень драгий, есть тако нарицаем». Несколько расширено описание онухиона, это — «камень драгий мраморен, лице имеющь аки ноготь человечь и яко бакан цветом, а другии мнят яко рус; инде наричется хрисоприсос» [38]. В Изборнике 1073 г. онухион «роус есть». Внимание азбуковников к явно устаревшим к концу XVI в. сведениям о камнях находится в полном соответствии с их интересом к архаичным и малоупотребимым словам. Убедительное объяснение этой особенности азбуковников приводится М. П. Алексеевым, обратившим внимание на аналогичные тенденции в западноевропейских словарных трудах XVII в.[39]

Не получили какого-либо развития и сведения о целебных свойствах драгоценных камней, содержавшиеся в «Прохладном Вертограде». Это руководство по практической медицине подверглось на русской почве значительным переработкам и послужило источником многочисленных травников и лечебников. Но если чужеземная лекарственная флора была вытеснена русскими травами, с указанием в ряде случаев мест их распространения [40], то сведения о драгоценных камнях оставались по существу неизменными. Во всяком случае, авторы, обращавшиеся к разным спискам вертоградов и лечебников, приводят в своих работах сведения, совпадающие текстуально [41]. Надо полагать, что драгоценные камни не вызывали глубокого интереса в рамках медицинской практики. К тому же «сила» их воздействия ограничивалась главным образом морально-психологическим состоянием человека. Например, алмаз и червленый яхонт обладали способностью отгонять «лихие сны», лал — отдалять злые мысли, изумруд и бирюза придавали «весельство», а сапфир делал человека спокойным, честным, набожным и милостивым [42]. По свидетельству Джерома Горсея, именно такие свойства самоцветов были известны Ивану Грозному, который называл их покровителями милосердия и врагами порока [43].

---

[37] *И. Сахаров.* Сказания русского народа, т. II, кн. 5. СПб., 1849 (текст Азбуковника по двум спискам конца XVI и сер. XVII в.).

[38] Там же, стр. 146, 160, 162, 169, 175.

[39] *М. П. Алексеев.* Словари иностранных языков в русском Азбуковнике XVII в. Л., 1968, стр. 46—53.

[40] *Н. А. Богоявленский.* Древнерусское врачевание XI—XVII вв. М., 1960, стр. 50—55.

[41] Ср. *В. М. Флоринский.* Указ. соч.; *Л. Ф. Змиев.* Указ. соч. (рукописи, описанные под №№ 10, 11, 21—41, 107, 123); *М. И. Пыляев.* Указ. соч.; *В. Ф. Груздев.* Указ. соч., стр. 48.

[42] *В. М. Флоринский.* Указ. соч., стр. 152, 153, 154.

[43] *Горсей, сер Джером.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 57.

Показательно также отношение к драгоценным камням в летописных известиях. По сообщениям в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях, относящимся к XII—XIII вв., драгоценные камни украшали церкви Владимира, Боголюбова, Смоленска, Переяславля [44], Суздаля [45], Галицко-Волынского княжества [46]. Однако тщательно подчеркивая драгоценность используемых для убранства церквей материалов, авторы летописных статей ограничиваются при упоминаниях самоцветов собирательным выражением «драгый камень». Сохраняется это и в рассказах о событиях XIV—XV вв. в Московском летописном своде [47]. Едва ли не единственным исключением является сообщение Ипатьевской летописи под 1199 г.: «Того же лета на зимоу родися дщерь оу Ростислава оу Рюриковича и нарекоше имя еи Ефросенья и прозванием Изморагд, еже наричеться дорогый камень и быть радость велика во граде Кыеве» [48]. Необходимость пояснения термина была, очевидно, вызвана недостаточным знакомством предполагаемых читателей с названиями драгоценных камней. Существование сборника нравоучительных изречений под тем же наименованием могло ввести читателя в заблуждение. Постоянные упоминания лишь «дорогих камней» в известной мере можно объяснить отчетливо выраженной политической направленностью летописных известий, в контексте которых указания на конкретные самоцветы могли казаться излишними [49]. Вместе с тем, это никак не согласуется с бытующим представлением об особом почитании самоцветов в древней Руси.

Весьма сдержанный интерес к драгоценным камням со стороны русского фольклора отмечал уже Д. О. Шеппинг, усматривавший причину в том, что в эпоху сложения былин «драгоценные камни не были еще известны у нас, потому что, в противном случае, песни наверное бы воспользовались ими в своих описаниях, как видим это в сказаниях позднейшей эпохи» [50]. Показательно, что в монографии Р. С. Липец, специально посвященной выявлению бытовых реалий в былинах и опирающейся на все наиболее значимые их собрания, практически ничего не говорится о драгоцен-

---

[44] ПСРЛ, т. II, стлб. 511—512, 581, 582, 704, 781—782.
[45] ПСРЛ, т. I, вып. 2, стлб. 463.
[46] ПСРЛ, т. II, стлб. 922—923, 925—927.
[47] ПСРЛ, т. XXV, стр. 209, 237, 250, 273.
[48] ПСРЛ, т. II, стлб. 708.
[49] Богатство церковного убранства служило воплощением характерного для древнерусской эстетики понимания красоты как эстетического выражения актуальных общественно-политических интересов. (*К. В. Шохин*. Проблема прекрасного в эстетических воззрениях древней Руси (XI—XIII вв.). — Из истории эстетической мысли древности и средневековья. М., 1961; *его же*. Очерк истории развития эстетической мысли в России. Древнерусская эстетика XI—XVII вв. М., 1963; *его же*. Развитие русской эстетической мысли. — «История философии в СССР», т. 1. М., 1968.)
[50] *Д. О. Шеппинг*. Символика драгоценных камней. Отд. оттиск из Трудов Московского археологического общества, т. 1, вып. 2. М., 1867, стр. 2.

ных камнях [51]. Из 322 записей былин, собранных А. Ф. Гильфердингом, только 53 содержат упоминания о самоцветах [52]. Встречающиеся в былинах названия: яхонт, алатырь, тирон, антавент, хрусталь — безусловно заимствованы из литературы и являются позднейшими наслоениями. Единственное свойство драгоценных камней, известное русскому эпосу, это их способность светиться, что и позволяет героям былин использовать их в качестве ночных светильников.

Однако на этом основании неверным было бы делать вывод об отсутствии какого-либо интереса к самоцветам в древней Руси. Обращение к хождениям и духовным грамотам, самый жанр которых требовал подробного описания виденных или передаваемых по наследству предметов, свидетельствует, что развитие камнезнания базировалось не столько на книжных сведениях, сколько на эмпирическом опыте знакомства с разновидностями драгоценных камней. Постоянное накопление этих знаний нашло отражение в самом процессе сложения номенклатуры названий минералов.

Если хождения XII—XIV вв. упоминают лишь «амъбон хрустален» [53], «камень дорогой аспид» [54], «потир топазион» [55], то в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина появляется уже целая группа названий самоцветов [56]. Некоторые из них закрепились в русском языке (червцы, фатисы, яхонт, алмаз), некоторые же остались известными только по его «Хождению» (ахик, бабогури, маник, кырпук, аммоны). Упоминаемый Афанасием Никитиным хрусталь ранее был известен в древнерусской литературе и встречается уже в «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе» [57]. Духовные грамоты XIV в., перечисляя украшенные самоцветами блюда, пояса, наплечники, цепи, серьги, еще ничего не сообщают о самих камнях, ограничиваясь краткой констатацией: «с каменьем» [58]. Исключением являются «пояс сердоничен, золотом окован» духовной Ивана Калиты [59] и «коропка сердонична»,

---

[51] *Р. С. Липец.* Эпос и древняя Русь. М., 1969.

[52] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., т. 1. М., 1949; т. 2. М., 1950; т. 3. М., 1951.

[53] Книга Паломник. Сказание мест святых во Царьграде Антония, архиепископа новгородского в 1200 г. — Православный Палестинский сборник, т. XVII, вып. 3. СПб., 1899, стр. 5.

[54] *М. Н. Сперанский.* Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., 1934, стр. 130, 132, 133, 134.

[55] *И. Сахаров.* Сказания русского народа, т. II, кн. 8. СПб., 1849, стр. 101.

[56] Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. М.—Л., 1958.

[57] *Д. И. Абрамович.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. 63. Любопытное упоминание хрустального ожерелья содержится в одной из берестяных грамот, найденных в Новгороде. Грамота обнаружена в слоях 1375—1380 гг. (*А. В. Арциховский.* Берестяные грамоты № 497 и 500, СА, 1974, № 1.)

[58] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVII вв. М.—Л., 1950, стр. 7—8, 16, 36 (далее — ДДГ).

[59] ДДГ, стр. 7.

впервые упомянутая в духовной грамоте Ивана II и причисленная позднее к инсигниям византийского императора [60]. Грамоты XV в. уже чаще обращаются к названиям самоцветов. Среди описываемых вещей здесь указаны: «ковш золот с лалом да с женчюги» [61], «кубок хрустальный» [62], «икона золота на изумруде» [63], «икона пречистые на деманиде» [64], икона «праздники владычни резана на перелефти обложена серебром» [65], «венец царскои з городы, да с яхонты, да с лалы. . ., ожерелье с великими яхонты сажено. . . рясы с яхонты да с лалы, колтки золоты с яхонты» [66]. Духовные начала XVI в. уже очень тщательно перечисляют яхонты, лалы, яхонты лазоревые, перелефть, ахат [67].

Некоторые из наименований камней, встречающиеся в оригинальных произведениях и надолго закрепившиеся в русском языке, сравнительно легко идентифицируются с современными. Например: яхонт (рубин, сапфир), лал (шпинель), сардоник (сардоникс, сердолик), черевц, виниса (гранат), измарагд (изумруд), хрусталь, бирюза, алмаз. Все эти камни отмечены также в памятниках ювелирного дела XI—XVII вв. [68] Отдельные же названия, ушедшие из языка, не могут быть с уверенностью сближены с определенными камнями. Это — перелефть (переливт? агат?), деманид (пирофиллит? плотный сланец?), фатис (аметист?). Характерно, что в русской письменности встречаются далеко не все из двенадцати названий камней, столь часто упоминаемых в переводных произведениях. Анфракс, иаспис, оуакинф, амефусакии, хрусолиф, вироулион, онухион, описываемые в Изборнике 1073 г., так и остаются, очевидно, лишь книжными терминами [69]. Не слу-

---

[60] ДДГ, стр. 16. Сказание о князьях Владимирских повествует о том, что император Мономах, передавая знаки власти, повелел принести «крабьицу сердоликову, из нея же Август царь римский веселяшеся» (*Р. П. Дмитриева*. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1959, стр. 177).

[61] ДДГ, стр. 67.

[62] ДДГ, стр. 60.

[63] ДДГ, стр. 197.

[64] ДДГ, стр. 276.

[65] ДДГ, стр. 301, 308.

[66] ДДГ, стр. 312.

[67] ДДГ, стр. 349—350, 351—352, 362—363, 408, 410, 411.

[68] *Т. Гольдберг, Ф. Мишуков, Н. Платонова, М. Постникова-Лосева*. Русское золотое и серебряное дело XV—XX веков. М., 1967, стр. 27; *Ю. Д. Аксентон*. Дорогие камни в культуре древней Руси (по памятникам прикладного искусства и литературы XI—XV вв.). Автореферат. М., 1974, стр. 9, 14, 15.

[69] Современные названия: яшма, аметист, хризолит, берилл, оникс и другие, восходящие к греческим, представляют собой повторные заимствования в связи с развитием минералогических знаний и уточнением скрывающихся за ними понятий. Многократность заимствований, приведшая к появлению в древнерусской письменности различных вариантов названий драгоценных камней, отмечает Г. Н. Лукина («Об одной лексико-семантической группе заимствований в русском литературном языке древнейшего периода (названия драгоценных камней). — «Древнерусский язык. Лексикология и словообразование». М., «Наука», 1975, стр. 55). Условно сближая древнерусские названия камней с современными, автор, к сожалению, не ого-

чайно их описания в Азбуковнике целиком опираются на Епифания.

Сведения из переводных произведений проверялись практическим опытом обращения с драгоценными камнями, что не позволяло представлениям о их чудесных свойствах стать определяющим фактором развития камнезнания. Отсутствие собственных месторождений самоцветов и относительно скромные масштабы их потребления в течение XI—XV вв. не могли способствовать укоренению на русской почве представлений об отличительных свойствах камней. Лишь к концу XV в., по мере упорядочения внешнеторговых отношений, оживляется интерес к драгоценным камням. Свидетельством этому может служить дипломатическая переписка Ивана III с крымским ханом Менгли-Гиреем [70]. В XVI—XVII вв. интерес к самоцветам перерастает в настоящую страсть: значительно расширяется импорт камней благодаря укреплению торговых связей Руси со странами Востока [71], активизируются поиски руд и минералов на собственных землях [72], изделия ювелиров обильно украшаются драгоценными камнями [73]. В «Описании старинных русских утварей. . .» П. Савваитова, опиравшегося в своей работе на источники XVI—XVII вв., почти невозможно найти предмет, в убранстве которого не использовались бы драгоценные камни [74].

Получившие в это время широкую популярность вертограды, помимо описаний магических свойств камней, содержали также сведения и о их действительных свойствах. К сожалению, на эту сторону вертоградов не обращалось должного внимания. Имеющиеся здесь достаточно четкие характеристики цвета камней свидетельствуют о большой наблюдательности их авторов. Так, об алмазе сообщалось: «Алмаз камень, цветом подобен нашатырю, а внутри темнее хрусталя, но блистание от себя издает. . .» Об особенностях цвета лала (розовой шпинели): «Камень лал, цветом ал или побледноватее яхонта червленого. . .». О бирюзе: «Бирюза или ферюза есть камень синостен, смешан с некоторою белостию, а чтобы синость одолела бледность» [75]. Не исключено, что какие-то

варивает, что реальное содержание этих понятий далеко не всегда соответствует современному.

[70] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. — РИО, т. 41. СПб., 1884, стр. 50—51, 117.

[71] *М. В. Фехнер*. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. — Труды ГИМ, вып. 31. М., 1956, стр. 86—92.

[72] *А. В. Хабаков*. Указ. соч., стр. 27—28; *А. Г. Бетехтин*. К истории русской минералогии. — Изв. АН СССР, серия геологическая, № 4. М.—Л., 1950, стр. 4, 6.

[73] *М. М. Постникова-Лосева*. Прикладное искусство XVI—XVII вв. — «История русского искусства», т. IV. М., 1959, стр. 552.

[74] *П. Савваитов*. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.

[75] *В. М. Флоринский*. Указ. соч., стр. 152, 153, 154.

из этих сведений вошли в вертограды уже на русской почве. Весьма показательны в этом отношении упоминания, наряду с иноязычными, русских названий самоцветов. В рукописи «Вертограда», описанной Л. Ф. Змиевым под № 3, алмаз представлен следующим образом: «Адамас по-латыни, гогар, или судебих, по-арабски, диомант по-немецки, а по-русски алмаз» [76]. Текст, опубликованный В. М. Флоринским, дает русский синоним граната: «Гранат, а по-русски виниса» [77].

Наиболее полно минералогические знания древней Руси были зафиксированы в «Торговой книге» конца XVI в.[78] Это руководство для торговых людей давало сведения не только о цене на тот или иной камень, но содержало также описания цвета, твердости и качества самоцветов. Книга приводит сведения о яхонтах червленых и синих, о лалах, варенике, бечете, баусе, заберзате, изумруде, венисе, упоминает бирюзу, сердолик, бакан, ящур, янтарь. Отдельная глава посвящена жемчугу. Описаны простейшие способы идентификации самоцветов и возможные случаи их подмены, проявлен живой интерес к обработке драгоценных камней. Единственным отголоском литературной традиции звучит фраза: «В изумруде дорогом, что в зеркале видится вид человека» [79]. (В Изборнике 1073 г. о змарагде: «. . . и сила же есть лице видети в немь.») Помимо того, в разделе о наждаке говорится: «И вы у мастера поучитеся, как алмазят камень, и обделывают, и режут; ино бы от учения дати, что возмут. А сказывают, что всякой де камень мягок и режут на нем и золотят потому, что мягок, и опять учинят твердым, по старине каков был» [80]. Очевидно, способ размягчения алмаза с помощью козлиного мяса и крови, описанный в «Вертограде», не мог удовлетворить любознательности мастеров [81]. Трезвый, деловой подход «Торговой книги» к свойствам драгоценных камней, полностью лишенный каких-либо элементов мистики, нельзя объяснить только сугубо практическим назначением этого руководства. Та же сдержанность в отношении к чудесным свойствам самоцветов характерна для многих памятников оригинальной русской литературы.

Статья Епифания Кипрского в Изборнике 1073 г., явившаяся первым «минералогическим» трактатом в древней Руси, способствовала пробуждению интереса к драгоценным камням. Вошедшая позднее в ряд русских компиляций и переделок переводных произведений, она послужила основой литературной традиции. Однако скромные масштабы потребления самоцветов в течение XI—XV вв. не могли способствовать распространению мистико-символических представлений. Только в XVI и XVII вв., с расши-

---

[76] *Л. Ф. Змиев.* Указ. соч., стр. 16.
[77] *В. М. Флоринский.* Указ. соч., стр. 156.
[78] Торговая книга. ЗОРСА, т. 1. СПб., 1851, отд. 3.
[79] Там же, стр. 121.
[80] Там же.
[81] *В. М. Флоринский.* Указ. соч., стр. 152.

рением импорта, началом добычи драгоценных камней и оживлением интереса к их отличительным свойствам предпринимаются попытки совместить книжные сведения с результатами эмпирических наблюдений. Вместе с тем, анализ оригинальных произведений показывает, что формирование минералогических знаний происходило на основе непосредственного ознакомления с разновидностями самоцветов и практического опыта обращения с ними. В сдержанном отношении русской письменности к магическим свойствам драгоценных камней нельзя не усмотреть проявления тех стихийно-материалистических тенденций в естествознании, которые часто противоречили книжным традициям и которые, в конечном счете, способствовали развитию естественно-научных представлений.

В. Г. Брюсова

ТОЛКОВАНИЕ НА IX ПРИТЧУ СОЛОМОНА В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г.

Толкование на притчу Соломона «Премудрость созда себе храм» находится в Изборнике 1073 г. в составе Вопросов и ответов Анастасия Синаита, под № 59, как «Ипполитово» (лл. 155 об.— 156). Эта небольшая по объему статья принадлежит к числу произведений, оставивших заметный след в древнерусской письменности, она охотно включалась в сборники — в данной редакции и в ее переработках. Сюжет библейской притчи, истолкованной в духе символики христианской церкви, привлекал внимание древнерусских книжников образностью картины храмоздательства и жертвенной обрядовой трапезы. Толкование, как и сама притча, цитируется и порождает новые редакции статьи в византийской и славянских литературах. На Руси оно отразилось в трудах митрополита Климента Смолятича, Кирилла Туровского, Иосифа Волоцкого, Зиновия Отенского, Лихудов и других авторов. Тема получила распространение и в изобразительном искусстве, в виде иконографического перевода «Премудрость созда себе дом», что способствовало популярности сочинения в письменности.

Изучение литературных текстов показывает, что различие в отдельных редакциях толкования и их вариантах заключается не столько в отдельных частностях, в краткости или пространности, но прежде всего в том значении, которое присваивается тому или иному символическому образу, что отражает определенные направления в развитии религиозно-философских воз-

зрений. Так, в одном случае храм Премудрости толкуется как Христос, в другом — богородица; седмь столпов — это семь святых духов по пророчеству Исаии, или семь соборов, и т. п. Можно отметить известное постоянство, с каким изменение смысла толкования отражалось в произведениях живописи, иллюстрирующих тему Премудрости божией.

Толкование на IX притчу Анастасия-Ипполита специально не исследовалось, но в процессе изучения Изборника 1073 г., а также сборников, в которые включались Анастасиевы вопросы, накапливались необходимые сведения и об этой статье. А. Х. Востоковым выявлен греческий подлинник, аналогичный по составу Изборнику царя Симеона, — описанная Монфоконом рукопись Коаленевого собрания в Париже[1]. А. В. Горский и К. И. Невоструев в описании рукописи Изборника Святослава 1073 г. сопоставляют текст главы 59 с греческим текстом Анастасиевых вопросов по изданию Гретсера (42-й вопрос) и отмечают отсутствие в нем ссылки на Ипполита[2]. Статья появилась в публикации в издании Изборника Обществом любителей древней письменности 1880 г. При подготовке нового издания О. М. Бодянским с параллельными греческим и латинским текстами, по заказу издателя была подготовлена копия с парижской рукописи Изборника[3]. Однако труд остался незаконченным и глава 59 Анастасиевых вопросов в этом издании не появилась.

Н. К. Никольский уделяет внимание статье с толкованием притчи в исследовании о сочинениях Климента Смолятича[4]. Автор отмечает ее влияние на сочинение Климента «Послание Фоме пресвитеру», а также на редакцию толкования IX притчи, представленную списком Изборника XIII в. (ГПБ, Q—пI—18), на статью о Премудрости в Толковой Палее и другие произведения.

Интерес к тексту толкования притчи одновременно возникает в связи с изучением иконографии произведений изобразительного искусства на сюжет «Премудрость созда себе храм»[5]. А. С. Уваров обратил внимание на литературный источник данной иконографии —

---

[1] *А. Х. Востоков.* Описание рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 9, 10, 499—506. См. также «Переписка А. Х. Востокова». СПб., 1873, стр. 27, 33—39, 123 и др.

[2] *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Описание Синодальной библиотеки, отд. 3. М., 1899, стр. 377; *T. Gretserius.* Opera omnia. . ., v. XIV, pt. 2. Ratisbon, 1740, p. 321.

[3] Изборник 1073 г., изд. О. М. Бодянского. — ЧОИДР, кн. 4. М., 1883. Копия греческой рукописи хранится в Отделе рукописей ГБЛ, ф. 36, карт. 6, ед. 5; текст толкования на л. 135.

[4] *Н. К. Никольский.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича. СПб., 1892.

[5] См. *Г. Д. Филимонов.* Очерки русской христианской иконографии, I. София, Премудрость божия. — Вестник ОДРИ, кн. 1. СПб., 1874, отд. 1, стр. 1—20; *Н. П. Кондаков.* Лицевой иконописный подлинник, т. 1. СПб., 1905, стр. 75—76.

42-й вопрос Анастасия Синаита, и указывает на некоторые параллели к нему в сочинениях других авторов [6]. А. Амман [7] указывает на присутствие в Изборнике 1073 г. толкования на IX притчу, отмечает, что в русских текстах статья получила распространение как «Ипполитова», обращает внимание на большое значение этого произведения для развития русской иконографии Софии Премудрости. Возражая Г. Д. Филимонову в слишком широком понимании Софии по отношению к искусству древнейшего периода, А. Амман приводит свидетельства авторов II—IV вв. о трактовке Софии как воплотившегося Бога слова, Христа.

И. Мейендорф в статье о Софии останавливается на толковании IX притчи как на одном из литературных источников иконографии Премудрости [8].

Перечисленные работы имеют существенное значение для изучения литературной истории толкования IX притчи, так же как и для раскрытия содержания иконографии «Премудрость созда себе храм» [9]. Большинство исследователей придерживается точки зрения, что автором толкования является не Ипполит, а Анастасий Синаит [10]; в трактовке отдельных иконографических вариантов данного сюжета существуют, однако, расхождения (см. ниже).

Толкование на IX притчу редакции Анастасия-Ипполита имеется, кроме рукописи Син. 31 (ГИМ, см. Приложение), также и в других списках Изборника 1073 г.[11], а кроме того, оно встречается в сборниках — в составе Анастасиевых ответов, в толковых и других сборниках[12]. Сопоставление чтения по разным спискам

---

[6] Каталог собрания древностей А. С. Уварова, отд. VIII—XI. М., 1908, стр. 26—30; *А. С. Уваров.* Сборник мелких трудов, т. 1. М., 1910, стр. 141—151.

[7] *A. Amman.* Darstellung und Deutung der Sophia im vorpetrischen Russland. — «Orientalia christiana Periodica», 1938 (IV), N 1—2, p. 120—156.

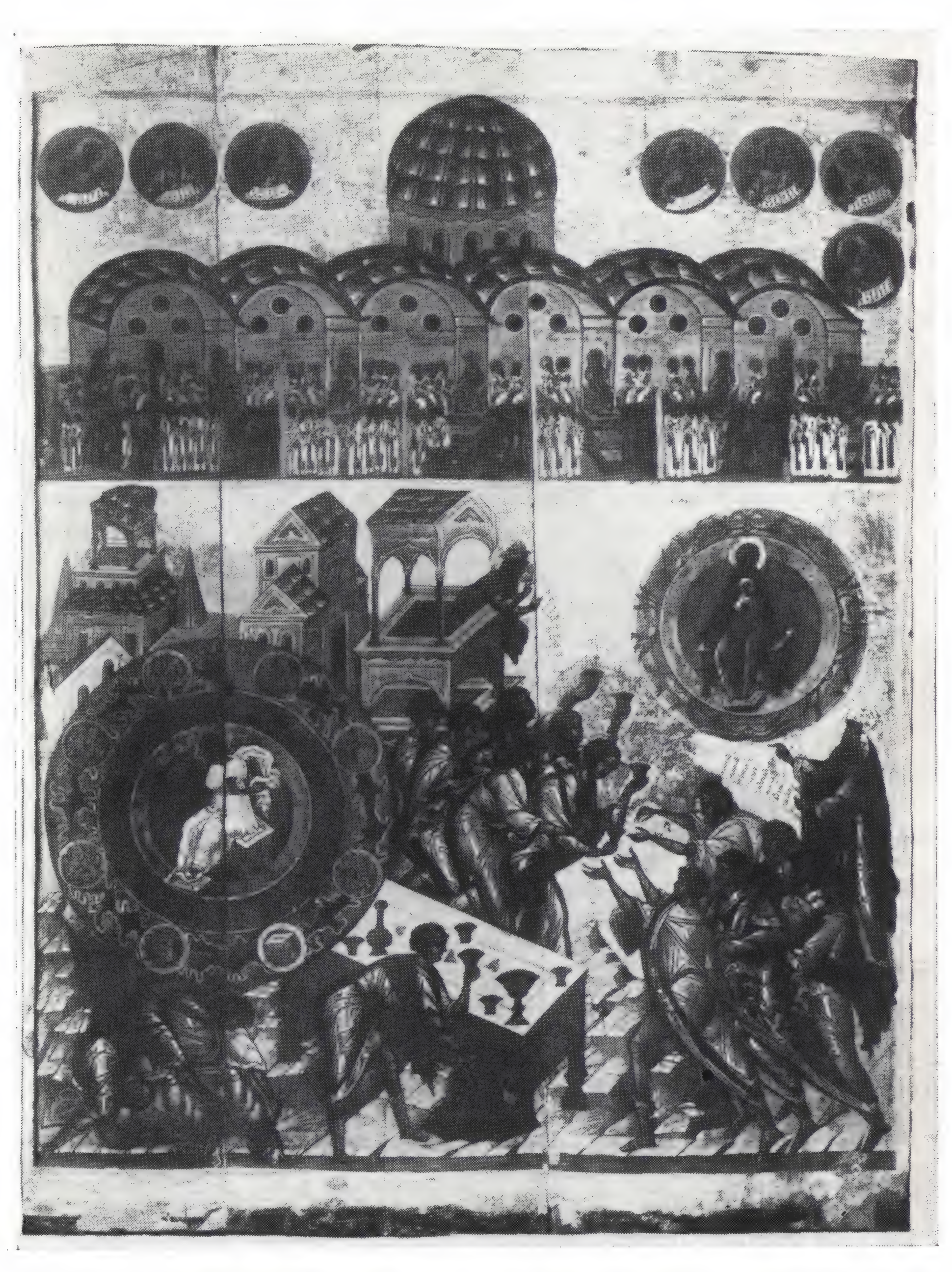
[8] *I. Meyendorf.* L'iconographie de la Sagesse Divin dans la tradition Byzantine. — «Cahiers archéologiques». Paris, 1959 (10), p. 259—277.

[9] Наличие толкования на притчу «Премудрость созда себе храм» в составе сборников типа Азбуковники, Алфавиты и Златоусты указал А. Карпов («Азбуковник, или алфавит иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки». Казань, 1877). В. Н. Мочульский (Следы народной библии в славянской и древнерусской письменности. Одесса, 1893) отмечает наличие статьи в сборниках «Кааф» и «Беседа трех святителей». Однако в основном тексты представлены русскими редакциями толкования на IX притчу, которая нами здесь не рассматривается.

[10] Напр., А. С. Уваров, А. Амман, И. Мейендорф; *Ad. D'Alès.* La théologie de Saint Hippolyte. Paris, 1906, p. 155.

[11] См. Син. 275 (ГИМ), л. 93 об.; Кир.-Бел. 5/1082 (ГПБ), лл. 255—255 об.: Кир.-Бел. 75/1152 (ГПБ), лл. 224 об.—225; Барс. 309 (ГИМ), лл. 161—161 об.; Q—1—208 (Толст. 100, ГПБ), б/п; Волок. 496 (ГБЛ), лл. 54—54 об. В списке Изборника 1073 г. по рукописи Соф. 1285 (ГПБ) статьи с толкованием на IX притчу нет (список дефектный).

[12] См. Q—пI—18 (ГПБ), Изборник XIII в., лл. 23—24; Рум. 6 (ГБЛ), Богословские вопросы Анастасия Синаита, XV—XVI вв., л. 167; Волок. 432



«Премудрость созда себе дом». Икопа XVI в., ГТГ

показывает, что нахождение статьи в составе Изборника не гарантирует большей устойчивости текста. Переписчики, как правило, ставят целью придерживаться точного смысла, но довольно свободно относятся к лексике, заменяя словами русской речи те, что перешли из болгарского языка, или архаизмы старославянского происхождения.

Примечательной особенностью чтения текста по всем спискам в составе Изборников является ошибочное написание начальной фразы, которая читается: «**Христос бжиꙗ и о҃чя моудрость и сила своѭ плъть**», тогда как следует читать — «**създа своѭ плъть**», т. е. везде пропущено слово «**създа**». Эта ошибка проникает и в тексты Ипполитова толкования вне списков Изборника 1073 г., за некоторыми исключениями (напр., в Тр. 780, л. 525). Происхождение ошибки выясняется при сопоставлении с греческим Коаленевым списком, где также пропущено слово οἰκοδομήσας — «построила». В издании Вопросов Анастасия Синаита у Гретсера и Миня это слово имеется [13]. Переводчик, следовательно, повторил эту ошибку, так же, как аккуратно копируют ее последующие переводчики. Эта особенность приобретает значение текстологической приметы текстов Ответа в Изборнике Святослава, Симеона и в греческом оригинале этого вида.

В тексте статьи по Коаленевой рукописи есть еще две заслуживающие внимания особенности. Одна из них — это приписка на правом поле с перечислением «седми духов Исаии»: «πνεῦμα α̃. σοφίας β̃. καὶ συνέσεως Γ̃. πνεῦμα βουλῆς Δ̃. και ἰσχύος πνεῦμα ε̃. γνώσεως καὶ ς. εὐσεβείας ζ̃. πνευμα φόβου Θεοῦ» («Духи: 1. мудрости, 2. и разума, 3. дух совета, 4. и силы дух, 5. ведения и 6. благоразумия, 7. дух страха божия»). Эта приписка встречается только в данном списке, ее нет в других греческих и русских текстах, но она представляет значительный интерес для изучения иконографии «Премудрость созда себе храм», как можно в этом убедиться далее.

Вторая особенность заключается в приписке на левом поле — «Ἱππο(λύτου)» — «Иппо(литово)».

Как отмечалось выше, А. В. Горский и К. И. Невоструев указали на отсутствие в издании Гретсера ссылки на Ипполита. В Анастасиевых вопросах по Миню и Гретсеру, действительно, отсылки на Ипполита нет. Наряду с этим автор «Теологии Ипполита» А. Д'Але отмечает, что 42-й вопрос Анастасия — «τί ἐστιν — ἄφεσιν ἁμαρτιῶν» находится среди отрывков с пометкой «Ἱππολύτου» [14]. Споры об авторстве представляются, однако, беспочвенными, если обратить внимание на то обстоятельство, что

(ГБЛ), Сборник XV—XVI вв., л. 192; Волок. 496 (ГБЛ), Сборник XVI в., л. 586; Тр. 780 (ГБЛ), Сборник 1549 г., л. 586; Солов. 807/917 (ГПБ), лл. 168—169.

[13] *T. Gretserius.* Op. cit., p. 321; *Migne*, P. G., v. 89, col. 593.

[14] *Ad. D'Alès.* Op. cit., p. 155.

Минь публикует два вида толкования на IX притчу. Одну, более подробную, редакцию издатель помещает в Экзегетике Ипполита (т. 10, кол. 625), под заголовком: «του ἁγιου 'Ιππολυτου παπα Ρώμης εἰς τό «Σοφία ὡκοδομησεν ἑαυτὴ οἶκον»» («Святого Ипполита папы римского о «Премудрости, построившей себе дом»»). Вторая, более краткая, редакция статьи находится в составе творений Анастасия Синаита (т. 89, кол. 593), под титулом, аналогичным рукописи Коаленевого собрания. Сопоставление текстов по двум изданным Минем редакциям показывает, что статья в Анастасиевых вопросах излагает в сокращенном виде толкование Ипполита.

Что есть Премудрость, создавшая себе дом? Согласно толкования Ипполита, это воплотившийся бог Слова, Христос, божия и отчая мудрость и сила, как было предсказано пророчествами. Утверди столпов седмь — означает семь даров святого духа, по пророчеству Исаии, или, как объясняют иные — семь чинов, посвятивших себя божественному учению [15]. Закла своя жертвы — пророки, убиваемые за истину; рабы, созывающие на трапезу, — апостолы, призывающие последовать христианскому учению и причаститься тела Христова, и т. д.

В пользу авторства толкования на притчу Ипполита (III в.), а не Анастасия Синаита (VI в.), может быть приведен целый ряд аргументов. Содержание притчи с описанием сложного ритуала обрядового жертвоприношения уводит в эпоху, когда еще возлагались жертвы на алтарь императора. Образ пророков, умиравших за истину, как овцы, обреченные на заклание, рожден эпохой ожесточенных гонений на христиан при императорах Дециуме, Валериане и Диоклетиане. Проповедь апостолов, призывающих весь мир «на разумение божие», отражает воинственность утверждающейся христианской церкви. В целом вся описываемая в толковании картина была реальным историческим фоном во второй половине III в., при Ипполите.

Толкование на IX притчу уже существовало в IV в., поскольку в это время вокруг него велись богословские споры, о чем известно из второго послания арианам Афанасия Александрийского [16].

В первые века нашей эры понятие божественной Премудрости было в центре внимания не только христианского богословия, унаследовавшего это понятие от идеалистической греческой философии и позднего иудаизма, но и различных синкретических религий, в особенности у гностиков различного толка, вероучения которых отводят Софии значительное место [17]. Ипполит, в частности, оспаривал учение Валентина о сущности Христа и божественной Премудрости, трактующего Мудрость по Платону (Хри-

---

[15] Это второе толкование у Анастасия Синаита опущено. Но именно это толкование получило отражение в памятниках древнерусской иконописи XVI—XVIII вв.

[16] Творения Афанасия Великого, т. II. Сергиев-Посад, 1902, стр. 324—330.

[17] *И. Новицкий*. Постепенное развитие древних философских учений в связи с развитием языческих верований, ч. 4. Киев, 1891.

стос — не плоть, но духовное тело, «carnem spiritalem»), он указывает, что гностики являются лишь адептами языческой мудрости, и их учение должно быть опровергнуто [18]. Ипполит уделяет много внимания творениям Соломона, ему принадлежит толкование Песни песней и сохранившиеся во фрагментах толкования притчей [19].

Нельзя не обратить внимания на скромное место, которое занимает в толковании образ богородицы, названной просто дева (слав. девица), что было бы невозможно для времени Анастасия, когда в обширной богородичной литературе сложились песнопения с высокими эпитетами и сравнениями.

Идентификация, согласно толкования Ипполита, Софии и Христа, станет надолго определением, не подлежащим пересмотру. Не случайно и в изобразительном искусстве появляется первое известное нам изображение Премудрости в виде ангела с надписью на греческом языке «София Иисус Христос» (фреска в александрийской катакомбе) [20].

Непосредственное отношение к изобразительному искусству имеют два Ипполитова толкования семи столпов. В Коаленевой рукописи, как было отмечено, перечислены семь духов Исаии, согласно библейского текста (Ис., 11, 1—2). Изображения этих духов присутствуют в ряде иконографических переводов «Премудрость созда себе храм» и «Софии Премудрости», — в иконописи и в настенных росписях. Нередко они представлены аллегорическими фигурами ангелов, как, например, в иконе «Премудрость созда себе храм» Покровской церкви Рогожской старообрядческой общины [21] и в несохранившейся росписи Золотой палаты, XVI в.[22] Изображения св. духов по пророчеству Исаии присутствуют в болгарских росписях, как, например, в стенописи Хрельовой башни Рыльского монастыря (1334—1335), на тему «Премудрость созда себе храм» [23].

В других случаях св. духи представлены в виде семи лучей, как, например, в иконе «Софии Крестной», где над изображением Распятия исходит семь лучей с надписями: смирение, благочестие, ведение, совет, разум, премудрость, кротость [24]. Аналогичное изображение имеется в стенописи ярославских храмов с изобра-

---

[18] Ср. *B. Herzhoff.* Zwei gnostische psalmen. Interpretation und Untersuchung von Hippolytus. Refutatio, v. 10. 2 und VI. 37, 7. Bonn, 1973, p. 35.

[19] *Н. Я. Марр.* Ипполит. Толкование Песни песней. — Тексты и разыскания армяно-грузинской филологии, кн. 3. СПб., 1901.

[20] *Н. П. Кондаков.* Указ. соч., стр. 74.

[21] *Н. П. Кондаков.* Указ. соч., атлас, табл. 34. Фигуры ангелов нередко трактуются как изображения духов добродетелей, ср. *В. И. Антонова.* Живопись XVI в. — Каталог древнерусской живописи ГТГ, т. II. М., 1963, стр. 26, прим. 3; *О. И. Подобедова.* Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972, стр. 62.

[22] *С. Ф. Ушаков.* Описные книги царских палат. М., 1882, стр. 1—8.

[23] *Л. Прашков.* Хрельовата кула. София, 1973, стр. 36, илл. 16.

[24] *Г. Д. Филимонов.* Указ. соч., стр. 14—15, вкл.

жением «Премудрость созда себе храм», как, например, в росписи западного свода Христорождественской церкви в Ярославле (1683) и др.

Второе приведенное Ипполитом толкование семи столпов как семи чинов земной иерархии («другие говорят, что семь столпов — семь божиих чинов, ради его святого и божественного учения: пророки, апостолы, мученики, святители, аскеты, чистые и праведники») также нашло свое отражение в иконографии. Мы имеем в виду вариант «Софии крестной», где представлена та же иерархия «ликов», с несущественными разночтениями (в иконе названы: пророки, апостолы, мученики, святители, пустынники, исповедники; опубликована Г. Д. Филимоновым, см. примеч. 24), а также в стенописи церкви Рождества Христова в Ярославле, где в композиции «Премудрость созда себе храм» представлены эти же семь чинов.

Текстовое совпадение надписи на иконах и в толковании Ипполита заставляет усматривать связь между памятниками изобразительного искусства и литературным произведением, отстоящими друг от друга на тысячелетия. Поскольку, как отмечалось выше, в Анастасиевой, более краткой редакции, известной на Руси по Изборнику 1073 г., этого второго толкования семи столпов нет, данная взаимосвязь может иметь два источника: она могла иметь опосредствующие звенья, остающиеся нам неизвестными; или же на Руси имело хождение толкование на IX притчу не только в сокращенной Анастасиевой редакции, но в своем первоначальном виде, в редакции Ипполита, хотя в дошедшей до нас письменности оно неизвестно.

Заметим, что тяготение к символике древнейшего Ипполитова толкования отмечается преимущественно в иконографии Новгорода (в иконах «Премудрость созда себе храм» и «София крестная»), что связано с проновгородской окраской культа Софии как «семистолпной премудрости», как Христа в библейском варианте Еммануила, Единородного сына, «Софея» позднейших новгородско-псковских летописей» [25].

Ипполитово толкование на IX притчу содержит в себе три основные мысли, оно утверждает и разъясняет: а) таинство воплощения, б) таинство евхаристии и в) закрепляет за притчей Соломона о храмоздательстве прообразовательное значение, в аспекте сопоставления ветхозаветной и новозаветной Премудрости. Эти три положения связаны с наиболее важными, с точки зрения христианского вероучения, догматами и заключают в себе обширное количество аспектов в процессе дальнейшего развития этих идей. Этим объясняется внимание к произведению в последующей

---

[25] Характер новгородского культа Софии отчетливо выражен в соч. Зиновия Отенского «Повесть известна о Софеи Премудрости божии», опубл. А. И. Никольским: София Премудрость божия (новгородская редакция иконы и служба св. Софии). — ВАИ, вып. 17. СПб., 1906, стр. 92—98.

литературе, его цитируют, из него черпают иконографические сюжеты, оно само становится предметом толкования.

Включение произведения в Анастасиевы вопросы несомненно способствовало его дальнейшему распространению. В VIII и IX вв. сочинение Анастасия—Ипполита проникает в гимнографическую и богослужебную литературу и в дальнейшем тесно с нею связывается, в том направлении и в зависимости от того, какое из положений толкования имеет отношение к теме праздноства.

Догмат о таинстве воплощения, выраженный в толковании на IX притчу, ставит произведение в родство с литургической литературой и искусством. Текст толкования включается, в виде отдельных фрагментов, в богослужебные чтения страстной недели и цветной недели. Козьма Маюмский использует тему толкования Анастасия—Ипполита как основу для канона на великий четверг, на что уже обратил внимание И. Мейендорф [26]. Отголоски толкования Анастасия—Ипполита можно заметить в пасхальном каноне Иоанна Дамаскина.

Этот этап истории текста толкования нашел свое отражение в изобразительном искусстве: композиции на тему Премудрости дополняются изображением, наряду с царем Соломоном, автором притчи, также гимнографов и литургистов. Фигуры Иоанна Дамаскина, Козьмы Маюмского и других песнопевцев представлены в росписях на тему «Премудрость созда себе дом» Рыльского монастыря и во фреске Волотовского храма, в одноименной композиции росписи Золотой палаты [27] и иконах того же названия типа иконы Новгородского Кириллова монастыря [28].

---

[26] *I. Meyendorf*. Op. cit., p. 26. Текст канона см. *Е. Ловякин*. Богослужебные, каноны на славянском и русском языках. СПб., 1875, стр. 278—279.

[27] В композиции росписи Золотой палаты представлен Иоанн Дамаскин со свитком, надпись: «зачало премудрости страх господень и совет святых разум, а еже разумети. . . сим бо образом много поживеши лет и приложат ти ся лета животу». Начало текста взято из чтений о Премудрости, конец — из IX притчи Соломона. Ср. *С. Ф. Ушаков*. Указ. соч., стр. 2.

[28] На иконе Кириллова монастыря в нижней половине ее по сторонам от богоматери, восседающей с младенцем на троне, слева представлена фигура Соломона с надписью на хартии: «Премудрость созда с(еб)е храм и утверди в нем седмь столп». Справа — фигура гимнографа в полосатой чалме, в руках у него хартия с начальными словами канона на четверг Козьмы Маюмского: «Всевинная и животуподательная мудрость божия созда храм собѣ от сты. . .» Относительно личности гимнографа нет единого мнения. Его трактуют как Иоанна Дамаскина (*Н. Е. Мнева*. Московская живопись XVI в. — «История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 588; *В. И. Антонова*. Указ. соч., стр. 25; *H. Kjellin*. Ruska ikoner i svensk och norsk ägo. Stockholm, 1956, S. 262). И. Мейендорф на основании того, что на свитке песнописца написан канон Козьмы, полагает, что изображение принадлежит Козьме Маюмскому (указ. соч., стр. 275—276). Богословский указывает, что он прочел на иконе надпись, до ее расчистки, «Козьма Маюмский» (Дополнения к статье о Софии Премудрости божией. — «Временник ОДРИ», вып. 4—5, разд. IV. Смесь. М., 1874, стр. 36).

В алтаре Волотовской церкви, по описанию Ф. И. Шмита, был представлен «песнопевец в чалме (Иоанн Дамаскин), на свитке которого написано:

Евхаристическая тема толкования на притчу, тесно связанная с литургическими текстами, приобретает особенно многогранные аспекты. Образ божественной церкви — Христа, созывающего «с высоким проповеданием на чашу мудрости», развивается Германом, патриархом константинопольским. По Герману, чаша премудрости с ее напитком — утверждение истины, истинной доктрины, в противоположность еретическим вероучениям [29]. Толкование, утверждающее догмат о воплощении Христа, активно используется в борьбе с еретическими учениями, ставящими под сомнение божественную природу Христа и богоматери.

Литургическое значение образа «закланного Христа», «агнца», «пасхи», «великого архиерея» («сам бо себе священнодействуеши») обеспечивает развитие и варьирование этой темы в алтарных росписях Византии, Балкан, Грузии, Руси. Композиция Евхаристии и образ Христа-священника в мозаиках Софии Киевской, росписи на сюжет «Божественной литургии» и «Святой обедни» так или иначе оказываются сопричастными образной символике толкования на IX притчу.

Литургическая тема получает своеобразное решение в алтарной росписи церкви Благовещения на Мячине, около 1189 г., где в центре композиции «Божественная литургия» представлен Еммануил во славе [30]. Такой же вид имела эта композиция, как есть основание полагать, в алтарной росписи Софийского собора Новгорода, 1108—1112 гг.[31] Отсюда намечается прямой путь к появлению изображений Софии—Еммануила в балканских росписях, как во фресках церкви Дмитрия Маркова монастыря (около 1370 г.), Рыльского монастыря, церкви Богородицы в Левишках и других, — а затем и в древнерусской иконописи, как в иконах «Единородный сын» и «Премудрость созда себе храм».

Наиболее полно евхаристическая тема развита в произведении, включенном в «Словеса избранна Григория Богослова» — «Что есть сказание слова сего, яко чаша в руце господни вина не растворена»[32]. Слово представляет собою самостоятельное толкование на псалом 74, ст. 9. Образ чаши с вином нерастворенным (в толковании — «вино цело») изъясняется как Христос, слово божие.

«Пиво ново паче словесе азъ рече во царствии Х͠С другом испию яко бог святый есмь», и Косма Маюмский, надпись на свитке которого гласит так: «Странствия владычня и бессмертныя трапезы на горнем месте высокими умы вернии приидите восприимемь в шедш. . . слово от слово научившеся, его же величаем» («Заметки о поздневизантийских храмовых росписях». — ВВ, т. 22, вып. 1—2. Пгр., 1916, стр. 91).

[29] *I. Meyendorf.* Op. cit., p. 261.

[30] *Г. С. Батхель.* Новые данные о фресках церкви Благовещения на Мячине близ Новгорода. — «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 245—254, рис. на стр. 254.

[31] *В. Г. Брюсова.* Фрески Софии Новгородской. Автореферат на соискание ученой степени доктора искусствоведения. Л., 1974.

[32] Опубликовано Н. К. Никольским. Указ. соч., стр. 129. О происхождении статьи там же, стр. 30, 42, 43.

В «Слове о чаше» заключен тот же комплекс идей, что и в толковании на IX притчу: разъясняется догмат о воплощении («без сосуда бо держати вино нельзя, так и без плоти божия премудрость невидима сущи»); сопоставляется Ветхий и Новый завет («все бо взя от жидов, и дал еси римляном»).

Эта третья тема толкования на IX притчу — сопоставление ветхозаветной и новозаветной Премудрости объясняет включение текста толкования в службы праздников, олицетворяющих собою смену иудейской веры христианской, как Преполовение, Обновление храма и Начало индикта, т. е. Нового лета. Службы этим трем праздникам не случайно оказываются тесно связанными с толкованием на IX притчу. В особенности полно использован текст толкования в стихирах и канонах празднику Преполовение [33]. В изобразительном искусстве композиция на эту тему присутствует в росписи Нередицы 1199 г., впоследствии — широко распространенный сюжет в иконописи и стенописи. Близкий по теме сюжет — «Начало индикта» представляет Христа в зрелом возрасте в Иерусалимском храме перед иудеями. Миниатюра на этот сюжет открывает собою Ватиканский Менологий X в., его можно нередко встретить в русской иконописи, в стенописях XVII в.

Путь развития толкования на IX притчу Ипполита и его переработки, которые мы проследили, не исчерпывает истории текста. Позднее появляется новая греческая редакция толкования притчи «Премудрость созда себе храм» [34], а затем создаются русские редакции, которые мы здесь не рассматриваем, — в нашу задачу входит разбор статьи в составе Изборника 1073 г. и влияние ее на иконографию «Премудрости».

Для изучения иконографии «Премудрости» имеет значение, однако, что понятие Премудрости божией как воплотившегося бога Слова, Христа (которое разделяли, наряду с Ипполитом, также Афанасий Великий, Анастасий Синаит и другие авторы) не было неизменной догмой. Наряду с такого рода осмыслением, все чаще и настойчивее появляется изъяснение Премудрости божией и ее храма как богоматери. Почва для такого рода истолкования заключалась уже в учениях Филона о богородице как матери Логоса и Иоанна Златоуста о богородице — матери Еммануиловой (сравнение, используемое митрополитом Иларионом в его Слове).

Богородичное истолкование Премудрости божией связано с возвеличением культа богородицы в послеиконоборческую эпоху.

---

33 Обиход XIII в., Рум. 284 (ГБЛ), лл. 141—141 об.

34 Эта редакция представлена списком Изборника XIII в. Q—пI—18 (ГПБ), изученного Н. К. Никольским (указ. соч.). Согласно нашему исследованию, возникновение ее следует отнести к концу XI—началу XII в. (см. доклад, прочитанный на русско-болгарской конференции, посвященной изучению Изборника 1073 г. и состоявшейся в Пушкинском доме АН СССР в декабре 1974 г.)

В честь богоматери устанавливают праздники, освящают храмы. В канонах песнописцев IX в. — Феофана и Иосифа наблюдается постоянное обращение к образной символике Ипполитова толкования IX притчи [35], но тексты показывают полное слияние понятий мудрости, храма и богородицы. Это нашло свое выражение в стихе «церкви божия София пречистая дева богородица».

Богоматери предоставляется одно из главных мест в росписи храма, в центральной апсиде, ее монументальный образ становится символическим воплощением земной церкви. Изречение из псалма: «Бог посреди него; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра» (Пс. XI, 5, 6), которое было начертано на каждом из кирпичей юстинианова храма св. Софии, посвященного Единородному сыну, Слову божию, теперь относится непосредственно к Оранте Киево-Софийского собора, что С. С. Аверинцев расценивает как торжество триединства «Премудрость — Мария — храм» [36].

Как выражение этого триединства есть основание рассматривать иконографию богоматери так называемой «Влахернитиссы», в виде Оранты с изображением на ее лоне в медальоне погрудного Христа, — изображение известно в византийской сфрагистике X—XI вв., в скульптурных изображениях и по письменным источникам. На Руси этот перевод представлен иконой «Знамение в рост» из Ярославля («Ярославская оранта»), фреской Нередицы и рельефами Юрьева Польского. Существует точка зрения, что данный иконографический вариант является образным выражением идеи «Софии Премудрости» [37]. В пользу такого рода идентификации могут быть приведены доводы из материалов русской иконографии: 1) присутствие в позднейшей редакции так называемого киевского перевода Софии аналогичного изображения; 2) наличие на печатях новгородских владык XIII в. Долмата и Климента изображения богоматери «Знамение в рост», с надписью на нимбе богоматери «**МР — ОУ**», а на нимбе младенца — «**СО — ФИ**» [38]. Подробность эта в известной мере характерна для новгородцев: используя широко известный перевод Знамения—Влахернитиссы как «воплощение Премудрости», они сочли нужным уточнить свое понимание, что Премудростью является лишь Христос.

---

[35] Ср. *И. В. Ягич*. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., стр. 097, 378. Об авторстве канонов см. там же, стр. LXXII—LXXIII.

[36] *С. С. Аверинцев*. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской. — «Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси». М., 1972, стр. 41.

[37] Фигура Христа в медальоне трактуется как воплощение Логоса. Ср. *M. Cecchelli*. Mater Christi, v. 1. Rome, 1946. См. возражения А. Грабара в рецензии: *A. Grabar*. Études critiques, 2. Iconographie de la Sagesse Divine et de la Vierge. — «Cahiers Archeologiques», VIII. Paris, 1956, p. 259—260.

[38] *В. Л. Янин*. Актовые печати древней Руси, II. М., 1970, стр. 46—47, табл. 62.

Поскольку мы подошли вплотную ко времени построения Софийских соборов на Руси и утверждения здесь культа Софии—Премудрости, необходимо отметить проявление с самого начала специфически новгородского акцента в отношении к толкованию Премудрости.

Как устанавливается исследованиями, Новгородская София заложена на день Константина и Елены, 21 мая 1045 г., а освящена на Воздвижение, точнее на предпразднование Воздвижению, на день Обновления храма 13 сентября 1052 г.[39] День освящения впоследствии отмечался и был приравнен к престольному празднику Софии. В самой церемонии закладки храма и его освящении скрыта глубокая символика. Праздник Обновления посвящен построению на месте разрушившегося Соломонова храма — Сиона, храма Воскресения над гробом господним императором Константином и матерью его Еленой. Обновление храма относится к праздникам, в которых сопоставляется Ветхий и Новый завет, что является одной из тем, развитых в толковании на IX притчу. Напомним, что сама IX притча посвящена построению храма Соломона. В службу на день Обновления включено чтение «ста Соломон пред жертвенником» (III кн. ц., VIII, 22), в ней проводится параллель между построением храма Соломона и нового храма Воскресения. В службе звучит та же тема обновления человека новой верой, что и в Слове митрополита Илариона. В одной из икон новгородско-софийского круга XVI в. на сюжет «Обновление храма» представлено Воздвижение креста, а ниже — «царь Соломон созда храм стая стых и явися господь царю Соломону во храме стая стых»[40]. Весь этот круг образов и идей ведет нас непосредственно к кругу образов и идей, выраженных в толковании на IX притчу Анастасия—Ипполита. И едва ли представляется делом случайного совпадения, что в росписи центральной главы на хартии царя Соломона начертаны начальные строки притчи: «**Премоудрость създа себѣ храмъ и оутверьди стлъп семь и посла своѧ**». Отсюда, со времени построения Софийского собора, начинается в Новгороде тот культ «Софии семистолпной», который красной нитью пройдет через всю последующую историю новгородской церкви и политической жизни Новгорода.

В эпоху построения Софийских храмов на Руси не было, таким образом, общего понятия о Софии как символе света христианского учения и как приобщения к мудрости этого учения[41]. В это время

---

[39] Вопрос рассматривается в наших статьях: О датировке древнейших фресок Софийского собора в Новгороде (XI—начало XII в.). — СА, 1968, № 1, стр. 103—114; О времени освящения Новгородской Софии. — «Культура средневековой Руси». Л., 1974.

[40] *Н. П. Лихачев.* Материалы для истории русского иконописания. Атлас, т. II, 1, № 447.

[41] Мнение Г. Д. Филимонова (указ. соч., стр. 3) и В. Н. Лазарева («Мозаики Софии Киевской». М., 1950, стр. 21).

Надпись с текстом IX притчи на хартии царя Соломона. Фреска барабана Софийского собора. Новгород, 1051—1052 гг.

Русь получила в наследство от Византии с помощью культурного посредничества Болгарии обширную литературу, из которой русские книжники черпали то, что считали для себя необходимым. Так обстояло дело и с изобразительным искусством.

*

Исследование толкования на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г. позволяет установить следующее.

Толкование включено в Изборник 1073 г. в редакции Анастасия Синаита (VI в.). Статья переведена на славянский язык вместе с другими Анастасиевыми вопросами с греческого текста того типа, который присутствует в Изборнике Коаленевого собрания Парижской национальной библиотеки.

Анастасиева редакция является сокращенным изложением толкования Ипполита (III в.), изданного Минем в Экзегетике Ипполита.

Уже в ближайшие полвека толкование Ипполита вызывает богословские споры с арианами Афанасия Александрийского, а в последующее время произведение широко используется в богословской и гимнографической литературе.

Толкование на IX притчу в редакции Анастасия—Ипполита распространилось на Руси в списках Изборника 1073 г. и в составе сборников иного типа.

Каждый из этапов развития литературной истории текста находит свое отражение в различных иконографических решениях темы в изобразительном искусстве.

Так выясняется то немаловажное значение, которое получило, казалось бы, исключительно богословское по содержанию произведение, каким является толкование на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Иполутово чьто ѥсть моудрость съзъдавъшиꙗ себе домъ. Христосъ бжиꙗ и очѧ моудрость и сила своѭ плъть слово бо плъть бы и въселисѧ въ ны и оувьрьди стълпъ седмь стаго доуха седморицю ꙗкоже рече Исаиꙗ и почиѥть на немь седмь доухъ бжи и закла своꙗ жрьтвы пророкы на врѣмена оубиваѥмы отъ невѣрьныихъ за истинꙋ и въпиѭшта тобѣ дѣлѣ оумираѥмы по вьсѧ дни въмѣнени быхомъ акы овьчѧта на заколениѥ. съчрьпавъ чѧши своѥи вино в дѣвици своѥ божьство съѥдинивъ съ плътьѭ вино цѣло Съпасъ родисѧ отъ неѥи измѣсьнѣ бь и члвкъ исъготови своѭ трѧпезоу разоумъ троичьныи исповѣдаѥмъ посла рабы съзываѭшти съ высокъмь проповѣданиѥмь иже есть несъмысльнь да склониться къ мнѣ апостолы въ вьсь миръ призываꙗ вьсѧ страны на разоумъниѥ бжиѥ и скоудыимь съмыслъмь рече иже не имуть еште силы стаго дха придѣте ꙗдите мои хлебъ и пиите вино ѥже есть чрьпахъ вамъ божьствьноуѭ ѥго плъть свѧтоуѭ ѥго кръвь дасть намъ ꙗсти и пити въ оставлениѥ грѣховъ.

ГИМ, Син. 31, л. 155 об.

М. Ф. Мурьянов

СТАТЬЯ ТИТА БОСТРСКОГО В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г.

Материалом для нашего разбора является текст на л. 177 об. — 178 Изборника:

Тита вотрьскаагo камо сѧ дѣ отърѣзанаꙗ г(оспод)нѧ плъть ∴

Да то вѣдѧть и намъ недовѣдомыихъ и неписаныихъ и помлъчаныихъ пытаѭште и чьсо дѣлѧ на высоцѣ дрѣвѣ жьремъ ѥсть Х(ристо)съ а не подъ кровъмь или боудеть да въздоуха ѥстьство очистить и ꙗко же прѣчистаꙗ ѥго кръвь съ водоѭ въ врѣмѧ страстьноѥ очисти землю капавъ на нѭ тако же и отърѣзанаꙗ плъть погребена ос(вѧ)ти ѭ вьсѧко же ими же вѣсть самъ разоумы самохотиѭ обрѣзаныи съхрани обрѣзаноѥ·ꙗко же и въ врѣмѧ въскрьсениꙗ ѥмоу и тѣмь без не статъ ка си въстанеть испълънь сыи бес тьлѧ вьсѣмь тѣломь и мы бо на въскрьсениѥ наше тѣло испльнь приимемы а ꙗко же погребено ѥсть отърѣзаноѥ свѧтыи и б(о)жьствьныи Х(ри)с(т)овъ оудъ по прьвоуоумоу оубо прѣданиѭ повѣдаѭть и донынѣ иѭдеи такаꙗ погрѣбаѭште ветъхы хранѧште въ лѣпотѧ нравъ ∴

А. В. Горский и К. И. Невоструев отождествили этот текст с № 145 изданных Гретсером «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита, отметив по поводу ссылки на Тита, что «в греческом сего нет» и в Изборнике «ответ несколько дополнен» [1]. Сейчас первоисточник имеется в доброкачественном критическом издании Зикенбергера, и по поводу ссылки на Тита можно сказать, что в греческом тексте она есть, а расширение ответа по сравнению с редакцией Анастасия Синаита является не собственным творчеством славянского переводчика, а результатом того, что к ответу он добавил перевод греческой схолии:

? Τί γέγονεν ἡ περιτμηθεῖσα τοῦ κυρίου ἀκροβυστία; Τίτου ἐπισκόπου Βόστρων. Εἰπάτωσαν καὶ ἡμῖν οἱ τῶν ἀδήλων καὶ ἀγράφων καὶ σεσιωπημένων περιεργαζόμενοι, τίνος ἕνεκεν ἐφ’ ὑψηλοῦ τοῦ ἰκρίου θύεται Χριστὸς καὶ οὐχ ὑπὸ στέγην. ἢ πάντως, ἵνα τοῦ ἀέρος τὴν φύσιν καθάρῃ; καὶ ὥσπερ τὸ ἄχραντον αὐτοῦ αἷμα μετὰ ὕδατος ἐν τῷ καιρῷ τοῦ πάθους ἐκάθαρεν τὴν γῆν στάξαν ἐν αὐτῇ, οὕτω ἡ περιτμηθεῖσα ἀκροβυστία κατορυχθεῖσα ταύτην ἡγίασεν. πάντως δὲ καὶ οἷς οἶδεν λόγοις ὁ ἑκουσίως περιτμηθεὶς ἐφύλαξεν τὸ περιτμηθέν, ὅπως καὶ κατα τὸν καιρὸν τῆς ἀναστάσεως αὐτοῦ καὶ κατὰ τοῦτο ἀνελλιπῶς ἔχων αὐτὸς ἀναστῇ πλήρης ὑπάρχων καὶ ἄφθαρτος ὅλῳ τῷ σώματι. καὶ γὰρ ἡμεῖς ἐν τῇ ἀναστάσει τὸ ἡμέτερον σῶμα πλῆρες ἀποληψόμεθα.

Ὅτι γὰρ κατωρύχθη τὸ περιτμηθὲν ἱερὸν καὶ θεῖον τοῦ Χριστοῦ μόριον κατὰ τὴν ἀρχαίαν πάντως παράδοσιν, δηλοῦσι μέχρι καὶ νῦν Ἰουδαῖοι τὰ τοιαῦτα κατορύττοντες παλαιῷ φυλάττοντες εἰκότως ἔθει [2].

---

[1] *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2. М., 1859, стр. 380.

[2] *J. Sickenberger.* Titus von Bostra. Studien zu dessen Lukashomilien. Leipzig, 1901, S. 78, 150—151 (текст по двум ватиканским спискам X в.).

Высказывалось мнение, что комментарий к Евангелию от Луки, откуда взят этот текст, сочинен не Титом, епископом Бостры (умер до 378 г.), а неизвестным автором VI или даже VIII в.[3], однако аргументацией эта точка зрения не подкреплена. Если она в принципе правильна в отношении ко всему сочинению в целом, то все же вопрос об авторстве каждого отдельного звена произведений с такой структурой (их средневековое название — цепи, catenae) может иметь отдельное решение, и авторство Тита в данном случае отвергать не следует.

Бостра (Босра), ныне деревня в южной Сирии, став в 105—106 гг. столицей римской провинции Аравия, выдвинулась как крупный культурный центр; Ориген участвовал здесь в нескольких синодах. Не позже чем в 300 г. Бостра получила митрополичью кафедру, подчиненную иерусалимскому патриарху, а после Халкедонского собора (451) перешедшую в подчинение к антиохийскому патриарху. Расцвет города, извлекавшего большие выгоды из своего географического положения на перекрестке торговых путей, ознаменовался завершением строительства в 512 г. кафедрального собора св. Сергия, Вакха и Леонтия, послужившего одним из архитектурных прототипов для константинопольского собора св. Софии. Впрочем, грандиозная св. София (диаметр купола — 30,8 м) в инженерном отношении не превзошла собор Бостры (диаметр купола — 36,1 м), хотя по убранству он был скромным — без мозаик, только с фресками [4]. В 613 г. Бостра была разорена персами, в 634 г. завоевана арабами и постепенно захирела [5].

Во второй половине VII в. христианско-арабский поэт ал-Ахталь упоминает вино из Бостры [6], в конце VII или в начале VIII в. на поприще догматики выступал Стефан из Бостры, цитируемый Иоанном Дамаскиным [7]. В 1344 г. собор святых Сергия, Вакха и Леонтия еще функционировал, как это видно из зарегистрированной И. Ю. Крачковским надписи на греческом Евангелии XI в., пожертвованном собору и впоследствии попавшем в антиохийскую патриаршую библиотеку [8]. Развалины города были опознаны археологами в 1857 г. и к настоящему времени в основном раскопаны; поэтому вряд ли будут обнаружены еще какие-то материалы, которые могли бы пролить дополнительный свет на эпоху Тита.

---

[3] *H.-G. Beck.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, S. 422, 471.

[4] *J. Leroy.* Bosra. — Reallexikon zur byzantinischen Kunst. 3. Lfg. Stuttgart, 1965. Sp. 731—737.

[5] The Encyclopaedia of Islam, vol. 1. Leiden-London, 1960, p. 1275—1277.

[6] *И. Ю. Крачковский.* Вино в поэзии ал-Ахталя. — Избр. сочинения, т. 2. М.—Л., 1956, стр. 421.

[7] *H.-G. Beck.* Op. cit., S. 447; *G. Graf.* Geschichte der christlichen arabischen Literatur, Bd. 1. Città del Vaticano, 1944.

[8] *И. Ю. Крачковский.* Арабские рукописи из собрания Григория IV, патриарха Антиохийского. — Избр. соч., т. 6. М.—Л., 1960, стр. 429.

Литературная деятельность Тита приходится на последние десятилетия существования Римской империи, когда легализованное христианство вырабатывало основные устои своей догматики, и этот процесс содержал в себе столько спорного, что даже императорская власть круто меняла свое отношение к отдельным течениям, то поддерживая их, то признавая ересью. Были и внешние факторы, представлявшие собой серьезный противовес новой государственной религии — в частности, набиравшее силу манихейство. Борьба с манихейством — основная задача Тита как богослова и церковного деятеля. Это настолько видная фигура в мире арабских христиан, что ему впоследствии нередко приписывали сочинения, автором которых он не являлся [9]. Произведения Тита [10] имели хождение на сирийском, греческом и коптском языках, высокого мнения о них был Иероним. По Иоанну Дамаскину и некоторым календарным данным [11], Тит был причислен к лику святых, но сведений о времени его канонизации нет.

Постановка Титом вопроса о символическом значении того, почему Христос принял смерть не под кровом, не имеет параллелей в патрологии. Более того, она приходит в противоречие с иконографией, рано установившимся обычаем оформлять изображения особо важных лиц и событий священной истории архитектурным обрамлением, когда и изображение Распятия нередко оказывалось под условным кровом [12] — например, на резной деревянной двери римского монастыря Санта Сабина (V в.), где над каждым из троих распятых на Голгофе изображена маленькая двускатная крыша. Необычный вопрос Тита имеет свои логические основания. В самом деле, теоретически вполне можно было бы себе представить, что земной путь Агнца Божия окончится его закланием в храме на алтаре и состоится иудейская ола — жертва всесожжения; хотя человеческие жертвы иудеями не приносились, в данном исключительном случае она была бы обоснована самим названием Агнца и ветхозаветным прообразом жертвоприношения Авраамом Исаака [13]. Поскольку искупительная жертва Христа

---

[9] *H.-G. Beck.* Op. cit., S. 193. На Руси было известно, по данным картотеки Н. К. Никольского (БАН СССР), «В неделю цветную блаженного Тита Слово о просвещении Лазаря и о цветоносии (Начало: Яко же неизмеримая глубина точит без зависти источники вод)» в действительности Титу не принадлежащее: *J. Sickenberger.* Titus von Bostra, S. 135—136.

[10] Сейчас их текстологической разработкой занимается Петер Нагель (ГДР), см. *P. Nagel.* Die Paradieserzählung bei Titus von Bostra. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der christlich-manichäischen Polemik.—«Studia Byzantina», hg. von J. Irmscher. Halle, 1966, S. 211—219.

[11] *Архиепископ Сергий.* Полный месяцеслов Востока, т. 2. Владимир, 1901, стр. 52, 57 (день памяти — 22 или 27 февраля).

[12] *G. Schiller.* Ikonographie der christlichen Kunst, Bd. 2. Die Passion Jesu Christi. Gütersloh, 1968.

[13] Применимость этого прообраза доказуема уникальным произведением живописи: на миниатюре сакраментария епископа Вармунда 1001—1002 гг. (Ивреа, Библиотека капитула, кодекс 86, л. 24 об.), изображающей обрезание младенца Христа, нож находится в руках Авраама, а надпись

произошла, по Библии, в иных обстоятельствах, богословы обсуждали символический смысл этих обстоятельств, но обсуждали только, так сказать, смещение по горизонтальной оси. На вопрос, почему казнь Христа имела место за пределами города, готовый ответ находили в Послании апостола Павла к евреям (13, 11—12) [14].

Вертикальный сдвиг обходился молчанием. Сама идея алтаря (алтарь есть alta ara, т. е. место, возвышающееся над уровнем земли), на котором совершается жертва, уже содержит в себе символ высоты, важнейший в ритуалах жертвоприношений для всех религий, считающих небо, конечный предел высоты, местопребыванием божества. Но крестное древо Христа было выше обычного стола-алтаря, выше крестов рядом распятых разбойников. Литургическая гимнография подчеркивает его гигантский масштаб, это представление прочно укоренилось и нашло себе место в русском фольклоре [15]. Иконография тоже искала и находила выходы в беспредельность: на храмовых распятиях можно видеть убрусы с вышивкой в виде золотых звезд, символизирующие небосвод [16].

Акт жертвоприношения окутан благоговейным молчанием, это его органический признак во всех религиях. Тексту древнерусского Изборника соответствует ветхозаветное пророчество: «Как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст своих» (Исайя, 53, 7). Тит из Бостры с неодобрением говорит о тех, кто, доискиваясь значений священнодействия, пытается выразить их словами. Любопытство всегда несет опасность профанации неизреченного таинства, поэтому философия мистериального осуждала любопытных рационалистов [17] и вместе с тем заботилась, чтобы таинство имело притягательную силу для любопытных. Градация явного и тайного в объяснении Библии и ритуалов рег-

---

«Exuit a vitiis nos circumcisio Christi» («Избавляет нас от грехов обрезание Христово») подтверждает, что смысл первого кровопролития божественного младенца есть часть общего плана спасения. Репродукцию миниатюры см. *G. Ladner*. Die italienische Malerei im 11. Jahrhundert. — («Jahrbuch der Kunsthistorischen Sammlungen in Wien», Bd. 5. Wien, 1931, S. 134, Abb. 109; *L. Magnani*. Le miniature del Sacramentario d'Ivrea e i altri codici Warmondiani. Roma, 1934.

[14] Ср. основное средневековое руководство по объяснению Библии, Glossa ordinaria Псевдо-Валафрида Страбона (действительный автор — Ансельм Ланский, начало XII в.): Patrologia latina, t. 114. Paris, 1852, col. 669—670; *М. Н. Скабалланович*. Из апостола (трудные места). Киев, 1911, стр. 30—32. О патристическом толковании крови Христовой см. *G. Richter*. Blut und Wasser aus der durchbohrten Seite Jesu (Joh 19, 34b). — «Münchener theologische Zeitschrift», 21. Jg. München, 1970, S. 1—21; *J. Thurén*. Das Lobopfer der Hebräer. Studien zum Aufbau und Anliegen vom Hebräerbrief 13. Åbo, 1973.

[15] *А. Н. Веселовский*. Разыскания в области русского духовного стиха, т. III—IV. СПб., 1881, стр. 70.

[16] *См. G. Wild*. Bogumilen und Katharer in ihrer Symbolik, Bd. 1. Wiesbaden, 1970, S. 80—81.

[17] *J. Mette*. Neugier und Neuzeit. Antike und Abendland, Bd. 16. Berlin, 1970, S. 1—11.

ламентировалась с учетом исторического опыта элевсинских мистерий античности [18], в которые были посвящены некоторые раннехристианские мыслители — например, Климент Александрийский. Предусматривалось, что некоторые высшие моменты вообще не подлежат письменной фиксации и будут передаваться из поколения в поколение только устно, внутри самого узкого круга первосвященников, связанных обетом хранить тайну [19]. Так это в основном и происходило, и текст Тита является редчайшим исключением, случаем, как сейчас принято говорить, утечки информации. Посмотрим, что она может дать медиевистике.

Западногерманская исследовательница Фотина Рех, приводя в систему материалы по культу креста, обратила внимание на необъяснимо большой удельный вес русских данных, особенно старообрядческих [20]. Ее наблюдение правильно и может быть дополнено целым рядом фактов.

Символика креста играет в восточной церкви значительно большую роль, нежели в западной [21]. Есть, конечно, и общие моменты, но, не останавливаясь на них, укажем на некоторые различия. Только в византийском богослужении существует крестопоклонная неделя, с впечатляющим ритуалом, когда звучит гимн «Кресту Твоему» и все простираются в земном поклоне; каждая неделя года построена так, что среда и пятница — дни суда и казни Христа — посвящены кресту. Годовой цикл праздников сгруппирован вокруг распятия и пасхи, тогда как кульминацией западного церковного года является Рождество. Во время богослужения в православном храме участвующие осеняют себя множество раз крестным знамением, такое поведение показалось бы в католическом или протестантском храме по меньшей мере странным, тогда как для средневековой русской религиозности оно органично, а у старообрядцев и того более, начиная с протопопа Аввакума, обличавшего «крестоборную ересь никонианскую» [22].

Ритуал инициации, делающий человека членом церкви, только в славянских языках называется «крещение», в прочих языках христианской культуры это название по смыслу означает не «осенение крестом», а «окунание в воду», причем славянская общность,

---

[18] О них см. *H. Ludin Jansen*. Die eleusinische Weihe. — «Ex orbe religionum. Studia Geo Widengren oblata», t. 1. Leiden, 1972, S. 287—298.

[19] *G. Sfameni Gasparro*. L'Hermetismo nelle testimonianze del Padri. — «Rivista di storia e letteratura religiosa», t. 7. Firenze, 1971, p. 215—251.

[20] *Ph. Rech*. Inbild des Kosmos. Eine Symbolik der Schöpfung, Bd. 1. Salzburg-Graz, 1966, S. 475—546.

[21] Ученый бенедиктинец Адальберт Кужея пишет, что к началу XI в. зависимая от Византии латинская символика креста представляла собой довольно бледную картину: *A. Kurzeja*. Der älteste Liber ordinarius der Trierer Domkirche. Münster i. W., 1970, S. 137.

[22] На Ближнем Востоке средневековые распри о крестном знамении принимали особенно ожесточенный характер, в календаре коптских монофизитов 29 сентября значится как день 80000 пальцев, отрубленных александрийскими греками у коптов за то, что они крестятся одним пальцем.

перекрывающая внутренние конфессиональные противоположности, показывает, что слово «крещение» создано и введено в обиход до разделения славян на восточное и западное вероисповедания, т. е. оно датируется не позже чем эпохой Кирилла и Мефодия. Есть в рассматриваемой совокупности понятий еще более древний слой. Кирилл и Мефодий, будучи миссионерами Византии, опирались на греческую церковную письменность и греческий язык, поэтому можно было бы ожидать в церковнославянском языке в качестве названия для основной эмблемы христианства слово, производное от греческого σταυρός [23]. В действительности принято слово совершенно другого корня — *крест*. Установлено его германское происхождение, причем предполагается, что источником заимствования послужил древневерхненемецкий язык [24]. Согласиться с последним предположением, на наш взгляд, невозможно, поскольку в этом случае неизбежно пришлось бы принять слишком далеко идущие последствия о роли краткого эпизода с баварской миссией IX в. в славянских землях, об источниках славянского христианства. Но противопоставить такой интерпретации реального факта можно только одно — предположение, что слово «крест» восходит к другому германскому языку, готскому, и что оно вошло в лексику древних славян во время готских миграций по славянским землям, продолжавшихся не одно столетие [25].

Нам думается, что есть должная мера исторической осторожности в предположении, что в условиях совместного проживания на одной территории предки славян, не воспринимая от готов их религиозных представлений и тем более не вникая в теологические контроверзы между готским арианством и греческим православием, все же знали от готов слова, которыми последние называли своего бога и свой главный магический знак, слова, которые сами по себе никакой сакральной тайны не составляют.

Но с Изборником Симеона — Святослава к славянам пришло и сокровенное учение о кресте [26]. В рукописи, предназначенной для болгарского царя и русского великого князя, имеющих право доступа к сакральным тайнам, текст Тита намекнул на то, что входило в раннюю восточнохристианскую традицию, составляло ее отличительную особенность. Не привлекая давно опубликованного текста Тита, об этой особенности наиболее проницательные

---

[23] Подобно тому, как беспрепятственно вошли в русский язык последующих веков *ставрата*, *ставропигия*, *ставротека*, *ставрида*, *Ставрополь*; ср. также былинное личное имя *Ставр Годинович*.

[24] *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка, под ред. О. Н. Трубачева, т. 2. М., 1967, стр. 374.

[25] Ср. *G. Hørst*. Spuren der Goten im Osten. — «Norsk tidsskrift for Sprogvidenskap». Bd. 25. Oslo, 1971, S. 45—90.

[26] Ср. у Максима Грека: въпросил мя еси раскрыти тебе силу тайнаго апостольского предания сиречь образа крестного. *А. И. Иванов*. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 183—187.

медиевисты догадывались по ряду иконографических признаков. Например, по поводу иконы XII в. «Поклонение кресту» Третьяковской галереи В. Н. Лазарев пишет: «Иконографический тип поклонения голгофскому кресту восходит к очень старым сирийским источникам <. . .> По-видимому, мастер иконы использовал какую-то древнюю иконографическую традицию»[27].

Теперь есть возможность внести ясность в наше понимание сирийской традиции креста, по крайней мере в отношении ее главного признака — благодаря Титу мы знаем, что крест должен быть высоким, с тем, чтобы освятить воздушный океан[28].

Необходимость в освящении воздуха вытекает из учения о бесплотных силах: по Евагрию Понтийскому, главному восточному авторитету в демонологии и современнику Тита, воздух является местом обитания демонов, основная субстанция их естества — воздух, тогда как у ангелов — пламя и у людей — прах[29]. Латинский апологет христианства Фирмик Матерн (около 347 г.) высмеивал эти восточные представления о воздухе, имеющие весьма древние корни[30].

Подъем креста, символизирующий освящение пространства[31], осуществим трояким образом — поэтической гиперболизацией размеров голгофского креста, ритуалом воздвижения, совершаемым с большой торжественностью и, наконец, применением креста в качестве навершия любого сакрального архитектонического ансамбля — им увенчаны иконостас, киот, хоругвь, арочная роспись, архиерейский посох, головной убор патриарха. Сюда же относится и крест, увенчивающий верхнюю точку храма.

Верхней точкой храма, построенного по классической крестово-купольной схеме, является центральный камень купольного свода, создающий распор сходящейся к нему, как к полюсу, кладке, его постановка на свое место завершает строительство. В архитектурной символике этот камень приравнивается Иисусу

---

[27] *В. Н. Лазарев.* Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 105. Об отличиях между сирийским культом креста и общехристианской традицией упоминается: *J. Leroy.* Les manuscrits syriaques à peintures. Paris, 1964, p. 360—361.

[28] В греческом тексте Тита имеется в виду не освящение, а очищение, катарсис. *Чистое — нечистое* представляет собой не эквивалент пары *сакральное — профанное*, а выражение пригодности для освящения: *J. Hennig.* Die Heiligung der Welt im Judentum und Christentum. — Archiv für Liturgiewissenschaft, Bd. 10. Regensburg, 1968, S. 355—374; *W. Paschen.* Rein und Unrein. Untersuchung zur biblischen Wortgeschichte. München, 1970.

[29] *A. Guillaumont.* Les six centuries des «Kephaloia gnostica» d'Evagre de Pontique. Paris, 1958 (Cent. 1, 68).

[30] Julii Firmici Materni «De errore profanarum religionum», ed. A. Pastorino. Firenze, 1956, cap. IV; *J. Vogt.* Toleranz und Intoleranz im constantinischen Zeitalter. Der Weg der lateinischen Apologetik. — Saeculum, vol. 19. N. Y., 1968, S. 344—361.

[31] Der Papyruscodex saec. VI—VII der Philippsbibliothek in Cheltenham, hg. von W. E. Crum. Strassburg, 1915, S. 58 (коптская рукопись).

Христу [32], который отнес к себе слова псалма 117,22: «Камень, который отвергли строители, тот самый соделался главою угла» [33]. Но этот камень невидим — снизу он покрыт штукатуркой, сверху кровлей, и поэтому должен быть особым образом обозначен. Для наблюдателя, находящегося внутри храма, этот полюсный камень находится в зените купола. Здесь при живописном оформлении интерьера располагается либо лик Христа с крещатым нимбом, либо крест, либо хризмон (монограмма Христа), либо Агнец. Оптической особенностью всякого наблюдаемого объекта, находящегося строго в зените, является то, что глазомер почти полностью утрачивает способность оценивать расстояние до него, высоту его расположения. Но для наблюдателя, стоящего вне храма, полюсный камень, символизирующий Христа, маркирован водруженным на нем крестом, высота расположения которого отчетливо видна и сама по себе, и как организующая ордината градостроительного ансамбля. Поднять точку водружения надкупольного креста — крайне заманчивая зодческая цель, но каждый фут подъема — это два фута увеличения диаметра купола, значительное усложнение инженерных проблем всего сооружения. Прямая наследница сирийской традиции — древнейшая кавказская храмостроительная практика показывает, каким образом нашлось одно из возможных разрешений этого противоречия: кровля купола приобрела вид конуса, что дало возможность и сохранить необходимую для символики интерьера форму полусферы — небосвода и, не увеличивая диаметр этой сферы, заметно увеличить высоту наружного вида.

Второй способ решения задачи — постановка в качестве основания купола высокого цилиндрического барабана, возведение которого не представляет технических трудностей, если пропорции здания достаточно обоснованы эстетически. Такое обоснование появилось не как заранее заданная норма, а в результате исторической эволюции, в течение которой тяга ввысь то усиливалась, то ослабевала; были и локальные различия.

Феномен храмовой башни, обсуждаемый историками архитектуры с конца прошлого века, остается необъясненным. Пока мнения сошлись только в одном, что родиной этой идеи является Сирия [34] — несмотря на столь серьезное препятствие, как сейсмическая опасность, в целом повлиявшая на характер местной архитектуры [35].

[32] *E. G. Schmidt*. Antike und mittelalterliche Schlußsteinsymbolik. — Das Altertum, Bd. 14. Berlin, 1968, S. 31—37; *G. Bandmann*. Ikonologie der Architektur. Darmstadt, 1969.

[33] Мф 21, 42=Мр 12, 10=Лк 20, 17.

[34] *H. Schnell*. Die Entwicklung des Kirchturms und seine Stellung in unserer Zeit. — Das Münster, 22. Jg. München, 1969, S. 85—96. Ср. *А. В. Банк*. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства. — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран». Сб. в честь Н. В. Пигулевской. М., 1967, стр. 77—83.

[35] *J. Lassus*. Eglises d'Apamène. —«Bulletin d'études orientales», t. 25. Damas, 1973, p. 20.

Действительная причина феномена башни находится в сведениях, сообщаемых Титом из Бостры. Есть и более раннее высказывание, в какой-то степени предвещающее зодческий вкус к высоте, — мы имеем в виду Послание Игнатия Антиохийского к Ефесянам: «Вы — камни храма Отца, подготовленные для строительства Богом Отцом, вы возноситесь на высоту орудием Иисуса Христа, то есть крестом, посредством каната святого Духа; вера ваша влечет вас на высоту» [36]. Но эпоха гонений, к которой этот документ относится, не выдвигала задачи строительства храмов. Игнатий написал свое послание в 110 г., направляясь под конвоем в Рим, где принял мученическую смерть. Во времена Тита легализованная церковь не только развернула храмовое строительство, но и имела эффективный конкурентный стимул для устремления ввысь — лаконичное указание Вавилонского Талмуда, кодифицированного к VI в.: «*Всякий город, чьи крыши выше, чем синагога, в конце концов разрушается*» (трактат Шаббат) [37].

В IV—V вв. североафриканские храмы были приземистыми, в VI в. они потянулись вверх [38]. В Каппадокии часто строились наскальные храмы [39]. Сопутствующим процессом было столпничество, развившееся в Сирии и Палестине IV—VI вв. Например, св. Симеон Старший провел последние десятилетия своей жизни (422—459) на площадке колонны, достигавшей высоты до 20 м. [40] Последователи этого благочестивого подвига нашлись только на Руси, в домонгольский период — вышедший из окружения Юрия Долгорукого Никита Столпник в Переяславле Залесском (умер в 1186 г.).

Вторая волна интереса к храмовой высоте прокатилась по всей Европе во второй половине XI в. До этого организация элементов архитектоники шла по горизонтали, но вдруг акценты сместились, стал подчеркиваться вертикальный элемент стены. Например, около 1010 г. близ Феррары была построена церковь имперского

---

[36] Ignace d'Antioche. Lettres, publiées par P. Th. Camelot. Paris, 1958, p. 76—78; *R. Wejenborg*. Les lettres d'Ignace d'Antioche. Etude de critique littéraire. Leiden, 1969; *И. В. Ягич*. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. СПб., 1886, с. 0130.

[37] Ср. в Ветхом завете: «Вот закон храма: на вершине горы все пространство его вокруг — Святое Святых, вот закон храма!» (Иез 43, 12).

[38] *J. Christern*. Emporenkirchen in Nordafrika. — Akten des 7. Internationalen Kongresses für christliche Archäologie, Trier 1965. Città del Vaticano — Berlin, 1969, S. 407—425.

[39] *G. Jerphanion*. Les églises rupestres de Cappadoce, vol. 1—3. Paris, 1925—1934; *N. Thierry*, *M. Thierry*. Nouvelles églises rupestres de Cappadoce. Paris, 1964.

[40] *H. Delehaye*. Les saints stylites. Bruxelles, 1923; *J. Lassus*. Sanctuaires chrétiens de Syrie. Paris, 1947; *P. Peeters*. Le tréfonds oriental de l'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1950, p. 93—136; *J. Lafontaine—Dosogne*, *B. Orgels*. Recherches sur le monastère et sur l'iconographie de S. Syméon Stylite le Jeune. Bruxelles, 1968.

аббатства Санта Мария ди Помпоза, в масштабах, «по вневременному христианскому обычаю», близких к человеческой мере. Но прошло полстолетия — и к ней почему-то пристроили башню такой высоты, что рядом с ней «смертный человеческого роста просто исчезает» [41]. В это время и создавался Изборник 1073 г., а его владелец Святослав в этом же году участвовал в закладке Успенского собора Киево-Печерской лавры, самого высокого сооружения домонгольской Руси, не только по абсолютной высоте, но и по пропорциям, небывало вытянутым вверх [42]. Со второй половины XI в. во многих европейских храмах устанавливаются так называемые триумфальные кресты — распятия, располагаемые на самом высоком месте [43].

За неимением археологического материала не представляется возможным датировать обычай (и его догматическое толкование) ставить под купольными крестами знак полумесяца. Уже для Максима Грека это тема для предположений, в серпе полумесяца он видит букву ипсилон: «Этою буквою святые отцы учат нас гадательно, что крест есть ὑψός, то есть высота и слава Христова», и добавляет: «Так постигает мой слабый ум, а если кто может лучше объяснить, тот пусть просветит нас» [44]. Если прав Максим Грек и присоединившийся к его точке зрения знаток новгородских древностей архимандрит Макарий [45], то постановка креста над полумесяцем означает, что высота воздвижения креста символически оказывается выше небесного светила. Но символ по самой своей природе всегда многозначен, и в данном случае в нем присутствует значение триумфа над мусульманской эмблемой полумесяца, заменявшей кресты на храмах, переоборудованных в мечети; очевидно, это вторичное значение развилось после свержения татаро-монгольского ига.

---

[41] *W. von den Steinen.* Der Kosmos des Mittelalters. Bern — München, 1959, S. 365, Taf. 11.

[42] *М. Ф. Мурьянов.* Золотой пояс Шимона. — Византия, южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Сб. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973, стр. 187—198.

[43] *R. Hausherr.* Triumphkreuz. — Lexikon der christlichen Ikonographie, Bd. 4. Freiburg i.Br., 1972, Sp. 356—359.

[44] «Сказание о том, что под крестом на церкви окружен, аки месяц млад». — *А. И. Иванов.* Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, стр. 179.

[45] *Архимандрит Макарий.* О форме крестов на главах храмов и колоколен. — Известия Имп. Археологического общества, т. 2. СПб., 1860, стр. 4.

Е. К. Пиотровская

ЛЕТОПИСЕЦ ВСКОРЕ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПАТРИАРХА НИКИФОРА И ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА 1073 г.

Как известно, в одном из древнейших датированных памятников славянской письменности Изборнике Святослава 1073 г. на лл. 264—266 после приписки дьякона Иоанна, писца Изборника, следует текст, озаглавленный: «**Лѣтописьць въкратъцѣ отъ Авъгуста даже и до Константина и Зоя цесарь грьчьскыихъ**». Он представляет собой краткие хронологические заметки с указанием дат правления римских и византийских императоров. Как указано в заглавии, текст начинается с указания времени правления римского императора Августа (27 г. до н. э.—14 г. н. э.) и кончается временем совместного правления византийского императора Константина VII Багрянородного и матери его Зои (913—919). Последние слова: «. . . Диоклитяносъ иго», как нам кажется, могли быть началом какой-то новой хронологической выкладки. Местами в текст вставлены сведения о наиболее значительных событиях, происшедших в период правления того или иного властителя (рождение Иисуса Христа, пленение Иерусалима Титом, заметки о первомучениках христианах Устине Философе, Игнатии Богоносце, указано место погребения матери Константина Великого — церковь Святых Апостолов в Константинополе и т. д.). Кроме того, есть весьма отрывочные сведения о вселенских соборах.

После того как в 1817 г. П. М. Строевым была найдена рукопись Изборника 1073 г. [1], ученые XIX столетия, занимаясь источниками статей памятника, соотносили текст хронологических выкладок с «Летописцем вскоре» константинопольского патриарха Никифора [2], сочинением, широко отразившемся в древнерусской традиции [3] и восходящем к греческому тексту «Χρονογραφικὸν σύντομον» (далее Хронографикон), автором которого был известный

---

[1] Историю находки и изучения рукописи и подготовки предполагаемого первого издания см. *Е. В. Барсов.* — ЧОИДР, М., 1882, кн. 4.

[2] *А. Х. Востоков.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842, стр. 499—506; *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Описание рукописей Синодальной библиотеки, т. II, ч. 1. М., 1859, стр. 365—405; *Ф. И. Буслаев.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стр. 266—267, 282 и др.

[3] См., напр.: *Н. В. Степанов.* Летописец вскоре патриарха Никифора в Новгородской Кормчей. — ИОРЯС, кн. 2—3, 1912, стр. 250—292; кн. 3, стр. 256—320; *А. А. Шахматов.* Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1934, стр. 64—69.

представитель иконоборческой эпохи, писатель и Константинопольский патриарх Никифор (758—828) [4].

Уже давно был установлен тот факт, что Изборник Святослава 1073 г. является списком с аналогичного болгарского сборника, выполненного для царя Симеона (893—927) а тот, в свою очередь, был списан с близкой по составу греческой рукописи. Однако ни в одном из известных в настоящее время греческих списков оригинала Изборника нет указанной хронологической статьи [5].

Несколько лет назад болгарский ученый Б. Ст. Ангелов высказал предположение, что текст хронологических записей в Изборнике не является переводом Хронографикона [6]. Для анализа хронологических записей текста ученый привлек также текст так называемой «Историкии за бога въкратьцѣ», автором которого считается Константин Преславский, писатель IX в., ученик первоучителя славян Мефодия, представитель Преславской школы древних книжников. Труд его был первым хронографическим произведением болгарской письменности, выполненным в традициях византийской хронографии [7].

Между всеми тремя произведениями («Летописцем вскоре», текстом хронологических записей в Изборнике и трудом Константина Преславского) Б. Ст. Ангелов обнаруживает много общего, но абсолютного тождества не находит. Он считает, что текст, помещенный в Изборнике, был составлен болгарским автором, который был связан с кругом книжников-современников царя Симеона. Свое сочинение он написал, использовав компиляции из трудов Константина Преславского и патриарха Никифора. Однако в тексте заметны следы творчества и самого автора. По мнению

---

[4] О Никифоре см. *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur, 2. Aufl. München, 1897, S. 349—352; *G. Moravcšik*. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 456—459; *P. J. Alexander*. Patriarch Nicephorus of Constantinople. Oxford, 1958; *Е. Э. Липшиц*. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первая половина IX века. М.—Л., 1961, стр. 268—296.

[5] Здесь мы имеем в виду следующие списки: Парижской национальной библиотеки № 120, X в.; Ватиканский кодекс № 423, X в.; Афонский кодекс № 3749, XV в. См. также *Е. Э. Гранстрем*. Византийское рукописное наследие и древняя славяно-русская литература. — «Пути изучения древнерусской литературы и письменности». Л., 1970, стр. 146. Автор приносит благодарность сотрудникам рукописного отдела ГПБ Е. Э. Гранстрем и Н. Н. Розову за указание шифров греческих и славянских списков Изборника и ценные советы.

[6] *Б. Ст. Ангелов*. Le «Лѣтописьцъ въкратьцѣ» du Recueil de Simeon (Симеонов Сборник) de 1073, Byzantino Bulgarica, II. Sofia, 1966, стр. 83—105; *его же*. Лѣтописьцъ въкратцѣ в Симеоновия сборник от 1073 г.— В кн.: «Из старата българска руска и сръбска литература», кн. II. София, 1967, стр. 75—88.

[7] О Константине Преславском и его труде см. *А. В. Горский*, *К. И. Невоструев*. Указ. соч., стр. 409—434; *В. Н. Златарский*. Най-старият исторически труд въ старобългарската книжнина. — Списание на българската Академия на науките, кн. XXVII, клон историко-филологичен и философско обществен, 15. София, 1923, стр. 132—182.

другого известного болгарского исследователя, Э. Георгиева, присутствие в Изборнике текста хронологических выкладок и последняя крайняя дата, указывающая на время совместного правления Константина VII Багрянородного и Зои, матери его, дает возможность определить время написания греческого протографа Изборника — до 920 г. (Зоя была сослана в монастырь Романом Лакапином в 919 г.). Кроме того, царь Симеон мог сам проявить интерес к помещению текста хронологических выкладок в Изборник, так как мечтал «да стане цар на българите и ромеите, и да буде включен по тоя начин в подобните летописи» [8].

Для изучения судеб распространения Летописца вскоре Константинопольского патриарха Никифора в древнерусской письменности важно точно определить, является ли текст хронологических выкладок Изборника Святослава 1073 г. переводом Хронографикона или его переделкой, ибо это, в свою очередь, связано с вопросом о времени появления интересующего нас хронографического памятника византийской письменности IX в. на Руси.

Прежде всего, следует отметить, что из числа известных и доступных нам списков Изборника Святослава 1073 г.[9] текст хронологических выкладок находится только в древнейшем сохранившемся списке — ГИМ, Син. № 161, XI в. [10]

Из перечня и описания сохранившихся списков Изборника, составленного Н. К. Никольским, известно, что только один список — южнославянского происхождения (Хиландарский XIII в.)[11], все остальные списки — русские.

До сих пор нет полного текстологического анализа дошедших списков Изборника и критического издания текста, поэтому мы

---

[8] *Е. Георгиев.* Разцветът на българската литература в IX—X вв. София, 1968, стр. 289.

[9] *Н. К. Никольский.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906, стр. 19—21. Здесь автор указывает шифры 14 рукописей XIII—XVIII вв. и два списка XIX в., являющихся копиями с древнейшего списка Изборника (ГИМ, Син. № 161, XI в.); один список третьей четверти XV в. указан: *В. И. Срезневский.* Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии Наук в Олонецком крае. СПб., 1913, стр. 223—226, № 241.

[10] По этому списку текст Изборника издан фотолитографически Обществом любителей древней письменности в 1880 г. Нами были просмотрены все списки Изборника 1073 г. или их описания, указанные Н. К. Никольским и В. И. Срезневским. Исключение составляет рукопись XVI в. Польской Национальной библиотеки, бывшая Перемышльского «собора русских клирошан», хотя в ГПБ имеется микрофильм этой рукописи, но по техническим причинам он был нам не доступен. Однако из работы Н. Н. Розова (см. об этом выше) можно заключить, что эта рукопись тождественна рукописи из Вильнюсской библиотеки АН Литовской ССР, состав которой подробно описан: *Ф. Добрянский.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковно-славянских и русских. Вильна, 1882, стр. 432—439. Копии XIX в. нами в расчет не приняты.

[11] *В. М. Истрин.* Отчет командированного за границу приват-доцента Московского Университета Василия Истрина. — ЖМНП, 2-я пол. 1894 г., ч. CCCIV, апрель. СПб., 1896, стр. 47—63.

не можем утверждать, что текст хронологических выкладок присутствовал еще в славянском протооригинале Изборника (в оглавлении статей в древнейшем списке этот текст не назван)[12]. Можно назвать только работы Л. Масинга [13] и Н. Н. Розова[14], в которых рассматриваются некоторые отдельные списки и приведены их особенности.

В данной работе мы постараемся более точно определить, исходя из известных нам теперь наблюдений, явился ли текст хронологических выкладок Изборника переводом Хронографикона, а если нет, то не послужил ли последний источником для подобного хронологического перечня.

По классификации византийских хронографических произведений, Хронографикон относится к типу так называемых «малых хроник», построенных по поименному принципу второго типа первой группы (классификация З. Г. Самодуровой) [15]. К этому же типу «малых хроник» могут быть отнесены Историкии въкратце Константина Преславского и хронологическая статья в Изборнике (если принять во внимание, что они связаны с традицией византийской хронографии). Однако вид их отличен от вида Хронографикона, обе они могут быть причислены к первой подгруппе четвертой группы второго типа, а не к первой группе, как Хронографикон. Соотнесение труда Константина Преславского с произведением Никифора обнаруживает значительно более лаконичную форму изложения первого, что не позволяет говорить о заимствовании материала Константином Преславским из Хронографикона, а скорее указывает на то, что оба произведения связаны с протооригиналом малых византийских хроник, возникновение которого предположительно относят к VI в. [16] Так, Историкии въкратце начинаются с правления римского императора Тиверия (14—37 гг.), а не от Адама, как Хронографикон, нет здесь и упоминаний особо значительных исторических событий, сведений о вселенских соборах, а также полного совпадения в датах правления императоров [17].

Что же касается соотношения хронологических выкладок в Изборнике и текста патриарха Никифора, то прежде всего в заглавии текста, помещенного в Изборнике, не фигурирует имя Никифора, как это обычно свойственно древнерусской рукопис-

---

[12] *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Указ. соч., стр. 390.

[13] *Л. Масинг.* Studien zur Kenntniss des Izbornik Svjatoslava vom Jahre 1073 nebst Bemerkungen zu den jüngeren Handschriften. AfSPh. Berlin, 1884, Bd 8—9, S. 356—395; 76—112.

[14] *Н. Н. Розов.* Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция. — ИОЛЯ, т. XXVIII, вып. 1. М., 1969, стр. 75—78.

[15] См. *З. Г. Самодурова.* Малые византийские хроники и их источники. — ВВ, XXVII. М., 1967, стр. 153—161.

[16] *З. Г. Самодурова.* Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение. Автореф. канд. дисс. М., 1968, стр. 29.

[17] *А. В. Горский, К. И. Невоструев.* Указ. соч., стр. 421—422.

ной традиции Летописца вскоре[18]. Кроме того, текст хронологических выкладок Изборника значительно сокращен по сравнению с Летописцем вскоре. Так, в начале повествования отсутствует целый раздел, где перечисляются основные вехи жизни Христа, Богородицы, нет подробностей смерти римских императоров Нерона (54—68), Гальбы (68—69), Отона (69), Виттелия (69) и других, сведений о заточении Иоанна Богослова на острове Патмос, нет указания числа присутствовавших святых отцов на вселенских соборах (кроме 4-го собора), нет также и указаний на конец церковной пасхалии.

Однако при этом в тексте хронологических выкладок Изборника есть и такие подробности, которых нет в Летописце вскоре: о создании ипподрома в Византии, о распространении христианства во времена римского императора Александра (222—235), о Вавиле мученике, о матери Константина Великого Елене (ее путешествие в Иерусалим, погребение ее в храме св. Апостолов), о сожжении императора Фоки (602—610), об ослеплении Константина VI (775—780), о восстановлении иконопочитания Феодорой (842—856). Кроме того, следует сказать, что часто даты правления римских императоров Отона (69), Люция Домиция, Аврелиана (270—275), византийского императора Леона (Льва) Великого (457—474) и других, указанные в хронологических выкладках Изборника и тексте Летописца вскоре, не совпадают. В тексте Изборника имена византийских императоров чаще сопровождают прозвища, чем в произведении Никифора (Фока Зълочьстивый (602—610), Константин Великий (324—337), Юстиниан Великий (527—565), Юстин Старший (565—578) и т. д.). Текст в Изборнике оставляет впечатление набросков или заметок (возможно отдельных выписок из разных источников), а не переписанного текста с исправного оригинала. Это наблюдение основывается на следующем. При перечислении вселенских соборов опущены второй, третий и седьмой[19], а имена императоров, при которых происходили соборы, упомянуты. Текст хронологических выкладок Изборника, как было указано выше, доведен до начала X в., тогда как седьмой собор против иконоборцев был в 787 г. К тому же текст изобилует подробностями, свидетельствующими о причастии императоров к иконоборчеству (Констан-

---

[18] См. *Е. К. Пиотровская.* К изучению Летописца вскоре Константинопольского патриарха Никифора. — ТОДРЛ, т. XXIX, М.—Л., 1974, стр. 170—177.

[19] Интересно, что при упоминании 4-го Вселенского собора, который происходил в Халкедоне (451), в тексте хронологических выкладок указано, что он был «въ Мѣдоприкоупьнѣи» (место, где происходят торговые сделки), т. е. это — дословный перевод (калька) греческого названия города Халкедона; в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского, т. II. М., 1958, стлб. 238, слово «Мѣдоприкупьная» зафиксировано только в одном памятнике, в Изборнике 1073 г. на л. 265, где и находится текст хронологических выкладок. Все существующие тексты списков Летописца вскоре патриарха Никифора дают Халкидон или Калкидон.

тин V — Хоборьць и образоломитель, Феофил — богоненавистный еретик и т. д.). Кроме того, нам кажется, что в тексте хронологических выкладок в Изборнике нет единообразия в перечислении дат правления императоров: то называются не только годы, но месяцы и дни, то — округленные только годы (в то время как в параллельном же месте текста Летописца вскоре такие даты даны подробно, т. е. даны годы, месяцы, дни), например:

Летописец вскоре патриарха Никифора [20]	*Летописец вкратце от Августа в Изборнике 1073 г.* [21]
«Тит. . , лет 2 месяця 2	«Титосъ лет 3
. . . .	. . . .
Галъ и Вулусиан лет I и месяць	Галаосъ и Вулискану лет 2
. . . .	. . . .
Клавдии лет I и месяць 9	Клавъдиос лет 2
. . . .	. . . .
Иулиан царьствова лет 2 и месяць 6	Иоулианосъ Прѣступьникъ лет 2
. . . .	. . . .
Иустин Власатыи лет 9 и днии 23	Иустинъ лет 9
. . . .	. . . .
Иустиниан царьствова лет 38, месяць 7	Иустинианосъ Великии лет 38
. . . .	. . . .
Иустинь, нетии Устиниан, лет 12, месяць 10, днии 20	Устинианосъ Старыи лет 13
. . . .	. . . .
Левь ижь и Кононъ царствова лет 25, месяце 3, дни 8	Леонъ Мучитель лет 25
. . . .	. . . .
Ерина же мати (имеется в виду мать Констaнтина VI. — *Е. П.*) лет 5, месяца, 2, днии 12.»	Ирина едина лет 6.»

Таким образом, мы видим, что в тексте хронологических выкладок Изборника заметна тенденция округлять даты правления императоров. Однако есть и такие примеры, когда в тексте Изборника даты имеют более распространенную форму, чем в тексте Летописца вскоре патриарха Никифора, правда, число подобных примеров не так многочисленно.

---

[20] Текст цит. по списку из собр. ГПБ, F. II 250, последней четверти XV в. (далее F_1), относящемуся к 1-ой Нераспространенной редакции Летописца вскоре патриарха Никифора, сохранившей в наибольшей степени содержание оригинала (*Е. К. Пиотровская*. Указ. соч., стр. 171—175); лл. 309 об., 310, 310 об., 311.

[21] Текст цит. по изданию Общества любителей древней письменности (далее Изборник), лл. 264, 264 об., 265, 265 об.

Летописец вскоре патриарха Никифора	*Летописец вкратце от Августа в Изборнике 1073 г.*
«Тиверии лет 23	«Тивериосъ лет 22, месяць 6, днии 19
. . . .	. . . .
Комод лета 13» [22]	Комодосъ лет 12, месяць 9, днии 14»[23].

Можно привести и целый ряд примеров, когда в тексте хронологических выкладок Изборника 1073 г. указаны имена императоров, отсутствующие в тексте Летописца вскоре (например, римских императоров Дедия Юлиана (193), Пупиена и Бальбина (238), сына Кара Нумериана (284), византийских — Константина, сына Константина Великого (337—361), Леона, сына Константина V (775—780 и др.) [24] Следует отметить и измененную последовательность перечисления имен императоров в тексте хронологических выкладок Изборника: так, соправитель римского императора Марка Аврелия Антонина (161—180), Люций Аврелий Вер (161—169), назван раньше даты правления Марка Аврелия Антонина, и текст хронологических выкладок сообщает: «Уир лет 6, месяцев 10, дней 17». В тексте же Летописца вскоре Люций Аврелий Вер назван после Марка Аврелия Антонина, при этом ошибочно указано время его совместного правления 2 года: «Антонинъ же и Виръ лет 2». К изложенному выше следует добавить, что текст хронологических выкладок Изборника не соотносим ни с одним из известных нам теперь древнерусских вариантов текста Летописца вскоре [25].

Таким образом, учитывая все эти особенности, нельзя считать текст Летописца вскоре 1-ой Нераспространенной редакции источником, который лег в основу текста хронологических выкладок Изборника (можно говорить лишь о тексте 1-ой редакции памятника, ибо другие — 2-ая и 3-я — возникли уже после XII в., на основе 1-ой, а их авторами и редакторами были древнерусские книжники). По-видимому, протографом этой части Изборника явился текст (или ряд текстов), близкий к тексту второй обработки протооригинала малых византийских хроник, которая была осуществлена, как предполагают, в первой половине X в., во времена Константина VII Багрянородного [26].

Итак, можно прийти к следующим выводам:

Текст хронологических выкладок, помещенный в Изборнике Святослава 1073 г., не является древнейшим списком перевода Хронографикона. Этот текст перевода (или переводов нескольких

---

[22] F_1 лл. 309, 309 об.
[23] Изборник, лл. 264, 264 об.
[24] *Б. Ст. Ангелов.* Le «Лѣтописьцъ въкратьцѣ». . ., стр. 90—91.
[25] О вариантах древнерусских текстов «Летописца вскоре» см. *Е. К. Пиотровская.* Указ. соч., стр. 175—177.
[26] *Г. Г. Самодурова.* Малые византийские хроники и их культурно-историческое значение. Диссертация (машинопись). М., 1968, стр. 334.

хроник) какой-то другой, пока еще неопределенной, малой византийской хроники. Нахождение в составе древнейшей рукописи Изборника 1073 г. подобных хронологических выкладок свидетельствует о том, что на Руси в конце XI в. уже бытовали малые византийские хроники разных видов (не только Летописец вскоре патриарха Никифора) [27].

Можно предположить, что перевод этого текста малой византийской хроники мог быть выполнен древнерусским книжником непосредственно с греческого источника (или источников), ибо ни один из дошедших греческих списков, близких к оригиналу Изборника 1073 г., не имеет в своем составе подобных хронологических выкладок. Нельзя с уверенностью утверждать, что текст был в болгарском оригинале, так как в дошедшем списке он помещен после приписки Иоанна, т. е. уже после того, как был закончен труд по переписыванию основного состава Изборника для Киевского князя Святослава Ярославича с болгарского списка [28]. Правда, могла быть и такая ситуация: переписчик Иоанн поместил текст малой хроники, уже переведенный болгарским книжником. Но тогда трудно объяснить следующие явления: текст хронологических выкладок Изборника сохранил перечень чисел второго десятка в традиции ионийской нумерации (т. е. і҃а, і҃в, і҃г, і҃д и т. д., а не а҃і, в҃і, г҃і, д҃і), которая свидетельствует о глубокой архаичности текста [29], однако эта традиция не абсолютна, в самом тексте хронологических выкладок есть два случая ее нарушения: при упоминании даты правления римских императоров Александра (222—235) «лѣт г҃і» и Филиппа (244—249) «лѣт з҃і» (число лет 17 указано неправильно, так как в действительности Филипп правил только 5 лет). Кроме того, перечень имен и дат правления римских и византийских императоров сопровождает порядковый перечень от 1-го до 88-го. В этом перечне также числа второго десятка частично написаны в ионийской традиции (і҃а, і҃в, і҃г, і҃д, но є҃і, ѕ҃і, з҃і, и҃і, ѳ҃і) [30]. Не есть ли это следы перевода с греческого языка, причем в тот ранний период знакомства древ-

---

[27] Факт существования Летописца вскоре патриарха Никифора на Руси уже в XI в. считался бесспорным для многих исследователей (С. А. Белокурова, А. Попова, Н. В. Степанова, А. А. Шахматова и др.), так как они были убеждены, что этот памятник был переведен с греческого еще «в древнейший период славянской письменности».

[28] По палеографическим данным именно текст хронологических выкладок написан рукой Иоанна. См. *Н. М. Каринский.* Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, стр. 10.

[29] Библиографию работ о числовой системе кириллицы и ионийской нумерации см. *Р. А. Симонов.* О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице. — «Источники и история русского языка». М., 1964, стр. 14—15.

[30] В указ. работе Р. А. Симонова (см. прим. 29) дана библиография работ А. Х. Востокова и И. И. Срезневского, в которых уже была отмечена эта особенность Изборника 1073 г. как признак древности текста (стр. 28—29).

нерусских книжников с византийскими памятниками письменности, когда еще прочно не устоялась система употребления чисел на Руси[31]? Возможно и то, что перевод хронологических выкладок мог быть выполнен задолго до времени включения его Иоанном в Изборник. Что же касается времени перевода Летописца вскоре патриарха Никифора на славянский язык, то этот вопрос мы предполагаем рассмотреть особо.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже мы публикуем текст «Летописца вкратце от Августа» по списку XI в. из «Изборника Святослава» 1073 г., ГИМ, Син. № 132, лл. 264—266.

При публикации текста мы придерживаемся следующих правил: текст рукописи передается с сохранением деления на листы, столбцы, строки «буква в букву, строка в строку». Для передачи текста использован современный гражданский шрифт с добавлением букв кириллицы: ѧ, ѥ, ѣ, ꙗ, ѡ, і, ѳ, ѕ, ѫ, ѯ, надстрочные буквы внесены в текст в круглых скобках, лигатура ъ л. 265, в слове чьстьнааго раскрыта. Надстрочные знаки, кроме титла, не передаются. Знак титла передается в графическом варианте ҃. Буквы с цифровым значением воспроизводятся с сопровождающими их значками (одна или две точки, титло и т. п.). Утраченные и реконструированные буквы передаются в квадратных скобках.

л. 264а			Лѣтописьць вькратъ
			цѣ. отъ авъгоуста да
			же и до кѡнстанти
			на. и зѡꙗ ц(с)рь грьчь
			скыихъ.:
л. 264б	а҃	А	въгоустъ. иже и осмо
	[1]		родьныи. лѣ(т). н҃ѕ. [56] мѣ(с)
			д҃. [4] дн҃ь. а. [1] въ м҃г [43] лѣ(т) его.
			родисѧ х҃с б҃ъ нашь. въ
			л(ѣ)т вьсего мира. е҃фа : [5501]
	в҃	Т	иверносъ. лѣ(т). к҃в. [22] м(с)ць.
	[2]		ѕ҃. [6] днии. і҃ѳ : [19]
	г҃	Г	аносъ
	[3]		лѣ(т). г҃. [3] м(с)ць. і҃ : [10]
	д҃	К	лавъдносъ. лѣ(т). і҃г : [13]
	[4]		м(с)ць. и҃. [8] днии. і҃ѳ : [19]
	е҃	Н	ерѡнъ. лѣ(т). і҃г. [13] м(с)ць. ѕ҃ [6]
	[5]		днии. і҃з. [17] сь вьрховьнаѧ
			ꙗ ап҃ла въ римѣ оуби:
	ѕ҃	Г	алъвасъ. м(с)ць. з҃. [7] дни҃

[31] Вопрос о системе употребления чисел у восточных славян представляется достаточно сложным и спорным, ибо он связан с вопросами возникновения письменности у славян вообще и историей ее развития. См. *Р. А. Симонов.* Указ. соч.

	[6]		ѕ҃ : [6]
	з҃ [7]	О	ѳонѣ. м(с)цѣ. г҃. [3] днии. е҃: [5]
	и҃ [8]	О	уиттелиосъ. м(с)цъ. з҃ [7] днъ. а҃ : [1]
	ѳ҃ [9]	О	уеспасианосъ. лѣ(т). і҃. [10] при семь їероусалимъ полоненъ бысть:
	і҃ [10]	Т	итосѣ. лѣ(т). г҃. [3] и оубиенъ бы ѿ дометиана:
	ıа҃ [11]	Д	ометианосъ. снъ҃. его лѣ(т). ıе҃. [15] днии. е҃ [5] сь бгословца поточи:
	ıв҃ [12]	Н	ероуасъ. лѣ(т). а҃. [1] м(с)ць. а҃. [1] днии. г҃ : [3]
л. 264в	гı҃ [13]	Т	раианосъ. лѣ(т). ıѳ҃. [19] м(с)ць ѕ҃. [6] днии. і҃. [10] сь сумешна [a]. распѧ. и игнатиꙗ богоносьца. прѣложи же бгословьць:
	дı҃ [14]	Я	ньдрианосъ. лѣ(т) ка҃. [21] сь съзьда їерслмъ:
	еı҃ [15]	Я	нътониносъ. лѣ(т). кг҃ [23] сь христиснѧ:
	ѕı҃ [16]	О	уиръ. лѣ(т). з҃. [7] м(с)ць. і҃. [10] днии ıи҃ : [18]
	зı҃ [17]	М	аръкосъ. лѣ(т). ıѳ҃. [19] м(с)ць. и҃. [8] днии. при томь мченъ бы(с) їоустинъ филосоѳъ.
	иı҃ [18]	К	омодосъ. лѣ(т). ıв҃. [12] м(с)ць. ѳ҃ [9] днии. ıд҃. : [14]
	ѳı҃ [19]	П	ерьтиназъ. м(с)ца. в҃. [2] дь(н). кв҃ : [22]
	к҃ [20]	І	оулианосъ. м(с)ца. в҃. [2] днии. ѕ҃ : [6]
	ка҃ [21]	С	евиросъ. лѣ(т). ıи҃. [18] при томь мѫченъ бы(с). галеонидисъ. оригеновъ оць҃. и подъроумие византиа съвкрши:

[a] Буква е вписана над словом.

к҃в Я нътониносъ. лѣ(т). з҃: [7]
[22]
к҃г М акриносъ. лѣ(т). а҃: [1]
[23]
к҃д Я нътонинъ. дроугы
[24] н. лѣ(т). д҃. : [4]
к҃е Я леѯанъдросъ. лѣ(т). г҃і. [13] при
л. 264 г [25] семь раширися бжие сло
во и христиане:
к҃ѕ М аѯиминосъ лѣ(т). г҃. [3] оу
[26] биенъ бы(с).
к҃з П оулъпиносъ. и валъ
[27] виносъ. м(с)цѣ. г҃: [3]
к҃и Г оръдианосъ. лѣ(т). ѕ҃. [6] по
[28] гребеся самъ:
к҃ѳ Ф илиппъ благочьстивы
[29] н. лѣ(т). з҃і. [17] оубиенъ бы(с)
ѿ декиа купрьска:
л҃ Д екиосъ. лѣ(т). в҃. [2] оубиенъ бы(с)
[30]
л҃а Г алосъ. и воулиска
[31] ноу. лѣ(т) в҃: [2]
л҃в О уалерианосъ. игали
[32] ноу. лѣ(т). е҃і. [15] оубиенъ
бы(с). при томь явися
павьлъ. гонитель. ере
си начальникъ:
л҃г К лавъдиосъ. лѣ(т). в҃: [2]
[33] врилианосъ. лѣ(т). в҃. [2] оу
биенъ бы(с):
л҃д Т акитосъ. и флориано
[34] съ. м(с)ць. ѳ҃: [9]
л҃е П ровосъ. благочьстивы
[35] н. лѣ(т). ѕ҃. [6] оубиенъ бы(с):
л҃ѕ К аросъ. съ кариномь
[36] юноумерианосъ. лѣ(т). в҃. [2]
оубиени быша:
л. 265а л҃з И оумерианъ. единъ. дь
[37] нии. л҃. [30] и оубиенъ бы(с)
ѿ тьсти своего. и с҃тыи
вавула м҃къ:
л҃и Д иоклитианосъ. и ма

[38] ꙁимнаносъ. и галери
осъ. лѣ(т). к҃. [20] многы тъ
мы мк҃ъ показаста
за многаꙗ ихъ беꙁа
кониꙗ. съ цр҃ствова
же въ галлоусѣ. кѡ
стасъ. оц҃ь великаа
го кѡнстантина:
л҃ѳ К ѡнстантинъ вели
[39] кыи. лѣ(т). л҃в. [22] въ. к҃. [20] е
го лѣ(т). бы(с) ст҃ыи пьр
выи съборъ. иже въ ні
кеи. на арна. въ. к҃а. [21]
его лѣ(т). посъла м҃ти е
го елени. въ Їеросоли
мъ. възискатъ чьстъ
нааго дрѣва. въ. к҃в. [22]
лѣ(т). приде цр҃ца елени.
Ѿ Їеросолима. въ. к҃г. [23]
лѣ(т) его. оумьре ц(с)рца
елени. и погребена
бы(с). въ домоу ст҃хъ ап(с)лъ:
м҃ К ѡ нстантиосъ сн҃ъ е
[40] го. лѣ(т). к҃д. [24]
л. 265б м҃а Ї оулианосъ. прѣстоу
[41] пьникъ. лѣ(т). в҃. [2] оуби
енъ бы(с):
м҃в Ї оувианосъ. добрыи.
[42] м(с)ць. ѳ҃. [2] потворенъ бы(с):
м҃г О уалентианосъ. лѣ(т). а҃. [1]
[43] и сънидe. въ римъ.
м҃д О уалисъ. зълочьсти
[44] выи. лѣ(т). і҃. [10] съжьженъ
бы(с) въ ѳраки.:
м҃е Г ратианосъ. благочьсти
[45] выи. лѣ(т). д҃. [4] оубиенъ бы(с):
м҃ѕ Ѳ еодѡсиосъ. всепра
[46] вославьныи. лѣт. і҃з. [17]
м(с)ца. в҃: [2]
м҃з Ꙗ ркадиоу. и онириоу.
[47] лѣ(т). і҃д: [14]
м҃и Ѳ еодѡсиосъ сн҃ъ арка

[48] дневъ. лѣ(т). м҃в. [42] м(с)цѣ г҃: [3]
м҃ѳ М аркианосъ. и поулхе
[49] рна. лѣ(т). ѕ҃. [6] ѕлатаꙗ лѣ(т)
при томь бы(с) д҃. [4] събо
ръ. х҃л. [630] оць. въ мѣдо
прикоупьнѣи:
н҃ Л еонъ великыи. лѣ(т) і҃з : [17]
[50]
н҃а Л еонъ въноукъ его. лѣ(т). а҃ : [1]
[51]
н҃в З инонъ. оць его. лѣт. і҃з. [17]
[52] живъсѧ погребе.:
н҃г Ӑ настасиосъ.
л. 265в [53] лѣ(т). і҃з. : [17]
н҃д Ї оустинъ. лѣ(т) ѳ҃ [9]
[54]
н҃е Ї оустинианосъ. вели
[55] кыи. лѣ(т). л҃и. [38] при то
мь бысть. стыи. е҃ [5] съ
боръ. и великаꙗ цр҃кы
съзьдана бы(с).
н҃ѕ Ї оустинианосъ. ста
[56] рыи. лѣ(т). і҃г : [13]
н҃ѕ Т ивериосъ лѣ(т). д҃ : [4]
[57]
н҃и М авриниосъ. лѣ(т). к҃. [20] мѣ(с)
[58] г҃. [3] днии. ѳ҃. [9] оубиенъ
бы(с) ѿ фшкы. и съ же
нож. и съ чады свои(ми):
н҃ѳ Ф шка зълочьстивыи.
[59] лѣ(т). з҃. [7] съжьженъ бы(с)
на хълмѣ:
ѯ҃ И раклии. единохоть
[60] ныи. лѣ(т). л҃. [30] м(с)цѣ. д҃ : [4]
ѯ҃а К шнстантиносъ сн҃ъ
[61] его. лѣ(т). а҃ : [1].
ѯ҃в К шнстантинъ пра
[62] дѣдъ его. лѣ(т). к҃з. [27] оуби
енъ бы(с) въ домоу въ
бани:
ѯ҃г К шнстантинъ сн҃ъ
[63] его. лѣ(т). і҃з. [17] при томь

бы(с) стыи. ѕ. [6] събор. на зълочьстивыꙗ

л. 265г ѯд [64] Ї оустиниано. снъ его. въспорена ꙗ здрь. лѣ(т). і. [10] изгъна нъ бы(с):

ѯе [65] Л еонъ. оуброусьнинъ лѣ(т). г. [3] оубиенъ бы(с)

ѯѕ [66] Т иверносъ. лѣ(т) з. [7] оубиенъ бы(с):

ѯз [67] Ї оустиниано. па кы. лѣ(т). ѕ. [6] вьсь оуби енъ бы(с) коупьно. въ даматроу:

ѯи [68] Ф илиппикосъ. лѣ(т). в. [2] изгънанъ бы(с):

ѯѳ [69] Я ртемиосъ. иже ана стасносъ. лѣ(т). в : [2]

о [70] Ѳ еодwсносъ. лѣ(т). в. [2]

оа [71] Л еонъ. моучитель. лѣ(т) кє : [25]

ов [72] К wнстантиносъ. хобо рьць. и образоломи тель. лѣ(т). лд : [34]

ог [73] Л еонъ снъ его лѣ. є : [5]

од [74] И рини снъха его. съ ко(н) стантиномь сномь его. лѣ(т). з. [7[м(с)ць. : з [7]

ое [75] К wнстантинъ еди нъ. лѣ(т). є. [5] слѣпленъ бы(с) ѿ своеꙗ мре:

оѕ [76] И рини едина. лѣ(т). ѕ [6]

л. 266а [убие]на бы(с):

[оз] [77] [Н ики] фросъ. лѣ(т). и. [8] м(с)ць убиенъ бы(с):

[он] [78] [С тав]ракинъ. снъ его м(с)ца. в. [2] днии. і : [10]

[оѳ] [79] [М] іханлъ зѧть его. лѣ(т) ѕ. [5] м(с)цы. ѳ. [9] изгънанъ

бы(с). ѿ арменна мчлм

[п] Л еонъ арменинъ. е

[80] ре[тн]косъ. лѣ(т). ѕ. [6] м(ѣ). ѕ. [6]

съ оубиенъ бы(с) оу

стаго стефана:

па М іханлъ.

[81] лѣ(т). ѳ. [9] м(с)цѧ. ѳ. [9] дьни

и ѳ: [9]

пв Ѳ еофилосъ. богонена

[82] вистьныи еретико

съ. лѣ(т). ів. [12] м(с)цѣ. г: [3]

пг Ѳ еодѡра съ сномь свои

[83] мь. лѣ(т). ід. [14] изгънана

бы(с) ѿ сна своего. и

варды брата своего

та постави стыа и

коны:

пд М іханлъ единъ коу

[84] пьно съ вардож кеса

рьмь. лѣ(т). ів. [12] и оуби

ена быста оба:

пе В асилиосъ. и кѡнстан

л. 266б [85] [т]инъ. снъ его. лѣ(т). ѳі [19]

в. кѕ. [26] днь:

пѕ Л [ео]нъ. и алеѯандросъ

[86] снъ василиевъ. лѣ(т)

кѕ. [26] м(с)ць. н. [8] днии. іг: [13]

пз А леѯандръ единь лѣ(т)

[87] а. [I] днии. ке.: [25]

пи К ѡнстантинъ. и зѡ диотикли

[88] ѩносъ иго

н. [8] лѣ(т)*

---

* Приносим благодарность заведующей рукописного отдела ГИМ М. В. Щепкиной за постоянную помощь и содействие при подготовке текста к изданию.

Я. Н. Щапов

«НАПИСАНИЕ О ПРАВОЙ ВЕРЕ» МИХАИЛА СИНКЕЛЛА В ИЗБОРНИКЕ 1073 Г. И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КОРМЧЕЙ ЕФРЕМОВСКОЙ РЕДАКЦИИ

Памятник, о котором пойдет речь, — изложение и толкование христианского символа веры с включенным в него перечислением шести вселенских соборов. В основе этого сочинения лежит трактат с толкованием основ христианского учения иерусалимского церковного деятеля и полемиста VIII—IX вв. Михаила Синкелла (760—846 гг.), монаха лавры св. Саввы, затем священника и синкелла (секретаря) иерусалимского патриарха. После восстановления иконопочитания он — архимандрит константинопольского монастыря Хора и синкелл константинопольского патриарха. Михаил — автор ряда произведений, главным образом гомилетического характера: похвальных слов архангелам, Иоанну Крестителю, Дионисию Ареопатиту и др. [1] «Трактат (λἱβελλος, буквально записка) о православной вере», называющий в заголовке автора Михаила синкелла иерусалимского, — сочинение догматического характера. Поскольку в ранних текстах сочинения говорится только о шести вселенских соборах и о Трульском 692 г., а седьмой собор 787 г., осудивший иконоборчество, упоминается лишь в позднейших славянских его текстах, этот трактат написан, очевидно, до 787 г., когда Михаил был еще монахом в лавре св. Саввы. Не исключено, однако, что не все эти сочинения принадлежали одному лицу. Существовало два, а может быть даже три автора, носивших то же имя [2].

Известно несколько греческих списков этого сочинения, два из которых из собрания Куалена в парижской Национальной библиотеке опубликованы [3].

---

[1] *K. Krumbacher*. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 166. *H.-G. Beck*. Kirche und Theologische Literatur im Byizantinischen Reich. München, 1959, S. 503—504.

[2] *A. Ehrhard*. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche, Bd. I. Leipzig, 1937, S. 486.

[3] Coisl. 120, нач. X в., лл. 25—28. Описания сборника: *B. Montfaucon*. Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Paris, 1715 p. 192—195 (далее *Montfaucon*); Bibliotheque National. Depart des manuscrits. Catalogue de manuscrits grecsi, II. Le fond Coislin. Par R. Devreesse. Paris, 1945, p. 109—111 (далее *Devreesse*). Издание текста: Чтения в ОИДР, 1882, ч. 4. М., 1883, стр. 50—55 (по копии с куаленовой рукописи, хранящейся в ГБЛ, фонд Бодянского, 36.6.5). 2) Coisl. 34, 1042, лл. 20—22. Описания сборника: Montfaucon, p. 85—88; Devreesse, p. 28—30. Издание текста: Montfaucon, p. 90—93 (перепеч.: *L. Müller*. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 189—192. Здесь трактат разделен публикатором на параграфы, номера которых указываются ниже при цитировании текста).

Это сочинение Михаила Синкелла было неоднократно переведено в славянских странах и хорошо известно на Руси, в Болгарии и Сербии. Такой интерес к догматическому трактату о сущности христианского учения понятен. Для человека, менявшего систему языческого многобожия на новое учение, усвоение противоречивой и абстрактной догмы о троице было очень трудно. Не случайны замечания о невозможности для человеческого ума постигнуть троичность божества, высказанные, например, Афанасием Великим (IV в.) [4].

Славянские тексты трактата находятся в Изборнике Святослава 1073 г. (как «Михаила Суњкела иероусалимьскааго написание о правѣи вѣрѣ) [5], в древнеславянской кормчей 14 титулов Ефремовской редакции без толкований (анонимно, как «Образ правыа непорочныа христианскыа вѣры») [6], в приложениях к сербскому списку кормчей 14 титулов с толкованиями Сербской редакции («Михаила Сигкела иерслмьскааго изложение о правовѣрнѣ и вѣрѣ») [7], в русском Троицком сборнике XII—XIII вв. (анонимно: «Того ж/е/написание о вѣрѣ») [8], в Повести временных лет, в статье 6496 г., после рассказа о крещении Владимира (без заглавия) [9], во многих других рукописях и сборниках [10]. Отмечается близость к сочинению Михаила Синкелла «Символа веры» митрополита Илариона, как по структуре, так и по многим выражениям, при значительном своеобразии последнего [11].

Сравнительное изучение текстов памятника позволяет выявить существование нескольких групп текста и нескольких славянских переводов.

Греческий текст трактата в названных двух списках собрания Куалена, а также славянские тексты в Изборнике 1073 г. и Ефремовской редакции кормчей содержат упоминания только шести

---

[4] Ответ Афанасия Александрийского на вопрос князя Антиоха. *J. Pitra.* Juris ecclesiastici graecorumhistoria et monumenta, t. I. Romae, 1868, p. 575. PG, t. 28, p. 597. Славянский перевод в кормчей Ефремовской редакции: «Нъ неизреченнаѧ и несказаннаѧ стыа троца есть таина и не рци како, паче бо еже како; сего же не рци кыим образом, паче бо образа бжственыи образ» (*Я. Н. Щапов.* Новый список кормчей Ефремовской редакции. — «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 266).

[5] Изборник. . . 1073. СПб., 1880, лл. 20об.—23. Переиздание — Wiesbaden, 1965, стр. 40—45.

[6] *Я. Н. Щапов.* Указ. соч., стр. 262—265.

[7] Сараевский сп. первой трети XIV в. См. *С. Троицки.* Како треба издати Светосавску крмчиjу (номоканон са тумачењима). Српска академија наука. Споменик 102. Београд, 1952, илл. 10—11 (фотокопии начала и конца текста).

[8] *Н. К. Никольский.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. — Сб. ОРЯС, т. 82. СПб, 1907, стр. 21—24.

[9] ПВЛ, ч. 1, стр. 77—79.

[10] Перечень списков см. *Н. К. Никольский.* Материалы для повременного списка древнерусских писателей и их сочинений. СПб., 1906, стр. 16.

[11] Die Werke des Metropoliten Ilarion. Herausgegeben von L. Müller (Forum slavicum, Bd. 37). München, 1971, S. 18.

вселенских соборов [12]; семь соборов перечислены в Сараевском списке Сербской кормчей, Троицком сборнике и Повести временных лет. Отличием текстов является также расширение в некоторых списках сведений о соборах. Если в Coisl. 120, Изборнике, Сараевском списке и Троицком сборнике информация о каждом соборе включает только его номер, город, где он был созван, и количество участников (например, в Изборнике 1073 г.: «Пьрвы иже въ Никеи стыихъ три сътъ и осми на десяте оцъ»), а в Coisl. 34 также здание, в котором он собрался (πρώτη τὴν ἐν Νικαίᾳ τῶν ἁγίων τιή πατερῶν ἐν τῷ ναῷ τῆς ἁγίας Σοφίας), то в двух других памятниках она подробнее. Например, в Повести временных лет: «Первыи в Никии 300 и 18 иже прокляша Арья и проповѣдаша вѣру непорочну и праву»; в Ефремовской кормчей значительно более подробно [13]. Вопрос об источниках дополнительных сведений о соборах в составе этих обработок сочинения Михаила Синкелла здесь не рассматривается [14]; это особая тема, доступная для исследования, поскольку сказания о соборах различной полноты и различного содержания были широко распространены и в византийской, и в славянской письменности [15].

О том, что перевод Символа веры Владимира в Повести временных лет иной, чем в Изборнике 1073 г., писал уже Макарий [16], а за ним П. Заболотский [17]. Специально переводом в составе Повести, как можно считать, древнерусским переводом, занимался Н. К. Никольский. Он определил, что кроме Повести тот же перевод содержат также Троицкий сборник XII—XIII вв. и некоторые другие памятники, причем текст в Повести восходит к тексту Троицкого сборника [18].

Введение в науку текста в Ефремовской редакции кормчей позволяет обратиться к сравнительному изучению и южнославянских переводов трактата Михаила.

Первое сравнение этих текстов приводит к мысли, что во всех них мы имеем дело с одним и тем же переводом, с некоторыми из-

---

[12] В Coisl. 120 седьмой собор, однако, назван в маргиналии (что не отмечено в издании).

[13] См. *Я. Н. Щапов.* Указ. соч., стр. 264.

[14] Относительно источников текста ПВЛ см. А. С. Павлов. Отчет о 19 присуждении наград графа А. С. Уварова. СПб., 18, стр. 195—199; *А. А. Шахматов.* Толковая палея и русская летопись. СПб., 1904, стр. 58.

[15] Некоторые из них изданы: Σύνταγμα τῶν θειῶν κὰι ἱερῶν κανόνων. Г. Ραλλής κὰι Μ. Ποτλής. Γ'Εν Ἀθηνατς, 1852, р. 370—374; Paris, suppl. gr. 483, XIII—XIV, р. 166v—170v.

[16] *Макарий.* История христианства в России до равноапостольского князя Владимира, как введение в историю русской церкви. СПб., 1906, стр. 361; *его же.* История русской церкви, т. 1. СПб., 1868, стр. 119 (183).

[17] *П. Заболотский.* К вопросу об иноземных письменных источниках Начальной летописи. — «Русский филологический вестник», 1901, т. 45, № 1, 2, стр. 26—31.

[18] *Н. К. Никольский.* К вопросу об источниках летописного сказания о св. Владимире. — Христианское чтение, 1902, № 7, стр. 89—100; *его же.* Материалы для повременного списка, стр. 16; *его же.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности, стр. 6—8.

менениями лексики и грамматических конструкций в результате редактирования.

Куаленов список	*Изборник 1073 г.*
«Πατὴρ γὰρ αὐθυπόστατος ὁ πατήρ, ἀεὶ ὢν καὶ μενων ἐν τῇ πατρότητι, ἀγέννητος, ἄναρχος, ἀρχὴ καὶ αἰτία τῶν ἁπάντων, μόνῃ τῇ ἀγεννησίᾳ διαφέρων τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ πνεύματος, καὶ τῷ εἶναι πατήρ. ἐξ οὗ γεννᾶται μὲν ὁ υἱὸς προ πάντων τῶν αἰώνων. . .» [19].	«Оць бо своесобьствьнъ собьствьнѣ оць, присно сы и прѣбывая в очьствѣ, не рожден, без начала начале и вина вьсѣмѣ, единѣмь нерождениемь различенъ съ сномь, и сь дхомь, и еже быти оць. От него же рождаеться оубо снъ прѣжде вьсѣхъ вѣкъ. . .» [20].

Ефремовская кормчая (Рогожский список)	*Сараевский сп.*
«Оць бо единосъставенъ оць, присно сы пръбывая в очѣствѣ, не рожденъ, безначаленъ, начало и вина всѣх, единѣм нерождениемь разньствуя ся от сна, и от стаго дха, и еже быть отць. От него же убо раждаеть ся онъ прѣже всѣх вѣкъ. . .» [21].	«Отць бо самосьставнь оць, прсно сы и прѣбывае вь отчьствѣ не рождень, безначалнь, начело и вина всѣмь, единѣмь нерождениемь различь сноу, и дхоу, и еже быти оць. От него же оубо раждается снъ прѣже всѣхь вѣкь. . .» [22].

Однако более пристальное изучение этих текстов показывает, что мало оснований говорить о том, что все они восходят к одному переводу. Одинаковой в них оказывается главным образом общая лексика, соответствующая такой же греческой лексике, а специфические богословские термины переводятся по-разному.

Ниже приводятся наиболее показательные слова, по-разному переведенные в славянских текстах.

Из двух опубликованных греческих списков трактата текст Изборника ближе к Coisl. 120. Их объединяет не только краткость перечня соборов и отсутствие указаний на те храмы и императорский дворец, где проходили соборы (в Coisl. 34 такие указания есть), но и характерные чтения, например, слова «**ѥдиноу силоу, ѥдиноу власть**», которые соответствуют μίαν δύναμιν, μίαν ἐξουσίαν Coisl. 120. (в Coisl. 34 их нет); «*слово* томима» (Coisl. 120 λόγος τυραννουμενον, 22), Coisl. 34 τυραννούμενον; *въ славѣ* [23] **сѫдитъ** — Coisl. 120 ἐν δόξῃ κρίναι (Coisl. 34 κρίναι); **бжии рабъ** — θεοῦ θεραπόντων (Coisl. 120, 44); χριστου θεραπόντων (Coisl. 34). Вместе с тем, есть и отдельные чтения, сходные с Coisl. 34 (**стыꙗ бцѧ** — παναγίας θεοτόκου Coisl. 120, 44 — ἁγιας θεότοκου Coisl. 34).

Сочинение Михаила Синкелла в Изборнике и в списке Coisl. 120 окружено одними и теми же статьями: перед трактатом

---

[19] Чтения в ОИДР, 1882, ч. 4, стр. 50.

[20] Изборник 1073 г., л. 20 об.

[21] *Я. Н. Щапов.* Указ. соч., стр. 262.

[22] *С. Троицки.* Како треба, илл. 10.

[23] П. Заболотский считал, что слова «в славѣ» являются добавлением в славянском переводе Изборника (*П. Заболотский.* Указ. соч., стр. 26—27). Однако это слово есть в Coisl. 120, в Троицком сборнике и (в другой форме) в Ефремовской редакции кормчей, следовательно, пропуск его — особенность списка Coisl. 34.

	Изборник 1073 г.	*Ефремовская кормчая*	*Саревский список*
ὑπόστασις (1)	собьства	състава	сьстава
ὑποστατικαῖς ἰδιότησιν	собьствеными своиствы	съставленыими своиствы	сьставлеными своиствы
αὐθυπόστατος (3, 6, 7)	своесобьствьнъ (3, 6)	единосъставенъ (3)	самосьставнь (3, 6)
	своесобьнъ (7)	тожесущенъ (6, 7)	
νοερὰς (1)	разоумна	мыслены	разоумны
ἀσυγχύτως (2)	неизмѣньно	безсъмущенно	несьмѣсно
ἀχρόνως (4)	безврѣменьнѣ	безлѣт'но	безлѣтно
ἅμα... ἅμα (5)	идеже... тоуже	купно... купно	коупно... коупно[24]
ἀκίνητοι (10)	бес подвига	неподвижна	
φρονῶ (11)	вѣроуѫ	съмыслу	
διαστελλόμενος (13)	отъпрѧтаемы	разлучающе сѧ	
τρισυπόστατον (14)	трьсобьнѣ	трисъставно	
ὁμοδύναμον	коупьносильнѣ	единомощ'ну	
ὁμότιμον	коупьночьстьнѣ	единочестьну	
ἀπερινόητον (16)	недомыслимоу	неразмыслену	
ἀόριστον	неуставимоу	непрѣдѣл'ну	
ἀναλλοίωτον	непрѣмѣньноу	неизмѣн'ну	
ἄτρεπτον	несъвратьноу	непрѣлож'ну	
ἀνόλεθρον	беспагоубьноу	негыбающу	
μή οὐσιαν εἶναι (18)	сѫшта сѫштна	не быти сущьству	
τοῦ πονηροῦ (19)	лѫкавааго	непрїазнену	
κρεῖττον (20)	оуньшеѥ	добрѣишому	
πλαστουργός (22)	творьць	зиждитель	

24 Далее текст Сараевского списка не опубликован.

находятся сочинения Василия Великого, Кирила Александрийского, Иоустина Философа (Феодорита), Григория Нисского, «Златоустааго»; после трактата — Сказание о шести вселенских соборах (в списке 1073 г. сохранились даже цифры і҃ѳ, которые представляют номера статьи о соборах в списке Coisl. 120 [25], сочинения Анастасия Синанта и др. Сходство состава сборников есть и в их конце: оба памятника включают одинаковые перечни 12 апостолов и 70 учеников Христа, имеющие указание на их составителя — Ипполита. Однако следующий далее в Coisl. 120 перечень патриархов Рима, Иерусалима, Александрии, Антиохии и Константинополя Изборник уже не дает.

Близость состава и текста списка Coisl. 120 с Изборником 1073 г., установленная еще А. Х. Востоковым, позволила использовать этот парижский список в издании Изборника и сохраняет за ним приоритет и в будущем его издании.

В отличие от текста в Изборнике, текст в кормчей Ефремовской редакции не имеет такой близости к опубликованным греческим спискам. Вновь славянский перевод больше сходен со списком Coisl. 120, ибо содержит чтения «единȣ силȣ, единȣ власть (263[6]), слова мȣчима» (263[21]), отсутствующие в Coisl. 34. Очевидно, этот греческий список отличается неисправностями, не повторявшимися в письменной традиции того времени.

Однако текст перевода в Ефремовской редакции отличается многими пропусками, так, опущены выделенные слова и фразы, которые есть в обоих греческих списках и переведены в Изборнике, Сараевской кормчей и Троицком сборнике:

1) «Вѣрую в единою ‹бога› отца» (262[33]);

2) «развѣ нерождения ‹и рождениа› ничим же разньствуа» (262[45]);

3) «ни о҃ць бо въ снъ или в дхъ пръходит, ни снъ в оца или в дхъ ‹ни дхъ› в сна или в оца» (262[48]);

4) «Троицю единосȣщьнȣ, и единомощну, ‹и събезначальну›. . .» (263[4]);

5) «прѣшед въкȣпь от прѣблаженыа ‹славы› и райскаго житиа» (263[19]);

6) «отъ очь ядръ отнюдȣ же не отстȣпи съшед и двчьскȣю ȣтробȣ ‹прѣчистыя акы бжьское сѣмя въшьдъ и плъть въдшеноу доушею словесною и разоумьную не прѣже съставлены приимъ и проиде бгъ въплощенъ родився неиздреченьнѣ и› двы рождьшая съхрань нетлѣннȣ. . .» (263[27]);

7) «едино крщние исповѣдаю водою же и дхомь, ‹и пакы породьно и очиштая отъ нечистоты дшьныя плѣтьныя›, прихождю к пречистыим таинам. . .» (264[4–5]);

8) покланяюся древȣ ‹чьстьнаага крста обѣшанааго на немь плътью га и всему образу› животворящаго крста. . .» (264[13]).

---

[25] Изборник 1073 г., л. 23; *Devreesse*, p. 109.

Все эти пропуски имеют, пожалуй, случайный, непреднамеренный характер. Пропуски 2 и 3 вызваны, очевидно, сходством неоднократно повторяемых слов; пропуски 6—8 объясняются опущением части фраз между одинаковыми или близкими словами: девическую — девы, духом — духа; креста — креста. Пропуски 1 и 5 также не могут быть намеренными.

Однако текст трактата в Ефремовской редакции кормчей имеет не только пропуски, но и многочисленные дополнения сравнительно с известными греческими и славянскими текстами. Они содержат значительную информацию, касающуюся содержания работы вселенских соборов с указанием имен ересиархов и краткой характеристикой ересей. Последняя часть «Символа веры» Михаила из краткого перечисления соборов превратилась в тексте Ефремовской редакции в довольно содержательную справку о соборах и ересях, органически вошедшую в произведение [26]. В других местах вставки не содержат историко-полемической информации, но расширяют и развивают тему второго члена троицы — Христа. Эти дополнения вряд ли есть основания относить к работе славянского переводчика: они не выходят за пределы христологических концепций, распространенных в византийской письменности; в других частях кормчей Ефремовской редакции такой редакторской работы обнаружить не удается. Скорее нужно считать, что перевод в Ефремовской редакции сделан со списка, не только менее исправного, чем куаленовские, но и значительно отличавшегося от них указанными дополнениями.

В этом плане представляют интерес и те случаи, когда в Ефремовском тексте общие для всех списков места переведены иначе, чем в других славянских текстах. Наиболее характерны здесь следующие три случая (см. стр. 338).

Можно заметить определенное противоречие в рассуждении о том, что божество в трех лицах (προσώποις) едино и не различается ни в существе, ни в лицах (προσώπῳ, стр. 1). В трактате говорилось, что «едино божество» существует в трех лицах «равновечных»: (μία θεότης ἐν τρισὶ προσώποις συναιδίοις). Изменение «ни образом» на «ни мѣстом», отразившееся в Ефр., исправляло это противоречие. В отрывке 2 изменение «от лѣности» (что соответствовало греческому «ἐκ τῆς ἀπροσεξίας») на «от невѣрия» придавало иной оттенок в объяснение вины человека за неблагополучие в жизни — не пресыщение верой, а недостаток ее. Наконец, в отрывке 3 редактор, очевидно, не счел удобным говорить о поклонении иконам «рабов», даже «божиих рабов», как буквально, но неточно передали смысл слов» τῶν τοῦ θεοῦ θεραπόντων» (слугам Христа, служившим Христу, почитателям Христа) переводчики Изборника и Троицкого сборника, и заменил это выражение на более соответствующее смыслу фразы.

---

[26] О возможных источниках этих сведений говорилось выше, в сн. 16.

	Изборник	*Кормчая*	*Троицкий сб.*
Μία θεότης ἐν τρισὶ προσώποις συναιδίοις οὐ φύσει διαστελλόμενος οὔτε προσώπῳ (13)	едино бжество в трех *лицах* и с присносущны несть естествы отпрятаемы, ни *образомь*	едино бжество въ трех *лицѣхъ* субьственых не еством разлучающеся, ни *мѣстом* (262[52]—263[1])	едино бжество в трьхъ лицихъ (далее опущено)
ἀλλ' ἡμέτερον ἔργον τοῦτο καὶ τοῦ πονηροῦ, ἐκ τῆς ἀπροσεξίας ἐπεισελθὸν ἡμῖν ἀλλὰ τοῦ κτίσαντος (19)	Но наше дѣло тое и лоукаваго от *лъности* вършед в ны а не творчеж	нъ нашему дѣлу быть сему и неприязнену от *невѣрия* приступающу к нам а не създавшаго (263[13–15])	Нъ наше се дѣло и неприязнино от *лѣности* вънидевъ
προσκυνῶ... πάσας τὰς σεπτὰς τῶν τοῦ θεοῦ θεραπόντων εἰκόνας (45)	покланяюся. .ꙗ. и вьсѣмъ чьстныимъ *бжиим рабъ* образомъ	покланяюся... всѣм чтьныим *друг бжии и въгодникъ* иконам (164[17–18])	кланяюся... и всѣм иьстьным *божиим рабом* иконы

Оставляем открытым вопрос о том, кому могли принадлежать все эти изменения и дополнения. Мы не располагаем сейчас достаточными сведениями для его решения. В этой обработке трактата (можно, очевидно, говорить об особой редакции или особом изводе текста) по-прежнему говорится только о шести вселенских соборах, то есть она возникла еще до конца VIII в., при жизни Михаила Синкелла. В таком случае приходится предполагать раннее распространение этого сочинения Михаила и очень ранние его переработки. В. Н. Бенешевич сделал попытку реконструкции такого недошедшего греческого оригинала Ефремовского текста. Здесь для отмеченных особых чтений предложены такие греческие эквиваленты: для «едино бжство въ трех лицех... ни мѣстомь»— μία θεότης ἐν τρισὶ προσώποις... οὔτε τόπῳ; для «от невѣрия» — ἐξ ἀπιστίας; для «друг бжии и въгодникъ иконом» — τῶν θεοφιλῶν καὶ θεαρέστων εἰκονας[27].

Как и у Изборника 1073 г., у кормчей Ефремовской редакции есть близкие по составу греческие списки, которые дают представление об основном источнике славянского сборника. Это списки Vallic. F 47 X в. и Vindob. hist. gr. 56 XI в. Однако сходство славянских и греческих списков ограничивается основной частью кормчих и не касается дополнительных статей, среди которых и находится сочинение Михаила. Однако, как показывает список Coisl 34, а также Hieros. Cruc. 2, Venet. class. III cod. 17[28], оно входило и в греческие списки Номоканона XIV титулов, находясь в них также среди дополнительных статей, и именно из таких списков могло быть включено в рукопись, которая была оригиналом для славянской кормчей Ефремовской редакции.

Сравнительное изучение текстов «Написания о правой вере» в Изборнике 1073 г. и кормчей Ефремовской редакции показывает, что мы имеем дело с двумя различными обработками (редакциями) этого сочинения. Хотя нам известна (опубликована) только одна обработка трактата Михаила Синкелла (по двум спискам собрания Куалена), к которой восходит текст Изборника 1073 г., существование в византийской письменности и другой обработки, представленной только славянским текстом в кормчей Ефремовской редакции, несомненно.

Существует два самостоятельных (как показывают различия в отдельных терминах перевода и в греческих оригиналах сочинения), но близких (на что указывает общность основного славян-

---

[27] Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В. Н. Бенешевича, т. II (Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 192, оп. 1, № 38, стр. 10—15). В. Н. Бенешевич подозревал присутствие близкого к Ефр. текста в следующих списках трактата: Paris. gr. 1259 A, ff. 23v—28v; Coisl. 120, 25—28; Ambros., 1041 (H. 257 inf.) f. 171—173; Vindob. apud Lambec. III 77 et V. 248 (См. ДСК., т. II, стр. 9—10). Что касается Coisl. 120, то, как показано, он принадлежит к другому изводу текста.

[28] *В. Н. Бенешевич*. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905, стр. 196.

ского лексического состава текста) древнеславянских перевода трактата о православной вере. Эта близость в характере переводов находит соответствие в обстоятельствах их выполнения. Памятник, известный по наиболее ранней рукописи, как Изборник Святослава 1073 г., как показывает его текстологическое и лингвистическое исследование, переведен на древнеславянский язык с греческого в Болгарии начала X в. для князя, затем царя Симеона. Что касается Древнеславянской кормчей 14 титулов без толкований (Ефремовской редакции), то языковедческий анализ отдельных ее частей (весь памятник целиком еще не издан и не изучен) привел таких лингвистов, как С. П. Обнорский, И. В. Ягич, Соболевский, И. Вашица, к мнению о болгарском, в частности, восточноболгарском происхождении ее перевода [29]. Поскольку наиболее поздняя статья кормчей датируется 912 г., работа по переводу была завершена после этого года [30].

Таким образом, можно говорить о примерно одновременном переводе двух греческих текстов сочинения Михаила Синкелла о православной вере в составе двух византийских сборников — одного — энциклопедического сборника-справочника, каким является Изборник 1073 г., и другого — сборника церковного права. Эти переводы были сделаны в близких условиях, в Болгарии времени Симеона, и попали оттуда на Русь, где и сохранились во многих рукописях. Как и сами сборники — энциклопедический и церковно-юридический, так и входившие в них тексты «Написания о правой вере», получили здесь свою третью жизнь, не менее богатую и плодотворную, чем на Балканах.

---

[29] *V. Jagić*. Krmćija ilovićka 1262 god. — «Starine», 1874, s. 60—111; *его же*. Рецензия на книгу С. П. Обнорского «О языке Ефремовской кормчей XII в. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. 35, S. 302—306. *С. И. Соболевский*. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 122; *J. Vašica*. Collectio 87 (93) capitulorum dans les Nomocanons slaves. — «Byzantinoslavica, t. 120, 1959, nr 1, p. 1—8.

[30] *Я. Н. Щапов*. О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. — Источники и историография славянского средневековья. М., 1967, стр. 214.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗБОРНИК 1073 г. И РУСЬ XI в.

ИЗБОРНИК 1073 г. И БОЛГАРИЯ В X в.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИЗБОРНИКЕ 1073 г.

ИЗБОРНИК СВЯТОСЛАВА
1073 г.

*

Утверждено к печати
Научным советом по истории мировой культуры

*

Редактор издательства *И. Г. Древлянская*

Художник *М. В. Большаков*

Художественный редактор *Т. П. Поленова*

Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Корректоры *Р. С. Алимова, Г. Н. Джиоева*

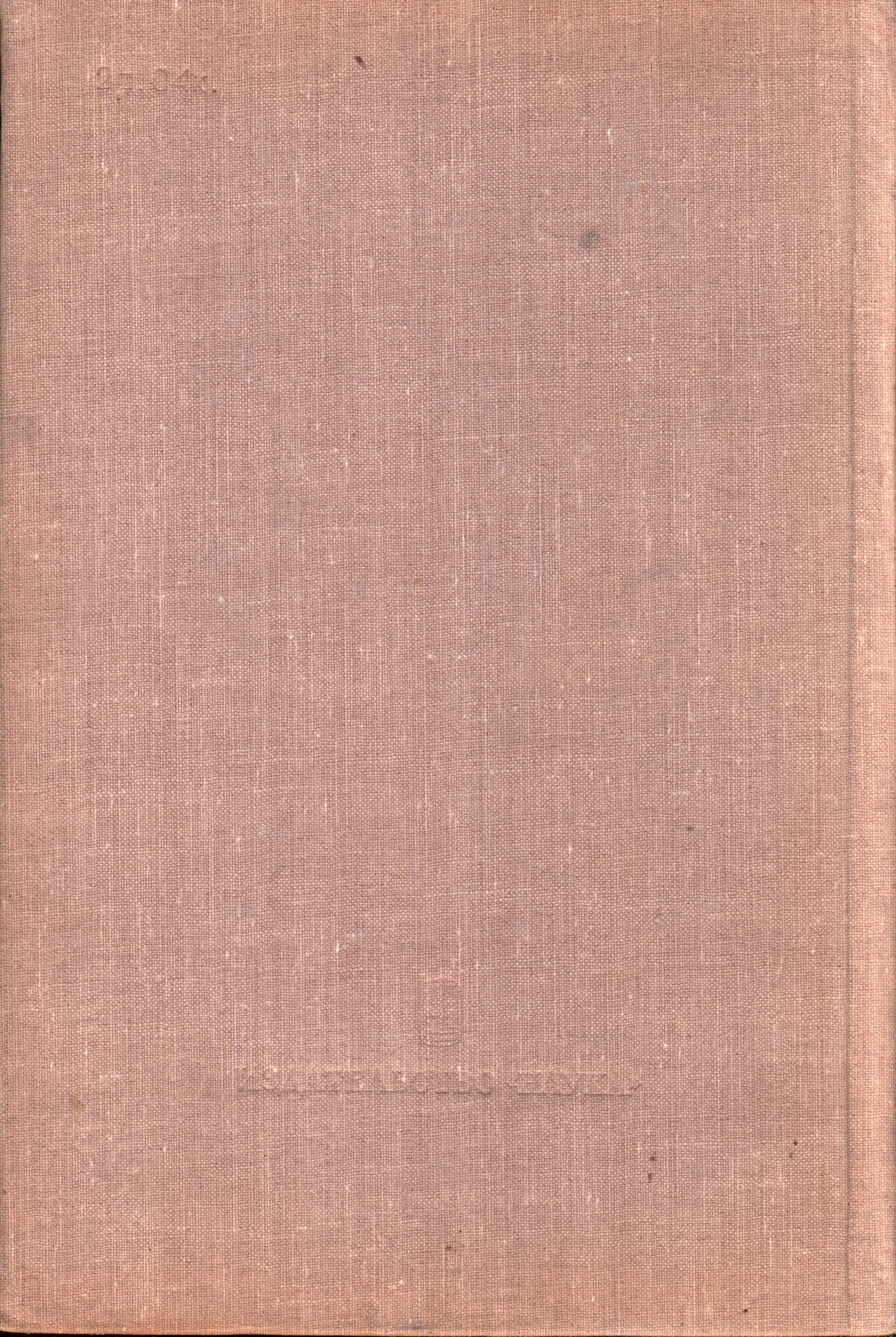
*

Сдано в набор 6/V 1976 г. Подписано к печати 21/XII 1976 г. Формат 60×90[1]/[16]. Бумага для глубокой печати. Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 24,1. Тираж 7500. Т-22415. Тип. зак. 1234. Цена 2 р. 04 к.

*

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12



Изборник Святослава 1073 г.